

Людвик Ежи Керн

ЛЕНИЗДАТ
1990

84.4 Пол

К36

Перевод с польского *Святослава Свяцкого*

Рисунки к повестям-сказкам «Фердинанд Великолепный» и «Проснись, Фердинанд!» *М. А. Скобелева*, «Послушай-ка, слон» *Г. В. Калиновского*. Оформление *Б. Н. Осенчакова* и *Ю. Б. Осенчакова*.

Редактор *В. М. Шевелева*

Керн Л. Е.

К 36 Фердинанд Великолепный: Повести-сказки/Пер. с польского С. Свяцкого. — Л.: Лениздат, 1990. — 512 с., ил.

ISBN 5-289-00679-6

В книгу современного польского писателя Людвика Ежи Керна вошла новая повесть «Звери в отпуске», а также ранее издававшаяся на русском языке произведение «Фердинанд Великолепный», «Проснись, Фердинанд!» и «Послушай-ка, слон...».

К 4804010100—111 203—90
M171(03)—90

84.4Пол

ISBN 5-289-00679-6

© С. П. Свяцкий, перевод повести-сказки «Звери в отпуске», 1990
© Б. Н. Осенчаков и Ю. Б. Осенчаков, оформление, 1990

**Фердинанд
Великолепный**

Во вторник, после обеда, Фердинанд, по старой привычке, забрался на диван. В одном месте диван был продавлен. Фердинанд как раз помещался в этой вмятине. Лежать на диване доставляло ему огромное удовольствие.

В доме в эту пору дня происходили интереснейшие вещи. На кухне во время купания пускались в разговор кастрюли и тарелки, то и дело в их беседу вмешивались ложки, ножи, вилки. Кто не разбирается, тот может подумать, будто они просто побрякивают да позвякивают, но Фердинанд из их разговоров понимал почти всё. Вот жаровня зашипела на вилку:

— Пересстанешшь ты наконец колоться?..

Сковородка в отчаянии кричала:

— Где мой муж — сковородник?!

В соседней комнате хозяин допивал чай, а хозяйка рассказывала хозяину о нём, о Фердинанде. Фердинанд, дескать, то, Фердинанд, дескать, сё,— разные интимные истории из его жизни. Иногда такое приятно послушать. Но не всегда.

Потом послышался шорох газеты, скрип отодвинутого стула и шаги хозяина, которые звучали всё громче и громче. Когда они раздаются над самым ухом, это означает, что надо чуть-чуть подвинуться и уступить хоть немного места хозяину. Он тоже любит этот старый диван, вот только ложась на него, он вечно вытягивается

во весь свой рост, вместо того чтобы уютно свернуться калачиком.

— Подвинься, Фердинанд!— говорит хозяин, подталкивая Фердинанда газетой.— Ну ещё чуть-чуть подвинься. Если ты этого не сделаешь, мне придётся лечь на пол. И ты себя будешь чувствовать неловко.

Ни за что на свете Фердинанд не позволит, чтоб хозяин лёг на пол. Фердинанд чуть-чуть отодвигается, и хозяин ложится рядом.

И тут же из внутренностей дивана начинают подавать голоса пружины:

— Дрим!..

— Гьям!..

— Бряк!..

И через минуту вновь, стоит только хозяину шевельнуться:

— Гьям!..

— Бряк!..

— Дрим!..

Надо ли говорить, что и язык пружин Фердинанд понимал великолепно. Иногда он даже пускался с ними в рассуждения. Это была самая диковинная беседа из всех, какие только можно себе представить.

Как правило, хозяин мгновенно засыпал, газета выпадала у него из рук и нередко оказывалась под самым носом Фердинанда. Волей-неволей Фердинанд принимался читать. Вы, конечно, представляете себе, как это происходит: читать у вас нет никакой охоты, но кто-то подsunул вам газету, ну хотя бы в трамвае, и вы машинально пробегаете глазами строку за строкой. Точно так же случилось с Фердинандом.

Поскольку дело происходило во вторник, хозяин читал газету, вышедшую во вторник. Газеты, как мы знаем, делятся на те, которые выходят

в понедельник,
во вторник,
в среду,
в четверг,
в пятницу,
в субботу
и в воскресенье.

Те, которые выходят в воскресенье, толще остальных.

«Может, они толще потому, что в воскресенье хозяин дольше лежит на диване?» — подумал Фердинанд.

Итак, я уже сказал, газета вышла во вторник, и Фердинанд против воли принялся её читать. Сперва он прочёл, что идёт в кино. Газета была сложена таким образом, что под носом у Фердинанда оказалась как раз последняя страница, на которой всякая уважающая себя газета печатает репертуар кинотеатров. Потом Фердинанд прочёл, какие аптеки сегодня дежурят. Потом — что идёт в театрах. Потом — прогноз погоды на завтра. Узнал, в котором часу восходит и заходит солнце и какая больница принимает сегодня ночью тех, кто объестся за ужином или случайно проглотит пуговицу. Прочитав всё это, Фердинанд громко вздохнул и глубоко задумался...

Думал он так, думал, и вдруг хозяин издал лёгкое, едва уловимое: «Хррр!» Фердинанд навострил уши и через минуту услышал снова: «Хррр!» — на этот раз громче. Сомнений быть не могло — хозяин желал поговорить с Фердинандом. И Фердинанд тут же самым что ни на есть вежливейшим образом ответил хозяину: «Вррр!» Хозяин на это: «Хррр!» А Фердинанд опять: «Вррр!» Хозяин: «Хррр!» Фердинанд: «Вррр!» Так они и разговаривали:

— Хррр!

- Вррр!
- Хррр!
- Вррр!
- Хррр!

Неожиданно хозяин повернулся на бок и прервал этот интересный разговор.

Фердинанд снова принялся читать газету с самого начала. Но он всё уже знал, и газета быстро ему надоела. Сощутив глаза, Фердинанд принялся рассматривать ноги хозяина.

«Где только эти ноги не побывали!— думал про себя Фердинанд.— Таким ногам хорошо. Идут куда хотят. Куда бы ни забрели, никто не крикнет: «К ноге!» Им всё можно».

Фердинанд ещё больше прищурил глаза.

«А что, если...— пришло ему в голову,— а что, если встать с дивана, подойти к дверям в прихожей, выйти на лестницу и попробовать встать на собственные ноги? На две собственные ногі!»

«Фердинанд,— воскликнул он про себя,— ты великолепен!»

Он слез осторожно с дивана, стараясь не разбудить хозяина и задремавших в глубине матраца пружин, и тихохонько-тихохонько прокрался в прихожую. Увы, двери были заперты.

Но счастливый случай, который всегда сопутствует великим начинаниям, который помогает мореплавателям открывать материки, а полководцам выигрывать проигранные сражения,— счастливый случай — путеводная звезда отважных — помог на этот раз и Фердинанду.

Он стоял, печально понутив голову, у дверей, совершенно уверенный в том, что ничего не получится, как вдруг на лестнице послышались знакомые шаги. Это был почтальон.

«Эх, принёс бы он письмо хозяину или хозяйке!..»— вздохнул Фердинанд.

Раздалось постукивание карандашиком в дверь. Почти сразу появилась хозяйка, открыла дверь, и тогда Фердинанд проскользнул украдкой между ногами почтальона, словно под триумфальной аркой, в просторы огромного мира.

Почтальон и хозяйка были так поглощены делом, что ничего не заметили. Хозяйка захлопнула дверь, почтальон стал подниматься выше. Фердинанд остался на площадке один. Наступил решающий момент.

«Впервые в жизни,— подумал Фердинанд,— я сойду с лестницы как полагается. Я взволнован, я по-настоящему взволнован!»

Фердинанд встал на задние лапы, переднюю лапу положил на перила и так, шаг за шагом, не спеша сошёл вниз.

Всё получилось складно, удивительно складно. Правда, с третьего этажа на второй он спускался ещё с робостью новичка, зато со второго на первый сходил, как бывалый, уверенный в своих силах завсегда самых шикарных лестниц и парадных.

На первом этаже он принялся даже насвистывать. И с этим свистом, который как нельзя лучше подчёркивал его природное обаяние, вышел на залитую солнцем людную улицу.

Был он тут, разумеется, не впервые. Но сегодня он смотрел на всё другими глазами. Раньше он бежал, опустив нос к земле. И при этом — неизвестно во имя чего — упускал возможность увидеть самое интересное. Теперь он шёл, величественно подняв голову, и, уж конечно, видел не меньше, чем видит хозяин и хозяйка, когда выходят на прогулку. Он видел высокие дома, деревья, которые, как он теперь выяснил, состоят не только из ствола, но и из пышной кроны, видел фонари с матовыми шарами и голубое

небо, по которому плывут курчавые облака.

По улице двигались трамваи, автобусы и автомобили, по тротуарам шли пешеходы. Одно только озадачило Фердинанда: ему показалось, что кое-кто из прохожих с любопытством косит на него глаза. Тогда он остановился возле цветочного магазина, где рядом с дверьми висело большое зеркало, и оглядел себя со всех сторон.

— Агааа!..— сказал он.— Всё ясно. Мне надо немедленно идти к портному.

II

Портных в городе было много. Кого же выбрать? У Фердинанда в таких делах опыта не было. Ещё ни разу в жизни он не шил себе костюма. Задрав голову, Фердинанд двинулся по улице, читая вывески. Наконец возле каких-то ворот он заметил скромную табличку:

ПОРТНОВСКАЯ МАСТЕРСКАЯ ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ

М. Догг

— По крайней мере, хоть фамилия человеческая,— пробурчал Фердинанд.— Только почему она так странно написана? Впрочем, кто знает, может, так и лучше. Что ни говори, а два «г» в конце выглядят внушительно. Может, и мне стоит прибавить букву... Например, «Фердинандд», или «Феррдинанд», или «Феердинанд», или «Ффердинанд», или «Фердиинанд», или «Фердинаннд», или вообще «Ффееррддииннаанндд». Надо попробовать написать на бумаге,— решил Фердинанд,— посмотрим, как это будет выглядеть. С налёту не решишь. Когда будет время, обязательно займусь этим.

Фердинанд вошёл в ворота, отыскал вход в

мастерскую, по старой привычке обнюхал дверь и нажал на звонок.

«Главное,— соображал он,— сказать «здравствуйте». Если мне удастся сказать «здравствуйте», дальше всё пойдёт как по маслу». Фердинанд был уверен, что язык его не подведёт, но всё же на сердце было беспокойно.

Дверь открыл сам мастер Догг. При виде Фердинанда, стоявшего в небрежной позе, опершись о косяк, портной сдвинул очки со лба на нос.

Вопросительный взгляд портного заставил Фердинанда заговорить.

— Здрав-ствуй-те,— произнёс он медленно, но с достоинством.

— Здравствуйте,— машинально ответил портной. Он всегда отвечал «здравствуйте», когда с ним здоровались.

— Мне хо-те-лось бы за-ка-зать у вас костюм,— сказал Фердинанд.

— Вы хотите заказать костюм для себя?— осведомился портной.

— Ра-зу-ме-ет-ся,— ответил Фердинанд.— Се-год-ня по-лу-чил-ся со мной стран-ный слу-чай. Я вы-шел из до-му без ко-стю-ма, а воз-вра-щать-ся не хо-чет-ся...

— У меня работы выше головы. Неужели всё бросить?

— Сде-лай-те э-то, по-жа-луй-ста, для меня!— воскликнул Фердинанд и заглянул преданными собачьими глазами в усталые глаза портного. Тут он заметил, что слова стали свободнее сходить у него с языка.

Взгляд Фердинанда растрогал портного. Он распахнул дверь и сказал:

— Прошу вас, пройдите, пожалуйста, в салон.

Ещё ни один клиент не производил на него такого хорошего впечатления. От одного взгля-

да Фердинанда он стал податлив, как воск. Догг указал Фердинанду на мягкое кресло, а сам стал поодаль, нервно теребя концы висящего на шее сантиметра.

— Какой вы хотите заказать костюм?— спросил он почтительно.

— Красивый,— ни секунды не колеблясь, ответил Фердинанд.

— Понимаю,— поспешно подхватил Догг.— А из какого материала?

— Из красивого,— вновь без запинки ответил Фердинанд.

— Какой вы предпочитаете покрой?

— Красивый.

— Какую мы сделаем жилетку?

— Красивую.

— А брюки?

— Красивые.

— А отвороты на пиджаке?

— Красивые.

— Какие манжеты дадим на брюки?

— Красивые.

— А подкладку?

— Красивую.

Мастер был в восторге. Впервые в жизни он встретил заказчика, который так хорошо знал, что ему нужно.

— С величайшим удовольствием я сошью вам костюм!— воскликнул он.— Сейчас сниму мерку. Пожалуйста, встаньте, не горбитесь.

Фердинанд встал, Догг тщательно измерил его сантиметром. Кончив, он подвинул своему заказчику кресло.

— Вот здесь на столе газеты и журналы. Посмотрите их, пожалуйста, а я пока раскрою материал. Через десять минут примерка будет готова.

Догг вышел в мастерскую, а Фердинанд принялся не спеша перелистывать журналы. Мысль о том, что скоро у него будет собственный, сшитый по заказу костюм, не давала ему покоя. Рассеянным взглядом пробегал он страницы с фотографиями. В другое время они бы его заинтересовали, но сейчас... Что могло идти в сравнение с костюмом? С настоящим костюмом, сшитым у настоящего портного!

Не прошло и десяти минут, как мастер появился опять.

— Не угодно ли сделать примерку?— спросил он.

Кто в силах отказаться от примерки? Так приятно надеть на себя новую вещь!.. Фердинанд стал перед зеркалом, мастер помог ему надеть на себя то, что он принёс. Это не был ещё пиджак, но это не была уже просто материя. Это была оболочка, которую должен был наполнить собой Фердинанд. Оболочка была приспособлена для Фердинанда. Он, Фердинанд, решит, какую окончательную форму примет эта оболочка.

— Брюки мерить не будем,— с решительностью заявил Догг.— Мой брючный мастер никогда не ошибается.

Фердинанд был на седьмом небе от счастья.

— Совершенно справедливо,— согласился он,— зачем мерить брюки...

— Недурно, недурно,— ворчал себе под нос Догг, скалывая пиджак. Рот у него был набит булавками, поэтому говорил он, цедя слова сквозь зубы.— Здесь немножко убавим, здесь отпустим, и всё будет в порядке. Под мышками не жмёт?

— Чуть-чуть!

— Минуточку.

— Аууууууу!— взвыл от боли Фердинанд.

— О, пожалуйста, извините! Ужасно плохие булавки... Вам очень больно?

Фердинанд улыбнулся краешком губ, что должно было означать: конечно, больно, но боль уже проходит. Какое, впрочем, значение могла иметь какая-то боль сейчас, когда рядом, в двух шагах, шевелилось в зеркале его отражение! Хотя пиджак был наскоро смётан и прихвачен булавками, выглядел он восхитительно. Фердинанд не узнавал себя.

«Я это или не я?»— задавал он себе вопрос.

А вслух сказал:

— Даже в таком виде, собственно говоря, я мог бы уже выйти на улицу.

— Ни за что на свете!— категорически возразил Догг.— Вы ещё увидите, как всё получится, когда мы кончим работу. Наберитесь терпения, дорогой мой... дорогой мой...

— Фердинанд,— подсказал Фердинанд.

— Ах вот как!— воскликнул мастер Догг и сделал несколько шагов в сторону.— Прекрасное имя!— добавил он с восхищением.— Наберитесь терпения, дорогой Фердинанд, я постараюсь кончить как можно скорее.

С этими словами он снял с Фердинанда пиджак и исчез в дверях мастерской.

Прошло в самом деле не так уж много времени. Фердинанд не успел и двух раз пройтись по салону, двух раз выглянуть из окна, двух раз зевнуть от нервного возбуждения, как мастер Догг появился с готовым костюмом.

Фердинанд отправился за ширму. Когда он вышел оттуда, Догг в восхищении потёр руки.

— Фердинанд,— воскликнул он,— вы выглядите как бог!

Фердинанд взглянул в зеркало и обмер. Можно было, конечно, предположить, что всё полу-

чится очень и очень неплохо, но кто бы мог подумать, что это будет просто великолепно? Фердинанд посмотрел долгим взглядом мастера в глаза и сказал:

— Я себе очень нравлюсь, мастер Догг.— И, помедлив, добавил:— Догг, вы — король портных.

Портной был тронут.

— Если вы не возражаете, позвольте, я дам вам совет,— шепнул он, наклонившись к левому уху Фердинанда.— К этому костюму больше всего подойдёт рубашка в полоску.

— А ведь правда,— воскликнул оторопевший Фердинанд,— я совсем забыл о рубашке!

— К полосатой рубашке я бы предложил полосатый галстук,— нашёптывал мастер.

— Да, да, галстук тоже должен быть с полосками,— согласился Фердинанд.

— Что касается шляпы, то больше всего вам подойдет... по-моему... котелок.

— Знаете, я сам подумал о том же!

— Не мешало бы также...— и тут Догг снова понизил голос до шёпота,— не мешало бы также подумать и о ботиночках.

— Разумеется, как это раньше не пришло мне в голову!..

— Если позволите, я сейчас позвоню в магазин, и мне мигом всё пришлют.

— Дело в том...— неуверенным голосом начал Фердинанд.

— Не трудитесь,— прервал его портной,— я знаю, что вы хотите сказать. Вы хотите сказать, что у вас нет при себе денег. Не страшно. Не в них дело. Ваше приятное обхождение, ваше восхищение доставляет больше радости, чем самая крупная сумма денег. Давайте не будем к этому возвращаться. Фердинанд, вы великолепны.

С большим трудом Фердинанду удалось овладеть собой. Он всё-таки не завизжал от радости и не завилял хвостом. С присущим ему обаянием он подал мастеру Доггу лапу.

III

По самой красивой улице города шёл прохожий в безукоризненно сшитом костюме. Время от времени он останавливался у витрин. Все смотрели на него с восхищением, а он шёл и приятно улыбался. При этом обнажались его ослепительно белые зубы, обнажались они ровно настолько, насколько это было необходимо. Дойдя до конца улицы, он перешёл на другую сторону и зашагал в противоположном направлении. Лёгкий, изящный, счастливый. Это был Фердинанд.

Уже пятый или шестой раз проходил он всё по той же улице. Да это и неудивительно. Если ты впервые в жизни надел на себя новенький костюм, то нет ничего удивительного в том, что тебе хочется ходить и ходить в нём по самой красивой улице города. Но самая красивая улица, как бы она ни была длинна, где-то всё же кончается. Обнаружив это, Фердинанд оказался перед выбором: свернуть ему в боковую улочку или же повернуть обратно и пройти ещё раз тот же путь. Он выбрал второе. Таким образом он снова дошёл до конца самой красивой улицы. Опять ему не захотелось сворачивать в переулок, и поэтому он пошёл обратно. Это повторил он ещё раз. И ещё раз. В пятый или шестой раз...

На первый взгляд может показаться, что это очень просто — ходить взад и вперёд. Но я с

этим не согласен — Фердинанду это стоило немалых усилий. Подумайте только, какие искушения подстерегали его на каждом шагу! Во-первых, вдоль улицы были высажены деревья, да ещё по обеим сторонам; во-вторых, через каждые двадцать метров стоял фонарь; в-третьих — и это было самое страшное! — то и дело, откуда ни возьмись, перебежали улицу кошки. Когда первая кошка, выскочив из ворот, бросилась прямо под ноги Фердинанду, он почувствовал, что с ним что-то происходит. Он хотел было кинуться за кошкой и только величайшим усилием воли заставил себя сдержаться. Чтоб немного успокоиться, он постоял с минуту возле оклеенного афишами газетного киоска.

Заметив это, цветочница, которая продавала возле киоска цветы, сказала продавщице, которая сидела в киоске:

— Вы только посмотрите, как люди суеверны! Кошка ему дорогу перебежала, и он уже ни шагу, делает вид, будто читает оперную афишу.

«Это про меня, — подумал Фердинанд. — Ну если б не костюм, я б этой кошке показал!»

Он даже был несколько озадачен, что его сочли суеверным.

— Должен вам сказать, — заметил он, обращаясь к цветочнице, — это вы напрасно. Что касается кошек, то я совсем не суеверен.

— Эх, уважаемый, так говорит каждый, — ответила цветочница, — а стоит кошке дорогу перебежать, как прохожий останавливается, делает три шага назад или же поворачивается через левое плечо, чтоб снять кошачье заклятье.

— Вы, кажется, мне не верите, но я сказал правду. Я не то что пятиться от кошек, я готов целый день за ними гоняться.

— Вот как?— с недоверием проговорила цветочница.— Вы что-то не похожи на бегуна.

— А на кого же я похож?— поинтересовался Фердинанд.

— На франта, который от скуки прохаживается по улице. Пани Бискупская,— обратилась она к продавщице в киоске,— ну скажите, разве он не великолепен?

Продавщица высунулась наружу, оглядела Фердинанда с головы до ног и, кивнув головой, сказала:

— А знаете, пани Трибульская, вы правы! Он действительно великолепен!

Фердинанд моментально снял котелок и сказал растроганным голосом:

— Спасибо за доброе слово, от всего сердца благодарю вас, до свиданья!

— Минуточку!— воскликнула цветочница.— Люблю вежливость. Не откажите принять на память.— Она достала из жестяного, наполненного водой ведёрочка розовую гвоздику и вдела Фердинанду в петлицу.

С гвоздикой на отвороте пиджака Фердинанд отправился дальше, а цветочница и газетчица, глядя ему вслед, приговаривали:

— Великолепен, честное слово, великолепен!

Потом ещё несколько кошек перебежали Фердинанду дорогу, но каждая следующая производила на него всё меньшее и меньшее впечатление. Фердинанд понял, что в отношении кошек он закалён. Даже если на пути появится их целая стая, даже если он встретится нос к носу с самым знаменитым котом на свете, легендарным Золотым Котом, о котором, когда он плохо вёл себя в детстве, рассказывала ему мама,— даже тогда он хладнокровно продефилирует мимо и не унижит себя рычанием.

«Если и дальше так пойдёт,— подумал Фердинанд,— то кончится тем, что я сперва полюблю кошек, потом не смогу жить без них, ну а потом сам стану их разводить. Кто знает, может, стоит завести в своём доме собственную кошку?— размышлял Фердинанд, вышагивая уже неизвестно который раз по самой красивой улице.— В любой момент можно её погладить. Когда кошку погладишь, она мурлычет. Наверно, это очень приятно, услышать «мурррррр» по первому же требованию. Что и говорить, кошка — порядочное животное. Сидит себе дома, не бегает по улице зря, а что касается чистоплотности, тут она для многих может послужить примером».

— Не худо бы завести собственную кошку,— произнёс вслух Фердинанд.

Если бы существовал такой магазин, Фердинанд немедленно зашёл бы туда и попросил, чтоб ему отпустили ту кошку, которая ему приглянулась. Не исключено, что он купил бы сразу двух кошек, потому что кошка, как известно, в одиночестве скучает. Кроме того, две кошки в доме выглядят куда солиднее, чем одна.

«Придётся, конечно, их как-то назвать. Когда выдастся свободная минута, я придумаю два красивых имени для своих кошек,— решил Фердинанд.— Это должны быть какие-нибудь редкие имена. Что-то я проголодался...»

Действительно, с утра у Фердинанда во рту не было ни крошки. К тому же давала о себе знать усталость. Он уже привык к ходьбе на задних лапах, но это оказалось делом гораздо более утомительным в сравнении с его прежним способом передвижения. Раньше он мог пробежать по такой улице раз двадцать в оба конца, не ощутив усталости. Разве что высунул бы язык, вот и всё. А теперь? Нельзя и сравнивать: неторопливая

элегантная походка требует гораздо больших усилий, чем передвижение на четвереньках. На первый взгляд это может показаться неправдоподобным, но это так, и тут уж ничего не поделаешь.

На самой красивой улице было много столовых и ресторанов, где люди могли утолить голод. Каждый выбирал себе ту столовую или ресторан, которые соответствовали его вкусу. Фердинанд снова был озадачен. Куда идти? В этом трудном положении он решил воспользоваться старым, испытанным способом — искать по нюху.

Возле ближайшего ресторана Фердинанд втянул носом воздух, потом сделал резкий выдох, потом опять втянул в себя воздух. Вместе с воздухом в нос попали запахи ресторанной кухни.

— О нет, сюда мы не пойдём,— проворчал Фердинанд.— Сюда ни за что на свете! Я чую щи. С детства не переносу щей. Спасибо тебе, дорогой нос, за предупреждение.

И Фердинанд отправился дальше. Возле следующего ресторана он снова остановился, сделал несколько глубоких вдохов, подумал и заявил:

— Сюда тоже не пойдём! Кажется, повар в этом ресторане считает подгоревшую кашу большим лакомством. Я вообще каши не терплю, а подгорелой тем более. Чудесный мой нос, благодарю тебя от всего сердца.

Неторопливой походкой удалялся Фердинанд от дверей ресторанов, о которых у него складывалось нелестное впечатление, и как ни в чём не бывало шагал дальше.

Наконец ему показалось, что поиски увенчались успехом. Запах жареной говядины так увлёк Фердинанда, что он готов был уже нажать на дверную ручку и перешагнуть порог, но, внюхавшись повнимательней, он обнаружил, что к

запаху говядины примешивается ещё запах рассольника.

Рассольник... С ним связаны тяжёлые воспоминания!.. Однажды он нечаянно вылил целую тарелку рассольника на ковёр. Да, это верно, он положил тогда лапы на стол. Но вовсе не из-за рассольника, а из-за сосиски, которая лежала рядом. Подбираясь к сосиске, он толкнул, к несчастью, проклятую тарелку с рассольником. Сосиска осталась на столе, а суп оказался на ковре. Тарелка тотчас покончила с собой. Перед смертью успела только вскрикнуть «бряк!», и её не стало. Суп в отчаянии разлился по ковру. Хозяин не пожелал слушать оправданий Фердинанда и обошёлся с ним круто. Пожалуй, даже не скажешь, что было очень больно, но с тех пор при одном только запахе рассольника Фердинанда прошибает пот.

— Говядина говядиной,— сказал сам себе Фердинанд,— а рассольник рассольником. Меня не проведёшь. Слава тебе, мой нос, что ты обнаружил опасность. Я бы тебя с удовольствием расцеловал, да вот только не дотянешься.

Нос Фердинанда безусловно стоил похвалы. Не прошло и минуты, как он доказал это, обнаружив среди парящих на улице запахов покоряющий своей красотой, пока ещё еле уловимый, неподражаемый запах отварного мяса. Это было любимое лакомство Фердинанда. Он сосредоточился, выяснил, с какой стороны идёт запах, и сказал:

— Нос мой, веди!

Повторять дважды не пришлось. Нос тоже очень проголодался. Они двинулись вперёд. Запах с каждой секундой становился всё сильнее. Нос перешёл на другую сторону улицы, следом за ним и Фердинанд. Они остановились перед

большой стеклянной дверью. Не было сомнений: запах исходил оттуда. Они были на месте. Фердинанд невольно запрокинул голову. Над дверью светились огромные неоновые буквы:

«Как у мамы».

— Лучшего нам не найти,— сказал Фердинанд носу.

— Что там написано?— спросил нос.

— Верно, я и забыл: ты же неграмотный!— воскликнул Фердинанд.— Там написано: «Как у мамы».

Нос даже чихнул от удовольствия.

— Прекрасная надпись, Фердинанд, войдём!

Фердинанд поправил гвоздику в петличке, важно выпятил грудь и, пропустив вперёд себя нос, через большие стеклянные двери вошёл в ресторан.

IV

Почти все столики были заняты. Фердинанд долго ходил по залу в поисках места. Никто не обращал на него внимания. Каждый смотрел в свою тарелку. Между столиками бесшумно скользили официанты в чёрных костюмах, разнося на серебряных подносах кушанья. Фердинанду здесь очень понравилось.

Возле стены он заметил свободный столик. Размеренным шагом приблизился к нему Фердинанд, отодвинул слегка стул и, поборов в себе искушение вскочить на него всеми четырьмя лапами, уселся как ни в чём не бывало на сиденье.

Фердинанд огляделся. За соседним столиком сидел мужчина и в ожидании заказа читал вечернюю газету. Поодаль целая семья — отец, мать и трое детей — уплетали вкусно пахнущие оладьи с вишнёвым вареньем. Рядом с ними за-

нимали столик две дамы, которые лакомились жареным цыплёнком, а в углу, слева от Фердинанда, какая-то женщина в зелёной шляпе, поедая рубец, время от времени отщипывала небольшие куски от ломтика белого хлеба и бросала их под стол, накрытый длинной, свисающей едва ли не до самого пола скатертью. Фердинанда это очень заинтересовало.

— Что вам угодно? — раздался голос над самым его ухом.

Фердинанд поднял глаза и увидел застывшего в полупоклоне официанта. Он понравился Фердинанду с первого взгляда.

— Мне хотелось бы пообедать. Есть у вас какие-нибудь вкусные вещи?

— Ну разумеется! Вот меню. Будьте добры выбрать. — И официант протянул Фердинанду длинный перечень блюд, которые подавали в этот день в ресторане «Как у мамы».

У Фердинанда даже сердце забилось от радости. «Что вам угодно, будьте добры...» Нет! Никто ещё не говорил так, обращаясь к нему.

«Надо с этим обходительным человеком быть как можно вежливее», — решил Фердинанд и сказал:

— Будьте так добры и любезны, принесите мне, пожалуйста, отварное мясо.

— Несу. Будьте добры подождать, — ответил с поклоном официант.

— С удовольствием подожду, — кивнул головой Фердинанд.

Официант ушёл, а Фердинандом овладело раздумье.

Очнулся он только тогда, когда услышал сердитый голос за соседним столиком.

— Что вы принесли? — кричал пожилой мужчина. — Разве это мясо! Одни кости!

Фердинанд искоса бросил взгляд на тарелку пожилого мужчины. Действительно, на тарелке мяса было немного, зато там лежали великолепные кости, какие могут, пожалуй, только приниться. Рядом, виновато понурив голову, стоял официант, тот самый, который так понравился Фердинанду. Ему стало жаль официанта. Он встал и подошёл к соседнему столику.

— Если вы не возражаете,— сказал Фердинанд,— я съем это. Я тоже заказал себе отварное мясо, надеюсь, моя порция придётся вам по вкусу...

— Вы с ума сошли!— заорал пожилой мужчина.— Кости глотать собираетесь?

— Обо мне, пожалуйста, не беспокойтесь,— ответил Фердинанд.

— Да вы посмотрите хорошенько: ведь тут одни кости!

— Не страшно. Я люблю кости.

— Кости?

— Кости.

— Такие?!

— Такие.

— Такие, как здесь?— повторил с недоверием свой вопрос мужчина.

— Именно такие.

— Но ведь вы их не разгрызёте.

— Это, знаете ли, дело привычки,— ответил Фердинанд.— Если ты привык с малых лет...

— Не хотите ли вы сказать,— прервал его пожилой мужчина,— что вас в детстве кормили костями?

— Первую кость я получил, когда мне исполнилось пять месяцев, но до этого мне уже несколько раз удавалось лакомиться ими тайком.

Пожилой мужчина внимательно посмотрел на Фердинанда.

— И вы это помните?

— О, есть вещи, которые не забываются!— ответил Фердинанд с сентиментальной ноткой в голосе.

— И вы действительно намерены их съесть?!— удивлённо воскликнул мужчина и ткнул пальцем в тарелку.

— Сейчас увидите,— ответил Фердинанд.— Будьте так добры,— обратился он к официанту,— переставьте, пожалуйста, эту тарелку на мой столик, а сюда принесите мою порцию.

— К чему это?— прервал его мужчина.— Не проще ли вам пересесть ко мне? Конечно, если вы не имеете ничего против.

Пожилой мужчина встал и протянул Фердинанду руку.

— Меня зовут Радио. Августин Радио. Фамилия, как видите, смешная. Нередко знакомые ради шутки задают мне вопрос: «Что слышно, Радио?» А я тоже ради шутки отвечаю: «Новостей нет, меня сегодня выключили».

— Приятно познакомиться,— ответил Фердинанд.— Меня зовут Фердинанд. Я с удовольствием пересяду за ваш столик.

Официант, слушавший с почтением этот разговор, опрометью бросился на кухню и вскоре появился с новой порцией мяса. Он поставил тарелку перед соседом Фердинанда, а Фердинанду придвинул тарелку соседа.

— Мне, право, досадно,— сказал Радио, принимаясь за еду.— Я ем вашу порцию, а вам предстоит мучиться с этими костями.

— Не беспокойтесь. Я справлюсь раньше вас.

— Вряд ли.

— Начинаем!— воскликнул Фердинанд.— Раз, два, три!

Фердинанд схватил самую большую кость, за-

жал ее в зубах и раскусил. Раздался хруст, треск, сосед успел только крикнуть: «Берегите зубы, Фердинанд!» — а кости уже как не бывало. Потом то же самое произошло с костью, которая была поменьше. Самую маленькую Фердинанд приберёт на десерт.

Августин Радио только смотрел, вытаращив глаза, и качал головой. Рядом за столиком все бросили еду. Такого в ресторане «Как у мамы» не бывало с момента его основания.

Отец детей, уплетавших оладьи с вишнёвым вареньем, сказал, указывая на Фердинанда:

— Вот, дети, берите с него пример! Вот как нужно есть. Эх вы, оладьи не можете толком разжевать, а он вот кости перегрызает. Bravo! Bravo! — крикнул отец семейства. — Хлопайте в ладоши, дети.

Дамы, которые ели цыплёнка, поглядели сперва на Фердинанда, а потом с беспокойством покосились на грудку косточек на своих тарелках. «Может, теперь надо есть по-другому? — подумали они. — Может, это новая мода?.. Может, полагается съесть всё без остатка?..» И обе незаметно взяли в руку по косточке, чтобы выяснить, не удастся ли им откусить хоть бы по кусочку.

Но больше всех была потрясена женщина в зелёной шляпке, та самая, которая ела рубец и бросала то и дело куски булки под стол.

— Крокодильчик, ну-ка выгляни, Крокодильчик! — крикнула она, отгибая скатерть. — Выгляни, выгляни... Тебе станет стыдно, когда ты увидишь. Я тебе булку отщипываю по кусочку, а вон там человек кости перекусывает, как вафли. Посмотри, Крокодильчик, посмотри!..

При этих словах она потянула за поводок. Изпод стола показался чёрный карликовый пинчер. Хозяйка взяла его на руки и подняла вверх, как

родители поднимают детей, когда на параде проезжает генерал.

— Крокодильчик, посмотри. Видишь вон того человека в новом красивом костюме? Это, верно, какая-нибудь выдающаяся личность.

Пинчер захихикал ехидно своим тоненьким голоском. Фердинанд наострил уши. Ему хотелось твякнуть в ответ, но он сдержался. Вместо этого он сказал:

— Какая прелестная собачка!— и бросил ей третью, самую маленькую косточку, ту, которую оставил себе на десерт.

К сожалению, Крокодильчик был раззявой и не сумел поймать её, когда она пролетала возле самого его носа.

— На этот раз не вышло,— сказал Фердинанд.— Сейчас я тебе покажу, как это делается. Пусть кто-нибудь из присутствующих бросит мне какой-нибудь предмет.

Женщина в зелёной шляпке бросила Фердинанду кусок булки. Не двигаясь с места, Фердинанд открыл пасть, и булка в ней исчезла.

— Великолепно!— воскликнула женщина в зелёной шляпке.— Крокодильчик, смотри! Великолепно!

Все подхватили ее слова и стали наперебой бросать Фердинанду разные вкусные вещи. А он, точно жонглёр в цирке, с поразительной ловкостью ловил всё на лету. Время от времени он объяснял Крокодильчику:

— Видишь, вот так ловят пирожное... А вот так шоколадку... А так ловят пирожок... А вот так пряник... Когда у тебя будет время, приходи ко мне, я тебя ещё не тому научу.

Фердинанд посмотрел по сторонам, ища взглядом официанта.

— Пожалуйста, счет!..— крикнул он.

— Я не допущу этого,— запротестовал Августин Радио.— Вы мой гость, Фердинанд.— Расплатившись, он сказал:— Вы не возражаете, если мы выйдем вместе из ресторана?

— Разумеется,— ответил Фердинанд,— в вашем обществе я с удовольствием погуляю.

Пока они шли через зал к дверям, вслед им глядели изумлённые посетители и восхищённые официанты. А потом, когда дверь за ними закрылась, за столиками, на кухне, в кладовой, в буфете и даже в гардеробе долго слышалось повторяемое на разные лады имя «Фердинанд».

V

— Что вы собираетесь делать?— спросил у Фердинанда Августин Радио, когда они очутились на улице.

— По правде говоря, сам не знаю,— ответил Фердинанд.

— Если я правильно вас понял, вы свободны.

— Как будто так.

— Для верности загляните в свою записную книжку,— попросил Августин Радио.

— Куда?

— В записную книжку. Ведь у вас, конечно, есть записная книжка?

— Ко-о-онечно,— сказал, заикаясь, Фердинанд.

— Я считаю, что человек без записной книжки — это не человек. Во всяком случае, порядочным человеком его не назовёшь. У порядочного человека должна быть записная книжка.

— Ра-ра-разумеется...

— На человека, у которого есть записная книжка, можно положиться. Тем, у кого её нет,

приходится рассчитывать на свою память. А человеческая память ненадёжна, ой как ненадёжна. Вы со мной согласны?

— Бе-бе-зусловно,— подтвердил Фердинанд.

— Будьте так любезны, загляните в свою записную книжку и проверьте, действительно ли вы свободны.

— Вне всякого сомнения — я свободен,— поторопился заверить собеседника Фердинанд и для убедительности приложил руку к сердцу.

— Неужели вам трудно? Загляните,— настаивал Августин Радио.

«Вот упрямец!»— подумал про себя Фердинанд, а вслух сказал:

— Клянусь памятью моей бабушки, у меня нет сейчас никаких дел!

— Очень вас прошу... Ради меня, Фердинанд...— Не унимался Августин Радио.— Умоляю...

Фердинанд принялся рыться в левом кармане пиджака, зная наперёд, что поиски бесполезны. Действительно, карман был идеально пуст. Потом он стал рыться в правом кармане пиджака. Затем в левом кармане брюк. Затем в правом кармане брюк. Затем в том кармане, который расположен на брюках сзади. Затем в том кармане, который находится в пиджаке с внутренней стороны. И наконец, в маленьком кармашке, нашитом на пиджаке с левой стороны вверху, куда обычно кладут карандаш, вечное перо или вставляют платок, когда хотят выглядеть понаряднее. Все карманы были пусты.

— Вижу, вам её не найти,— сказал Августин Радио.

— Не представляю себе, куда она запропастилась,— соврал Фердинанд, и от вранья ему сразу стало не по себе.— Куда это я ее засунул?

— Может быть, выходя из дому, вы оставили её на письменном столе?..

— Возможно;— поспешно согласился Фердинанд, прекрасно зная, что у него с рождения никакого письменного стола не было.

— Или сунули в другой костюм...

— И это не исключено,— поддакнул Фердинанд, хотя отлично знал, что тот костюм, который он на себя надел, является его единственным костюмом.

— Одного только боюсь: а вдруг вы её потеряли?— с озабоченным видом сказал Августин Радио.

— Об этом не может быть и речи,— ответил Фердинанд.— Ни разу в жизни я ещё ничего не терял, — добавил он с радостью. Это была первая правдивая фраза, сказанная им за весь разговор. Сомнений не было: говорить правду гораздо приятнее.

— Вы не будете возражать, если я сделаю вам одно предложение?— спросил его новый знакомый.

— Разумеется, нет.

— Вы, наверно, очень дорожите своей книжкой... Будем надеяться, вы её найдёте...

«Да, когда рак на горе свистнет»,— подумал про себя Фердинанд.

— Но пока что,— продолжал Радио,— не откажите принять на память о нашей встрече маленькую скромную записную книжечку. Вы согласны?

— Мне будет очень приятно... Это будет самая любимая из всех моих записных книжек,— ответил, упиваясь своей находчивостью, Фердинанд.

Они зашли в магазин, и Августин Радио выбрал для Фердинанда тёмно-зелёную запис-

ную книжечку в красивом переплёте, с разлинованными в клетку страничками.

— На первой страничке напишите, пожалуйста, сегодняшнее число...

— Написал,— отозвался Фердинанд.

— Под числом напишите крупными буквами: «СВОБОДНЫЙ ВЕЧЕР».

— Сво-бод-ный ве-чер,— повторил Фердинанд.— Написано!

— Прекрасно!— потер руки его новый приятель.— Значит, я со спокойной совестью имею право пригласить вас в кино. Я могу быть уверен, что ваших планов не нарушу. В записной книжке чёрным по белому написано, что у вас свободный вечер. Видите, какая полезная вещь записная книжка! Посмотришь одним глазком — и сразу всё ясно...

После кино они решили прогуляться. Августин Радио был в восторге от игры актёров. Фердинанд с ним не спорил — не только потому, что плохо разбирался в этом, но ещё и потому, что проспал больше половины сеанса. Однако, чтоб не прослыть невеждой, надо было что-то сказать. Фердинанду понравился больше всего пёс Бинго, который вихрем пролетел по комнате, открыл лапами дверь и помчался следом за скакавшим на коне хозяином.

— Ну а мне,— бросил он небрежно,— понравился больше всего актёр, играющий роль Бинго.

— Какого Бинго? — спросил с изумлением Радио.

— Бинго, той собаки, которая бежит следом за хозяином, когда он скачет на лошади...— снисходительно пояснил Фердинанд.

— Да ведь это же не актёр! — воскликнул Августин.

— Как — не актёр! Ведь он участвует в фильме, — рассмеялся Фердинанд.

— Участвовать участвует, но это не актёр. Это самая обыкновенная собака.

— Как у вас язык поворачивается говорить такие вещи! — возмутился Фердинанд. — Ни одна собака не смогла бы так сыграть своей роли. Вы обратили внимание, как красиво бежал он по комнате? А как он потом открыл дверь? А с каким чувством смотрел вслед уезжающему хозяину, перед тем как броситься вдогонку? Нет, я не согласен. Обыкновенная собака так не сможет. Для этого надо быть актёром.

— Вы даже не представляете себе, на что способны собаки! — сказал Августин Радио.

— Допустим, что не представляю, — ответил не без иронии Фердинанд, — и всё-таки я считаю, что это был актёр, переодетый собакой.

— Вы полагаете, это возможно? — спросил с недоверием Радио.

— Не только полагаю, но уверен, — решительно ответил Фердинанд. — Скажу вам больше: лично мне известен такой случай, только там всё произошло в обрат..

Но тут Фердинанд прикусил язык, так как понял, что сболтнул лишнего.

— Вы хотите сказать, что слышали о собаке, которая была переодета человеком? — не унимался Августин Радио.

— Да нет же, нет, — пытался замять разговор Фердинанд, — я, наверно, перепутал. Знаете что, — сказал он, стараясь перейти на другую тему, — по-видимому, я устал и начинаю заговариваться.

— В самом деле, поздно, — согласился Ра-

дио.— Я тоже чувствую усталость. Давайте-ка разойдёмся по домам.

— Не возражаю,— поспешно поддержал его Фердинанд.— Надеюсь, мы с вами ещё встретимся.

— Не сомневаюсь. В вашем обществе не замечаешь, как летит время.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Фердинанд. До свиданья!

И они разошлись в разные стороны. Фердинанд брёл по улице, не представляя себе, что теперь делать. Спать хотелось ужасно. Он мог бы вернуться домой, но тогда всему придёт конец. Нет, этого он ни в коем случае не сделает.

«Минуточку.— В голове у Фердинанда мелькнула смутная догадка.— Что делает человек, когда ему хочется спать, а переночевать негде?..»

Вдали маячила красная, мерцающая в темноте неоновая вывеска:

*ГОСТИНИЦА
«ПОД ВЕСЁЛЫМ ДРАКОНОМ»*

— Гостиница? Это как раз то, что мне нужно. Пойду переночую в гостинице,— решил Фердинанд и направился прямо к сияющей вывеске.

Толкнув вертящиеся, похожие на карусель двери, Фердинанд очутился в просторном холле. Поодаль от дверей, под эмблемой, изображающей весёлого дракона, дремал за стойкой портье. За спиной у него виднелась огромная деревянная доска, вся увешанная красивыми ключами. На кителе портье поблёскивало множество золотых пуговиц.

— Добрый вечер! — воскликнул он, прежде чем Фердинанд успел открыть рот.— Чем могу служить?

Впервые кто-то собирался служить Фердинанду. До сих пор всегда заставляли служить его. Но Фердинанд устал уже удивляться.

— Добрый вечер,— ответил он,— мне хотелось бы переночевать.

— Желаете номер на одного человека?

— Да, на одного человека.

— Номер 423, четвёртый этаж,— скороговоркой пробормотал портье.— Вот ключ.

— Спасибо,— ответил Фердинанд, взял ключ и собрался было идти.

— Минуточку,— остановил его портье.— Имя, фамилия?..

— Что? — спросил Фердинанд, сделал вид будто не расслышал.

— Имя, фамилия...

— Фердинанд,— ответил Фердинанд.

— Так, это имя. А фамилия?

— Ммммм...— задумался Фердинанд. Ничего не приходило ему в голову. Это был отчаянный момент. И вдруг он вспомнил, что в этот день о нём часто говорили: «Великолепный». И громко, с улыбкой облегчения он произнёс: — Великолепный.

— Прекрасно,— подхватил портье и, отметив что-то в толстой книге, с глубоким поклоном сказал: — Спокойной ночи.

Лифт доставил Фердинанда на четвёртый этаж: хорошенькая горничная проводила его до дверей 423-го номера и, пожелав спокойной ночи, исчезла. Фердинанд остался один. Он закрыл дверь на ключ, разделся, ощутив внезапную жажду, открыл водопроводный кран, полакал воды и нырнул в чистую постель. Растянувшись в постели, он почувствовал себя наверху блаженства.

Уснуть, однако, не удалось. Прошёл час, дру-

гой, а Фердинанд не мог сомкнуть глаз. Он вертелся в постели, пробовал даже свернуться калачиком — ничто не помогало. Наконец он понял: постель слишком мягка. Тогда он вскочил, улёгся на коврик возле кровати и тут только ощутил, что его одолевает дремота. Он даже не заметил, как уснул.

VI

В три часа ночи у портье зазвонил телефон. Не успев хорошенько проснуться, портье потянулся к трубке.

— Слушаю,— сказал он.

— Говорят из номера 422,— раздался в трубке мужской голос,— в комнате рядом слышно урчание.

— Урчание? — изумился портье.

— По-моему, я слышал ясно: урчание,— волновался голос в трубке.— Прошу принять меры, я не могу уснуть.

После этого трубку повесили.

— Что это может быть? — начал соображать портье.— Электрополотёр? Исключено. Ночью в нашей гостинице полов не натирают. Может, урчит вода в трубах... Иной раз у человека бывает бессонница, тогда каждый пустяк выводит его из себя. Может быть, у приезжего из 422-го номера бессонница...

Придя к такому выводу, портье задремал снова. В пятнадцать минут четвёртого телефон зазвонил опять. Опять портье неторопливо потянулся к трубке и опять, наверно уже в тысячный раз, с заученной вежливостью сказал:

— Слушаю.

— Вы знаете,— заскрежетал голос в труб-

ке,— в соседней комнате что-то урчит. Всё время что-то урчит...

— Назовите, пожалуйста, своё имя,— вежливо попросил портье.

— Говорит Марианна Донаувеллен... Марианна Донаувеллен.

— Минуточку,— перебил её портье,— какой номер?

— 424-й... 424-й...— заскрежетало в трубке.

— И вы говорите, за стеной урчит?

— Безусловно урчит, безусловно урчит. Так урчит, что я даже проснулась, даже проснулась...

— Я постараюсь выяснить, в чём дело,— заверил взволнованную даму портье.— Надеюсь, остаток ночи вы проведёте спокойно. Желаю приятного сна.

— Большое спасибо, большое спасибо...

И трубку повесили.

— В самом деле, что же это урчит? — буркнул портье и почесал в затылке. Впервые за всю его многолетнюю практику произошёл такой случай. Он уже привык к всевозможным прихотям и капризам бесчисленных путешественников. Привык к их справедливым и несправедливым требованиям, но с урчанием, да ещё посреди ночи, он сталкивался впервые. Может, им померещилось? Лучше подождать до утра. А утром всё выяснится само собой.

За спиной портье мирно тикали часы. Ночью, когда все спят, гостиница погружена в какую-то необыкновенно сонную атмосферу. Будем откровенны, портье поддался искушению. Прошло две-три минуты, и он снова задремал в своём кресле. Ему даже приснилось, что он сам урчит во сне, как вдруг опять раздался звонок.

— Слушаю,— сказал портье спокойным, ровным голосом.

— Портье,— зарокотал в трубке чей-то бас.— В нижнем номере я слышу урчание. Безобразие, в вашу гостиницу пускают постояльцев с собаками.

— Скажите, пожалуйста, из какого номера вы звоните? — вежливо спросил портье.

— Из 523-го. А от этих собак, скажу вам, только блохи в коврах да в постелях.

— Это, вероятно, недоразумение,— попытался успокоить его портье.— Уверяю вас, у нас никто не ночует с собакой.

— Как это никто?... — загремел бас.— А урчание?

— Может быть, вам показалось...

— Хорошенькое «показалось»! — загрохотал бас.— Поднимитесь-ка сами. Тогда услышите...

— Сейчас приду,— ответил портье и повесил трубку.

Он глянул на часы. Было уже почти четыре. Портье не стал подниматься на лифте — ведь его шум мог потревожить всю гостиницу. Он отправился наверх пешком. Вот какие были у него мысли:

«Звонили мне из 523-го номера, значит, внизу находится 423-й. Кто живёт в 423-м? — задумался портье.— Не тот ли знаменитый пианист, который давал сегодня концерт в филармонии? Нет, знаменитый пианист живёт в 241-м. Может быть, это Лилля де Парма, прославленная кинозвезда? Нет, не она. Лилля де Парма заняла 118-й. Может быть, это всемирно известный маг Абракадабра из Индии? Где там... Абракадабра живёт в 303-м. Может быть, это футбольная команда, которая приехала на завтрашний матч? Ничего подобного. Я их поселил в 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411-м, а запасному игроку дал 412-й номер. Интересно, кто же

всё-таки живёт в 423-м? Никак не вспомню. Сейчас, сейчас... Не тот ли мужчина, который пришёл поздно вечером? Как его фамилия? Забавная какая-то...»

— А...— воскликнул портье,— хлопнув рукой по лбу.— В 423-м поселился Фердинанд Великолепный. Он был без собаки. Это совершенно исключено. Я сам давал ему ключ. Отлично помню, он без багажа. Какая там собака...

Запыхавшийся портье остановился возле номера 523. Постучал. Дверь открыл крохотный человечек в розовой пижаме. Портье сперва подумал, что ошибся.

— Входите,— пророкотал человечек. Голос до смешного не соответствовал его внешности. Такой бас мог быть только у великана.

— Закройте плотней дверь,— пророкотал человечек снова.

Портье вошел в номер, закрыл дверь и остановился в нерешительности, не зная, что теперь делать.

Человечек приложил палец к губам.

— Т-с-с-с! — сказал он.— Слушайте.

Портье кивнул, и оба, затаив дыхание, стали прислушиваться.

Прошла минута, две, три... Тишина. Тишина, не нарушаемая даже шорохом.

— Слышите что-нибудь? — спросил бас.

— Ничего не слышу,— ответил портье.

— Совсем ничего?

— Совсем ничего.

— Знаете, я тоже ничего не слышу,— признался бас.

— По-видимому, вам показалось.

— Клянусь вам, я слышал! — воскликнул бас.

— Но теперь-то урчания нет!

— Теперь нет, а вот тогда было...

Человечек был явно сконфужен.

— Пожалуй, я пойду,— сказал портье,— будем надеяться, вас больше не потревожат.

— Мне, право, неприятно, что я вас зря беспокоил...

— Что вы, это входит в мои обязанности.

Портье закрыл за собой дверь 523-го номера и стал не торопясь спускаться по лестнице. Не успел он дойти донизу, как снова затрезвонил звонок. Портье бросился со всех ног к телефону, снял трубку и сказал:

— Я вас слушаю.

— Говорят из 323-го номера,— запищал испуганный женский голосок.— В номере надо мной что-то урчит. Я боюсь. Мне очень страшно.

— Сохраняйте спокойствие, вам не грозит опасность.

— Вы не можете себе представить, до чего я боюсь урчания! Когда мне было шесть лет, меня чуть было не укусила собака...

— Всё-таки не укусила.

— Правда... Не укусила. Но вы не представляете, как она на меня рычала. С тех пор я панически боюсь собак.

— Вы уверены, что урчание слышится над вами?

— Конечно, уверена.

— Тогда я разбуду директора. Мы займёмся этим урчанием. А пока что ложитесь и постарайтесь уснуть.

— Только вы, пожалуйста, не забудьте,— простонала дама,— мне очень страшно.

Портье положил трубку, взглянул на часы и решил поговорить с директором. Было около пяти. Будить в это время директора означало идти на верные неприятности, но иного выхода у портье не было. Он набрал номер, и вскоре

в трубке послышался сонный голос директора:

— Кто там, чёрт побери?

— Это я, дежурный портье.

— Зачем вы меня разбудили, чёрт побери?

— Я осмелился разбудить вас, потому что в 423-м номере что-то урчит.

— Пусть урчит, чёрт побери!

— Приезжие жалуются!

— Какие приезжие, чёрт побери?

— Приезжие из номеров 422, 424, 323 и 523-го.

— Как по-вашему: что это урчит, чёрт побери?

— Раз урчит, значит, собака.

— Ведь вы же знаете, что мы не сдаём номера приезжим с собаками, чёрт побери!

— Знаю.

— А кто живёт в 423-м, чёрт побери?

— Фердинанд Великолепный.

— Он приехал без собаки?

— Без собаки.

— Что ж тогда всё-таки урчит, чёрт побери?

— Может, он принёс наверх портативную собаку?

— Очень может быть, чёрт побери! — гаркнул директор. — Мы должны это выяснить. Сейчас я буду.

Директор молниеносно оделся и через какие-нибудь пятнадцать минут был уже в гостинице.

— Пошли, — сказал он решительно.

— Пошли, — отозвался, как эхо, портье.

Они поднялись наверх, прошли по коридору и, затаив дыхание, остановились перед дверью 423-го номера.

— Не урчит?

— Не урчит.

— Приложим ухо к дверям. Не урчит?

— Не урчит.

— Ляжем на пол. Не урчит?

— Не урчит. Впрочем, постойте...

— Глупости, это у меня в животе.

— Что же делать?

— Придётся постучать, чёрт побери. Мы должны проникнуть в эту тайну.

Они постучали. Очнувшись от глубокого сна, Фердинанд не понял сначала, в чём дело. Он вскочил с коврика и только тогда пришёл в себя.

— Кто там? — спросил он.

— Директор гостиницы, — ответил директор.

— Одну минуточку, я только оденусь..

Фердинанд скомкал второпях одеяло. Он не хотел, чтоб директор догадался, где он провёл ночь. Потом натянул брюки, надел рубашку, на рубашку накинул пиджак, завязал галстук, глянул в зеркало и, улыбнувшись своему отражению, поспешил к двери. Директор вбежал первый.

— У вас в номере собака! — крикнул он.

— Вы ошибаетесь, — мягко возразил Фердинанд. — Если не верите, можете обыскать комнату.

Директор и портье принялись лихорадочно шарить под кроватью, в шкафу, за портьерами, в ванной — словом, всюду, где могла поместиться собака. Но собаки, конечно, нигде не было.

— Мне очень неприятно, что так получилось... — сказал директор. — Не знаю, как мне оправдаться... Видите ли, из вашей комнаты слышится урчание. Мы подумали, у вас собака...

— Это не собака, — сказал Фердинанд. — Это я. Скажите, а урчание не напоминало рокот мотора?

— Может, и напоминало, — ответили в один голос и директор и портье.

— Мне показалось, вы сказали «великолепно», — торопливо зашептал портье.

— Я действительно так сказал, — прошептал в ответ директор, сердясь всё больше и больше. — Я сказал, что это великолепно, что он Великолепный.

— Ага...

— Простите, пожалуйста, о чём вы шепчетесь? — спросил Фердинанд, который почувствовал вдруг, что ему скучно.

— Ни о чём, — смутился директор, — мы просто обсуждаем служебные дела...

— Служебные... О, это очень важно! — почтительно протянул Фердинанд.

— Видите ли, дорогой Фердинанд, — торжественно начал директор, — дирекция гостиницы «Под весёлым драконом» решила исправить свою оплошность...

— Какую оплошность? — спросил удивлённый Фердинанд.

— Мы только что совершили ужасный проступок...

— Какой проступок?

— Мы разбудили нашего гостя...

— Кого? — заинтересовался Фердинанд.

— Вас, дорогой Фердинанд, — сказал с раскаянием в голосе директор.

— Подуууумаешь! — пренебрежительно протянул Фердинанд. — Стоит ли вспоминать...

— Нет, я никогда себе этого не прощу! — горячо запротестовал директор. — Мы должны хоть как-то загладить вину. Час ещё ранний, и мы не имеем права поднимать по своей прихоти гостей с постели.

— Мне не хочется спать, я прекрасно выспался, — заверил директора Фердинанд.

— Всё равно, наш долг — загладить свою вину. У вас есть какое-нибудь желание?

Фердинанд подумал-подумал и ответил:

— Нет.

— В самом деле никакого?

— Никакого.

— Может, вам хочется шоколаду?

— Если говорить правду, я не очень-то люблю шоколад, в особенности натошак.

— Может, пригласим в номер парикмахера?

— Спасибо, я бреюсь сам,— соврал Фердинанд.

— Не хотите ли покататься на нашем автомобиле? — не унимался директор.

— Я больше люблю ходить пешком, честное слово.

— Мы закажем для вас на вечер билет в оперу.

— О, там так воют! — чуть не плача ответил Фердинанд.

— Мы поставим к вам в номер телевизор.

— В нём всегда ужасно мелькает.

— Может, выгладить ему брюки? — предложил портье.

— Не терплю острых складок.

— Дорогой Фердинанд! — Директор стал на колени посреди комнаты.— Скажите, что мы можем для вас сделать? Какой сюрприз вам приготовить?

— Зачем сюрприз?

— Мы обязаны, поймите, обязаны! Этого требует наша профессиональная честь.

— Пожалуй, вы правы,— согласился Фердинанд. Он поспешил поднять директора с пола, заглянул ему в глаза и спросил:

— А лифт у вас есть?

— Есть, разумеется, есть! — закричали в один голос портье и директор.

— Знаете,— робко сказал Фердинанд,— я ещё ни разу в жизни не катался в лифте.

— Наш лифт в вашем распоряжении, дорогой Фердинанд! — воскликнул обрадованный директор. — Можете ездить сколько угодно.

— Знаете, — разоткровенничался взволнованный Фердинанд, — я безумно люблю путешествовать. До сих пор мне приходилось ездить вдоль и поперёк, но мне ещё не случалось путешествовать сверху вниз и снизу вверх.

— Увы, это путешествие не будет продолжительным, — заметил директор. — У нас всего девять этажей.

— Для первого раза достаточно, — заверил Фердинанд. — Можно приступить?

— Разумеется! — сказал портье. — Вот ключ от лифта.

— Вперёд! — завопил Фердинанд и от радости подпрыгнул.

— Вперёд! — весело отозвался директор.

Все трое выбежали из комнаты.

Кабина лифта находилась на первом этаже.

— Сейчас мы её сюда вызовем, — сказал директор.

— То есть как «вызовем»? — удивился Фердинанд.

— А вот увидите, она сама к нам приедет.

— Любопытно...

Портье достал из кармана ключ, вложил его в замок в дверях лифта и повернул. Загудел мотор, и через минуту на четвёртый этаж прибыла кабина. Они открыли дверь и вошли внутрь. Кабина была квадратная, со стеклянными стенками, с зеркалом, с обитой кожей скамеечкой. Портье захлопнул дверь и нажал кнопку. Кабина послушно заскользила вниз.

— Нравится? — спросил директор.

— Очень, — ответил Фердинанд.

На этом разговор и оборвался, потому что кабина остановилась на первом этаже.

— Я здесь, пожалуй, сойду,— сказал портье.— А то у конторки собралось много народу.

Фердинанд бросил взгляд через стеклянную дверцу кабины и увидел толпу людей. Это были разбуженные урчанием постояльцы. Но он, конечно, не мог этого знать.

— Хорошо,— сказал директор,— выходите. А я ещё ненадолго здесь задержусь и объясню нашему милому гостю, как управлять лифтом.

Портье вышел. Фердинанд остался в кабине вдвоём с директором.

— Видите кнопки? — сказал директор, указывая на ряд белых кнопок.— Под каждой — надпись. Под самой нижней написано: «Тревога». Это на случай, если лифт застрянет между этажами или произойдёт какая-нибудь авария. Выше кнопка с надписью: «1-й этаж». Мы нажимаем на неё, если нам надо спуститься вниз. Затем кнопка с надписью: «2-й этаж», потом «3-й этаж», потом «4-й этаж», потом «5-й этаж», потом «6-й этаж», потом «7-й этаж», потом «8-й этаж» и, наконец, «9-й этаж».

— Как всё продумано! — удивился Фердинанд.— Можно, я нажму какую-нибудь кнопку?

— Ну, разумеется, нажимайте на все кнопки!

— Для начала высоко забираться не будем.

И Фердинанд нажал кнопку второго этажа. Через несколько секунд они были уже на месте.

— Теперь поедem на седьмой.

— Прекрасно! — сказал директор.

— А теперь поедem с седьмого на третий.

— Чудесно!

— А теперь с третьего на девятый.

— Замечательно!

И они принялись ездить сверху вниз и снизу вверх, останавливаясь на секунду и тотчас отправляясь дальше.

А внизу стояли люди. Марианна Донаувеллен из номера 424, говорливая женщина, которая, общаясь с собеседником, повторяла каждое слово дважды, и рокочущий басом человечек из 523-го номера, и знаменитый пианист из 241-го номера, и Лилля де Парма из 118-го, и маг Абракадабра из 303-го, и боязливая дама из 323-го, и жилец из 422-го, и вся футбольная команда, занимающая комнаты с 401-го по 412-й включительно,— все с интересом наблюдали за необычным поведением лифта. Они были так захвачены этим зрелищем, что забыли даже о претензиях, с которыми прибежали к портье. Задрав голову, стояли они внизу и старались угадать, на каком этаже остановится сейчас лифт.

— А я говорю, на восьмом! — кричала Лилля де Парма.

— А я говорю, на четвертом! — кричал маг Абракадабра.

— А я говорю, на шестом! — надрывался знаменитый пианист.

Тем временем лифт поднялся снова на девятый этаж. С девятого опустился на первый и тут же снова устремился на девятый, даже никто рта не успел раскрыть.

Фердинанд с директором удобно устроились в лифте на скамеечке, и только время от времени кто-нибудь из них нажимал облюбованную заранее кнопку. Потом это им надоело, и с закрытыми глазами они стали тыкать пальцем наугад.

Так они уже сделали, наверно, добрых несколько километров, как вдруг Фердинанд спросил:

— А для чего самая верхняя кнопка?

— Самая верхняя на девятый этаж,— ответил директор.

— Это я вижу,— ответил Фердинанд,— но для чего та кнопка, которая над ней?

— Там нет никакой кнопки,— ответил директор, который всё ещё сидел с закрытыми глазами.

— Как же, есть! Посмотрите сами.

Директор открыл глаза.

— Действительно, ещё одна кнопка,— удивился он.— Я готов поклясться, что раньше её не было. Я никогда её не видел.

— Интересно, для чего эта кнопка? — задумчиво спросил Фердинанд.

— Можно попробовать,— сказал директор.

— Вам никогда не приходилось на неё нажимать? — спросил Фердинанд.

— Никогда,— ответил директор.

— Знаете что,— предложил Фердинанд,— чтоб никому не было обидно, давайте нажмём на неё вместе, ладно?

— Превосходно,— ответил директор.— С вами, дорогой Фердинанд, не соскучишься.

Они вместе нажали на кнопку, и толпящиеся в холле люди с ужасом увидели, как лифт, дойдя до девятого этажа, не остановился, прошёл выше, миновал чердак, потом крышу, которая вдруг раздвинулась перед кабиной, и устремился вверх, в светло-голубое, подёрнутое лёгкими облаками небо.

VIII

Портье посмотрел вслед исчезающей в голубых просторах кабине, почесал затылок и, не теряя времени даром, вывесил на лестнице табличку:

СЕГОДНЯ ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ

А Фердинанд и директор никак не могли взять в толк, что же, собственно, произошло.

— Кажется, мы поднялись в воздух,— сказал Фердинанд.

— У меня точно такое же впечатление,— сказал перепуганный директор.

— Может, не стоило нажимать эту кнопку?

— Теперь ничего не поделаешь.

Кабина всё поднималась. Домá становились меньше и меньше, улицы уже, а трамваи и автобусы напоминали детские игрушки. Навстречу им плыли облака.

— Интересно, на какой высоте мы находимся? — подумал вслух Фердинанд.

— Вы находитесь на высоте четырѐхсот восьмидесяти пяти метров,— сообщила набегающая тучка.

— О, вы очень любезны! — воскликнул Фердинанд, галантно раскланявшись.— Благодарю вас за сообщение, милая тучка.

Тучка помахала рукой, поплыла дальше.

— Вы меня удивили, дорогой Фердинанд,— сказал директор,— я и не предполагал, что вы умеете разговаривать с облаками.

— С каждым можно найти общий язык, нужен только подход,— не без самодовольства отозвался Фердинанд, забыв о том, что тучка заговорила с ним первая.— Попробуйте теперь вы, тут нет ничего особенного.

Директор незамедлительно принялся высматривать тучку. Как только она подплывала, он открывал дверь, высовывался наружу и кричал:

— Здравствуй, малышка!

— Здравствуйте, директор,— отвечала тучка.— Желаю приятного путешествия.

— Как дела, розовая тучка? — обращался он к следующей.

— Большое спасибо. Неплохо. Куда держите путь?

— Да так, вообще,— отвечал директор, потому что не знал сам, куда и зачем они направляются.— Хотим посмотреть сверху на землю.

— Что ж, приятной прогулки! — кричала в ответ тучка и исчезала, а директор затевал уже новый разговор.— Привет, хорошенькая тучка, как спалось?

— Неплохо,— отвечала тучка.— Нынче ночью небо изволило быть безоблачным, и мы все хорошо выспались.

— Потому-то ты так и выглядишь, что хорошо выспалась.

Тучка заливалась лёгким румянцем и улетала прочь, крикнув на прощание:

— Простите, не могу больше задерживаться, наш начальник Ветер сегодня нас ужасно гоняет! До свиданья!

И исчезла.

— Очень приятно беседовать с тучками,— сказал директор, потирая от удовольствия руки.

— Может быть, хватит? — заметил Фердинанд.— А то мы всё время поднимаемся, а вы без конца высовываетесь. Как бы не вывалиться из кабины...

Директор глянул вниз, и голова у него закружилась. Он захлопнул дверь и уселся на скамейке.

— Не отчаивайтесь,— подбодрил его Фердинанд.— Пока мы не падаем, у нас нет оснований отчаиваться.

— Неужели мы всё ещё поднимаемся? — простонал директор.

— По-моему, да,— ответил Фердинанд.— Наша кабина не оснащена высотомером, и мы не можем судить...

— А что, если спросить?

— У кого?

— Я вижу птицу,— крикнул директор,— спросите у птицы.

— Эй, птица, птица! — крикнул Фердинанд.— Не можете ли вы сказать, на какой высоте мы находимся?

Птица подлетела ближе и села на крышу.

— Спуститесь, пожалуйста, в кабину! — закричали в один голос оба путешественника.

Птица впорхнула в кабину и устроилась на скамейке между директором и Фердинандом.

— Вас интересует высота? — осведомилась птица.

— Да, нам нужно знать, далеко ли земля.

— В настоящий момент вы находитесь на высоте пятнадцати тысяч ста одиннадцати километров... — деловым тоном ответила птица.

— Я что-то не очень понимаю... — замаялся Фердинанд.

— Клюв — это мера длины,— объяснила птица.

— Сколько получится, если клюв перевести на сантиметры? — спросил директор.

— Этого я не знаю,— ответила птица.

— Ну хотя бы примерно,— попросил Фердинанд.

— Взгляните на мой клюв,— сказала птица.

— Очень красивый клюв,— отозвался Фердинанд.

— Не в том дело... Сколько в нём сантиметров?

— Трудно сказать, сантиметра четыре...

— А по-вашему? — обратилась птица к директору.

— Наверно, сантиметров шесть.

— Ну, скажем, пять... Согласны?

— Конечно, согласны! — воскликнули Фердинанд и директор.

— Тогда всё очень просто,— сказала птица, гордясь своей сообразительностью,— клювы нужно перевести в сантиметры, а сантиметры — в метры.

— Считать!.. Терпеть не могу! — заволновался Фердинанд.— Может, вы этим займётесь? — предложил он директору.

— Попробую,— ответил директор.— Предположим, один клюв равен пяти сантиметрам. Тогда десять клювов — это пятьдесят сантиметров, сто клювов — пятьсот сантиметров, тысяча клювов — пять тысяч сантиметров, десять тысяч клювов — пятьдесят тысяч сантиметров, пятнадцать тысяч клювов — семьдесят пять тысяч сантиметров, а семьдесят пять тысяч сантиметров равны семистам пятидесяти метрам. К этому остаётся прибавить ещё сто одиннадцать клювов, что составляет пять метров пятьдесят пять сантиметров. Итак, пятнадцать тысяч сто одиннадцать клювов равняется семистам пятидесяти метрам и пятидесяти пяти сантиметрам. Это как раз и есть высота, на которой мы находимся. Я весь взмок от этих подсчётов.

— Вы решили эту задачу замечательно,— сказал с восхищением Фердинанд.— Поздравляю вас, дорогой директор.

— Ничего здесь нет замечательного,— скромно ответил директор.— Когда работаешь директором, надо уметь считать. Мы всё ещё поднимаемся?

— Да,— ответила птица,— мы поднялись ещё клювов на пятнадцать.

— Ужасно! — испустил отчаянный вздох директор.— Дорогой Фердинанд, надо что-то предпринимать! Не можем же мы без конца подниматься и подниматься.

— Будем надеяться, нам подскажут, что делать в таких случаях,— сказал Фердинанд и вопросительно посмотрел на птицу.

Птица в свою очередь с серьёзным видом взглянула на Фердинанда.

— Прежде всего позвольте представиться. Я вошёл в вашу ракету и даже не представился.

— Какая там ракета...— махнули рукой директор и Фердинанд,— это самая обыкновенная кабина от лифта, которой вздумалось вдруг взлететь в воздух. Вот мы и летим.

— Это не имеет значения. Кабина... лифт... В настоящий момент это воздушный корабль, иначе не назовёшь. Можете мне верить, уж я-то в этих делах толк знаю. Моя фамилия Голубовский.

Фердинанд с директором глянули на птицу повнимательней. Действительно, в ней было что-то голубиное. Это лишний раз подтверждало, что фамилия невымышленная. Каждый по очереди назвал своё имя.

— Великолепный, Фердинанд Великолепный,— представился Фердинанд.

— Девон. Алексей Девон,— представился директор.

— Очень приятно,— сказал Голубовский.

— О нет, это нам приятно! — воскликнули директор и Фердинанд.

— Итак, чем могу быть полезен? — спросил у путешественников Голубовский.

— Дело в том,— сказал директор,— что мы не представляем себе, как спуститься на землю. До сих пор мы только поднимались. А это становится опасно.

— Насколько мне известно,— ответил Голубовский,— существует несколько способов: если мы складываем крылья, мы падаем камнем вниз;

если мы используем воздушные течения, мы плавно снижаемся, распластав крылья, при этом мы делаем круги; если мы поворачиваем определённым образом хвост...

— А других способов нет? — спросил сдавленным голосом Фердинанд.

— Может, и есть, но мне они неизвестны.

— У нас, видите ли, нет крыльев, — сказал, заламывая руки, директор.

— И хвостов, — добавил со слезами на глазах Фердинанд.

— И всё же надо что-то предпринять, — сказал, потрянув головой, директор.

— Надо! — поддержал его окрепшим голосом Фердинанд.

— Но что? — сказал упавшим голосом директор.

— Что? — простонал Фердинанд.

— Что? — задумался Голубовский.

— Мне кажется, если положить к нам в кабину какие-нибудь тяжести, то она в силу законов земного тяготения начнёт снижаться, — заметил директор.

— Тяжести... — отозвался Фердинанд. — Но какие?

— Любые. Например, кирпичи, — сказал директор.

— Смешно и говорить, — отозвался Фердинанд, — откуда здесь кирпичи? Насколько мне известно, кирпичи по воздуху не летают.

— Одну минуточку, — вмешался в разговор Голубовский. — Мне в голову пришла мысль. Может быть, нам удастся загрузить вашу кабину и заставить ее опуститься.

— Если вы этого добьётесь, вы — маг и волшебник, — не без ехидства заметил Фердинанд.

— Я дам вам премию: сто мешков с горо-

хом,— заявил директор, которому эти слова тоже показались забавными.

— Ловлю вас на слове,— ответил Голубовский.— Ненадолго мне придётся вас покинуть. Откройте, пожалуйста, дверь.

Фердинанд открыл дверь, птица привстала на скамейке, взмахнула крыльями и выпорхнула наружу. Она сделала несколько кругов над кабиной, которая тем временем поднялась ещё клювов на двадцать, махнула на прощание хвостом и улетела.

Директор и Фердинанд остались одни. Где-то далеко-далеко внизу виднелась земля. Высоко-высоко над ними сияло солнце. Даже облака попрятались куда-то. Путешественников окружала сплошная ровная синева. Чувство одиночества щемило сердце.

— Кажется, мы уже не вернёмся на землю,— с отчаянием сказал директор.

— Эх, и нужно же нам было...— заскулил Фердинанд.

— Никогда-никогда не увижу я своей любимой гостиницы...— стал всхлипывать директор.

— А я не увижу своих друзей...— присоединился к директору Фердинанд.

— Нужно было вам нажимать на эту кнопку! — сказал с укором директор.

— Мне? — возмутился Фердинанд.— Да ведь это вы нажали!

— Это не я! — крикнул директор.— Это вы! А я только сделал вид, что нажал.

— Неправда! — завопил задетый за живое Фердинанд.— Это я сделал вид, а вы нажали по-настоящему.

— Есть о чём спорить...— сказал директор, и его глаза наполнились слезами.— Мы оба нажали на эту кнопку...

— Да, вы правы,— сказал Фердинанд примирительным тоном.— Оба мы виноваты. Зачем только мы нажали на эту кнопку?

— Зачем мы нажали на эту кнопку, дорогой Фердинанд?

Пока они вели этот разговор, вдаль показалась большая серая туча. Она росла, росла и окружила кабину со всех сторон. Стало темно, и в темноте слышался ровный шорох крыльев. Это Голубовский призвал на помощь стаю знакомых голубей.

— Садитесь на крышу! — кричал он охрипшим голосом.— На крышу!

Голуби быстро расселись на крыше. Кабина перестала подниматься. Она повисла в воздухе.

— Делаем пирамиду! — скомандовал Голубовский.

Следующая стая уселась на спинах тех голубей, которые перед этим уместились на крыше. Кабина стала медленно опускаться. А голуби строили свою пирамиду всё выше и выше, и кабина опускалась и опускалась. Директор и Фердинанд принялись скакать от радости и бить в ладоши. Наконец голубиная пирамида была готова. На вершине её сидел Голубовский. Фердинанд приоткрыл дверь и крикнул:

— Голубовский, вы маг и волшебник!

А директор добавил:

— За мной сто мешков гороха!

IX

— Теперь главное — приземлиться на ровном месте,— уже спокойнее сказал Фердинанд.

— Вы правы, Фердинанд,— подхватил дирек-

тор,— только с высоты и замечаешь, что вся земля утыкана торчащими предметами. Совсем как подушечка для иголок.

— Бррр! Даже мороз подирает по коже! — содрогнулся Фердинанд, глянув вниз.

— Кто может поручиться, что мы не приземлимся на дерево? — упавшим голосом проговорил директор.

— Или на телеграфный столб...— добавил Фердинанд.

— Или на фабричную трубу...

— Или на башню...

— Или на антенну радиостанции...

— Или на громоотвод...

— Или на вершину горы...

— Или на фонарный столб...

— Или на остроконечную крышу...

— Минуточку,— прервал Фердинанд этот леденящий душу перечень.— Взгляните-ка, далеко ли ещё до земли?

— Ещё порядочно,— ответил директор.

— Тогда продолжаем. Или на телевизионную вышку...

— Или на нефтяную вышку...

— Или на семафор...

— Далеко ещё?

— Далеко.

— Или на парашютную вышку...

— Или на дерево...

— Дерево уже было! — воскликнул обиженно Фердинанд.

— Это ничего,— ответил директор,— я имел в виду другое дерево, не то, которое вы.

— Откуда вы можете знать, какое дерево имел в виду я?

— Мне кажется, вы подразумевали высокое дерево.

— Угадали! — воскликнул Фердинанд.— Это правда. Я имел в виду высокое дерево. А вы?

— Я подумал о другом дереве, тоже высоком, но не таком высоком, как ваше.

— Тогда всё в порядке. Далеко ещё?

— Далеко.

— Или на ратушу...

— Или на колокольню...

— Или на фонарь...

— Фонарь уже был,— поспешил взять своё директор.

— Вы ошибаетесь,— заявил Фердинанд.— Было сказано «фонарный столб», а о фонаре речи не было.

— Не вижу никакой разницы между фонарём и фонарным столбом,— пренебрежительно заметил директор.

— А я вижу. Впрочем, стоит ли спорить? — сказал примиряюще Фердинанд.— Лучше посмотрите, далеко ли до земли?

Директор высунулся из кабины, глянул вниз, задумался на мгновение и сказал:

— Не так далеко, как раньше, но всё-таки ещё порядочно.

— Тогда продолжаем.

— Или на колючую проволоку.

— Аууу! — взвыл Фердинанд.

— Что с вами? — спросил с испугом директор.

— Лучше об этом не вспоминать, мы можем покалечиться.

— Можем, можем,— печально согласился директор.

— Я предпочёл бы приземлиться на что-нибудь помягче,— признался Фердинанд.

— Больше всего нам подошёл бы торт с шоколадным кремом,— сказал с насмешливой улыбкой директор.

— О торте не приходится и мечтать,— вздохнул Фердинанд.— Впрочем, хорошо ли это? Мы испачкаем костюмы...

— А химчистка на что? — возразил директор.

— Это уже слишком! — запротестовал Фердинанд.— По-моему, лучше вылизать.

— Покорнейше благодарю,— оскорбился директор.

— Если вам не хочется, я сам вылижу ваш костюм,— заверил директора Фердинанд и невольно облизнулся.

— Стоит ли говорить на эту тему,— довольно сухо отозвался директор,— на торт мы пока не приземлились.

— Это верно,— сказал Фердинанд.— Далеко ещё?

— Уже близко,— ответил, высунувшись, директор.

— Только б не на битое стекло...— буркнул Фердинанд.

— Ооо! — завопил во весь голос директор.

— Что случилось? — с тревогой спросил Фердинанд.

— Как у вас язык повернулся сказать мне такое!

— Вы думаете, моё битое стекло лучше вашей колючей проволоки?

— Если говорить откровенно: ни то, ни другое мне не нравится.

— Вот видите. Стоит ли пугать друг друга? Далеко ещё?

Директор снова высунулся и в ужасе отпрянул.

— Караул! Земля рядом.

— Прекрасно! — ответил Фердинанд.

— Взгляните сами, тогда увидите, прекрасно или нет,— со стоном выдавил из себя директор.

Фердинанд высунулся наружу, и у него от страха шерсть под костюмом встала дыбом. Внизу, насколько хватал глаз, виднелись вбитые в землю высокие колья, какие расставляют в огороде под фасоль или под горох.

— Вот так штука! — И перепуганный Фердинанд, сдвинув на лоб котелок, стал почёсывать затылок.— Что же делать? Через минуту мы напоремся на эти дурацкие колья, и тогда?.. Хотел бы я посмотреть на вас, директор, как вы сядете на кол?

— Побеспокойтесь лучше о себе,— с горечью отозвался директор.— Нашли время для шуток. Нужно подумать о спасении.

— Но ведь это не в нашей власти,— отозвался Фердинанд.

— Не совсем,— решительно возразил директор.— Нужно только снова начать подъём.

— Да, но как?

— Очень просто — согнать с крыши голубей.

— Понял! — подхватил Фердинанд и, высунувшись из кабины, закричал: — Голубовский, а Голубовский!

Но Голубовский не отзывался.

Тогда принялся кричать директор.

Опять молчание.

Тогда они закричали вместе:

— Го-лу-бов-ский! Го-лу-бов-ский!

Снова никакого ответа. Оказывается, Голубовский уснул на вершине пирамиды и ничего не слышал. Он проснулся только тогда, когда один из примостившихся внизу голубей легонько клюнул его в живот.

— Что случилось? — спросил с досадой Голубовский.— Даже вздремнуть нельзя.

Директор и Фердинанд сразу узнали его голос.

— Голубовский, спасите нас, мы погибнем на кольях для гороха, спасите!

Голубовский покинул свой пост на вершине пирамиды и впорхнул в кабину.

— Что делать? — спросил он.

— Забирайте своих голубей! — крикнули полуживые от страха пассажиры.

— Все с крыши! — крикнул Голубовский, и, послушные приказу, голуби разлетелись в разные стороны.

Кабина подскочила вверх и, набирая скорость, устремилась ввысь, к облакам.

— Помогите нам, Голубовский! — завопили опять директор с Фердинандом. — Мы погибаем в космическом пространстве!

— Что делать? — спросил с готовностью Голубовский.

— Пусть голуби снова сядут на крышу.

— Всем на крышу! — скомандовал Голубовский. — Нет, не всем, пусть на крышу сядет половина. А остальные пусть кружат поблизости.

Часть голубей забралась на крышу, и кабина сразу перестала подниматься. Но и вниз не опускалась. Она просто висела в воздухе.

— Великолепно, — сказал Фердинанд. — Только мы не можем висеть до скончания века в воздухе.

— Не огорчайтесь, дорогой Фердинанд, — сказал Голубовский, — сейчас подует ветер и унесёт нас от этих ошестинившихся кольями полей. Когда мы окажемся над подходящим местом, я велю остальным голубям снова сесть на крышу, и уж тогда-то, я думаю, вы приземлитесь без помех.

— Просто диву даёшься, до чего вы предусмотрительны, — не мог сдержать восхищения

директор.— Что касается меня, то я с удовольствием высадился бы в городском парке.

— Почему именно в парке? — поинтересовался Фердинанд.

— Потому что там сегодня выставка собак, которую я собираюсь посетить. В ней принимает участие моя любимая такса Мерседес. Вы не можете себе представить, дорогой Фердинанд, какая это замечательная собака!

— По-моему, «мерседес», — марка автомобиля, — заметил Фердинанд.

— Да что вы! — изумился директор.— Вот никогда бы не подумал, что автомобиль назовут так же, как мою собаку. Впрочем, разве дело в этом?

— Разумеется, нет, — ответил Фердинанд.— Каждый имеет право носить имя, которое ему нравится. Мерседес... Мерседес... Звучит неплохо. Я с удовольствием познакомлюсь с вашей Мерседес.

— Как вы думаете, не высадиться ли нам прямо на выставке? — спросил директор у птиц.

— Надо наладить связь с Ветром, — сказал Голубовский.

— Мы с ним, к сожалению, не знакомы! — воскликнули в один голос директор и Фердинанд.

— О, это не так важно, я попробую поговорить с ним сам, — ободрил путешественников Голубовский и выпорхнул из кабины.

Он пропадал минут пятнадцать, а может, и полчаса. Но вот он появился снова и с улыбкой сообщил:

— Всё в порядке. Ветер обещал поддуть вас к городскому парку.

Теперь осталось только ждать. Ощетинившиеся кольями поля постепенно исчезли из

виду, появились леса, луга, река с мостом, затем замелькали домики, потом показались большие дома, снова домики, и вот кабина поплыла наконец над парком.

— Вот мы и на месте,— сказал директор.

Голубовский велел всем голубям сесть снова на крышу, и кабина стала опускаться. До их слуха донёлся многоголосый лай. Это все собранные на выставке собаки приветствовали, каждая на свой лад, необыкновенный воздушный корабль.

Х

Кто никогда не был собакой, тот не в состоянии понять, что такое для породистой собаки выставка. Это то, о чём собака мечтает. Это то, что она видит во сне. Это то, о чём она тайком беспрестанно говорит с другими собаками при встрече на прогулке. Выставка имеет такую же притягательную силу, как бал для молоденькой девушки или игра в футбол для мальчишки, синева моря для глаз, вкус мороженого для нёба.

Кабина благополучно приземлилась на окружённой деревьями лужайке. Под приветственный лай, вой и урчание всех собранных на выставке экспонатов Фердинанд с директором спокойно и величественно переступили порог кабины. На их лицах было написано равнодушие, но сердца бешено бились в груди от радости. Что и говорить, приятно после столь необычного путешествия очутиться снова внизу и ощутить под ногами землю.

Фердинанд, который, как мы знаем, ни при каких обстоятельствах не терял хладнокровия, сказал, обратясь к директору:

— Нет ли у вас верёвки?

— Зачем вам верёвка? — спросил директор.

— Верёвка необходима, чтобы привязать кабину к дереву, а то она, чего доброго, улетит без нас.

— Пусть летит куда ей вздумается, я не намерен больше пользоваться её услугами.

— Я тоже. Но ведь кабина — это имущество гостиницы, не так ли?

— Да, конечно.

— А вы директор гостиницы, верно?

— Верно.

— Вот видите. Когда вы вернётесь обратно, в гостинице у вас могут быть неприятности: скажут, что вы не только воспользовались служебным лифтом для частной прогулки за город, но вдобавок ещё позволили кабине летать где ей вздумается. Представляете, как будет выглядеть ваша гостиница без лифта? Кто может поручиться, что, улетев отсюда, кабина вернётся на место?..

— Вы, кажется, правы, — сказал директор и принялся лихорадочно рыться в карманах. — Попробуем привязать её этим шнурком... Ничего другого у меня нет.

Это был шнурок от ботинка. Его продели в ручку дверцы и привязали концы к ветке. С большим трудом удалось затянуть узел.

— Интересно, кому придётся его распутывать? — заметил Фердинанд.

— Мне-то какое дело? — ответил директор. — Пусть распутывает кто хочет. Самое главное, мы её привязали.

Впрочем, утомлённая путешествием кабина не проявляла желаний улетать. «Вздремну», — подумала она. Мы знаем, что под деревьями, в тени, всегда хорошо спится.

Директор и Фердинанд, уходя, потрепали кабину по сверкающему боку, как треплют по шее доброго коня, на котором приезжают из далёкого путешествия.

— Пошли смотреть собак,— сказал директор.

— Пошли! — подхватил Фердинанд.

Не успели они сделать двух шагов, как увидели, что им навстречу мчится небольшая группа людей. Это был выставочный комитет во главе с председателем.

— П-п-п-приветствуем с-с-с-сердечно в-в-в-вновь п-п-п-прибывших! — кричал на ходу председатель. Он был заика. И чем больше волновался, тем ощутимей был его недостаток.

— Мы бесконечно благодарны вам за то, что вы оказали нам честь своим высоким посещением! — кричал вице-председатель.

— Вы оказали нам честь своим прибытием! — вопил секретарь.

— Моё почтение, моё почтение, моё почтение! — надрывался казначей.

Фердинанд с директором от изумления разинули рты.

— Почему такая встреча? — пробормотал Фердинанд.

— Такая встреча...— отозвался, как эхо, директор.

— Мы тут случайно...— сказал Фердинанд.

— Мы прилетели посмотреть собачек...— пояснил директор.

— В-в-в-все с-с-с-собаки,— крикнул председатель так громко, что директор и Фердинанд вздрогнули,— в-в-в-в-в-в-вашем расп-п-п-поражении! — закончил он со вздохом облегчения.

— Нам надо купить входной билет,— сказал директор.

— Об этом не может быть и речи,— запротестовал казначей,— вы почётные гости.

— Н-н-ник-к-каких билетов! — выдавил из себя председатель.

— И слышать не хотим,— поддержал его вице-председатель.

— Вы нас этим огорчите...— приложив руку к сердцу, заверил их секретарь.

— Да ведь мы только обыкновенные любители собак,— сказал Фердинанд.

— Обыкновенные любители приходят на выставку пешком, а не спускаются с неба,— шепнул вице-председатель председателю.

— Или п-п-п-приезжают на т-т-т-трамвае,— шепнул председатель, подмигнув, вице-председателю. И более громко добавил: — О ч-ч-ч-чём т-т-т-тут г-г-г-говорить! П-п-п-прошу з-з-з-за мной!

В сопровождении членов комитета директор и Фердинанд принялись осматривать выставку.

На главной аллее к каждому дереву привязана была собака с крупным номером на ошейнике. Под этим номером собака была внесена в каталог выставки. Кто интересовался тем, что это за собака, как её зовут, кем были её мама и папа, откуда она родом, сколько ей лет, добрая она или злая,— тот заглядывал в каталог и находил всё, что ему нужно. Рядом с собакой на складном стульчике сидел хозяин или кто-нибудь из его семьи, сменяя хозяина, когда тот, утомясь продолжительным дежурством, отправлялся в ближайший киоск выпить газированной воды с малиновым сиропом. Впрочем, некоторые пили с лимонным, некоторые с апельсиновым. Были и такие, которые требовали вишнёвого сиропа, не говоря уже о чудаках, которые глотали воду без сиропа.

Разве это так важно, кто что пьёт? Ещё бы! Если вы задумаетесь над этим, то вам станет ясно, почему на свете такое количество разных собачьих пород. Один любит воду с вишнёвым сиропом, другой — с малиновым, третий — с апельсиновым, четвёртый — с лимонным, а пятому подавай воду без сиропа. Так же и с собаками. Один любит овчарок, другой — легавых, третий — боксёров, четвёртый — доберманов, пятый — терьеров и так далее, и так далее... Кажется, вы уже всё поняли...

— Я думаю, лучше всего начать с номера первого, — сказал вице-председатель, которого председатель шёпотом попросил провести гостей по выставке.

— Разумеется! — воскликнул Фердинанд. — Мы будем смотреть всё по порядку.

И они очутились перед огромным бульдогом, у которого на ошейнике красовался первый номер.

— Замечательный экземпляр, — сказал вице-председатель. — Собака по кличке Бас. У неё очень низкий голос. Пёс страшно злой. Подходить не советую.

— Очень милая собачка, — сказал Фердинанд и направился к бульдогу, желая его погладить.

— Назад! — крикнул в один голос весь выставочный комитет. — Бас укусит вас.

— Пусть попробует. Вы думаете, я дамся? — тряхнув головой, ответил Фердинанд.

— Вы не очень-то, Фердинанд, — заметил директор.

— Обо мне не беспокойтесь, я знаю, что делаю.

Лежавший без движения бульдог весь ошетинился, приподнялся и зарычал. Фердинанд был на расстоянии шага от собаки. Всё внимание

бульдога сосредоточилось на Фердинанде: оскалив зубы, он угрожающе рычал.

На губах у Фердинанда блуждала насмешливая улыбка, и вдруг он тоже зарычал. Со стороны могло показаться, что Фердинанд произносит обыкновенное «ррр!». Но если вслушаться повнимательней, можно было понять, что происходит весьма интересный разговор.

— Рррне рррва-рррляй ррррдуду-ррррака! — сказал Фердинанд.

— Рррчто рррты ррриз рррсе-рррбя рррво-ррро-ррр-бра-ррр-жа-ррраешь! — ответил бульдог.

— Рррцыц, рррма-рррляв-рррка! — ответил ему с достоинством Фердинанд.

— Рррох рря рррте-рррбя рррцап-рррну! — пригрозил бульдог.

— Рррсмо-ррртри, рррчтоб ррря рррте-рррбя ррр-не ррр-цап-рррнул! — ответил на это Фердинанд и так, чтоб никто не заметил, показал бульдогу свои великолепные зубы.

Оторопевший бульдог осекся. И уже зарычал потише.

— Рррне рррна рррчто ррро-рррби-ррржать-рррся... — сказал он, кисло улыбаясь.

— Рррлю-рррблю рррве-ррржли-рррвосты! — ответил в тон ему Фердинанд. — Рррдай рррла-рррпу!

Пока шёл этот разговор, вокруг собралась толпа посетителей, и все с удивлением увидели, как злющий бульдог подаёт Фердинанду лапу. Глянув на это, председатель стал заикаться ещё больше. Он говорил очень долго, а сказал всего одно слово:

— Нннннннннеееееееееееввввввввввееееееееее
ррррррррррроооооооооооаяяяяяяяяяяттттттттттнн-
нннннннно!

Потом все отправились дальше, переходя от одной собаки к другой. Каждую собаку долго и внимательно разглядывали, стараясь понять все её достоинства и недостатки. Завидев Фердинанда, псы приходили в раж — махали хвостом со скоростью двух тысяч взмахов в минуту. А те, у кого хвосты в детстве отрубили, выпускали вздох отчаяния: «Ах, если бы у меня был хвост, вот бы я повилял!»

Фердинанд был необычайно сдержан и говорил очень мало.

Время от времени из его уст вылетало короткое, меткое замечание:

— Очень хорош. Очень хорош.

— Этот тоже весьма недурён.

— Эй, пинчер, не горбиться!

— Левое ухо выше!

— Хотел бы я быть хозяином этой легавой. Осенью мы бы вместе ходили на уток.

— Собака — это великолепно, не правда ли?

— Ты нравишься мне, малыш.

— Помни: костями объедаться нельзя.

— Как дела, фокстерьер?

— Знаете ли вы, что маленькие собаки едят гораздо меньше больших? Забавно, а?

— Привет, пудель! Если ещё встретимся — вот устроим возню...

— До чего же ты хороша, боксёрочка!

— Я считаю, блох надо истреблять всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

— Не лови хвост, болоночка, всё равно не поймаешь.

— Если бы я вёл другой образ жизни, я держал бы дома собаку, кто знает, может, и двух.

— Волк, не смотри на меня волком, можно подумать, что у тебя глаза косые.

— До чего ж хороша эта китайская болонка!

— Не чешись при людях!

— Не жила ли твоя мать когда-то в Белостоке?

— Bravo! Bravo!

— Хотел бы я быть овчаркой и пасти в горах стада. Вот жизнь!

— Не кажется ли вам, что слишком мало собак знает грамоту?

— Я был знаком с одним сенбернаром, который весил ровно семьдесят восемь болонок.

— Ну-ка, вытяни лапу! Ой, кажется, ты ленишься делать по утрам зарядку, а?

— Дай я тебя поцелую, прекрасная доберманка.

— Если б у людей был острее нюх, собакам жилось бы куда лучше.

— Хвост, хвост, мой друг!

— На псарне у французского короля Людовика XII была такая борзая, которая могла гнать одновременно двух зайцев, убежавших в разные стороны.

— Привет, такса!

— Умная собака не твякает про запас, помни это.

— Серый спаниель, ты неотразим.

— Хо-хо-хо!

— Один лучше другого!

— Современная собака не должна бояться самолёта: самолёт не кусается!

И так далее, и так далее...

Сопровождающие Фердинанда члены комитета только рты открывали от изумления. Впервые им пришлось иметь дело с человеком, который знает о собаках абсолютно всё, знает больше, чем они все, вместе взятые.

— Н-н-н-не-в-в-в-вероят-т-тно! — не удержался председатель.

— Может быть, назначить его главным судьёй выставки? — предложил шёпотом вице-председатель.

— Ох, разбирается! Ох, разбирается! — поддакнул скороговоркой казначей.

— П-п-п-предложите ему, п-п-п-пожалуйста,— попросил вполголоса председатель секретаря.

Секретарь подошёл к Фердинанду и сказал:

— От имени комитета мы просим вас дать своё согласие быть главным судьёй на выставке. Через часок мы устроим конкурс на самую красивую собаку. Нам будет очень приятно, если это дело возьмёт в свои руки такой замечательный специалист, как вы.

Фердинанд скромно потупился.

— Что вы, какой я специалист... просто любитель, вот и всё. Дело в том, что я с малых лет люблю собак, мне приходилось часто иметь с ними дело. Не знаю, достоин ли я...

— Трудно представить себе более достойного! — воскликнул секретарь.

— Трудно! — подтвердил вице-председатель.

— Трудно! — поддакнул казначей.

— Т-т-т-трудно! — крикнул после всех председатель, который, впрочем, открыл рот первым.

— Ну что же, не остаётся ничего другого, как принять ваше предложение,— сказал Фердинанд.— Я согласен.

— Bravo! Bravo! Bravo! — закричали наперебой члены комитета.

Когда начался конкурс, Фердинанда усадили на почётное место в специальную ложу. Перед ложей проходили хозяева, ведя на нарядных поводках своих питомцев. Это было одно из самых

потрясающих зрелищ, виданных когда-либо Фердинандом. Неподалёку от ложи гремел оркестр пожарников. То и дело рукоплескала толпа, приветствуя красивых животных.

«Кому присудить первый приз? — Пока Фердинанд смотрел на собачий парад, эта мысль не давала ему покоя. — Не знаю, как выйти из положения. Мне по сердцу все. Я с удовольствием присудил бы первый приз каждой. К сожалению, первый приз только один. Он может достаться только одной собаке. Ужасно! Здесь на этой выставке есть один экспонат, который, безусловно, заслуживает первого приза. Боюсь, никому не придёт в голову, кто это такой. Не могу же я сам предложить свою собственную кандидатуру...»

Фердинанд зажмурился и отдался мечтам. Вот жюри присуждает ему первый приз на выставке собак. Оркестр играет марш под названием «Весёлый пёс». Вот председатель приближается к Фердинанду, подаёт ему руку и говорит: «Поздравляю тебя, Фердинанд» — и привязывает к его ошейнику высшую награду — жёлтую ленточку.

— Хоть бы раз испытать такое! — вздыхает Фердинанд. — Один-единственный раз...

— Эй, Фердинанд, Фердинанд! — слышит он вдруг над самым ухом шёпот и чувствует, что кто-то толкает его в бок. — Не спите, — шепчет ему директор. — Неудобно. Что подумают про вас?

— Я не сплю, — отвечает Фердинанд и открывает глаза. — Я вовсе не сплю. Вот только замечтался на секунду...

— Приятные мечты?

— Такие приятные, что не можете себе представить...

Собачий парад окончился, жюри удалилось на совещание. Председательствовал Фердинанд.

— Друзья мои,— сказал он, открывая совещание.— Мы видели только что великолепный парад великолепнейших собак. Нам не просто прийти к решению. Что касается меня, то скажу, положу руку на сердце: я не в состоянии назвать имя той собаки, которая мне больше всего понравилась. Таких собак очень много. Чтоб никого не обидеть, я предлагаю устроить тайное голосование.

Всё жюри было того же мнения. Со всех сторон посыпались возгласы:

— Он прав!

— Верно говорит!

— Единственный выход!

— Голосовать! Голосовать!

— Bravo, главный судья!

— Спасибо,— сказал Фердинанд, когда шум утих.— Называйте кандидатуры.

— Агава! — крикнул кто-то раньше всех.

— Карампук! — крикнул кто-то другой.

— Зефир!

— Ас!

— Мика!

— Магик!

— Донна!

— Вис!

— Мерседес!

— Дракон!

— Кука!

— Достаточно! — сказал Фердинанд.— Десяти кандидатур вполне хватит. При голосовании будет соблюдаться полнейшая тайна.

Члены комитета разбрелись по закоулкам парка и, таясь друг от друга, вписывали имена своих избранников в приготовленные заранее бюллетени.

Победил Магик, которого звали также Магом. Когда Фердинанд подошёл к нему и поздравил его с победой, на глазах у Мага выступили слёзы.

Огромный волкодав расплакался, словно малый ребёнок; такого не помнили даже самые старые собаки.

— Поздравляю тебя от всего сердца,— сказал Фердинанд.— Дай лапу.

Маг сел, приподнял левую лапу. Но когда Фердинанд незаметно подмигнул ему правым глазом, он торопливо опустил её и с решительным видом протянул правую.

— Замечательно!— похвалил Мага Фердинанд.— Вижу, ты мыслящий пёс. От имени жюри вручаю тебе первый приз. Кроме медали, получишь два килограмма копчёных рёбер. Съешь сейчас или завернуть?

— Мне хотелось бы взять их домой,— ответил Маг. Говорил он на таком языке, что понять его мог только Фердинанд.— Дома я съем их вместе с женой. Она не смогла прийти на выставку — у неё насморк.

— Я уверен, рёбрышки придутся ей по вкусу,— ответил на том же языке Фердинанд, хорошо знавший все собачьи языки.— Желаю приятного аппетита. До свиданья! Передай привет жене.

Перед закрытием организовали ещё один конкурс. Теперь собакам предстояло выбрать самого симпатичного посетителя. Некоторые знали об этом и старались заранее завоевать сердца собак.

Многие посетители шныряли взад и вперёд по парку и, перебегая от собаки к собаке, подсовывали кому конфетку, кому сосиску, кому пряник, и всё только для того, чтобы снискать расположение собак. Некоторые потратились даже на свиные отбивные.

По знаку председателя все собаки были спущены с поводка. Победителем решили признать того, кто соберёт вокруг себя наибольшее число собак.

Ффффффффъььььььюююююююю! — прозвучал свисток председателя.

Все до единой собаки бросились в одну сторону. Они сгрудились под каштаном, где сидел на стуле утомлённый волнениями дня Фердинанд.

XII

Под приветственные возгласы Фердинанду вручили большую золотую медаль. Председатель собственноручно приколот её к лацкану пиджака. Вид у председателя был при этом необычайно торжественный, и заикался он больше обычного.

— М-мм-ы оч-ччччч-чень ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра...

— ...ды! — докончила за него толпа.

— Ч-ч-ч-ч-ч-то эт-т-т-т-т-то имен-н-н-н-н-н-н-но в-в-в-в-в-в...

— ...вы! — воскликнули разом все зрители.

— Д-д-д-д-д-да зд-д-д-д-д-драв-в-в-в-в-в-в-в-в-в-в...

— ...ствует! — гаркнули собравшиеся.

— В-в-в-в-в-от им-м-м-м-м-мен-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н...

— ...но! — крикнули, расхохотавшись, все зрители и принялись снова приветствовать медалиста.

В этот день в честь Фердинанда было произведено 3128 торжественных криков, в том числе:

1265 «Ура!»,

828 «Да здравствует!»,

654 «Виват!»,

129 «Привет!»,

55 «Многая лета!»,

49 «Браво!»

и 48 «Гоп-гоп!».

Остальные сто разобрать не удалось, но ни у кого не было сомнений, что все они выражали живейшую радость и глубочайшее уважение.

Парк понемногу опустел.

Директор подошёл к сияющему Фердинанду, ещё раз поздравил его и, потянув за рукав, вежливо сказал:

— Может, пойдём...

— Как тут хорошо...— ответил разомлевший Фердинанд.

— Слов нет, хорошо. Но пора и в гостиницу. Не забывайте, ведь я директор.

— Верно, верно,— согласился Фердинанд.

— Ну так пошли,— сказал директор.

— Минутку,— сказал Фердинанд,— а лифт?

— Совсем забыл!

— Нам придётся взять его с собой. Не можем же мы его тут бросить.

— Взять... Но как?

— Может, там есть ещё одна кнопка, которую мы не заметили? Нажмёшь её — и кабина вернётся на место.

— Ах эти кнопки! И слышать о них не хочу!— рассердился директор.

— Что же делать? Ведь нельзя бросить такую вещь на произвол судьбы.

— Не кажется ли вам, что она не стоит ваших забот?— спросил директор, с улыбкой покосившись на Фердинанда.

— Скажу вам откровенно,— не уступал Фердинанд,— я привязался к этой кабине. Она вовлекла нас в такие приключения!..

— Не представляю, что с ней делать!

— Может, погрузим в такси?

— Не войдёт.

— Придумал!— воскликнул Фердинанд.— Поставим её на извозчичью пролётку.

— Как хотите,— ответил директор.

— Поедем с кабиной на извозчике!— крикнул, подпрыгивая от радости, Фердинанд.

— Поедем, но не все,— холодно отозвался директор.

— То есть как «не все»?— опешил Фердинанд.

— Я лично не поеду,— заявил директор.— Не желаю быть посмешищем.

— Что тут особенного — везти кабину в пролётке?

— Не в том дело,— отрезал директор.— Особенного тут ничего нет, но это несолидно. Солидный человек не может вести себя несолидно. Вы меня понимаете, Фердинанд?

— Понимаю, но не очень,— признался Фердинанд.— Вы боитесь, что над вами станут смеяться...

— Что значит «боитесь»? Я просто уверен в этом. Завтра, стоит мне только высунуть нос на улицу, все мальчишки в городе станут орать:

Кобыла кабину тащит,
Директор глаза таращит.

— Чудный стишок!— не удержался Фердинанд.— Ах, какой чудный! Я готов дать что угодно, только б меня подразнили так на улице...

— Вы считаете это забавным?

— Дорогой мой, это прелестно! Если хотите, можете не ехать, я поеду один.

— Я бы, пожалуй, с вами поехал,— начал оправдываться директор,— но доктор велит мне ходить как можно больше пешком. Мне, знаете ли, нужно двигаться. А сегодня я уже прокатался полдня в этой проклятой кабине. Вы на меня не будете в обиде, дорогой Фердинанд, если я с вами не поеду, не правда ли?

— Конечно, не буду,— ответил Фердинанд,—

ведь вы знаете, как я к вам отношусь. Только скажите правду,— и тут голос у Фердинанда дрогнул,— они в самом деле станут так кричать?

— Да, это бывает: если уж прицепятся, так не отстанут.

— А что сделать, чтобы прицепились?

— Надо броситься им в глаза.

— А как броситься в глаза?

— Надо чем-то привлечь их внимание.

— А как привлечь внимание?

— Надо сказать им что-нибудь обидное или...

— Или?

— Или рассмешить их своим нелепым видом.

— Как вы считаете, вид у меня нелепый?

— По-моему, нет.

— А как им покажется?— спросил срывающимся голосом Фердинанд.

— Мне трудно говорить за них,— сказал директор, помедлив.— Но, мне думается, у вас есть некоторые шансы, в особенности если вы поедете в пролётке, да ещё с кабиной... Ха-ха-ха, это действительно будет смешно...

— Большое вам спасибо!— перебил директора Фердинанд и стал трясти ему руку.— Спасибо, что вы смеётесь. Теперь не сомневаюсь: они тоже будут смеяться.

— Очень может быть, ха-ха-ха...

— Мне удастся обратить на себя их внимание.

— Не исключено, ха-ха-ха!

— Я брошусь им в глаза.

— Весьма вероятно, ха-ха-ха!

— И они ко мне прицепятся...

— От души вам этого желаю, раз вам так хочется, ха-ха-ха!

— А если уж не прицепятся, так побегут следом и будут кричать:

Кобыла кабину тащит,
Глаза Фердинанд таращит!

— Да, тогда уж будут кричать, ха-ха-ха!

— Вы не представляете себе, как мне хочется, чтоб они так кричали!

— Ха-ха-ха-ха-ха!— смеялся директор.— Желаю успеха. Наймите пролётку, а я тем временем прогуляюсь. Мы встретимся в гостинице. До свиданья! Мерседес, ко мне!— позвал директор свою любимую таксу.— Не огорчайся, что тебе не удалось получить приз,— сказал он таксе,— тебе повезёт на следующей выставке.

Директор и Мерседес исчезли уже за деревьями, и тут только Фердинанд вспомнил, что у него нет ни гроша!

— Пан директор, пан директор!— завопил что было мочи Фердинанд и в несколько прыжков нагнал директора.— Дайте мне денег на извозчика. У меня есть, правда, золотая медаль, но у него может не оказаться мелких медалек, чтобы дать мне сдачи...

XIII

Фердинанд отправился искать пролётку.

Это оказалось делом нелёгким. С каждым годом пролёток на свете становится всё меньше и меньше. Они прячутся в старых, обветшалых сараях, и, видимо, недалёк тот день, когда им не захочется больше выезжать в город. Всё неуютней чувствуют они себя среди автобусов, машин и мотоциклов. «Куда спешить?»— ворчат себе под нос пролётки в такт размеренному стуку конских копыт — цок-цок-цок-цок...

К счастью, около парка стояла одинокая пролётка.

Извозчик безмятежно храпел на кóзлах, надвинув на глаза чёрный цилиндр, а лошадь, спрятав морду в мешок, неторопливо ела овёс.

— Послушайте-ка...— сказал Фердинанд.

Извозчик даже не шелохнулся.

— Послушайте...— сказал Фердинанд громче.

Извозчик как ни в чём не бывало продолжал храпеть.

— Послушайте!— крикнул Фердинанд.

Извозчик и тут не проснулся.

И только когда Фердинанд влез на козлы и зарорал в самое ухо: «Послушайте!», извозчик открыл сперва один глаз, потом другой, потом сдвинул на затылок цилиндр, взглянул на Фердинанда и спросил хриплым голосом:

— Чего?

— Вы меня повезёте?— спросил Фердинанд.

— Почему же не повезти?— ответил извозчик.— Вот только сниму с лошади эту штуку и поедем. Садитесь.

Извозчик слез с козел, протёр глаза, снял с лошадиной морды мешок и взнуздal её.

— Ехать-то куда?— спросил он, вскарабкавшись на козлы и беря в руки кнут.

— В парк,— ответил Фердинанд.— Надо взять там одну вещь.

— Наверно, вашу мамашу,— сказал, не повернув головы, извозчик.— Но, па-ашёл!

Пролётка тронулась.

— Не угадали,— ответил с улыбкой Фердинанд.— Мы поедем не за мамой.

— Ну так за бабушкой...

— И не за бабушкой.

— Ну так за тёткой...

— И не за тёткой.

— Ну за чемоданом или за сундуком...

— И не за чемоданом, и не за сундуком.

— Может, за бочкой пива?..— спросил извозчик, и глаза у него загорелись, потому что он очень любил пиво.

— И не за бочкой пива.

— Знаете, это уже интересно,— сказал извозчик.— Что вы собираетесь вывезти из парка? Розы?

— Нет, не розы.

— Может, скамейку?

— Нет, не скамейку.

— Не отгадать,— прохрипел извозчик.

— Я помогу вам,— сказал Фердинанд,— это начинается на «к».

— Куст?

— Нет.

— Карусель?

— Нет. Карусель к вам в пролётку не поместится. Там есть ещё «б» и «а».

— Клумба?— спросил с победоносным видом извозчик.

— Нужно забрать кабину от лифта. Вы не знаете, что такое лифт? Это такой ящик, который ходит вверх и вниз между этажами.

— Да нет,— сказал извозчик,— я знаю, что такое лифт. Только зачем его брать в пролётку?

— Это маленькая кабина,— сказал Фердинанд.— Всего на двоих... Самое большее, на троих... Мы погрузим её сзади, а я сяду рядом с вами.

— Да где она?

— В парке, я привязал её к дереву.

— Привязали?

— Чтоб не улетела.

— Она что же, летает?

— Ещё как!

— Вот тебе нá! Просто не верится. Но-о!

Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цо...

Они подъехали к дереву, к которому была привязана кабина.

Фердинанд спрыгнул с пролётки, потрепал кабину по сверкающему боку и распутал шнурок.

— Помогите-ка мне!— крикнул он извозчику. Шумно дыша и постанывая от натуги, они уместили кабину на заднее сиденье.

— Только, пожалуйста, без глупостей,— сказал Фердинанд кабине.— Не вздумай улетать. Мы возвращаемся домой.

Но кабина и не собиралась улетать. Она была очень довольна, что возвращается в гостиницу, да вдобавок, словно важная барыня, прокатится ещё в пролётке по всему городу.

Фердинанд уместился на козлах рядом с извозчиком.

— Дайте мне вожжи, ну хотя бы кнут...— попросил он умоляющим голосом.

— Берите и правьте,— сказал извозчик.

Фердинанд взял вожжи, махнул кнутом и крикнул:

— Лошадка, но-о!

Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...

Когда въехали в город, Фердинанд отдал вожжи извозчику, а сам, крутясь на сиденье, принялся озираться по сторонам.

— Кого вы ищите?— спросил извозчик.

— Смотрю, нет ли где мальчишек-озорников.

— Боятесь?

— Ничего подобного. Хочу выяснить, не собираются ли они меня дразнить.

— Раз не дразнят, значит, всё в порядке.

— Не очень-то,— с досадой возразил Фердинанд.— Мне как раз хочется, чтоб они меня дразнили. Понимаете?

— Тогда надо, чтоб они к вам прицепились. Видите? Вон там за углом стоит парочка.

— Умоляю,— сказал Фердинанд,— подъедем ближе.

Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...

Пролётка проехала под самым носом у мальчишек, но те даже головы не повернули.

— Остановитесь, пожалуйста,— попросил Фердинанд. Он был близок к отчаянию.

Фердинанд соскочил с пролётки, подбежал к озорникам и спросил:

— Почему вы меня не дразните?

— Неохота,— ответил один из них.

— Может, всё-таки передумаете? — грозно спросил Фердинанд и оскалил зубы.

Мальчишкам стало не по себе.

— Как прикажете вас дразнить? — вежливо спросил другой мальчишка.

— Хотелось бы, чтоб вы кричали мне вслед:

Кобыла кабину тащит,
Глаза Фердинанд таращит.

— Стишок ничего,— сказали мальчишки.— Мы можем... Почему бы нет? А когда начинать?

— Сейчас. Живо! Бегите следом и кричите во всё горло. Не будете кричать — пеняйте на себя: так покусаю, что долго меня не забудете.

И Фердинанд вскочил на козлы. Пролётка тронулась.

Цок-цок-цок-цок-цок-цок-цок...

Люди распахивали окна, выбегали на балконы, останавливались на тротуарах и с изумлением смотрели вслед пролётке, на которой везли кабину от лифта. Спереди на козлах сидели блаженно улыбающийся Фердинанд и извозчик, время от времени равнодушно щёлкавший кнутом.

За пролёткой бежала толпа сорванцов, оравших во всё горло:

Кобыла кабину тащит,
Глаза Фердинанд таращит.

XIV

Так доехали они до гостиницы «Под весёлым драконом». Стоило кабине увидеть знакомый дом, как она спрыгнула с пролётки и очутилась на своём месте, внизу под лестницей. Жизнь в гостинице сразу закипела. Все страшно обрадовались — и портье, и горничные; но больше всего были довольны приезжие, которых поселили в верхних этажах. Что и говорить: гостиница без лифта — всё равно что стол без ножек, хлеб без масла, чай без сахара, ваза без цветов, пианино без клавиш, газированная вода без газа.

Фердинанд принял ванну и немедленно отправился в постель. Он был так утомлён дневными приключениями, что мгновенно заснул. На улице тем временем пошёл дождь.

В первый день на землю падали только редкие капли, которые по временам ветер смахивал с пробегающей тучки.

Выглядело это примерно так:

кап
кап кап
кап кап
кап кап кап
кап
кап кап

На другой день ветер пригнал ещё несколько туч, и дождь пошёл сильнее:

кап кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап кап
кап кап кап кап
кап кап кап кап кап

На третий день ветер подул слева:

кап	кап	кап	кап
кап	кап	кап	кап
кап	кап	кап	кап
кап	кап	кап	кап

На четвёртый день ветер переменялся и подул справа:

	кап	кап	кап	кап
	кап	кап	кап	кап
	кап	кап	кап	кап
	кап	кап	кап	кап
	кап	кап	кап	кап

На пятый день Фердинанд перевернулся на другой бок.

Дождь лил вовсю. Большие капли вперемежку с маленькими барабанили по крыше:

кап	КАП	кап	КАП	
	КАП	кап	КАП	кап
кап	КАП	кап	КАП	
	КАП	кап	КАП	кап
кап	КАП	кап	КАП	
	КАП	кап	КАП	кап

А на шестой день туча обрушила весь запас воды на землю. Хлестал ливень:

КАП	КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП	КАП
КАП	КАП	КАП	КАП	КАП	КАП

Мы знаем, что во время дождя сон бывает самым крепким. Ни одна колыбельная песня не убаюкивает так, как монотонный шум дождя. Фердинанд проспал бы, наверно, ещё очень долго, может, неделю, две, а может, даже и три, если б не появилась мохнатая серая туча, из которой посыпался град:

бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум
бум бум бум бум бум

БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ
БУМ БУМ БУМ БУМ БУМ

Фердинанда разбудил сильный стук в окно. — Кто там? — спросил он сонным голосом. Ответа не последовало.

— Кто смеет будить меня, когда я сладко сплю?! — в неистовстве завопил Фердинанд.

И опять нет ответа. Только кто-то продолжал барабанить по стеклу.

Фердинанд протёр глаза, посмотрел в окно и понял, что его разбудил град.

— Ничего не поделаешь, — зевая, сказал Фердинанд, — придётся вставать.

Он нажал на звонок. В номере появилась горничная.

— Добрый день,— сказала она,— как вам спалось?

— Прекрасно,— ответил Фердинанд.

— В нашей гостинице никто ещё так долго не спал.

— Что вы говорите? Значит, я поставил рекорд гостиницы?

— Один скрипач после концерта проспал двое суток.

— Вот так соня!

— Но уж не такой, как вы.

— Не такой, как я? — удивился Фердинанд.

— Конечно. Вы проспали целую неделю!

— Что?!

— Да-да, ровно неделю.

— Быть не может!

— Очень даже может. Поздравляю, за вами рекорд.

— Ну что ж, тогда принесите мне завтрак,— сказал Фердинанд.— За все семь дней!

Горничная схватилась за голову и выбежала из номера. Прежде чем она появилась снова, Фердинанд успел умыться и одеться.

— Вот вам четырнадцать яиц всмятку, двадцать одна булочка, семь стаканов молока, семь чашек чаю, кусок масла и банка с джемом,— сказала она.— А вот счёт.

— Какой счёт? — спросил встревоженный Фердинанд.

— Счёт за номер и завтрак,— объяснила горничная.

— Положите его, пожалуйста, вот сюда, я займусь им позже,— сказал Фердинанд таким тоном, точно карманы у него были набиты деньгами.

— Приятного аппетита,— сказала горничная и вышла.

Фердинанд принялся за еду.

«Сперва надо поесть,—подумал он,— а потом мы решим, как быть со счётом...»

Вы можете мне не поверить, но, клянусь, это правда: Фердинанд съел всё до последнего кусочка.

— Ну-ка посмотрим, что за счёт,— рассуждал сам с собой Фердинанд, вылизывая банку с джемом.— Что?! Семьсот двадцать шесть злотых восемьдесят грошей?! И это требуют с меня?! С меня?! Друга директора?! Рекордсмена гостиницы «Под весёлым драконом»? Да ведь у меня нет ни гроша!

Он подошел к окну, распахнул его, глянул вниз.

— Высоко! Бр-рр! Что делать?

Град прекратился. Фердинанд мгновенно принял решение: скинул с себя костюм и остался в чём мать родила. Всю одежду он связал в узелок, выбросил в окно и проследил за его полётом.

Прекрасно! Узелок упал на газончик на другой стороне улицы, как раз напротив гостиницы.

Фердинанд зажмурился, потом открыл глаза и, в последний раз окинув взглядом свой номер, на четвереньках выбежал в коридор. Спустился по лестнице в холл.

Для очистки совести он подбежал к стойке, за которой восседал портье, и, встав на задние лапы, забормотал:

— Разрешите узнать, разрешите узнать...

Возмущенный портье вскочил со стула.

— Пошел вон! — крикнул он.— Живо!..

— Не хотите, не надо,— гордо ответил Фер-

динанд и устремился к выходу.— Собираешься все уладить,— пробормотал он уже на улице,— тебе возражают. Навязываться не стану.

Он разыскал на газоне между астрами узелок и с узелком в зубах забежал в безлюдный двор по соседству. Немного погодя из ворот вышел мужчина и смешался с толпой.

XV

Как это часто бывает, после ненастья установилась хорошая погода. Шагая по улице, Фердинанд весело насвистывал:

— Фью-фью, какой чудесный день, фью-фью-фью... Солнышко пригревает, фью-фью... Все такие веселые, фью-фью-фью... И я тоже веселый, фью-фью-фью... Что же мне теперь делать, фью-фью-фью? Стоит ли думать о таких пустяках? Чувствую я себя прекрасно, фью-фью... Что будет потом — увидим, фью-фью... Стоит ли, впрочем, волноваться? Фью, фьюююююююю!

Но в большом городе без дела не останешься.

Фердинанд, сам того не заметив, стал осматривать его достопримечательности. Сначала он зашел в один музей, потом в другой, в третий, потом постоял перед четвертым, но заходить не стал, потому что надоело.

Тогда он занялся памятниками. Он осмотрел их по очереди:

памятник бургомистру,
памятник генералу,
памятник музыканту,
памятник поэту,
памятник королю,
памятник королеве

и прочие памятники, среди которых было два конных.

«Почему так много лошадей на памятниках? — подумал Фердинанд. — Где ж справедливость? Почему ни одному скульптору до сих пор не пришло в голову посадить короля верхом на собаку? Думаю, что это выглядело бы не хуже. Собака — животное благородное, собака преданней, чем лошадь. Кто когда видел, чтоб лошадь спала в одной постели с человеком? А собака спит. Мне известно множество таких случаев. А вот про лошадь я никогда ничего подобного не слышал. И мой отец не слышал, и мой дед, и мой прадед, никто, никто не слышал».

Когда Фердинанд осмотрел все памятники, его внимание привлекли уличные весы, на которых взвешивались прохожие. Захватывающее зрелище! Они становились на небольшую платформу. Стрелка на шкале стремительно неслась вперёд. И замирала против какой-нибудь цифры. Эта цифра означала вес.

Фердинанду страшно захотелось взвеситься. Он забрался на весы после какой-то полной дамы. Подождал — ничего. Подпрыгнул — опять ничего. Поднял вверх одну ногу — ничего. Поднял другую — ничего. Встал боком — ничего. Стрелка даже не дрогнула.

Тогда он сошел с весов и попробовал ещё раз.

«Может, я неправильно встал на весы, — подумал он, — может, надо становиться с левой ноги, а не с правой?»

Увы, левая нога не помогла тоже. Разволновавшись, Фердинанд стал подпрыгивать всё выше и выше. Но упрямая стрелка не хотела ни за что сдвинуться с места.

Вокруг собралась толпа.

— Опять, наверно, испортились, — сказал

мужчина в зелёном пиджаке,— они всё время портятся.

— Вы станьте подальше от края,— добродушно посоветовала пожилая женщина.

— Зацем становиться подальше от края?— зашепелявил продавец мороженого.— Это не помозет, нузно встать ближе к краю. Это каздый мальциска знает...

— Лучше всего подпрыгнуть три раза,— сказал кто-то басом.

— Почему не четыре?— пропищала женщина с зонтиком.

— Да стоит ли взвешиваться?— обратился к Фердинанду мужчина в чёрной шляпе.— Всё равно свой вес не узнаете. Здесь все весы показывают по-разному.

Фердинанд совсем растерялся. Каждый советовал своё. В конце концов послышался чей-то голос:

— А пятьдесят грошей вы бросили?

— Какие ещё пятьдесят грошей?— спросил изумлённый Фердинанд.

— То есть как «какие»? Обыкновенные, польские.

— А куда их бросать?— спросил, заикаясь от смущения, Фердинанд.

— Сюда, вот в эту щёлку.

— Не бросил,— чистосердечно признался Фердинанд.

— У него, наверно, нет мелочи...— сочувственно загалдели вокруг.— Вам нужно пойти и разменять.

— Действительно,— сказал Фердинанд,— совсем из головы вон... Ведь у меня нет мелочи. («Крупных, впрочем, тоже»,— добавил он про себя.) Простите, пожалуйста. Позвольте, пожалуйста, пройти, я сейчас разменяю.

С проворством, которого от него, очевидно, не ожидали, Фердинанд прыгнул с весов и прошмыгнул сквозь толпу. Он был уже на другом конце города, а зеваки всё ещё стояли вокруг весов и, удивляясь, говорили друг другу: «Чего он так долго копаётся? Куда это он пропал?..»

А Фердинанд шёл по улице, насвистывал и думал: «Фью-фью, теперь я знаю, как обращаться с этими весами. Надо только, чтоб у тебя было пятьдесят грошей, фью-фью-фью... Странно всё-таки... Есть у меня золотая медаль, а вот пятидесяти грошей нету... Забавно...»

Вдруг Фердинанд заметил что-то на тротуаре. Что-то блестящее. Он нагнулся, точным, едва уловимым движением поднял сверкающий предмет.

«Фью-фью, интересно, что это такое?» — подумал Фердинанд, как ни в чём не бывало продолжая свой путь.

Глянул — и чуть не сошёл с ума от радости. Это были пятьдесят грошей.

Фердинанд тотчас помчался к ближайшим весам, встал на них, бросил в щёлку свою единственную, чудом найденную монетку и с наслаждением, которое невозможно передать словами, стал наблюдать за стрелкой, понёсшейся вперёд по делениям.

— Приличный вес, — буркнул Фердинанд, не без сожаления покидая весы. — Не назовёшь меня заморышем, да и не скажешь, что толстяк. Вешу ровно столько, сколько надо. Интересно, фью-фью-фью, как это получится на других весах? Не мешало бы, фью-фью, проверить. Оказывается, люди теряют деньги. Попробуем-ка мы их, фью-фью-фью, отыскивать.

И, устремив глаза к земле, Фердинанд принялся кружить по улицам города. С каждым шагом

он пригибался всё ниже и ниже, и сам того не заметил, как побежал на четвереньках, припадая мордой к земле.

Стоило ему найти пятьдесят грошей, как он мчался опрометью к весам, бросал в отверстие монету и с замиранием следил за стрелкой. В зависимости от того, что показывала стрелка, слышался его огорчённый или торжествующий крик:

— Похудел!!!

Или:

— Пополнел!!!

XVI

Перебегая так от весов к весам, Фердинанд добрался до вокзала. На вокзале, как всюду на вокзалах, были суматоха и сутолока. Все куда-то спешили. Носильщики таскали чемоданы, в кассе продавали билеты, в киосках можно было купить газету, а в буфете — напиток лимонаду. При входе на перрон стояли контролёры и специальными щипчиками пробивали дырки на билетах. Фердинанду это очень понравилось.

«Вот бы достать такие щипчики! — подумал он. — Наверно, это очень приятно — дежурить и пробивать дырки на билетах. Пробивать, пробивать...»

Потом Фердинанд постоял перед камерой хранения. Наблюдал, как приезжие сдают багаж, чтоб не таскаться с ним по городу. На чемоданы наклеивают ярлык с номером; пассажиру выдают квитанцию, удостоверяющую, что он сдал багаж; чемодан ставят на полку, где он спокойно дожидается возвращения хозяина.

Фердинанд почувствовал вдруг, что он очень устал, и в голове у него зародилась идея.

— Может быть, сдать самого себя в камеру хранения?— стал размышлять вслух Фердинанд.— Я утомился, дел у меня никаких нет. Пусть положат на полку, наклеют на бок ярлык, по крайней мере выплусь.

Фердинанд обратился к служащему:

— Мне хотелось бы сдать вам кое-что на хранение.

— Пожалуйста,— с вежливой улыбкой ответил служащий.— Где же ваш багаж? При вас ничего нет.

— Не о багаже речь,— доверительным тоном сказал Фердинанд.

— О-о?— удивился служащий.— Что же вы тогда хотите сдать?

Тут Фердинанд разлёгся во всю длину на стойке и скромно ответил:

— Себя.

Служащий сдвинул очки на лоб, затем снял их, протёр стёкла платком и вновь нацепил на нос.

— Я вас не совсем понял...

— Мне хотелось бы сдать на хранение себя лично...— пояснил Фердинанд и посмотрел долгим взглядом в глаза служащему.

— Себя?!

— Да.

— Вы шутите...

— Ничего подобного!— воскликнул Фердинанд и ударил себя лапой в грудь, в знак того, что говорит сущую правду.

— К сожалению, это невозможно,— ответил служащий.

— Почему невозможно? Ведь принимаете же вы на хранение сундуки, чемоданы, корзины и прочие вещи? Неужели нельзя считать меня багажом? Я очень устал, мне хочется спать.

— Увы!— сказал служащий.— Я не могу вас принять. Мы не принимаем на хранение людей.

При этих словах Фердинанд прыгнул со стойки.

— Дорогой мой!— воскликнул он.— Милейший! Повторите, пожалуйста, то, что вы сказали.

— Людей на хранение мы не принимаем,— равнодушно повторил служащий.

— Ещё, ещё!— умоляющим голосом просил Фердинанд.

— Мы не принимаем на хранение людей.

— Ах, как это звучит!— наслаждался Фердинанд.— Можно вас попросить повторить ещё раз?

Служащий косо взглянул на Фердинанда, как смотрят на тех, у кого неопасное помешательство. Однако собеседник показался ему человеком симпатичным, и он, желая поскорей кончить этот разговор, повторил ещё раз:

— Мы не принимаем на хранение людей.

— Чудесно! Чудесно!— твердил Фердинанд.— Повторите хотя бы последнее слово!

— Людей.

— Ещё!

— Людей.

— Ещё!

— Л ю д е й!!!— рявкнул рассерженный служащий и умолк.

Вне себя от счастья Фердинанд, пятясь, уходил. При каждом шаге он кланялся и повторял:

— Большое вам спасибо... Большое вам спасибо...

Фердинанд принялся бродить по вокзалу, примеряясь, в каком закоулке удобней выспаться.

— Как мне быть?— рассуждал вслух Фердинанд.— Не мешало бы вздремнуть... Но где?

Вероятно, он говорил слишком громко, потому

что над самым его ухом раздался вдруг противный хриплый голос:

— Если вам хочется, так сказать, выспаться, то нет ничего лучше, как забраться в вагон, который стоит, так сказать, на запасном пути.

— Кто вы такой?— спросил Фердинанд у хриплого голоса.

— Я, так сказать, добрый человек, который всегда рад оказать ближнему, так сказать, услугу. Вы не возражаете?

Добрый человек выглядел весьма подозрительно: кепка надвинута на глаза, руки засунуты в брюки. Но Фердинанд так устал, что ему было всё равно.

— Пожалуйста,— вежливо ответил он.— Я вот только не знаю, как пройти на запасной путь.

— О, это несложно. Я проведу вас.

— Вы очень любезны,— сказал Фердинанд.

— Такой уж я с малых лет. Разве можно, так сказать, не помочь человеку в затруднительном положении, а?

«И этот тоже про человека»,— не без самодовольства подумал Фердинанд и сказал:

— Ну разумеется, все должны помогать друг другу: мы людям, а люди нам.

— Это вы правильно, так сказать, подметили,— ответил Фердинанду хриплый голос.— Пойдёмте.

— Пойдёмте,— весело отозвался Фердинанд.

Они долго шли сперва по перрону, потом по шпалам, пока наконец не разыскали вагоны на запасном пути.

Неизвестный в кепке распахнул перед Фердинандом дверь и сказал:

— Милости просим.

— Благодарю,— ответил Фердинанд, вскакивая в купе. Следом за ним вошёл провожатый.

— Можете тут спать, так сказать, сколько угодно.

— А эти вагоны никуда не уедут?

— Вы здесь можете спать, так сказать, совершенно спокойно. Только скажите, как долго вы собираетесь спать?

— Дово-о-ольно до-о-о-олго,— ответил, зевая, Фердинанд.— Я здорово устал.

— Очень хорошо, очень хорошо,— удовлетворённо ответил хриплый голос.— Если что-нибудь, так сказать, случится, я вас разбужу. Спи-те спокойно.— И, хлопнув дверью, он вышел из вагона.

Фердинанд разлёгся на мягких подушках — ему повезло, он попал в вагон первого класса — и мгновенно уснул. Его усыпили голоса громкоговорителей.

«Пассажирский поезд до такого-то города отправляется со второго пути...»

«Экспресс до такого-то города отправляется в девять двадцать...»

«Электропоезд из такого-то города опаздывает на три минуты...»

«Скорый поезд до такого-то города, посадка окончена, закрыть двери...»

Тем временем в тёмном закоулке между составами тип в кепке хриплым голосом сговаривался с другим таким же типом, тоже в кепке и тоже говорившим хриплым голосом.

— Всё в порядке,— говорил первый.— Он уже дрыхнет. Я ему сказал, что спать можно сколько угодно...

— Как он выглядит?— допытывался второй.

— С виду человек состоятельный.

— Замечательно!— сказал второй, потирая руки.— Очень люблю состоятельных.

— Эти вагоны прицепят сейчас к поезду,— сказал первый.— Мы заберёмся в это же самое купе, будто знать ничего не знаем...

— И когда поезд войдёт в тоннель...

— Вот именно, когда войдёт в тоннель, мы...
Две кепки приблизились друг к другу, два хриплых голоса что-то зашептали одновременно.

XVII

Наступил вечер. Стало смеркаться. В темноте то здесь, то там вспыхивали огни.

Больше всего огней бывает на вокзале. Точно все лампочки сбежались в одно место и устроили состязание — кто кого пересветит.

Интереснее всего вечером на путях и на перронах. В темноте разноцветные огни выглядят на редкость нарядно — красные; зелёные, жёлтые, синие... Их так много на каждой станции.

В вышине, над путями, подмигивая машинистам, пылают яркие глаза семафоров. Моргнёт зелёный — можно ехать дальше, никакой опасности, путь свободен. Зато когда с вышины семафора моргнёт красный, это значит: как бы ни спешил машинист, надо подождать, пока красный глаз не погаснет и вместо него вспыхнет другой глаз — дружеский, зелёный. Впрочем, красный глаз тоже по-своему красив и тоже нужен, хотя может показаться, будто он только мешает движению. Но если бы не было красного глаза, поезда сталкивались бы друг с другом, происходили бы катастрофы...

Смотреть на разноцветные мигающие огни очень приятно; и я уверен, что Фердинанд, если

бы его не сморил сон, только бы и делал, что смотрел, смотрел, смотрел, смотрел, смотрел, смотрел и не мог бы насмотреться...

Лампочки светили, семафоры подмигивали, а тем временем вагон со спящим Фердинандом прицепили к какому-то поезду. На перроне появился дежурный помощник и, давая сигнал к отправлению, поднял вверх зелёный фонарик. Паровоз загудел, застонал от натуги, и поезд тронулся в далёкий путь. В последнюю минуту в вагон, где спал Фердинанд, вскочили на ходу две тени в надвинутых на лоб кепках.

— Этот вагон?

— Этот.

— Здесь он?

— Здесь.

— Спит?

— Спит.

— Храпит?

— Храпит.

— Один?

— Один.

— Самое главное, чтоб в это купе больше никто не сел,— сказала одна из теней хриплым голосом.

— Не беспокойся,— ответила ей другая.— Мы закроем дверь и никого больше не пустим.

— Будут стучать,— сказала первая тень.

— Ну и пусть стучат,— отозвалась вторая.— Мы прикинемся, будто спим.

— Что ж, давай ложиться. Спокойной ночи.

Один устроился в одном углу, другой — в другом. В третьем углу спал Фердинанд. Четвёртый угол купе был свободен.

Когда поезд, миновав освещённый перрон, оказался в открытом поле, стало совсем темно,

только светились узкие щёлки глаз под козырьками надвинутых на лоб кепок. Время от времени блики пронсящих мимо фонарей озарили на секунду купе, и тогда две пары глаз впились в спящего Фердинанда и хриплые голоса шептали друг другу:

— Шляпа у него будь здоров...

— Смотри, какие брюки...

— Галстук тоже ничего...

— Очень мне нравится его рубашка...

— А ботинки...

— Как раз мой размер...

— Тебе они будут малы...

— Говорю тебе, в самый раз...

— Не ори, разбудишь. Ботинки будут мои...

— Ты в таких ботинках и ходить-то не умеешь...

— А вот увидишь.

Фердинанд глубоко вздохнул в своём углу и шевельнулся. Четыре щёлки мгновенно сомкнулись, и вновь наступила тишина.

Мимо одна за другой проносились станции. Приближаясь к ним, поезд громыхал на стрелках, колёса вагонов тараторили в спешке: «Как живёте? Как живёте?»— и проносились дальше.

— Интересно,— отозвалась вскоре одна из теней,— есть ли у него при себе деньги?

— Да уж, наверно, есть.

— Почему ты так думаешь?

— У таких всегда есть.

— А часы?

— Конечно, есть.

— Часов-то не видно.

— Карманные, кто ж их на руке носит?

— Карманные часы,— тут шёпот стал настолько тих, что слова едва можно было различить,— бывают чаще всего золотые. Дай-ка погляжу.

— Не смей!— тоном приказа остановил его другой.— Всё испортишь. Сейчас будет тоннель...

— Я пощупаю сквозь пиджак...

— Говорю, не смей! Начнём в тоннеле.

В наступившей тишине слышался только стук колёс. Упрямо, монотонно перекликались они между собой.

И вдруг совсем иначе заговорили колёса паровоза. Потом по-другому заговорили колёса почтового вагона, который мчался следом за ним. Потом колёса багажного вагона, который мчался следом за почтовым. Потом колёса первого пассажирского вагона. Потом колёса второго. Потом третьего. Потом колёса всех вагонов заговорили так, словно у них пропал вдруг голос и они осипли.

Поезд вошёл в тоннель.

Грабители сразу очутились возле Фердинанда. Быстро и ловко принялись они снимать с него одежду.

— Сперва шляпу,— послышался шёпот,— чтоб не мешала.

— Готово.

— Теперь ботинки.

— Готово.

— Теперь галстук.

— Готово.

— Теперь пиджак.

— Готово.

— Теперь жилет.

— Готово.

— Теперь рубашку.

— Готово.

— Теперь брюки.

— Сейчас, сейчас. Готово.

— Всё?

— Всё.

— Ну, теперь — ходу!

— Минуточку,— сказал Фердинанд, который давно не спал и чувствовал, что его раздевают.— Минуточку!!! Не спешите!!! Давайте-ка побеседуем.

И залаял так ужасно, как не лаяла ещё ни одна собака на свете.

У незнакомцев в кепках подкосились ноги от страха. Они побросали одежду Фердинанда и попытались, воспользовавшись темнотой, удрать из купе.

Но Фердинанд оказался проворнее. Он вскочил и схватил за ухо сперва одного, потом другого. Он сделал это так ловко, что прихватил каждое ухо с одной стороны.

Слева от него болталась теперь одна кепка, справа — другая.

Зажав в зубах уши грабителей, Фердинанд, конечно, уже не мог говорить, он мог только рычать от ярости, и в рычании смутно слышались слова:

— Ахрр вырр ворр-ришкиррр, зарр-дуррр-марр-лирр мерр-нярр огрр-рарр-битьрр, ярр вамрр порр-карр-журр!

Тоннель как раз кончился. Приближалась станция. Поезд замедлил ход и, тяжело дыша, утомлённый, остановился. Фердинанд, не разжимая зубов, высунулся в окошко.

— Но-рр-силь-рр-щик-рр!— крикнул Фердинанд.

Но ни один из носильщиков не обратил на него внимания.

— Но-рр-силь-рр-щик-рр!— крикнул Фердинанд ещё раз.

И опять ничего не вышло. Носильщики снова ли взад и вперёд по перрону, но ни один из них даже не взглянул на Фердинанда.

— Но-рр-силь-рр-щик-ррррр!— повторил еще раз Фердинанд.

К счастью, крик услышал какой-то старичок. Он остановился и прислушался.

— Вы, кажется, звали носильщика?— сказал старичок.— У вас, верно, насморк?

Фердинанд мотнул головой — дескать, у меня не насморк, и только тут старичок заметил болтающиеся в разные стороны головы воришек.

— Ага,— сказал он,— понятно.

И он подозвал двух дюжих носильщиков. Один из них схватил одного вора, другой — другого. Воры до того трусили, что идти сами были не в состоянии. Между двумя носильщиками, раздетый, с одеждой под мышкой, как с вещественным доказательством, шёл Фердинанд и грозно скалил зубы — он опасался, что один из воришек может вдруг дать тягу.

— В комиссариат!— приказал Фердинанд.

XVIII

— Фамилия?— спросил у Фердинанда комиссар.

— Великолепный,— ответил Фердинанд.

— Имя?

— Фердинанд.

— Возраст?

Фердинанд не знал, что ответить. Сказать правду — комиссару это может показаться подозрительным, прибавить год — значит, во-первых, соврать, во-вторых, красиво ли это, когда посторонние думают, что ты старше, чем ты есть на самом деле?

— Возраст?— повторил комиссар.

Голос у него был строгий, усы — грозные. Он

ещё ни разу не взглянул на Фердинанда. Он задавал вопросы и тут же, не отрывая глаз от стола, делал пометки на бланке.

Фердинанда меж тем пробрал озноб.

— Брумбумпяты!— выпалил Фердинанд, потому что молчать становилось невозможным.

— Прекрасно,— сказал комиссар, не обратив ни малейшего внимания на странную цифру, которую назвал Фердинанд.— У вас ничего не пропало?

— Ничего.

— Были при вас какие-нибудь ценности?

— Нет,— машинально ответил Фердинанд и вдруг вспомнил про медаль.— Простите, пожалуйста, я забыл про одну вещь. Да, при мне были ценности...

— Что это было?— спросил комиссар, ни на секунду не прекращая писать.

— Медаль,— ответил Фердинанд,— золотая медаль.

— Это была лично ваша медаль?

— Да, это была лично моя медаль.

— Можно узнать, где вас наградили?

— Меня наградили на выставке собак.

— Вы увлекаетесь собаками?

— Да, у меня есть к ним некоторый интерес,— ответил Фердинанд, к которому вернулось его обычное самообладание.

— Скажите, эту медаль у вас не похитили?— спросил комиссар.

— Минуточку, сейчас проверю.— И Фердинанд, всё ещё голый, принялся рыться в карманах.— Здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет, здесь нет и здесь нет. Сейчас, ещё один карман... Здесь тоже нет. Комиссар, у меня украли эту медаль.

— Не огорчайтесь,— ободрил Фердинанда ко-

миссар.— Мы сделаем всё, что от нас зависит, чтобы вернуть вам пропажу. Побудьте пока здесь, а я поговорю с преступниками.

И, не взглянув на Фердинанда, комиссар вышел из комнаты.

Фердинанд принялся терпеливо ждать. Холод пробирал его всё сильнее и сильнее. Фердинанд принялся размышлять:

«Стоит ли мёрзнуть... никто даже не замечает, что я раздет... не смотрят вовсе на вещественные доказательства... им ни к чему, что я поймал воров в тоннеле, когда они снимали с меня одежду... но, может быть, это неважно... а я думал, что надо сделать непременно так, чтоб не осталось сомнений, что именно они меня раздели и хотели унести костюм... уж лучше я всё это на себя надену, потому что в костюме я согреюсь, а без костюма... брр...»

И Фердинанд не спеша стал одеваться. Он уже завязывал галстук, когда в дверях появился комиссар.

— Должен вас поздравить, пан Великолепный!— крикнул комиссар с порога.— Благодаря вам мы поймали двух опасных грабителей. Вы сделали это просто великолепно, пан Великолепный!

Фердинанд скромно потупился.

— Ничего особенного...

— Превосходно!

— Пустяки...— шёпотом проговорил Фердинанд.

— Я горжусь вами!

— Есть о чём говорить,— буркнул Фердинанд.— Просто мне удалось их задержать, вот и всё.

— Всё было проделано замечательно, просто замечательно! К сожалению, должен вас огорчить.

— Что случилось?— спросил обеспокоенный Фердинанд.

— Вашей медали не нашли.

— Не нашли?

— Нет, не нашли.

— Ой-ой-ой!— жалобно заскулил Фердинанд.

— Они говорят, будто её не видели.

— Ой-ой-ой!

— Не припоминают...

— Ой-ой-ой!

— Говорят, что медали у вас не было.

— Ой-ой-ой!

— Потому что, если бы у вас была медаль, они взяли бы её в первую очередь.

— Ой-ой-ой!

— Говорят, что они обшарили все ваши карманы.

— Ой-ой-ой!

— И ни в одном медали не было...

— Ой-ой-ой!

— Вы, кажется, расстроились?— с сочувствием спросил комиссар.

— Ой-ой-ой, я нисколечко не расстроился,— простонал Фердинанд.

— Так в чём же дело?

— Мне страшно, комиссар, страшно... Ой-ой-ой!

— Чего вы так боитесь, пан Великолепный, в чём дело?

— Вас боюсь. Ой-ой-ой!

— Почему?

— Боюсь, посадят.

— Посадят в тюрьму? За что?— спросил комиссар, которого этот разговор начал забавлять.

— За медаль, комиссар, ой-ой-ой... ой-ой-ой... ой-ой-ой... За эту медаль...

— Ничего не понимаю,— сказал комиссар.

— Я дал ложные показания, ой-ой-ой!

— Ложные?

— Ведь медаль при мне. Только сейчас мне пришло в голову, ой-ой-ой. Я искал её во всех карманах, и воры искали её во всех карманах, а её, ой-ой-ой, там не было. Я вспомнил, она у меня на шее. Скажите, сколько?..

— Что — сколько? — удивился комиссар.

— Сколько за это? — жалобно скуля, допытывался Фердинанд.

— За что?

— За дачу ложных показаний. Сколько лет?

— Давайте забудем про этот случай, — с улыбкой сказал комиссар. — Самое главное, ваша медаль, ваша золотая медаль не пропала. Фердинанд, куда вы?

Фердинанд был уже в дверях. Вместо ответа он выпалил скороговоркой:

— Сейчас вернусь. Мне надо извиниться перед ворами, ведь я обвинил их в воровстве.

XIX

После всех этих ужасных волнений Фердинанд отправился в парк, чтобы немного рассеяться. Он сел на скамейку под развесистым каштаном, заложив ногу на ногу, откинулся на спинку и решил некоторое время ни о чём не думать. Он следил за облаками, скользившими по небу, слушал щебет птиц в листве, на душе у него было необыкновенно легко и весело.

Времени хоть отбавляй, спешить некуда, дел никаких. С чистой совестью мог сидеть Фердинанд на скамейке и отдыхать.

И вдруг, увидев мальчишку, который ел эскимо, Фердинанд машинально облизнулся и почув-

ствовал: что-то с ним произошло, что-то изменилось, что-то случилось, что-то не в порядке.

Вначале он не придавал этому особого значения, но, когда понял, что облизывается во второй раз, ему стало не по себе.

Фердинанд проверил языком. Да, сомнений не было. Случилось непредвиденное. Он проверил ещё раз. Увы, это была правда. Опять коснулся языком. Да, нечто ужасное. И теперь уже Фердинанд никак не мог удержаться от того, чтобы беспрестанно не ощупывать языком надломленный зуб.

Фердинанд был до такой степени поглощён этим занятием, что не заметил, как на скамейку рядом с ним села какая-то дама.

Дама некоторое время читала газету, потом аккуратно её сложила, спрятала в сумочку и взглянула на Фердинанда. А тот всё притрагивался и притрагивался языком к сломанному зубу. Дама наблюдала за ним с любопытством.

«Удивительно смесной человек,— подумала она. Дама шепелявила так сильно, что шепелявила даже тогда, когда ей приходилось думать, а подобные явления, как мы знаем, встречаются редко.— Цего он так облизывается?»

Вслух она сказала:

— Извините, позалуйста, с вами сто-нибудь случилось?

Фердинанд вздрогнул, точно его разбудили. Посмотрел на даму, приподнял в знак приветствия котелок и сказал:

— Собственно, всё в порядке. Чувствую я себя неплохо. Только вот...

Не успел он закончить, как дама его перебила.

— Вот именно!— заверещала она.— Вот именно! Казется, я угадала: вас беспокоит зубик.

- Признаться, да,— сказал Фердинанд.
- Болит?— осведомилась дама.
- Нет, не болит.
- Любопытно! Хуже всего как раз те зубы, которые не болят, не болят, а потом вдруг как заболят, как заболят... Уз вы мне поверьте.
- У меня совсем другое. По правде сказать, зубы у меня замечательные.
- Сто зе тогда с вами?
- У меня отломился кусочек зуба.
- И вы говорите, сто зубы у вас замечательные! Замечательные зубы не красятся.
- Иногда самый лучший зуб обломится.
- Отчего зе он у вас обломился?
- Не знаю,— ответил Фердинанд,— никак не могу сообразить, отчего обломился.
- Мозет быть, короцка хлеба?
- Нет.
- Мозет быть, зёсткий бифтекс?
- Нет.
- Мозет быть, проволоцка в хлебе?
- Нет.
- Мозет быть, хрястик в колбасе?
- Хрящик — пустяки.
- Для кого как,— покачала головой дама.— Я, например, четырнадцать лет назад сломала себе зуб колбасой.
- Колбасу я давно не ел.
- Это неважно, ели вы или нет. Всё равно нужно идти к врачу. А то будет хуже. Послушайте меня.
- Пожалуй, вы правы. Только я ни одного врача здесь не знаю.
- Сейчас дам вам адрес. Он зивёт недалеко отсюда. Доктор Дивро. Цудесный целовек. Всё-таки интересно, обо сто вы сломали зуб?

— Вспомнил!— торжествующе крикнул Фердинанд.— Я сломал его о воров.

— Простите, позалуйста,— удивилась дама,— не хотите ли вы сказать, сто вы питаетесь ворами?!

— Я их не ел, я их ловил,— с достоинством ответил Фердинанд.

— Зубами?— осведомилась дама, и в голосе её послышалось недоверие.

— Да, пришлось зубами. Их было двое — неудивительно, что зуб не выдержал и надломился.

— Возможно,— сказала дама и капельку отодвинулась. Она знала, что сумасшедшим ни в каком случае нельзя возражать.— Непременно сходите к доктору Дивро. До свиданья, мне уже пора.

Про себя она подумала:

«Надо уносить ноги, опасный псих. Привяжется есё... Сто мне тогда делать?»

Фердинанд остался один.

«Надо, пожалуй, сходить к врачу,— подумал Фердинанд, ловя себя на том, что непрерывно водит языком по зубам.— Ведь не могу же я всю жизнь щупать и щупать языком зуб. Может, доктор поможет. Раз, два, три — вставай, Фердинанд! Пошли к доктору Дивро».

Доктор Дивро оказался на редкость обаятельным человеком. Все в городе хорошо его знали, поэтому Фердинанд отыскал его дом без труда.

В приёмной было много народу. Фердинанд уселся на единственный свободный стул возле стены. Лица у ожидающих были очень серьёзные. Ни смеха, ни шуток, никто не рассказывает анекдотов. Все думают только об одном: о том, что ждёт их за дверьми кабинета, где принимает доктор Дивро и где рано или поздно окажутся и они.

Фердинанд впервые в жизни попал на приём к зубному врачу. Легко ли сохранить серьёзность? Ему стоило большого труда не фыркнуть прямо в лицо этим перепуганным людям. Никогда ещё за всю свою жизнь не приходилось видеть сразу столько серьёзных людей. «Надо что-то предпринять,— решил Фердинанд,— не переносу грустных людей».

В тишине приёмной послышался его голос:
— Скажите, вы умеете давать лапу?

Он обратился с этим вопросом к своему соседу, старичку, похожему не то на директора, не то на профессора, а может быть, даже на академика.

— Не понимаю, что вы имеете в виду,— ответил очень серьёзно старичок.

— Я имею в виду лапу. Вот я, например,— пояснил Фердинанд,— умею давать и правую и левую.

— Ну и давайте себе на здоровье.

— Ничего не выйдет. Вы думаете, это так просто? Можно ли дать лапу самому себе? Лапу можно дать только кому-нибудь. Я, например, могу дать вам, вы — мне.

Больные начали улыбаться.

— Вот вам моя лапа,— сказал Фердинанд.— А теперь дайте мне свою.

Старичок, поколебавшись, протянул Фердинанду руку.

— Пожалуйста.

— Превосходно! — воскликнул Фердинанд.— Вы делаете это замечательно. А теперь дайте лапу вон той даме.

И больные, изнемогая от смеха, стали давать друг другу лапу.

Когда доктор Дивро открыл дверь кабинета, чтобы крикнуть: «Следующий!» — он увидел в

своей приёмной толпу хохочущих людей. Посреди комнаты, на полу, сидел какой-то неизвестный ему пациент и изображал собаку, которая учится служить. Выходило это у него страшно неуклюже.

XX

Каждые десять — пятнадцать минут доктор Дивро открывал дверь и говорил: «Пожалуйста, следующий!»

Народу в приёмной становилось всё меньше.

Под конец остались двое: Фердинанд и старичок, похожий не то на директора, не то на академика.

Фердинанд пришёлся старичку по душе. Старичок был очень доволен, что благодаря новому знакомству он незаметно и весело скоротал время.

— Теперь вы... — сказал Фердинанд.

— Я? — переспросил старичок.

— Теперь ваша очередь.

— Ну да, — согласился старичок. — А может быть, вы хотите вперёд?

— Я? — переспросил Фердинанд.

— Вы, вы!

— Но ведь я пришёл позже вас! — нашёлся Фердинанд.

— Неважно! Я не спешу!

— Я тоже.

— Вы мне так понравились, что я охотно пропущу вас вперёд.

— Вперёд вас... ни за что на свете!

— Можете идти с чистой совестью. Я посижу и пойду потом.

— Нет, нет, нет! — запротестовал Фердинанд. — Только после вас.

— Впрочем, зачем спорить?.. Так или иначе, каждому придётся войти туда, сесть в это ужасное кресло, открыть рот и ждать, когда начнут сверлить этим жутким сверлом зубы. Если мы этого не сделаем, с нами случится то же самое, что случилось с Перепупом.

— С каким Перепупом? — спросил Фердинанд, вытаращив глаза.

— Как, вы не знаете этой истории?

— Не знаю, — ответил Фердинанд.

— История Перепупа весьма поучительна, — сказал старичок. — Она лишний раз доказывает, как важно своевременно посещать зубного врача. Вот послушайте:

Жил на свете Перепуп,
Перепуп,
Перепуп.
У него был с дыркой зуб,
зуб с дырою,
гей!

Стала челюсть как арбуз,
как арбуз,
как арбуз, —
это был огромный флюс,
флюс огромный,
гей!

Перепуп пошёл к врачу,
да, к врачу,
да, к врачу:
«Подлечиться я хочу,
подлечиться,
гей!»

Врач ответил: «Не беда,
не беда,
не беда,
зубик вырвем без труда,
вместе с корнем,
гей!» —

«Нет, — воскликнул Перепуп,
Перепуп,
Перепуп, —
это мой последний зуб...
Оставьте мне его, пожалуйста, на
память, доктор.
Гей!»

— Из этого следует, — сказал Фердинанд, — что Перепуп впервые в жизни пошёл к врачу только тогда, когда у него разболелся его последний зуб.

— Вы попали в самую точку, — ответил, обрадовавшись, старичок.

— Сколько раз вы были у зубного врача? — спросил Фердинанд.

— Может, сто, а может, и больше.

— Хо-хо, — удивился Фердинанд.

— А вы? — спросил в свою очередь старичок.

— Я... я... о, я, конечно, бывал много раз, но точно припомнить не могу, — бросил небрежно Фердинанд.

Думаете, соврал? Ничуть не бывало. Фердинанд в самом деле посещал зубного врача, но приходил туда не по своей надобности. Во избежание недоразумения уточним: хозяин, отправляясь к зубному врачу, несколько раз брал с собой Фердинанда.

— Вы правильно поступаете, что заботитесь о зубах, — похвалил его старичок.

— Ничего не поделаешь, — скромно ответил Фердинанд, — мои зубы — всё моё достояние.

Старичок взглянул на Фердинанда с интересом.

— Догадался! — воскликнул он. — Вы, наверно, артист?

Фердинанд не знал, что и ответить. Разумеется, в глубине души он считал себя артистом,

но нельзя же было открыто заявлять об этом.

К счастью, из затруднительного положения его спас доктор Дивро. Появившись в белом фартуке в дверях кабинета, он крикнул: «Пожалуйста, следующий!»

Старичок улыбнулся Фердинанду и, махнув на прощание рукой, скрылся в кабинете.

Фердинанд остался в приёмной один. На столе кипой лежали иллюстрированные журналы. Фердинанд взял один из них, желая скоротать время. Перелистывая журнал, он думал:

«Теперь уже другого выхода нет... придётся мне помучиться на этом ужасном кресле... теперь моя очередь... ничего не поделаешь... взялся за гуж — не говори, что не дюж... необходимо следить за зубами, иначе не разгрызёшь самой пустяковой кости, а что за жизнь без костей... это не жизнь, не жизнь и ещё раз не жизнь... без костей нет радостей... если будет очень больно, я дам ходу... тут никто меня не знает... вот только потом со мной может случиться то же самое, что случилось с Перепупом...»

И Фердинанд принялся напевать песенку, которой научил его старичок.

Жил на свете Перепуп,
Перепуп,
Перепуп.
У него был с дыркой зуб,
зуб с дырою,
гей!

XXI

— Пожалуйста, следующий,— сказал доктор Дивро, распахнув дверь кабинета.

Фердинанд поднялся со стула:

— К вашим услугам.

— Очень приятно.

— Быть вашим пациентом — сплошное удовольствие.

— С радостью займусь вашими зубами.

— Все мои зубы в вашем распоряжении.

— Постараюсь не причинить им ни малейшей неприятности.

— Отдаю свои зубы в ваши руки.

— Надеюсь, мои руки оправдают доверие ваших зубов.

— Я в восторге. Вижу, у нас с вами одинаковые взгляды.

— Смею уверить, мой восторг не меньше вашего.

— Великолепно!— воскликнул Фердинанд.— Тогда давайте радоваться вместе.

И, схватив за руки доктора Дивро, Фердинанд, словно в вальсе, закружился с ним по комнате. Доктору это так понравилось, что он принялся притопывать ногами, хотя в вальсе притопывать не полагается. В вихре танца влетели они в кабинет.

И вдруг, одурев, замерли посредине. Они так здорово закружились, что всё поплыло у них перед глазами. Доктор Дивро в изнеможении опустился на стул.

— Ой-ой-ой!— сказал он.— Ну и кружится голова! Ой-ой-ой!

Фердинанд еле устоял на ногах. Ему нравилось, что всё плывёт у него перед глазами: то появится белое кресло с поручнями, то шкаф с инструментами, то доктор Дивро на краешке стула, то бор-машинка, то снова кресло, снова шкаф, доктор, машина и ещё раз кресло, шкаф, доктор, опять машина и снова то же, и снова, только медленнее и медленнее, пока наконец всё не остановилось.

— Это было великолепно!— воскликнул Фер-

динанд.— Впервые в жизни у меня закружилась голова.

— Что вы говорите?— спросил, не веря своим ушам, доктор.— У вас никогда раньше не было головокружения? Разве вам не приходилось кружиться на одном месте?

— Нет,— ответил Фердинанд. И тут же вспомнил, что кружился не раз, пытаясь поймать свой хвост.— То есть я хочу сказать, мне не приходилось кружиться на ногах стоя. Раньше я кружился на четвереньках. Уверяю вас, это совсем другое.

Доктор Дивро бросил недоумевающий взгляд на Фердинанда, однако и виду не подал, что это показалось ему не вполне нормальным. Впрочем, от такого кружения мысли тоже могли закружиться не в ту сторону.

— Да, да, разумеется, совсем другое,— поддакнул он Фердинанду.— Может, сядем теперь в кресло?

Фердинанд сел в кресло.

— Откройте, пожалуйста, рот.

Фердинанд открыл.

Доктор Дивро стал осматривать зубы.

— Фьююююю, фьююююю,— сказал он с изумлением,— давно не видел таких замечательных зубов!

— Очень приятно слышать,— ответил Фердинанд, стараясь говорить как можно отчётливее. Но попробуйте говорить отчётливо, когда врач засунул вам в рот обе руки.

— У вас всё в порядке,— сказал доктор Дивро.— Что привело вас ко мне?

— У меня, доктор, создалось впечатление, будто у меня сломался зуб.

— Где?

— Сплава, втолой от конца.

— Сейчас проверим,— сказал доктор Дивро и

стал проверять второй зуб от конца справа.— Действительно, откололся кусочек, совсем маленький, но это никакой роли не играет.

— Никакой лоли...— повторил Фердинанд.— Я хочу, чтоб у меня все зубы были в поладке. Зубы — это всё моё достояние.

— Конечно, конечно,— поддакнул доктор.

— Чем же я иначе буду глызть?

— Конечно, конечно,— снова поспешил согласиться доктор Дивро.— Хорошо разгрызёшь — хорошо переваришь.

— Кто может заглызть, того бояться,— добавил Фердинанд и в пояснение чуть сдвинул челюсти.

— Ай-ай-ай!— крикнул доктор и отдёрнул руку.

— Ну как?— спросил Фердинанд.

— Надо что-то предпринять.

— Что?

— Может, наденем коронку?

— Коронку?— удивился Фердинанд.— Ведь я не королевич.

— Я говорю о коронке на зуб, а не о короне на голову,— заметил доктор.

— На зуб так на зуб, мне всё равно,— заявил Фердинанд.

— А золото у вас есть?

— Какое золото?

— На коронку. Коронки делают из золота.

— Да, я об этом слышал,— сказал Фердинанд.— А можно использовать медаль?

— Вы, наверно, хотите сказать: металл. Конечно, можно сделать коронку из металла, но это будет уже не то.

— Вы меня не поняли, доктор, я говорю о медали...

— О металле?

— О медали...

— О металле...

Молниеносно вытащил Фердинанд медаль, которую носил на шее.

— Это что?— спросил он.

— Медаль,— ответил Дивро.

— Какая?

— Золотая.

— Может, это металл?— спросил с насмешкой Фердинанд.

— Пожалуйста, извините меня...— сказал доктор.— Это действительно медаль, настоящая золотая медаль, из неё я сделаю вам великолепную коронку на второй зуб от конца справа.

— Большое спасибо, это как раз то, что мне нужно.

Фердинанд сел поудобней и шире раздвинул челюсти. Доктор Дивро достал из шкафчика коробочку и начал перебирать свёрла. Свёрла звякали, ударяясь друг о друга. Звук был неприятный. Фердинанд почувствовал, как по телу пробежали мурашки.

— Что вы собираетесь делать?— спросил он с растущей тревогой.

— Придётся подпилить зуб, потом наденем коронку,— невозмутимо пояснил Дивро.

— Разве это необходимо?

— К сожалению, да.

— Что ж, пилите,— сказал с решительностью Фердинанд.

Доктор Дивро нашёл наконец нужное сверло, вставил его в наконечник и повернул выключатель. Машина загудела, и неприятное гудение наполнило собой всю комнату. Сердце у Фердинанда ушло в пятки.

— Да вы не бойтесь,— ласково успокоил его доктор Дивро.— Прежде чем сверлить, я вас усыплю. Вы не почувствуете боли. Проснётесь — всё будет кончено.

Он взял со столика шприц и сделал Фердинанду укол. Фердинанд почти мгновенно уснул. Сквозь сон до него доносилось только звяканье инструментов доктора Дивро...

Проснувшись, Фердинанд решил, что откроет глаза не сразу. Инструменты всё ещё звякали.

«Ну и возится этот доктор,— подумал Фердинанд.— Странно, почему у меня нет ощущения, что он чинит мне зуб... Наверно, это происходит из-за укола. Кончит — скажет».

И Фердинанд решил подождать, пока доктор сам к нему не обратится.

Вдруг ни с того ни с сего вместо голоса доктора он услышал голос хозяина.

— Опять толкаешься, Фердинанд? Не слишком ли много ты себе позволяешь?

Фердинанд открыл сперва один глаз, потом другой и увидел, что лежит рядом с хозяином на диване. Фердинанд растерялся... Что же происходит?

— Подвинься, подвинься,— просил хозяин.— Это безобразие... Ты опять меня спихиваешь.

Фердинанд подвинулся немного, изумление его всё росло и росло. В голове была неразбериха. Ведь он ясно слышал звяканье инструментов доктора. Впрочем, действительно ли это инструменты? Ничего подобного! Это звякают на кухне ножи, ложки и вилки, когда их моют после обеда.

— Не колись!— кричит ложка вилке.

— Поосторожней, не то меня покалечишь!— говорит чашка, обращаясь к острому ножу.

— Где мой муж — сковородник?!— кричит в отчаянии сковорода.

— Всё ясно,— пробурчал вполголоса Фердинанд.— Я дома... Лежу на диване, рядом лежит хозяин, рядом с хозяином газета, на кухне разговаривают друг с другом тарелки, вилки и ложки — в общем, всё, как обычно. Где же доктор Дивро?

Нет никакого доктора Дивро. А золотая коронка на зубе? Нет никакой коронки. Минуточку... Какой это был зуб? Справа, второй от конца. Проверим...

Кончиком языка Фердинанд стал проверять зуб за зубом.

— Ее-есты!— завопил он от радости и соскочил с дивана.

В диване заговорили пружины:

— Дрим!..

— Гьям!..

— Бряк!..

— Ее-есты!— снова завопил Фердинанд и принялся как сумасшедший носиться по комнате.

Справа, на втором зубе от конца, он нащупал языком великолепную золотую коронку! Он подбежал к хозяину и, желая похвастаться, широко разинул пасть.

— Ты что скалишь зубы, Фердинанд? Сдурел, что ли?— сказал хозяин равнодушным голосом и, вместо того чтобы полюбоваться золотой коронкой, сунул нос в газету.

«Не хочешь — не надо,— подумал Фердинанд.— Может, кто другой оценит».

Но и с другими ему не повезло. Стоит только Фердинанду разинуть пасть, чтобы показать свою великолепную коронку на втором зубе справа от конца, как люди шарахаются, а хозяин кричит:

— Спокойно, Фердинанд, спокойно!

Чтоб его не сочли злой собакой, Фердинанд теперь всё реже открывает пасть, и потому о золотой коронке и обо всех его приключениях знаем только мы двое — Фердинанд и я.

**Проснись,
Фердинанд!**

ТЕЛЕЖУЧОК

I

Фердинанд устроился в кресле перед телевизором. Прежде чем сесть, он слегка подтянул брюки — чтоб не измялись. Наверно, кое-кто догадывается, что это были знаменитые брюки, сшитые у знаменитого портного по фамилии Догг. Затем Фердинанд заложил ногу на ногу. Все серьёзные люди, которые что-то из себя представляют, садясь перед телевизором, обязательно кладут ногу на ногу. Кресло было мягкое и удобное, сидеть в нём было приятно.

Итак, Фердинанд сидел в кресле и не отрываясь смотрел на экран! А на экране, как это всегда бывает, мелькало всякое разное. Сперва передавали новости. Фердинанд внимательно их выслушал: он считал делом своей чести разбираться во всём, что происходит на свете. Он сгорел бы от стыда, если б встретил на улице знакомого и на его вопрос: «Что слышно в Занзибаре, Фердинанд?» — не сумел бы дать никакого ответа.

Бррр! Даже дрожь пробежала по телу при одной только мысли об этом.

«Такого быть не должно!» — подумал Фердинанд и, затаив дыхание, прослушал последние известия до конца, а потом, пока минут пятнад-

цать передавали рекламу, он повторил про себя все известия раза три наизусть.

— Теперь меня не поймаете врасплох! — пробурчал Фердинанд, гордясь самим собой. — Пусть кто угодно встретится мне на улице, в парке или там где-нибудь ещё, пусть спросит про какие угодно события, и он получит от Фердинанда Великолепного толковый и обстоятельный ответ. Bravo, мой Фердинанд, bravo! Тебя следует похвалить. В награду смотри себе дальше телевизор.

Реклама кончилась, стали передавать спектакль для малышей.

— Это несерьёзно, — с неодобрением протянул Фердинанд и отвернулся.

Но долго выдержать не мог. Очень уж было интересно узнать, что же всё-таки дальше. Время от времени он косил на экран то одним, то другим глазом, потом отворачивался и говорил:

— Несерьёзно...

И всё, может быть, оттого, что Фердинанд, насколько мне известно, никогда не был дошкольником. Как ему удалось этого избежать, точно сказать не могу. Известно только, что дошкольником он никогда не был, и всё тут. Как это случилось, докапываться не станем. Представится случай — попытаемся выяснить, по какой причине Фердинанд обошёл дошкольный возраст. А пока отметим, что Фердинанд не был поклонником передач для малышей.

— Несерьёзно, — протянул Фердинанд в третий раз, и в ту же секунду представление окончилось. — Слава богу, — сказал Фердинанд. — А теперь что?

Откровенно говоря, он мог бы заглянуть в телевизионную программу и удовлетворить своё любопытство, но программа лежала на столике

поодаль, а вставать Фердинанду не хотелось. Если ты удобно устроился в кресле, то вставать неохота, правда?

— Подумаешь,— сказал с пренебрежением Фердинанд.— Что будет, то будет. Не сдвинусь с места, мне тут хорошо. И случилось так, что через какую-нибудь минуту на экране появился утенок Дональд.

Вы, конечно, ожидаете, что Фердинанд отвёл взгляд от экрана и снова буркнул: «Несерьёзно». Ничего подобного! Фердинанд подскочил от радости и завопил:

— Дональд! Как поживаешь?

— Превосходно!— отозвался Дональд.—
А ты?

— Я?.. Я замечательно!— ответил Фердинанд.— Что ты сегодня будешь показывать?

— А... Одну такую историю...

— Весёлую?

— Сам увидишь. Впрочем, если хочешь, можешь к нам присоединиться. Время есть?

— Конечно,— ответил Фердинанд.

— Тогда иди сюда.

— Иду!— сказал Фердинанд и поднялся с кресла.

Как раз в этот момент в прихожей раздался звонок.

— Начинать без меня!— крикнул Дональду Фердинанд.— Я сейчас... Посмотрю только, кто там трезвонит.

И он заторопился в прихожую.

— Кто там?— спросил Фердинанд.

— Откройте!— послышался за дверью решительный голос.

Фердинанд открыл. На пороге появился могучего телосложения мужчина. Не ожидая приглашения, мужчина энергичным шагом вошёл в переднюю.

— Телевизор у вас есть?— спросил мужчина.

— Есть,— ответил Фердинанд.— Очень хороший телевизор, с самым большим экраном, какой только бывает. Можете убедиться...

При этих словах Фердинанд взмахнул лапой, приглашая могучего мужчину следовать в комнату, где стоял телевизор.

— Давно вы его купили?— спросил мужчина, следуя по пятам за Фердинандом.

— Оооо... Давным-давно, сам не помню когда,— небрежно ответил Фердинанд.

— И дорого, наверно, заплатили?— продолжал допытываться могучего сложения мужчина:

— Довольно дорого,— ответил Фердинанд.— Но разве это так важно? Главное, он великолепно работает. Взгляните.

Дональд, взбивавший ногами пену для пирожного, которое называется «безе», гаркнул при виде мужчины:

— Привет, великан!

Могучего сложения мужчина стал всматриваться в телевизор, затем сказал:

— Не вижу никакого великана... Кому он это?

— Тебе говорю, верзила, тебе,— сказал Дональд, вытянув в его сторону крыло, которое, выйдя из экрана, повисло в воздухе.

— Только, пожалуйста, без рук!— крикнул могучего сложения мужчина.— Руки при себе!

— Великолепный телевизор, а?— произнёс с гордостью Фердинанд.— Вы согласны?..

— Не согласен! — гаркнул мужчина.— Ни с чем я не согласен! Это глупые шутки.

— Шутки не бывают глупые!— отозвался с экрана задетый за живое Дональд.— Кто оскорбляет шутку, того надо проучить.

Сказав так, он брызнул пеной в левый глаз могучего мужчины.

— Сами видите, какой великолепный телевизор...— произнёс вне себя от восторга Фердинанд.

— Ничего я не вижу! Ничего не вижу! — кричал могучего сложения мужчина.— Во всяком случае, левым глазом не вижу! Что мне теперь делать?

— Лучше всего слизать,— посоветовал Дональд.— Пена высшего качества. Жена велела мне её взбить... Она собирается печь безе. Вы только попробуйте, какая сладкая... Может, и в другой глаз добавим, а?

Могучего телосложения мужчина повернулся на всякий случай к телевизору спиной.

— А вы, Великолепный,— обратился он к Фердинанду, протирая платком левый глаз,— за всё это заплатите. Покажите-ка квитанцию о регистрации телевизора.

— Чего-чего?— спросил Фердинанд.

— Квитанцию, где удостоверяется, что ваш телевизор зарегистрирован и что плата за пользование телевизором внесена сполна, включая текущий месяц.

— Впервые слышу...— сказал Фердинанд.— Я думал, раз купил телевизор, значит, смотри сколько угодно...

— Увы, гражданин Великолепный, увы,— с насмешкой отозвался могучего телосложения мужчина.— Вы не пожалели денег на покупку вышеозначенного телевизора, но жалеете каких-то пятьдесят злотых, чтоб платить каждый месяц по абонементу...

— По чему, по чему?..

— Я сказал ясно: по а-бо-не-мен-ту. Не знаете, что это такое?

— Не знаю,— чистосердечно признался Фердинанд, потому что и в самом деле не знал.

— Вы ещё узнаете, гражданин Великолепный, узнаете! А знаете, где вы об этом узнаете?

— Представления не имею,— ответил Фердинанд.

— В суде, Великолепный, в суде. Там вас научат, как соблюдать правила и уважать контролёра при исполнении служебных обязанностей. За то, что размахивали своими лапами у меня под носом... За то, что брызгали пеной в глаза... За всё это заплатите, Великолепный!

— Дональд, ты слышишь?— крикнул Фердинанд в отчаянии своему приятелю.

Но Дональда на экране уже не было. А была там одна известная дикторша, которая зачитывала какое-то сообщение, не обращая при этом внимания на Фердинанда. Зато могучего телосложения мужчина стал с радостью составлять протокол.

II

Повестка в суд пришла очень скоро. Едва за могучим мужчиной захлопнулась дверь, как вновь затрезвонил звонок и на пороге появился знакомый почтальон.

— Распишитесь, пожалуйста, Великолепный,— сказал почтальон.— Вот письмо.

— Расписаться?— переспросил Фердинанд.— До сих пор я что-то не расписывался за письма.

— Это письмо не обыкновенное.

— Какое ж оно?

— Это служебное письмо,— торжественно произнёс почтальон, протянув Фердинанду квитанцию и указав химическим карандашом место, где ему следовало расписаться.

— А если не распишусь?— спросил Фердинанд.

— Тогда у вас будут неприятности, Великолепный,— сказал почтальон.

— А если распишусь?

— Тогда у вас тоже будут неприятности.

— Вот так штука!— удивился Фердинанд.— И так неприятности, и так неприятности? Ничего не понимаю.

— Видите, в чём дело, Великолепный,— принялся втолковывать ему почтальон,— если вы не распишетесь, то у вас будут две неприятности, а если распишетесь, тогда одна. Вы понимаете?

— Не очень,— простодушно сказал Фердинанд.

— И в этом нет ничего удивительного,— заметил почтальон.— Всё это не так-то просто. Знаете, что это такое?— спросил он, размахивая перед носом у Фердинанда конвертом, запечатанным сургучными печатями.

— Очень красивое письмо...

— Красивое...

— А вам что, не нравится?— спросил удивлённый Фердинанд. Ему никак не понять, что такое красивое письмо может кому-то не нравиться.

— Не в том дело — нравится или нет,— ответил почтальон, который начал уже терять терпение.— Письмо, может быть, и красивое, но ведь там повестка в суд!

— Кому повестка?

— Вам.

— Мне?

— Да, да, вам, гражданин Великолепный.

— Это очень мило, что мне прислали приглашение в суд,— обрадовался Фердинанд.

— Не приглашение, а повестку,— поправил его почтальон.

— А какая разница?

— Очень большая,— пояснил почтальон.— Сами, впрочем, увидите. Не распишетесь на этой квитанции, будут у вас, как я уже сказал, две неприятности, а распишетесь, тогда только одна.

— Какая?— поинтересовался Фердинанд, всем этим сильно заинтригованный.

— Судебный процесс,— официальным тоном ответил почтальон.

— А если не распишусь?..

— Тогда у вас будет,— продолжал тем же официальным тоном почтальон,— два судебных процесса. Один за то, что вы не расписались, и другой, который у вас уже есть.

— Но у меня нет никакого судебного процесса,— запротестовал Фердинанд.

— Так только кажется,— хмыкнул почтальон.— Этот конверт — лучшее доказательство, уважаемый Фердинанд, что судебный процесс у вас есть, или, говоря иными словами, будет в ближайшем будущем.

— Посоветуйте, дорогой почтальон, как мне быть: расписаться на квитанции или нет? — взмолился в отчаянии Фердинанд.

— Знаете,— сказал почтальон, немного подумав,— одна неприятность лучше, чем две.

— Значит...

— Вы уж распишитесь.

Фердинанд взял у почтальона химический карандаш и самым красивым почерком написал в соответствующем месте:

*Фердинанд
Великолепный*

— Красиво, а?— спросил он с гордостью.

— Изумительно,— признался почтальон.— Редко кто в наше время так расписывается.

А теперь возьмите письмо. До свиданья, Великолепный. Не вешайте хвост!

Дверь за почтальоном захлопнулась, и Фердинанд остался один.

— Ничего не поделаешь,— проворчал себе под нос Фердинанд.— Конверт придётся вскрыть.

Он провертел маленькую дырочку в одном из уголков и стал заглядывать внутрь конверта. Поскольку, однако, увидеть ничего не удалось, он стал увеличивать и увеличивать дырочку, пока не разорвал весь конверт. В конверте оказался розовый бланк.

В самом верху большими буквами было напечатано одно только слово:

П О В Е С Т К А

Ниже, буквами поменьше, был напечатан следующий текст:

Настоящей повесткой гражданин Фердинанд Великолепный («Фердинанд Великолепный» было вписано от руки) вызывается в суд такой-то и такой-то в городе таком-то и таком-то в день такой-то и такой-то, в час такой-то и такой-то в качестве ОБВИНЯЕМОГО («обвиняемого» было подчёркнуто чернилами). Фердинанд Великолепный обвиняется в том, что он является тележучком, то есть хозяином телевизионного аппарата, не зарегистрированного согласно существующим правилам, а также в том, что уклоняется от взносов платы по телеабонементу. В случае, если обвиняемый не явится в суд в назначенный день, он наказуется тремя месяцами заключения, или штрафом в размере тридцати тысяч злотых, или тем и другим вместе. Кроме того, гр. Фердинанду Великолепному надлежит отвечать за оскорбление контролёра при исполнении служебных обязанностей.

Внизу было множество печатей и две размашистые, неразборчивые подписи.

— Надо ж такому случиться!— горько вздохнул Фердинанд, и на глазах у него навернулись слёзы.— Тележучок!— твердил он в отчаянии.— Обвиняемый! Незарегистрированный телевизионный аппарат! Уклоняется от взносов! Три месяца заключения! Тридцать тысяч злотых штрафа! То и другое вместе. Оскорбление контролёра при исполнении служебных обязанностей! Повестка! Суд! Печати! Подписи! Караул! Караул!! Караул!!!

III

В назначенный день Фердинанд пришёл в суд.

— Вы по какому делу?— спросил Фердинанда у входа дежурный.

— По своему собственному,— ответил Фердинанд.

— Это мне ровным счётом ничего не говорит,— рассердился дежурный.— Повестка есть?

— Есть,— ответил Фердинанд и стал доставать розовую бумажку.

— Предъявите,— буркнул дежурный и, нацепив на нос очки, начал внимательно читать поданную Фердинандом повестку.—«Фер-ди-нанд Ве-ли-ко-леп-ный...» Это вы, да?..

— Да, это я,— подтвердил Фердинанд.

— Лично?

— Лично.

Дежурный сдвинул очки на лоб и посмотрел испытующе на Фердинанда.

— Нехорошо, гражданин Великолепный,— сказал он в конце концов.

— Что плохо?— спросил Фердинанд.

— Нехорошо то, что вы обвиняемый.

— Да, обвиняемый,— подтвердил с удовлетво-

рением Фердинанд.— Впервые в жизни я обвиняемый,— добавил он.

— Обвиняемому в суде плохо,— философски заметил дежурный.— Лучше уж быть свидетелем. Но лучше всего быть адвокатом.

— А что сделать, чтоб стать адвокатом?— простодушно спросил Фердинанд.

— Боюсь,— ответил дежурный,— вам это уже не удастся. Адвокатом ни с того ни с сего не станешь. Нужно долго сидеть в суде...

— Это я могу,— заявил с готовностью Фердинанд.

— Похоже, что посидеть вам и в самом деле придётся, гражданин Великолепный,— заметил дежурный.— Не будем, впрочем, забегать вперёд. Всё зависит от судьбы. Пойду посмотрю, что там у них в зале. А вы подождите пока в коридоре.

— Сообщите, пожалуйста, судье, что пришёл Фердинанд Великолепный!— крикнул вдогонку дежурному Фердинанд.— Скажите, что он просит передать ему воздушный поцелуй!

— Должен вас предупредить,— заметил дежурный,— что в зале заседаний шуток не полагается. Иначе сами себе навредите.

Дежурный исчез за огромной дверью, на которой красовалась табличка:

ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ № 6

Фердинанд стал осматриваться. Дверей в коридоре было множество. И каждая с номером. И около каждой толпились люди: свидетели, адвокаты, иногда обвиняемые, но этих было мало. Потому что обвиняемых доставляли обычно в суд прямо из тюрьмы. Фердинанд, разумеется, об этом не знал. Размеренным шагом направился он к одной такой кучке ожидающих, чтоб по-

говорить всё равно о чём. Надо вам сказать, что Фердинанд обожал общество.

— Я обвиняемый,— заявил Фердинанд как раз в тот самый момент, когда люди о чём-то заспорили.

Все тотчас смолкли и с удивлением уставились на Фердинанда.

— Я обвиняемый,— повторил Фердинанд, наблюдая за тем, какое его слова произведут впечатление.

— По какому делу?— спросил наконец кто-то.

— По личному!— ответил, гордо выпятив грудь, Фердинанд.

— Украл, да?— полюбопытствовал какой-то малый с заросшей щетиной физиономией.

— Ничего подобного,— поспешно возразил Фердинанд,— я купил.

— И рассчитались, наверно, фальшивыми банкнотами,— шепнула женщина со злым личиком и длинным носом.

— Как вы могли подумать?— ответил задетый за живое Фердинанд.— Банкноты были как полагаются.

— И за всё, за всё заплатили?..

— За всё. Кроме...

В этот момент появился дежурный и кивком подозвал Фердинанда.

— Ваша очередь,— сказал он.— Заходите.

Фердинанд вошёл в зал № 6, скромно стал у двери и начал осматриваться.

— Ближе!— раздался чей-то квакающий голос, но Фердинанд не обратил на него внимания.— Ближе!— настойчиво повторил голос.

«У некоторых людей,— подумал Фердинанд,— ужасно неприятный голос. Точно лягушка квакает».

— Ближе!!!— послышалось в третий раз, те-

перь уже так громко, что Фердинанд наконец понял, откуда этот голос исходит.

— Вы мне?— спросил Фердинанд, обратившись к маленькому человечку, сидевшему на возвышении.

— Обвиняемого просят подойти к столу,— квакнул снова человечек.— Ближе!

— Обвиняемого?

— Обвиняемого.

— А где ж обвиняемый?— снова спросил Фердинанд и стал озираться.

— Пусть обвиняемый не прикидывается...

— Это вы мне, да?

— Итак, обвиняемый признаётся, что он обвиняемый?

— Так сразу бы и сказали. Со мной можно и на «ты»... Только я должен знать, к кому обращаются...

— Обвиняемый мне не друг-приятель, чтоб я говорил ему «ты»,— проквокал человечек и вскочил, разозлясь.— Обвиняемый понял наконец, что он обвиняемый?

— Понял,— с улыбкой произнёс Фердинанд.

— Так всегда говорят с обвиняемым. К нему обращаются: «он». Ясно?

— Ясно. Можно было с самого начала сказать. Если вы...

— Вы?— строго переспросил человечек.— Просто «вы», и всё...

— Ну, вы за столом... там, на возвышении...

— Нельзя так говорить!— рявкнул человечек.

— Если хочешь, могу говорить «ты»,— предложил Фердинанд.

— Я тебе покажу «ты»!!!— завыл в ярости человечек, замахав руками.— Я тебе дам «ты»!!! Обвиняемый должен, обращаясь ко мне, не только говорить «вы», но называть меня при этом

секретарём. Пусть обвиняемый запомнит это раз и навсегда!

— Раз и навсегда... обвиняемый... ты... вы... секретарь...— ответил, заикаясь, Фердинанд.

— Ну ладно,— буркнул секретарь.— А теперь встать!

Фердинанд поспешно опустился на ближайший стул.

— Чего это обвиняемый сел?!— крикнул человек.

— Потому, что вы, секретарь, велели мне встать.

— Ему велят встать, а он садится!

— Я и уселся для того, чтоб встать. Не могу ж я встать стоя,— терпеливо пояснил Фердинанд.

— Тут что-то есть,— задумчиво протянул секретарь.— Возможно, обвиняемый прав. В самом деле, трудно встать, если стоишь. Пусть обвиняемый сядет.

Фердинанд уселся на стул.

— Встать!— гаркнул человек.— Суд идёт!

Фердинанд вскочил со стула. В ту же минуту в зал заседаний вошёл суд. Суд состоял из трёх мужчин в чёрных костюмах. Они с достоинством поднялись на возвышение и расселись по местам.

— Проверьте данные,— обратился к секретарю один из судей — тот, который сел посредине.

Секретарь поднялся с места, взял пачку документов и начал, глядя на Фердинанда, задавать вопросы.

— Фамилия?

— Великолепный.

— Имя?

— Фердинанд.

— Телевизор у вас есть?

— Есть.

— Спасибо. Пока хватит,— прервал судья, который сидел посредине.

Маленький человечек опустил на стул и взял в руки перо — его обязанностью было подробным образом записывать всё сказанное.

— Предупреждаю обвиняемого,— обратился главный судья к Фердинанду,— обвиняемый должен говорить правду и только правду, в противном случае его ждут санкции.

— Простите,— переспросил Фердинанд,— не понял. Что ждёт?

— Санкции. Это значит, обвиняемый может быть наказан дополнительно. И ещё одно. Когда обвиняемый обращается ко мне, он должен добавить «высокий суд». Ясно?

— Ясно, высокий суд,— ответил Фердинанд, а сам подумал: «Это, наверно, потому, что судья, который сидит посредине, самый высокий. Второй судья средний, а третий низенький».

— Вот и отлично,— сказал судья в середине.— Итак, начинаем. Обвиняемый обвиняется в незаконном пользовании телевизором, а также в нанесении оскорбления контролёру при исполнении служебных обязанностей. Начнём с первого пункта: незаконное пользование телевизором. Телевизор у обвиняемого есть?

— Да, да, высокий суд, телевизор у меня есть,— ответил Фердинанд.

— Пользуется ли обвиняемый этим телевизором?

— Да, да, высокий суд, пользуется.

— Зарегистрировал ли обвиняемый тот телевизор, которым пользуется?

— Нет, высокий суд, не зарегистрировал.

— Почему?— вставил слово судья среднего роста.

— А потому, что это мне в голову не пришло, средний суд,— чистосердечно признался Фердинанд.

— Обращаясь ко мне, тоже следует добавить «высокий суд»,— заметил судья среднего роста.— Пусть обвиняемый учтёт это на будущее.

— Итак, обвиняемый не зарегистрировал своего телевизора и не сделал надлежащих взносов, правда?— вновь заговорил главный судья.

— Не сделал, высокий суд,— подтвердил, в свою очередь, Фердинанд.

— Так что обвиняемый не отвиливает?..

— Не отвиливает.

— В таком случае перейдём ко второму пункту обвинения: оскорбление контролёра при исполнении служебных обязанностей. Признаётся ли обвиняемый в том, что он размахивал руками перед самым носом у государственного контролёра и брызгал пеной ему в глаза, говоря конкретно, в левый глаз?

— Не признаюсь, высокий суд,— ответил Фердинанд.

— Почему обвиняемый не признаётся?

— Потому что не я размахивал и не я брызгал.

— А кто?— сунулся снова в разговор судья среднего роста.

— Это всё Дональд, сред.. то есть высокий суд.

— Что ещё за Дональд?— поинтересовался главный судья.

— Утёнок Дональд, высокий суд. Как раз в тот момент он взбивал пену для безе.

— Чем взбивал?

— Ногами, высокий суд. Это было уморительно.

— Возможно...— протянул главный судья,—

но мы не об этом. Нам нужны факты, факты и только факты. Есть ли у обвиняемого свидетели?

— Есть!— воскликнул с радостью Фердинанд.— У меня есть один свидетель. Дозволено иметь одного свидетеля?

— Дозволено. Кто таков?

— Дональд!

— Тот самый, который взбивал пену?— спросил удивлённым голосом третий, самый низкий судья, который не произнёс ещё ни слова.

— Да, низкий суд! Тот самый!

— Я тоже «высокий суд»!— закричал низенький судья.

«Одни только высокие»,— подумал Фердинанд, а вслух сказал:

— Совершенно верно, низ... то есть я хотел сказать — высокий суд!

— Итак, обвиняемый полагает, что этот Дональд может быть свидетелем в деле?— спросил главный судья.

— Да, высокий суд. Он подтвердит, что всё было как было.

— А где он проживает, этот Дональд?

— Понятия не имею,— ответил Фердинанд.— Время от времени его показывают в телевизоре. Может, там знают его адрес.

— Дело Фердинанда Великолепного откладывается,— заявил главный судья.— Суду необходимо время для того, чтобы привлечь в качестве свидетеля некоего утёнка Дональда, местожительство которого необходимо установить. Секретарь,— обратился судья к квакающему человеку,— вы займётесь этим делом и позаботитесь о том, чтоб на следующее судебное заседание утёнок Дональд прибыл лично.

— Слушаюсь,— проквакал человек.— Се-

годня же напишу в телевидение, чтоб сообщили адрес свидетеля.

— Обвиняемый свободен,— объявил главный судья и вместе с остальными двумя судьями покинул зал заседаний.

— Прощай, высокий, средний и низкий суд,— прошептал с облегчением Фердинанд, когда дверь за судьями закрылась.

IV

Вскоре опять пришла повестка.

Она была такая же розовая, как и прежняя, и написано там было то же самое. На этот раз Фердинанд обрадовался. Он имел уже случай убедиться, что суд — дело не очень страшное, кроме того, он скучал и надеялся, что судебный процесс скрасит его однообразную жизнь.

Когда наступил назначенный день, Фердинанд тщательно оделся и лёгким шагом, как бы гуляя, направился в суд.

У входа его встретил всё тот же дежурный.

— Как поживаете, уважаемый?— весело спросил Фердинанд.

— Скверно,— коротко ответил дежурный.

— Какая-нибудь болезнь?— поинтересовался Фердинанд.

— Да вот подавился за завтраком,— пояснил дежурный и кашлянул несколько раз подряд.

— Позвольте узнать, чем подавились?— осведомился с неподдельной заботой в голосе Фердинанд.

— Кофе... кофе с молоком...— ответил дежурный, кашляя.

— Вижу, что это очень вам мешает...

— Вы даже себе не представляете...— ответил, давясь и фыркая, дежурный.

— Я знаю один способ...— сказал Фердинанд.— Это должно вам помочь... Я сам однажды подавился, думал — умру, но благодаря этому замечательному способу я остался жив, и здоровье, как видите, у меня отменное.

— А чем вы подавились?— спросил дежурный, кашляя так ужасно, что весь побагровел.

— Я подавился вещью гораздо более серьёзной, чем кофе с молоком, я подавился...

— Наверно, сдобной булочкой?

— Нет, не угадали,— со смехом сказал Фердинанд,— я подавился, знаете ли, костью.

— Не куриным ли хрящиком?

— Какой там хрящик!— загорячился Фердинанд.— Я подавился большой говяжьей костью.

— Разве такое бывает?— недоверчиво спросил дежурный.

— Это, знаете ли, долгая история... Нет времени рассказывать подробно,— ответил Фердинанд, поглядев на большие уличные часы.— Сейчас моё дело, и мне надо идти. Но хорошо бы вам помочь... Повернитесь-ка.

Дежурный, кашляя, повернулся, и тогда Фердинанд огрел его несколько раз по спине.

— Ну как, лучше?

— О-о, гораздо лучше,— сказал с облегчением дежурный.— Ударьте меня ещё разок, да по сильнее.

— С величайшим удовольствием,— ответил Фердинанд, который обожал помогать людям по мере своих сил и возможностей.— Это лучший способ из всех, какие мне только известны. Мой хозяин всегда его применяет...

— То есть как это, ваш хозяин?— наострил уши дежурный. Кашель у него как рукой сняло.

— Расскажу вам как-нибудь потом!— воскликнул Фердинанд.— У меня нет времени.

И, огрев дежурного несколько раз по спине про запас, Фердинанд пустился бегом в зал № 6, где на возвышении уже расселись судьи.

— Обвиняемый опаздывает,— заметил низенький судья.

— У меня были на то причины, низ... то есть высокий суд,— сказал Фердинанд.

— Знаю я эти причины,— проворчал низенький судья,— мы ещё к ним вернёмся.

— Приступим к делу,— провозгласил главный.— Что слышно насчёт свидетеля?.. Что-то я его не вижу.

— Свидетель не явился и не явится,— проквашал секретарь.

— Найден ли его адрес?

— Адрес найден. Правда, с большим трудом. Сначала мы обратились в телевидение. Телевидение ответило, что он у них не проживает, но там нам посоветовали написать в Америку, где, по слухам, свидетель произошёл на свет. Я написал. Пришёл ответ, что, по всей видимости, утёнок Дональд пребывает где-то в Калифорнии. Мы написали в Калифорнию, откуда, должен вам сказать, нам без задержки сообщили адрес свидетеля. Выяснилось, что свидетель явиться на процесс не в состоянии, поскольку работа и семейные обязанности не позволяют ему сделать этого, но, желая быть чистым перед законом, свидетель пересылает свои показания. Дело он припоминает во всех подробностях...

«Вот что значит честность,— подумал про себя Фердинанд,— я знал, что Дональд в трудную минуту не подкачает».

— Эти показания при вас?

— Да, высокий суд, при мне,— проквашал сек-

ретарь.— Вот,— добавил он, извлекая из разбухшей от документов папки огромный лист бумаги.

— Зачитайте!— распорядился главный судья.

— «Кря, утёнок Дональд,— начал своим скрипучим голосом секретарь,— крякря, крякря, кря, кря, крякрякрякрякря, крякря, крякрякря, кря, крякря, кря...»

— Достаточно!— воскликнул судья.— Много там ещё?

— Ещё порядочно,— ответил секретарь.

— Хватит, дальше можете не читать.

— Интересно, на каком это языке?— спросил судья среднего роста.— По-моему, всё-таки не на английском.

— Разумеется, нет,— подал голос низенький судья.— Если не ошибаюсь, документ составлен на утином языке.

— Мне кажется, коллега, вы правы,— согласился с ним главный.— Действительно, на утином. Знает ли кто-нибудь из вас этот язык?

Судьи, а вместе с ними и секретарь помогли головой.

— Поищем тогда переводчика. Пусть переведёт с утиноного на наш. В вашем распоряжении, секретарь, есть список переводчиков...

— Совершенно верно.

— Потрудитесь отыскать специалиста.

Секретарь взял длинный список и принялся внимательно его изучать. Он дочитал до конца, а затем принялся читать от конца к началу.

— Переводчик с утиноного тут не значитя,— пропищал наконец секретарь.

— Показания объявляются недействительными,— возгласил главный судья.— И мы продолжаем процесс, как если бы их не существовало.

— Кажется, я влип,— пробурчал Фердинанд.

— В таком случае,— заговорил средний

судья,— единственным лицом, которое должно отвечать за упомянутые в обвинительном акте действия, может быть только и исключительно Фердинанд Великолепный.

— Тем более,— добавил низенький,— что Фердинанд Великолепный вполне способен на поступки, в которых его обвиняют. Я собственными глазами видел... Будучи спрошен о причинах опоздания в суд, обвиняемый ответил, что они у него есть. Каковы же эти причины? А дело в том, что обвиняемый, перед тем как направиться в зал заседаний, бил нашего дежурного кулаками. Причём удары наносились в спину!

— Это пошло ему на пользу, высокий суд!— воскликнул Фердинанд.

— Обвиняемый, кажется, считает, что, избив старого человека, сделал доброе дело?— заметил с иронией главный судья.

— Хлопнуть по спине — лучшее лекарство, если кто поперхнётся,— горячо возразил Фердинанд.

— Хватит шуточек!— крикнул самый высокий судья.— Теперь мне ясно: обвиняемый Фердинанд Великолепный и в самом деле совершил те деяния, в которых он обвиняется. На основании чего обвиняемый приговаривается к уплате пятидесяти тысяч золотых штрафа с заменой такового в случае неплатёжеспособности обвиняемого тюремным заключением сроком на пять месяцев.

— Bravo!— воскликнул Фердинанд, захлопав в ладоши.— Высокий суд замечательно это возразил! Bravo, bravo, ещё раз bravo!

Судьи посмотрели друг на друга и поспешно покинули зал. За ними скользнул, словно тень, секретарь с квакающим голосом.

Едва они очутились за дверями, главный судья сказал:

- По-моему, он сумасшедший!
- Нам тоже так кажется,— шёпотом согласились с ним остальные.

V

— Ничего не поделаешь, дорогой Фердинанд, придётся платить штраф,— заявил старичок дежурный, когда Фердинанд рассказал ему о происшедшем.— Приговор вступил в силу и обжалованию не подлежит.

— Откуда я возьму столько денег?— спросил расстроенный вконец Фердинанд.

— Наверно, дома у вас есть кое-какие сбережения...

— По правде говоря, денег у меня никогда не было. Да я о них и не думал.

— В таком случае, может быть, попросите в долг?

— У кого?— с грустью отозвался Фердинанд.

— Тогда выход только один: деньги надо заработать. Иначе не миновать вам тюрьмы,— заключил старичок.

— Тюрьма так тюрьма!

— Вы даже не представляете себе, дорогой Фердинанд, что такое пять месяцев тюрьмы! Это более чем сто пятьдесят дней: Понимаете вы это?

— Подумаешь,— проговорил в отчаянии Фердинанд.— Отсижу и выйду.

— Иногда один день на свободе, бывает, тянется до бесконечности. Так что ж говорить про сто пятьдесят дней в тюрьме? Вы когда-нибудь сидели?

— Ни разу.

— Те, кому это довелось, говорили, что удовольствие маленькое.

— Жизнь состоит не из сплошных удовольствий,— философски заметил Фердинанд.

Счастье не всегда бывает с нами:
Солнца нет порой над головой,
Кошки нет порой на мостовой,
И жаркого тоже нет с костями.

— Хорошенький стишок,— заметил дежурный.— Я ещё ни разу его не слышал. Что-то новенькое?

— Я только что сам его сочинил,— скромно пояснил Фердинанд.

— Вы пишете стихи?— спросил с удивлением дежурный.

— Иногда.

— Стихотворение прелестное, но, по правде сказать, я не всё понял.

— Например?

— Я не понял про кошку... А потом, при чём тут кости?

— Послушайте, да ведь это ж поэзия!— воскликнул Фердинанд.— В поэзии встречается и непонятное. Порой там скрыта глубокая мысль, и надо подумать, прочитать стихотворение несколько раз подряд, прежде чем дойдёшь до сути. Это стихотворение, однако, очень простое.

— И всё-таки про кости я никак не могу понять.

— Неважно. Поэзия должна быть, как бабочка: пролетела — исчезла.

— Знаете что!— хлопнул себя по лбу дежурный.— У меня есть идея! Такая, что только держись!

— Вы её запишите,— посоветовал Фердинанд.— Если сразу не запишешь, потом ни за что не вспомнишь.

- Так ведь эта идея для вас.
- Для меня?
- Для вас!— заволновался дежурный.— Надо ж вам заработать на штраф!
- Что ж это за идея?— заинтересовался Фердинанд.
- Вы только послушайте... Был я однажды в цирке...
- Ну и что?— со скучающим видом спросил Фердинанд.
- И был там один артист...
- Тоже ничего особенного...
- Этот артист выходит на арену... Вы меня слушаете?
- Слушаю, слушаю...
- Так вот, выходит он на арену...
- Наверно, дрессировщик,— подсказал Фердинанд.
- В том-то и дело, что нет,— замахал руками дежурный.— Он выходит на арену...
- И показывает фокусы.
- Вовсе даже не фокусы. Он выходит на арену...
- Знаю!— воскликнул Фердинанд.— Акробат.
- Никакой не акробат,— начал уже сердиться дежурный.— Он выходит на арену...
- И наверно, играет на редком инструменте: на пиле или на полене!
- Ничего подобного! И он вообще не играл. Он на арене...
- Танцевал...
- Нет.
- Ну, тогда я не знаю,— сдался Фердинанд.
- Он, понимаете ли, на арене говорил стихами.
- Стихами?

— Да-да, стихами. В рифму. Было это так забавно, что все покатывались со смеху.

— Такие мастера бывают,— протянул Фердинанд.

— А что, если и вам попробовать?— предложил дежурный.

— Попробовать мне?

— Ну да. Что, если вам говорить в цирке стихами? Вам хорошо заплатят!

— Зачем мне деньги?— простодушно спросил Фердинанд.

— То есть как «зачем»?— изумился дежурный.— Вы что, забыли, что вам предстоит заплатить пятьдесят тысяч штрафу?

— Забыл, забыл,— признался Фердинанд.

— Ведь вы умеете говорить стихами...

— Немножко умею. Только мне кажется, для выступления в цирке я не такой уж забавный.

— Забавный, Фердинанд, вы забавный!— громко стал разубеждать его дежурный.— Забавный! Несомненно забавный! Вы даже не представляете, какой вы забавный!

Фердинанду показалось это обидным.

— А я-то думал, что серьезный.

— Одно другому не мешает. Серьезные часто бывают забавными, дорогой Фердинанд. Вы и сами, наверно, это замечали. Мне кажется, приятно быть забавным. Я готов дать что угодно, только б люди надо мной смеялись.

— А не смеются?

— Крайне редко. Суд не подходящее место для смеха. Другое дело — цирк!

— У меня, к сожалению,— сказал с грустью Фердинанд,— знакомств в цирке нету.

— А у меня есть,— выпалил дежурный.

— Может, вы знакомы с директором?

— Должен вам сказать, директор в цирке — не фигура.

— Тогда, может, с кассиром?

— Тоже нет.

— Тогда с дирижёром оркестра?

— Опять не угадали. Я, знаете ли, знаком с таким лицом, которое поможет всё наилучшим образом устроить.

— Сдаюсь,— ответил Фердинанд,— опять не угадал.

— Мой хороший приятель работает рассыльным в самом большом цирке. Вы пойдёте к нему...

— Ну и дальше?— спросил Фердинанд.

— Пойдёте к нему, и он велит директору с вами поговорить. Тогда вы растолкуете что и как и скажете директору, что умеете говорить стихами, что вы вообще забавный малый. Может, он и вставит вас в номер.

— А это очень больно, когда вставляют в номер?— спросил, слегка робея, Фердинанд.

— Больно? Так ведь «вставить в номер» означает включить в программу. Вы что, не знали?

— Не знал,— признался Фердинанд.

— Когда артист делает что-нибудь в цирке или на эстраде, не говорят, что он выступает, а говорят, что его вставили в номер. Звучит солиднее.

— Я люблю, когда солидно звучит,— заметил Фердинанд.— Я побежал!

— Минуточку!.. Сейчас я вам напишу записку к своему приятелю,— заявил дежурный, взяв ручку и с важным видом макая перо в чернила.

Директор цирка принял Фердинанда без промедления.

— Что вы умеете?— спросил он, раскуривая трубку.

— Я умею сочинять экспромтом стихи,— сказал Фердинанд.

Директор окутался клубами табачного дыма.

— Стихи, стихи...— пробурчал директор.— Это не чудо сочинять экспромтом. Я многих знаю, которые сочиняют.

Фердинанду стало не по себе.

«Вот тебе и нá!— подумал он.— Придётся, Фердинанд, познакомиться тебе с тюрьмой. Не заработаешь на стихах — угодишь за решётку, с судом шутки плохи».

— Можно, разумеется, сочинять и стишки,— послышался голос из табачного облака.— Но надо сопровождать это каким-нибудь трюком. Вы понимаете, что значит «сопровождать трюком»?

— Сопровождать — значит сопровождать,— сказал, не задумываясь, Фердинанд,— а трюком — это...— И тут он запнулся.

— Трюком в цирке называется, как бы это вам сказать...— Директор помедлил, подбирая подходящее слово.— Короче говоря, под словом «трюк» подразумевается трюк. Вы меня понимаете?

— Мне кажется, понимаю,— поспешно согласился Фердинанд, который старался произвести на директора как можно более благоприятное впечатление.

— Так вот. Дело заключается в том, чтоб номер был интересным и оригинальным. Надеюсь,

Великолепный, вы знаете, что значит «оригинальный»?

— Откровенно сказать, не очень,— признался Фердинанд, который опасался всякого незнакомого слова, считая, что может попасть впросак.

— Оригинальный — это значит единственный в своём роде, такой, какого до сих пор никогда не было.

— Как вы считаете, директор, я оригинальный? Единственный ли я в своём роде? Такой ли я, какого до сих пор никогда не было?— одним духом выпалил Фердинанд.

Директор вышел на минуту из облака табачного дыма и стал разглядывать Фердинанда. Он обошёл его несколько раз вокруг, затем приблизился настолько, что Фердинанду показалось, будто он его обнюхивает.

— Несомненно, Великолепный, в своём роде вы единственный, вы такой, какого до сих пор никогда не было. Одним словом, вы оригинальный!— заявил директор, завершив осмотр.

— Ура!— закричал Фердинанд.

— Да вы особенно не радуйтесь,— охладил его пыл директор.— Вид — это ещё не всё. Вид у некоторых оригинальный, а способности к искусству весьма средние, а то и вовсе никаких.

Сказав так, директор сделал несколько шагов назад и вновь погрузился в своё облако. Фердинанду даже показалось, что он общается с таинственным духом, обитающим среди тумана, который то появляется оттуда, то исчезает.

— Итак, вы утверждаете, что можете сочинять экспромтом стихи?— осведомился исчезнувший в своём облаке директор.

— Совершенно справедливо.

— Где до сих пор случалось вам выступать?

— В разных местах...

- Ну всё-таки?— настаивал директор.
- В основном в частных домах...
- У тётушки на именинах?
- И даже очень часто!— с гордостью подтвердил Фердинанд.— Вы себе не представляете, сколько у меня тётушек.
- Выходит, вы просто любитель?
- Да, да, я большой любитель этого дела.
- Вы меня не поняли,— сказал директор.— Впрочем, неважно. Видите, сочинение стихов только тогда имеет смысл, когда из этого можно было сделать интересный номер. Допустим, публика станет задавать вам вопросы, а вы будете отвечать на них стихами.
- Пожалуйста, пусть публика задаёт вопросы.
- Но и это ещё не всё,— заметил директор.— Будет неплохо, если одновременно с этим вы станете делать гимнастические упражнения на трапеции под куполом цирка...
- Я согласен,— упавшим голосом сказал Фердинанд.
- Держась одной только рукой за трапецию...
- Мне уже всё равно, могу и одной...
- За трапецию, которая раскачивается взад и вперед?..
- Пусть себе раскачивается,— согласился Фердинанд.
- А вы в этот момент будете висеть вниз головой...
- Ладно, пусть вниз головой!
- Тогда всё в порядке!— радостно воскликнул директор, появляясь из дыма.— У нас есть сенсационный номер для ближайшей программы!
- Минуточку, директор,— холодно возразил Фердинанд.— Номера пока ещё нет.

— За чем же дело стало?— удивился директор.— Может, вы испугались?

— Испугался?— рассмеялся Фердинанд.— Что за мысль пришла вам в голову, директор? Никто из Великолепных ещё не ведал страха.

— Тогда объяснитесь!— воскликнул директор, размахивая своей огромной трубкой.

— Всё это не так существенно. В иной ситуации я бы и не заикнулся об этом... Мне хочется знать, сколько денег за сочинение стихов экспромтом в ответ на заданные публикой вопросы в положении вниз головой, ухватившись одной рукой за трапецию, которая раскачивается взад и вперёд под куполом цирка, могу я заработать?

Директор выпустил изо рта огромный клуб дыма.

— Что же...— сказал он.— Я могу предложить вам сто тысяч злотых.

— Слишком много,— помотал головой Фердинанд.

— Вы это серьёзно?— осведомился директор.

— Совершенно серьёзно. Предложите мне половину этой суммы.

— За такой номер вы требуете всего-навсего пятьдесят тысяч злотых?— удивился директор.

— Этого мне вполне достаточно.

— Подпишем тогда контракт.

— Подпишем.

Когда контракт подписали, директор протянул Фердинанду руку.

— Я рад, что вы будете в моей труппе! Если желаете, мы можем подписать контракт еще на одну программу.

— Это от нас никуда не уйдёт,— пробурчал Фердинанд.— Будем надеяться, что с телевизором меня больше не накроют...

— Это вы о чём?— спросил директор.— Не слышу.

— Это я так,— ответил Фердинанд.— Ничего особенного.

— Прошу вас убедительно только об одном, Фердинанд: начните репетиции как можно скорее.

— Можете быть спокойны,— заверил директора Фердинанд.— Начну с сегодняшнего дня, особенно буду разучивать эту позу вниз головой...

Когда хозяин с хозяйкой вернулись вечером домой, Фердинанд лежал в кресле в весьма странной позе: задние лапы вместе с хвостом — на спинке, а передние вместе с головой — на полу у самых ножек. Кресло стояло перед включённым телевизором.

— Опять ты забыл выключить телевизор!— сказала хозяину хозяйка.— В который уже раз...

— Забыл, ты полагаешь?— отозвался хозяин.— Ничего подобного! Я нарочно оставил включённый телевизор, чтоб Фердинанд без нас не скучал.

— Так ведь он спит...

— Спит?

— И вдобавок в такой странной позе, посмотри: головой вниз.

— В самом деле,— сказал хозяин, приблизившись к креслу.— Да и вообще он странный пёс, этот наш Фердинанд.— И, хлопнув Фердинанда несколько раз по спине, хозяин со смехом крикнул:— Эй, Фердинанд, проснись!

ГЕНЕРАЛ

I

— Осмелюсь доложить, — сказал адъютант, вытянувшись в струнку перед Фердинандом, — только что получено сообщение: в ближайшее воскресенье на Площади Увеселений состоится большой парад.

Фердинанд глянул краешком глаза в зеркало, висевшее рядом на стене, и с удовольствием убедился, что на нём генеральский мундир, весь раззолоченный, с галунами, с множеством блестящих пуговиц, орденов и аксельбантов.

«Как забавно, — подумал Фердинанд, — никогда в жизни не носил такого мундира. Признаться, он мне к лицу».

— Согласны ли вы, генерал, принимать в воскресенье парад? — спросил, замирая перед Фердинандом, адъютант.

— Что за глупый вопрос! — ответил Фердинанд. — Конечно, согласен. Принимать парад — дело приятное. А вы кто такой?

— Ваш адъютант, генерал, — ответил молодой человек, вытягивая руки по швам.

— Понятия не имею, что это значит. Впрочем, неважно... — проворчал про себя Фердинанд. — Адъютант — красивое слово. Кто знает, может,

и мне суждено стать когда-нибудь адъютантом,— раз мечтался вдруг Фердинанд.

— Генерал не может быть адъютантом,— ответил, склоняя голову, адъютант.

— Это почему же, уважаемый, я не могу быть адъютантом?— хорохорился Фердинанд.— Если вы можете, то я тем более могу, понятно?

— Вы генерал,— пояснил адъютант,— а генералы не бывают адъютантами.

— Захочу — буду адъютантом, и точка.

— Адъютанты существуют, чтобы служить...

— Ты что, молокосос,— заорал вне себя Фердинанд, позабыв о всяких правилах вежливости,— думаешь, я служить не умею? Если б не этот мундир, который мне тесноват, я б тебе показал, как служат! Надо присесть на задние лапы, передние вытянуть вперед, вот так, видишь?..

— Вижу, генерал, вижу...— сказал адъютант и, не в силах удержаться, расхохотался.

— Чего смеёшься?— спросил рассерженный Фердинанд.

— Замечательная шутка, генерал. Вы и в самом деле здорово умеете служить.

— А ты умеешь?

— Конечно, умею. Вы только посмотрите, генерал.

Сказав так, адъютант присел слегка на корточки и уморительно замахал руками в воздухе.

— Превосходно!— воскликнул Фердинанд.— Я вижу, мы с тобой прекрасная пара.

— Рад стараться!— И адъютант вновь почтительно вытянулся.— Итак, могу я сообщить, что вы согласны принимать в воскресенье парад?..

— Разумеется, согласен. А во сколько?

— В десять утра.

— Какая раны!— простонал Фердинанд.— Утром в воскресенье я люблю поспать.

— Может быть, парад назначить несколько позже,— предложил адъютант,— скажем, днём?

— Днём в воскресенье часто бывает дождь,— заметил Фердинанд.

— Это верно,— подхватил адъютант.— Днём в воскресенье часто бывает дождь.

— Впрочем, случается в воскресные дни дождь и с утра,— заметил Фердинанд.

— Случается, случается,— поддакнул адъютант.

— А иногда бывает и с утра и днём...

— Может, перенести парад на другой день?— спросил адъютант.

— Мысль неплохая,— обрадовался Фердинанд.— Только на какой?

— Действительно, в неделе столько дней... Выбрать что-нибудь подходящее и в самом деле трудно,— со вздохом заметил адъютант.

— Может, понедельник?— предложил Фердинанд.

— Устраивать в понедельник парады не очень-то хорошо,— отозвался адъютант.

— Это почему же?— поинтересовался Фердинанд.

— В понедельник люди не могут прийти в себя после воскресенья.

— Тогда давайте во вторник...

— Во вторник нельзя, потому что по вторникам в казармах генеральная уборка.

— Генеральная? А мне приходится надо?

— Не обязательно.

— Тогда давайте в среду...

— Исключено!— воскликнул адъютант.— По средам упражнения по команде «лечь — встать!»

— А что, если в четверг, а?

— Четверг... четверг... Что такое у нас в четверг?— задумался адъютант.— Четверг тоже от-

падает, потому что каждый четверг генеральская инспекция.

— Генеральская?— спросил, заинтересовавшись, Фердинанд.— Это, выходит, чья же?

— Ваша!

— Моя?

— Да, ваша, генерал.

— Тогда в четверг ничего не получится. Давайте перенесём его на пятницу!

— Ой, генерал, пятница скверный день!

— Это почему же?— удивился Фердинанд.

— Ещё ни один парад, назначенный на этот день, не обошёлся без происшествий. Старики ветераны не помнят ни одного удачного парада в пятницу. Обязательно кто-нибудь оплошает. То солдаты сойдут с ноги у трибуны, то лошадь вдруг начнёт брыкаться, то пушка сама собой выстрелит. Нет, нет, решительно не советую...

— Может, оно и верно,— согласился Фердинанд.— Зачем рисковать? Перенесём его в таком случае на субботу. Что вы скажете о субботе, мой друг?

— Суббота и в самом деле идеальный день для парада,— ответил адъютант.— Но у субботы есть один недостаток, генерал...

— А именно?— осведомился Фердинанд.

— Суббота всегда накануне воскресенья, и все к нему готовятся. Одни идут к парикмахеру, другие принимают ванну, третьи гладят дома костюм и так далее... Кто будет любоваться парадом?.. А без зрителей парад — не парад. Вы ведь, наверно, и сами так считаете?

— Весьма справедливо,— снова согласился Фердинанд.— Без зрителей парад — не парад. Надо будет записать: в этой фразе таится великий смысл. Без зрителей парад — не парад... Без зрителей парад — не парад...

И Фердинанд несколько раз подряд повторил эти слова, наслаждаясь их звучанием и взвешивая скрытую в них глубокую истину.

— В какой же день мы можем, по вашему мнению, рассчитывать на наибольшее количество зрителей?

— Мне кажется,— ответил, поразмыслив, адъютант,— наибольшее количество зрителей бывает в воскресенье.

— Значит, вы считаете, что воскресенье больше всего подходит для парада?— спросил Фердинанд, испытующе глядя на своего офицера.

— Я думаю, да, генерал,— с уверенностью произнёс адъютант.

— Что ж голову ломать?— сказал Фердинанд.— Устраиваем парад в воскресенье, и делу конец.

— Слушаюсь, генерал. В воскресенье в десять утра, не так ли?

— Нельзя ли позднее?— простонал Фердинанд.— Я так люблю поспать в воскресенье.

— Днём бывает жара, генерал. А когда жарко, вид у солдат несвежий. Не то что с утра. Поэтому я советовал бы часов в десять.

— Ладно,— вздохнул Фердинанд.— В десять так в десять.

— И ещё одно, генерал...— заметил адъютант.

— Слушаю.

— Помните ли вы о том, что нам сегодня к портному?

— Понятия не имею.

— Вы, по-видимому, изволили забыть об этом.

— Возможно,— согласился Фердинанд.— А для чего, собственно, нам к портному? Не можете ли вы открыть мне эту тайну?

— Вам надлежит примерить новый мундир,—

отрапортовал, вытягиваясь по струнке, адъютант.

— Тот, который на мне, очень мне нравится,— признался Фердинанд, любясь своим отражением в зеркале.— Я думаю, вы со мной согласитесь: мундир у меня отличный.

— Соглашусь,— ответил адъютант.— Мундир у вас в самом деле красивый, но тот будет ещё красивее. Принимать парад в старом мундире не полагается.

— В каком? В старом?..— крикнул в негодовании Фердинанд.

— Тысячу раз простите,— пролепетал испуганный адъютант.— Я не хотел вас обидеть...

— А я ни капельки не обиделся,— весело отозвался Фердинанд. И тут же, изменив голос, грозно прорычал:— Но мой мундир обиделся. Невежа, ты должен немедленно извиниться.

Адъютант стоял бледный, не в силах произнести ни слова.

— Почему молчишь?— спросил Фердинанд.

— Потому что не знаю, с че-че-чего начать,— заикаясь, пробормотал адъютант.

— Тебе не приходилось просить прощения у мундира?

— Ни разу.

— Хорошо. Тогда повторяй за мной: «Прости меня...»

— Прости меня...— повторил адъютант.

— ...прекрасный мундир...

— ...прекрасный мундир...

— ...за то, что я...

— ...за то, что я...

— ...осмелился...

— ...осмелился...

— ...назвать тебя старым...

— ...назвать тебя старым,— повторил, как эхо, адъютант.

— Больше никогда...

— Больше никогда...

— ...я этого не скажу...

— ...я этого не скажу...

— ...и прошу тебя...

— ...и прошу тебя...

— ...простить мне...

— ...простить мне...

— ...эти глупые слова.

— ...эти глупые слова.

— Прощаю!— отозвался басом мундир Фердинанда.

— Видишь, какой он великодушный?— сказал Фердинанд.

— Невероятно!.. Это невероятно!— пробормотал адъютант.— Вот уж не думал, что мундиры разговаривают.

— Не все, друг мой, не все,— ответил Фердинанд, гордо выпячивая грудь.

Он и сам поразился, когда мундир вдруг заговорил, но был достаточно умён, чтобы скрыть это.

«Когда останусь один на один с мундиром,— подумал Фердинанд,— я с ним потолкую. Наверняка он расскажет мне что-нибудь интересное. Не имею понятия, каким образом он на мне очутился, но вижу, что это не первый встречный мундир. Похоже, что он очень и очень умный».

— Теперь вы поняли,— обратился к адъютанту Фердинанд,— почему я ни за что на свете не желаю расставаться с этим мундиром?

— Да, генерал. Теперь я понял.

— Ни к какому портному мы не поедем, а парад я буду принимать в этом мундире, ясно?

— Так точно, генерал. И несколько даже удивительно.

— В воскресенье в десять ноль-ноль мы поя-

вимся на трибуне вдвоём: я и мой мундир!— произнёс Фердинанд.

— Слушаюсь, генерал!

— Кругом марш!

Щёлкнув каблуками, адъютант вышел из комнаты, а в коридоре, прикрыв за собой дверь, долго крутил в изумлении головой.

II

— Как это ты на мне очутился?— спросил у мундира Фердинанд, когда они остались одни.

— О, это длинная история,— пробасил в ответ мундир.

— Расскажи хоть в двух словах,— попросил Фердинанд, который обожал слушать истории.

— Сядем где-нибудь,— произнес мундир,— стоя неудобно рассказывать.

— Прошу...— ответил Фердинанд, указывая на большое глубокое кресло.— Тебя это кресло устраивает?

— Пожалуй...— отозвался мундир.— Итак, сядем.

И они сели в одну и ту же секунду. Хотя, по правде сказать, на какую-то долю секунды мундир уселся раньше Фердинанда, по той причине, что мундир был снаружи, а Фердинанд внутри.

— Как я на тебе очутился?..— заговорил мундир, удобно расположившись в кресле.— Насколько я припоминаю, такой именно вопрос задал ты мне в начале нашего разговора...

— Да,— ответил Фердинанд.— Это меня очень интересует.

— То, что я очутился на тебе, а не на ком-нибудь другом, является всего лишь стечением обстоятельств,— сказал мундир.— Просто я слу-

чайно напаялился на тебя, вот и всё, понятно?
— То есть как «напаялился»?— не удержался от вопроса Фердинанд.

— Видишь ли,— заметил мундир, понижая голос,— уже много лет живу я в музее. В музее приходится скучать, и вот, чтоб немного проветриться, я выхожу время от времени в город. Но поскольку я мягкий, гулять сам по себе я не могу, и я ищу всегда попутчика, который меня носит...

— Начинаю догадываться,— протянул Фердинанд.

— Разумеется, я стараюсь напаялиться на кого-нибудь посимпатичней. Я думаю, ты знаешь и сам: лучше путешествовать с кем-нибудь симпатичным...

— Ещё бы,— согласился Фердинанд.

— На этот раз я напаялился на тебя, ты показался мне симпатичным, и это всё. Кроме того, я очень удачно тебя облегаю, что тоже имеет немалое значение. Иначе говоря, я на тебе краюсь.

— Я очень рад,— поспешно проговорил Фердинанд, который, как многие из нас, радовался, услышав про себя приятное слово.

— Прошу тебя только об одном: вынь руку из моего кармана,— заметил мундир.— Когда руку держат в кармане, карман оттопыривается, и вид теряется.

— Вынул, вынул,— послушался друга Фердинанд.— Интересует меня ещё одно, мой дорогой мундир...

— Да, да...

— Один ли ты на свете или у тебя есть родственники?

— Мои родственники, дорогой Фердинанд, разбросаны по разным музеям. Мой отец, кото-

рый погиб много лет назад от нападения этой проклятой моли, тоже был генеральским мундиром...

— А мать?— спросил Фердинанд, чьё любопытство росло.

— Моя мать была платьем одной генеральши.

— А мать жива?

— Жива. Должен тебе сказать, она хорошо сохранилась. В прошлом году её омолодили с помощью операции, и, надо признать, выглядит она сейчас восхитительно.

— Ты с ней где-то встречался?

— Нет,— ответил мундир.— Вот уже много лет, как мы не виделись. Но мне показали её последнюю фотографию. Директор моего музея получил её от директора того музея, где хранится моя мать. Мне довелось также видеть одного из моих прапрапрадедов, который был гусарским панцирем, а также одну из моих прапрапрапратёток, которая прославилась как старинное японское кимоно.

— Она была японка?— заинтересовался Фердинанд.

— Ничего подобного. В юности она была великолепным бальным платьем с длинейшим шлейфом, на много метров. Но её похитили японские пираты и перешили на кимоно.

— Это ужасно!— посочувствовал Фердинанд.

— Отнюдь,— возразил мундир.— Моя прапрапрапратётка чувствует себя замечательно и очень довольна.

— К чему не привыкнешь,— отозвался Фердинанд.— Должен, впрочем, заметить, что о японцах я знаю очень мало: всегда такие замкнутые, подтянутые, застёгнутые...

— Застёгнутые?..

— Да, застёгнутые... На все пуговицы.

— Пуговицы!!!— застонал мундир.— Спасибо, что напомнил!

— О чём?

— О пуговицах! О двух пуговицах!

— Я говорил о всех пуговицах.

— А мне припомнились две,— пояснил мундир и шёпотом добавил:— Проигрался я, страшно проигрался...

— Что же ты проиграл?

— Две пуговицы. Посмотри.

Сказав так, мундир оттопырил два ряда золотых, горящих, словно крохотные солнца, пуговиц. В одном ряду не хватало пуговицы внизу, в другом — наверху.

— Видишь?

— Вижу,— ответил Фердинанд.

— Отец с матерью всегда мне твердили: не играй в пуговицы! Но я неисправим. Стоит мне только увидеть, что где-то играют, никак не удержаться. Вот и сегодня... Как только вышел из музея, увидел мальчишек, которые играли в пуговицы, остановился, стал смотреть...

— Я тоже люблю...

— Что «люблю»?..

— Стать так и посмотреть.

— Ещё бы! Каждый любит. Смотрел я, смотрел, потом подумал: «А что, если рискнуть разок-другой, одна пуговица, в конце концов, погоды не делает». Поставил и проиграл. Потом ещё, и ещё проиграл... Ты погляди, какой у меня теперь вид!

— В самом деле,— согласился Фердинанд.

— Если на мундире не хватает даже полпуговицы, это бросается в глаза,— простонал мундир.

— Ты прав. На обыкновенном костюме пуговица не такая важная вещь, но на мундире...

— В том-то и дело! Не могу ж я в таком виде вернуться в музей...

— Не можешь,— подтвердил Фердинанд.

— Надо что-то предпринять...

— Надо,— снова поддакнул Фердинанд.

— Но что?

— Думаешь, я знаю?..— произнёс Фердинанд и почесал в затылке.— Если не отдадут по-хорошему, мы их покусаем!

— Ты забываешь, что зубов у мундира нет.

— Зато у меня есть,— заверил своего друга Фердинанд.— Хватит на нас обоих. Вот увидишь, сразу отдадут.

— Мы не имеем права действовать таким образом,— возразил мундир.— Раз выиграли, значит, выиграли. Я сам виноват... Зачем полез играть?

— Тогда никакого выхода я не вижу.

— Выхода... Выход есть.

— Какой?

— Надо поискать по городу...

— Поискать?..

— Да, поискать...

— Где ж ты собираешься их искать?

— Как это «где»? В магазинах, где продаются пуговицы,— пророкотал мундир.

— Думаешь, найдём точно такие же?— спросил с сомнением Фердинанд.

— Попробуем, мой друг,— ответил мундир.— Попробуем! Нечего тут сидеть!

Оба они разом поднялись с кресла — Фердинанд в мундире и мундир на Фердинанде — и направились к двери.

Прохожие на улице с изумлением наблюдали за странным человеком в нарядном мундире, который всё время сам с собой разговаривал, да ещё разными голосами. Откуда им было знать, что один из голосов, басовитый,— это голос мундира. Фердинанд заметил, что все обращают на него внимание.

— Что ты, собственно, за мундир?— спросил он вполголоса у мундира.

— Генеральский,— также вполголоса ответил мундир.

— Откровенно говоря, у меня и права-то нет тебя носить.

— А это почему же?

— А потому, что никакой я не генерал. А генеральские мундиры носят только генералы.

— В сущности, так оно и есть. Но ты не принимай это близко к сердцу! Шагай себе как ни в чём не бывало.

— Чего доброго, меня арестуют...

— За что?

— За то, что я оделся генералом.

— Брось, пожалуйста,— ответил на это мундир.— Тебе ничего не сделают. В крайнем случае, вали всё на меня.

— Страшно не люблю валить на других,— признался Фердинанд.

— Не ломайся, Фердинанд,— сказал на это мундир.— Если к тебе прицепятся, объяснишь, как было дело, скажешь, что я сам напялился на тебя. Другое дело, если б ты меня присвоил и злонамеренно во мне красовался, изображая из себя генерала. А так всё в порядке. Гляди, магазин с пуговицами!

— Пошли!

— Пошли!

— Здравствуйте!— сказал Фердинанд продавщице.

— Здравствуйте,— повторил, как эхо, мундир.

— Нам нужны две золотые генеральские пуговицы...— сказал Фердинанд.

— Вот такие!— пояснил мундир и выпятил грудь с двумя рядами золотых блестящих пуговиц.

Продавщица глянула на пуговицы из-за прилавка, внимательно рассмотрела их вблизи, и глаза у неё засветились от восхищения.

— До чего хороши!— сказала она.— До чего хороши эти пуговицы! Не видала ничего подобного.

— Значит, таких пуговиц у вас нет,— догадался Фердинанд.

— Да вы, кажется, ясновидец,— удивилась продавщица.— У меня и в самом деле таких пуговиц нет. Как это вы догадались?

— Вы же сами сказали...— заметил Фердинанд.

— Я ничего не сказала.

— Простите, пожалуйста. Вы сказали, что таких пуговиц никогда не видали. Если б в магазине такие пуговицы были, вы б этого не сказали.

— А ведь правда,— призналась продавщица.

— Значит, нам надо в другой магазин,— заключил Фердинанд.

— Надо,— поддержал его мундир.

— Погодите ещё минуточку,— сказала продавщица умоляющим голосом.— Так приятно любоваться этими замечательными пуговицами. Кто знает, доведётся ли в жизни увидеть что-нибудь подобное. К тому же вы так чудно говорите в два голоса!

Фердинанд даже покраснел от удовольствия. Собственно говоря, следовало бы тут же объяснить, как обстоит со вторым голосом, но Фердинанду пришло в голову, что дело это щекотливое, да и продавщица всё равно ему не поверит.

— Будьте так любезны...— И Фердинанд сделал рукой изящный жест.— Вы можете любоваться этими пуговицами сколько вам заблагорассудится!

— ...Сколько вам заблагорассудится!— повторил, как эхо, мундир.

И продавщица любовалась пуговицами сначала с левой, потом с правой стороны, потом принесла увеличительное стекло и стала детально их изучать.

Посыпались восторженные возгласы:

— Шедевр!

— Уникальная работа!

— Исключительно!

— Идеал пуговицы!

— Какая прелесть!

— А этот блеск!

— С ума можно сойти!

Фердинанд смотрел на неё с удивлением. Ему и в голову не приходило, что можно так тонко разбираться в пуговице. Когда миновал час, Фердинанд сказал:

— Извините, что мы покидаем ваш очаровательный магазин, но нас вынуждает к тому необходимость: мы хотим где-нибудь найти недостающие пуговицы...

— Недостающие пуговицы...— повторил мундир.

— Почему вы говорите о себе во множественном числе?— спросила продавщица, высоко подняв брови.

— Я говорю от своего имени и от имени мундира,— пояснил Фердинанд.

— То есть от моего имени,— добавил мундир.

— Вы необыкновенный!— воскликнула с восхищением продавщица.— Если вам когда-нибудь понадобятся пуговицы, разумеется, не такие редкие, как эти, то прошу ко мне в магазин. Мои пуговицы — это ваши пуговицы!

— Большое спасибо,— раскланялся с продавщицей Фердинанд.— Я постараюсь запомнить это навеки!

— И я! И я!— повторил мундир.

— До свиданья,— произнёс Фердинанд, направляясь к двери.

— До свиданья!— повторил мундир.

— До свиданья, двухголосый покупатель,— попрощалась продавщица и послала вслед Фердинанду улыбку, а тот красовался напропалую в своём мундире.

IV

Они побывали ещё в трёх магазинах с пуговицами. Но безуспешно. Дело приняло трагический оборот.

— Я не смогу принимать парад,— сказал убитый горем Фердинанд.— Кто это видывал, чтоб генерал стоял на трибуне и принимал парад в мундире, на котором недостаёт двух пуговиц!

— А мне нельзя вернуться в музей!— простонал мундир.— Стоит директору на меня взглянуть, как он скажет: «Опять проигрался, олух!»

— Это послужит тебе уроком!— не выдержал Фердинанд.— Не будешь впредь играть в эти дурацкие пуговицы. Так тебе и надо!

Погружённые в свои печальные мысли, они уселись в парке на скамейке.

Сидели так, сидели, может, два, а может,

и три часа, как вдруг к ним стали приближаться чьи-то голоса.

— Вот очень хорошее место,— сказал один голос.

— Можно и сыграть,— весело отозвался другой.

— Давай!— крикнул третий.

И вскоре за кустами, которые отделяли их от трёх голосов, послышалось характерное звяканье пуговиц.

— Слышишь?— шёпотом спросил Фердинанд.

— Слышу,— басовитым шёпотом ответил ему мундир.

— Может, это те самые?

— Очень даже возможно,— ответил мундир.

— У меня есть план,— сообщил Фердинанд.

— Какой?— поинтересовался мундир.

— Если это те самые юнцы,— сказал Фердинанд,— то я попробую пуговицы отыграть. Я мог бы попросту отнять их силой, они бы даже не пикнули, уверяю тебя... Но ведь ты на это не пойдёшь, скажешь, неблагогородно...

— Уж конечно! — ответил мундир.

— Значит, пуговицы я отыграю,— с решительностью повторил Фердинанд.— Давай высунемся. Надо посмотреть, те ли это...

И они слегка высунулись, так, чтоб юнцы, которые были поблизости, их не заметили.

— Те самые,— подтвердил мундир.

— Слоняются, видно, по городу взад и вперёд и играют в пуговицы там и сям,— заметил Фердинанд.— Слезай с меня!

— И не подумаю,— заупрямился мундир.— На тебе я прекрасно сижу и слезать не желаю.

— Слезай, да поскорей!— повторил Фердинанд.— Если они тебя заметят, они сразу

почувствуют, чем дело пахнет, и будут насто-
роже.

— Может, ты и прав,— буркнул мундир и с
неохотой, медленно-медленно, сполз с Ферди-
нанда.

Фердинанд оказался в одном только белье. Он
стал похож на спортсмена-одиночку, который
пришёл в парк потренироваться.

— Сиди на скамеечке и не шуми,— сказал
Фердинанд мундиру.— Чтоб ни гугу! Я постара-
юсь вернуться как можно скорее.

Мундир остался на скамейке, а Фердинанд,
весело насвистывая, скрылся за кустами.

— В пуговики играем, да?— спросил Ферди-
нанд, подойдя к трём юнцам, увлечённым игрой.

— Играем,— сказал первый юнец.

— Ну и как?— спросил Фердинанд.

— А так...— ответил второй.

— Великолепная игра!— заметил Фердинанд.

— Вы тоже играете?— заинтересовался тре-
тий юнец.

— Когда-то я играл,— скромно заметил Фер-
динанд.— Но уже давным-давно не держал в ру-
ках пуговицы. Разве что застегнуться...

— Ха-ха-ха!— загоготали одновременно все
три юнца.— Хорошая шутка!

— Сыграть не желаете?— осведомился пер-
вый юнец, предчувствуя, видимо, лёгкую добычу.

— Попробуйте!— присоединился к товарищу
второй.

— Мы с удовольствием...— И третий юнец
хитро ухмыльнулся.

— Я не очень-то умею...— стал выкручиваться
Фердинанд.

— Мы тоже не ахти как играем...— сказал
первый юнец.

— Едва разбираемся,— заявил второй.

— Мы, собственно, начинающие,— добавил третий.

— У меня и пуговиц-то порядочных нет,— заметил Фердинанд и небрежно провёл по тусклым пуговкам на белье.

— Неважно,— сказал старший юнец,— мы сыграем с вами в кредит...

— Уж наверно, дома у вас есть всякие там костюмчики с пуговицами, правда?..— спросил второй.

— Разумеется, есть,— ответил Фердинанд.— А потом, я ещё получил от отца целую кучу пуговиц в наследство.

— Большую кучу?— оживился вдруг третий.

— Как вам сказать...— протянул в задумчивости Фердинанд.— Ящика четыре наберётся...

— И большие ящики?— спросили все трое разом.

— Вместительные,— пояснил Фердинанд.

Все трое, не в силах удержаться, потёрли одновременно руки.

— Мы вам верим,— сказал старший юнец.— Если вы всё-таки проиграете, чего, разумеется, не случится, вы, конечно, отпираться не станете. правда?

— Уж конечно, нет,— заверил юнцов Фердинанд.

— По виду вы человек солидный,— сказал второй.

«Не то что вы»,— подумал про себя Фердинанд.

— Такие, как вы, не проигрывают!— воскликнул третий и дерзко подмигнул своим друзьям.

— Раз уж вам так хочется, я готов,— согласился Фердинанд.— Только чтоб не очень долго.

— Можете быть спокойны,— хором отозвались юнцы.— Мы это провернём раз-два...

— Итак, начинаем!— воскликнул Фердинанд. Уже после нескольких бросков в кармане у Фердинанда скопилось, наверно, с полкилограмма пуговиц, которые он молниеносно выиграл у юнцов. Юнцы заволновались, но бросать игру было им не к лицу.

— Итак, продолжаем, не правда ли?— то и дело повторял Фердинанд, сгребая пригоршнями пуговицы.

— Продолжаем, продолжаем,— твердили юнцы, но физиономии у них вытягивались всё больше и больше.

Фердинанд выиграл у каждого все пуговицы с пиджака и теперь выигрывал последние пуговицы от брюк. Юнцы придерживали уже брюки руками.

— Больше я не играю!— воскликнул первый юнец.— У меня кончились пуговицы.

— И у меня,— сказал второй.

— И у меня,— подхватил третий.

— Не ври!— крикнул первый юнец, подступая к третьему.— Не ври!— повторил он с угрозой.— У тебя есть ещё две пуговицы!

— Какие?— спросил третий, сделав невинное лицо.

— Ну, ты это брось!— присоединился к первому второй и тоже стал подступать к третьему.— Сам знаешь какие! Те, которые ты выиграл сегодня утром у этого лопуха.

— О, это редкие пуговицы,— сказал третий.— Я спрятал их на счастье.

— Не придуривайся!— заорали оба его дружка.— Выкладывай пуговицы, нам надо отыграть ся. Не дашь — пожалеешь.

Третий помедлил, сунул нехотя руку в карман и вынул оттуда две великолепные золотые пуговицы. Фердинанд тотчас их узнал. Не было ни

малейшего сомнения в том, что это пуговицы от мундира. От мундира, который в это самое время томился в одиночестве в нескольких шагах отсюда. Сердце у Фердинанда забилося сильнее.

— Спокойно, Фердинанд, спокойно,— шепнул он сам себе.— Только не спугнуть...

— Играем!— крикнул первый юнец, выхватив у третьего две золотые пуговицы.

— Стану я играть из-за каких-то жестянок!— проговорил с пренебрежением Фердинанд.— Вообще-то я играю только на костяные или на роговые пуговицы. В крайнем случае, на перламутровые... Но не на жестяные, не на жестяные!

— Но они очень красивые...— попытался поправить дело второй юнец.

— Может быть,— ответил Фердинанд.— Только мне они не нравятся.

— Посмотрите, как они сверкают!— воскликнул третий юнец, в котором тоже пробудился азарт.

— Говоря по правде,— заметил Фердинанд,— меня абсолютно не интересуют блестящие предметы.

— Послушайте!— со слезами на глазах воскликнул первый юнец.— Это нехорошо!..

— Дайте нам возможность отыгаться!— зарыдал второй.

— Имейте ж хоть капельку жалости,— простонал третий.

— Ну ладно,— великодушно согласился Фердинанд.— Бросим ещё разок, но имейте в виду — это конец. Ставлю на обе жестянки!

— Согласны!— крикнули хором юнцы, назначив одновременно в партнёры Фердинанду старшего юнца, который мастерски умел обманывать и был силен в броске.

Метнули.

И на этот раз бросок Фердинанда был несравненно лучше, чем бросок противника. Фердинанд сыграл как виртуоз. Он сгрёб в карман обе золотые пуговицы. Улыбнувшись присущей одному только ему улыбкой, в которой обнажались оба ряда его великолепных, внушающих трепет зубов, Фердинанд проговорил:

— Играть с вами сплошное удовольствие. Может, сразимся как-нибудь ещё? Я в вашем распоряжении.

Юнцы, переступая с ноги на ногу, тупо смотрели в землю.

— Что ж... мы с удовольствием... только у нас... в ближайшее время... нет этого самого... времени,— сказал первый.

— Вот именно... времени...— подхватил второй.

— Да... со временем... у нас не того...— промямлил третий.

Все трое повернулись и, придерживая руками брюки, отправились прочь несолоно хлебавши.

Фердинанд вернулся к мундиру, который дремал в ожидании на скамейке. Прежде чем выйти из-за кустов, он зажал обе золотые пуговицы между зубами.

— Гляди,— прошепелявил Фердинанд,— я не су их тебе в зубах.

— Просто не верится!— пророкотал мундир.— Невероятно! Как тебе это удалось?

— Секрет...— скромно ответил Фердинанд.— Если б ты не спал, ты б, наверно, всё слышал...

— Да, я слегка вздремнул,— признался мундир.— Боже, мои родные пуговики!

— Пошли, сейчас мы их пришьём,— сказал Фердинанд и помог мундиру натянуться на себя.

Едва обе чудом обрётённые пуговицы очутились на своём месте, как появился адъютант и, вытянувшись перед Фердинандом в струнку, от-
рапортовал:

— Разрешите доложить: сегодня воскресенье!

— Как, уже?— удивился Фердинанд.— Помоему, ещё только четверг.

— Время летит, генерал,— отвечал, щёлкнув каблуками, адъютант.— Машина стоит внизу, пора ехать.

— Куда?— спросил Фердинанд.

— На парад, генерал. Сегодня вам предстоит принимать парад.

— Припоминаю... В самом деле, был какой-то разговор о параде. Это обязательно?

— Все ждут, генерал.

— Может, кто-нибудь меня заменит... Ужасно не хочется сегодня принимать парад.

— Исключено, генерал!— решительно произнёс адъютант.— Заменить генерала не может никто.

— А почему?

— А потому что у вас самый красивый мундир, какой только можно себе представить. Никакой другой мундир не выглядит на трибуне так внушительно, как ваш.

— Я разрешу надеть его тому, кто меня заменит,— простодушно пообещал Фердинанд.

— Вот уж нет! Никогда я на это не пойду!— закричал басом мундир.— Ни на ком другом не намерен болтаться на трибуне!

— Опять заважничал...— заявил Фердинанд.— Ничего не поделаешь, придётся ехать на парад...

Ровно в десять Фердинанд в парадном мундире появился на празднично украшенной трибуне. Рядом адъютант — руки по швам. Тотчас в отдалении прокатился гром пушечных выстрелов и послышался мерный гул шагов марширующего войска.

Чем ближе к трибуне выстукивали ритм тяжёлые сапоги с подковами, тем больше росла в Фердинанде уверенность, что отряды состоят из одних только котов.

— Что за часть? — шёпотом спросил он у адъютанта.

— Полк Котов в Сапогах, — также шёпотом сообщил адъютант.

— Хорошие солдаты?

— Замечательные.

— Чем же они замечательные?

— Могут без малейшего шороха подкрасться к неприятелю.

— Любопытно, как это им удаётся, — поинтересовался Фердинанд, — в этих сапогах с подковами?

— На поле сражения, генерал, полк Котов в Сапогах отправляется босиком, сапоги у них только для парада, — с улыбкой пояснил адъютант.

— Ах, так... — протянул Фердинанд. — А вооружение какое?

— Самое современное, генерал. Дистанционно управляемые когти.

— То есть как это «дистанционно управляемые»?

— Управляемые из центра, который находится у них в мозгу.

— Каков же принцип устройства? — осведомился Фердинанд, который очень любил вникать в научные проблемы.

— Весьма простой, генерал,— пояснил адъютант.— Немного напоминает шасси самолёта. Когда самолёт в воздухе, шасси убрано в фюзеляж, когда самолёт приземляется — шасси выпускается наружу. В обычном положении когти убраны вовнутрь, но в момент атаки они автоматически выбрасываются наружу и превращаются в грозное оружие.

— Удивительно интересно!— с восторгом воскликнул Фердинанд.

Под приветственные клики всё новые отряды Котов в Сапогах проходили перед трибуной, выстраиваясь в широкое каре на Площади Увеселений. Окутанные клубами дыма, появились, в свою очередь, отряды котов с зажжёнными трубками в зубах.

— А это что такое?— спросил Фердинанд.

— Трубочники,— пояснил адъютант.— Когда необходимо, они зажигают по команде на поле битвы свои огромные трубки и ставят дымовую завесу, которая сбивает неприятеля с толку.

— Эти отряды сформированы недавно?

— В прошлом месяце,— подтвердил адъютант.— Хотя следует признать, что в поэзии идея существует давно...

— Что вы говорите! В каком именно произведении?— осведомился Фердинанд.

— В знаменитой поэтической эпопее, которая, как вы, вероятно, помните, начинается словами: «Слушай сказку: у ворот курит трубку старый кот». Именно оттуда пошла идея...

— Удивительно интересно,— протянул Фердинанд.— А это что?— заинтересовался он, увидев отряды котов на мотоциклах.

— Это специальные отряды Крысоловов. Благодаря мотоциклу они развивают бешеную скорость.

— А если крыса юркнёт в нору?

— Как раз эта проблема, генерал, окончательно не решена. Если, скажем, нора достаточно велика, чтоб в ней поместился Крысолов вместе с мотоциклом, всё обстоит благополучно. Но если нора узкая, то погоня может обернуться для Крысолова трагедией.

— В самом деле... Я вижу, это трудная служба.

— Ещё бы!— подхватил адъютант.

— Зато какая приятная,— добавил Фердинанд.

— Вы полагаете?— спросил адъютант, испытующе посмотрев на Фердинанда.

— А то как же! Катайся себе на мотоцикле сколько угодно. Будь у меня чуть побольше времени,— размышлял Фердинанд,— я бы сам пошёл в Крысоловы.

— Генералу не положено,— заявил раздосадованный адъютант.

— Вот жизнь...— с иронией проговорил Фердинанд.— Чуть узнаешь о чём-то интересном, сразу выясняется, что это не для тебя!

— Генерал обязан ездить в лимузине,— заметил адъютант.— Можно и на коне, при условии, конечно, что конь породистый.

— На породистом мотоцикле я тоже могу!— воскликнул Фердинанд.

— Как вам будет угодно, генерал,— проговорил адъютант,— только я не уверен...

— Хватит умничать!— рявкнул Фердинанд и так топнул, что эхо пошло кругом.— Захочу и буду ездить на мотоцикле днём и ночью, понятно?

— Так точно,— оробев, пролепетал адъютант.

Сгрудившаяся у трибуны толпа, видя, что генерал не на шутку разгневался, в страхе оцепенела. В тишине слышался мерный гул шагов да

грохот мотоциклов. Наконец все отряды стали в каре. И тут к адъютанту подлетел какой-то человек в чёрном костюме и сказал ему что-то на ухо. Адъютант кивнул в знак согласия и на цыпочках приблизился к Фердинанду.

— Генерал,— прошептал он,— вас просят произнести речь. Ваши верные солдаты ждут вашего слова.

— А мне не хочется,— коротко ответил Фердинанд.

— Так нельзя, генерал,— снова зашептал адъютант.

— Скажите им что-нибудь от моего имени.

— Не имею права, генерал.

— Вот видите!— воскликнул, ликуя, Фердинанд.— Вам тоже не хочется... Как и мне. Вы только ссылаетесь на то, что не имеете права...

— Я правду сказал!

«Как бы не так!»— буркнул про себя Фердинанд.

— Да и не меня просят сказать речь, просят вас,— проговорил в отчаянии адъютант. Парад сильно уже затянулся, а всякая затяжка, как было известно адъютанту по опыту, производит на торжествах крайне неблагоприятное впечатление.

— Мне нечего сказать,— заявил Фердинанд с присущим ему простодушием.

— Нет, вы должны произнести речь!..— настаивал адъютант.

— Что же мне сказать?— спросил Фердинанд, сам впадая в отчаяние.

— Во всяком случае, что-нибудь военное.

— Я могу сказать: пушка. «Пушка» ведь военное слово, правда?

— Несомненно,— подтвердил адъютант.—

«Пушка» — слово военное. Но одной «пушки» мало.

— К «пушке» я могу прибавить чего-нибудь ещё.

— Отлично, генерал, отлично, — обрадовался адъютант.

— Чтоб звучало солиднее, я прибавлю к «пушке» слово «большая», — сказал Фердинанд. — Большая пушка! Как вам это нравится? Речь хоть куда, не правда ли?

— Речь очень славная, — подтвердил адъютант, — но у неё есть один недостаток: короткая...

— Вот и хорошо! — обрадовался Фердинанд. — Хорошо, если короткая. Солдатам не будет скучно во время речи, вы понимаете?

— Понимаю, — вздохнул адъютант. — Но я бы речь слегка удлинил...

— А я, — вско возразил Фердинанд, — если бы только можно было сократить, непременно бы сократил.

— Это можно сделать без труда, генерал, — игриво заметил адъютант и тут же испугался собственной шутки.

— Каким же это образом? — любопытствовал Фердинанд.

— А вот как: вместо того, чтоб говорить «большая пушка», вы можете сказать «гаубица».

— А что такое гаубица? — шёпотом спросил у адъютанта Фердинанд. Ему стало стыдно, что он, генерал, не знает простых вещей.

— Гаубица — это и есть большая пушка, — сообщил Фердинанду на ухо адъютант.

— Адъютант, вы гений! — воскликнул Фердинанд. — Да ведь мы таким образом сэкономим целых два слога!

— Не понимаю,— оторопело проговорил адъютант.

— Очень просто: «большая пушка»— это пять слогов, а «гаубица»— только три. Пять минус три — сколько в остатке?

— Два.

— Вот видите!— просиял Фердинанд.— Два слога чистого выигрыша. Если б все действовали точно таким же образом, знаете, сколько слогов мы б сэкономили?

— Очень много.

— Совершенно верно изволили заметить, совершенно верно. Мы б сэкономили множество слогов. Из этих сэкономленных слогов можно было бы составить множество новых речей, не прибегая при этом ни к каким дополнительным расходам.

— Верно!— поддержал адъютант.

— И всё благодаря вам!— крикнул Фердинанд.— Именно вы подсказали мне эту замечательную идею. Моя речь будет краткой, меткой. И главное — военной. Я им скажу от души. А вам за это большое спасибо!

Тут Фердинанд бросился к адъютанту и принялся его целовать. Когда войска и толпы народа это увидели, они прокричали в честь генерала:

- Гип-гип ура!
- Давай, давай!
- Гоп-гоп!
- Ещё раз!
- Многая лета!
- Кукареку!

Было много и других приветственных кликов, которые слышать Фердинанду довелось впервые.

И тут маленький, одетый в чёрное человечек подбежал к микрофонам. Чтоб проверить, работают ли они, человечек поспешно затараторил:

— Раздватричетырепятъшестьсемьвосемьдевятъдесятьпроверкадесятьдевятъвосемьсемьшестьпятъчетыретридваодин.

Затем потёр руки от удовольствия, так как микрофоны передали его голос мегафонам, которые, в свою очередь, прорычали на весь город: «Раздватричетырепятъшестьсемьвосемьдевятъдесятьпроверкадесятьдевятъвосемьсемьшестьпятъчетыретридваодин!»

Потом эхо в разных частях города повторило это бормотание ещё несколько раз. Человечек подождал, пока эхо не уgomонится, затем едва заметно кивнул адъютанту: дескать, всё в порядке, можно начинать.

— Пожалуйста, генерал,— произнёс адъютант, указывая на микрофон.

Фердинанд подошёл к микрофону и глянул на огромную толпу, запрудившую площадь. Прямо против него замерли боевые шеренги. У солдат торчали в разные стороны усы, отчего вид у них был воинственный. Некоторые то и дело шевелили своими усами.

— Гау...— начал речь Фердинанд и вдруг почувствовал, что дыхание у него перехватило.

«Вот так штука!— подумал Фердинанд.— Этого только не доставало! Если я поперхнулся, тогда ещё полбеды. Хуже всего, если это ангина. Тут уж ни за что на свете не кончишь речи. Попробую ещё, может, проскочит...»

Фердинанд набрал побольше воздуха в лёгкие и попробовал снова:

— Гау! Гау!..

Не получается. Фердинанд напрягся и рывкнул что есть мочи:

— Гау! Гау! Гау!..

Микрофоны, не раздумывая, передали эти звуки мегафонам, те усилили их до чрезвычай-

ности. Похоже было, будто залаяла свора псов-великанов.

Что-то странное случилось вдруг с шеренгами отборных войск. Они покривились, смешались, расползлись в разные стороны, словом, говорю вам, началось нечто невообразимое. Сперва рассыпались отряды Крысоловов. В их распоряжении были мотоциклы, поэтому удирать им, конечно, было проще. Но, удирая, они то и дело насакивали друг на друга колёсами, отчего возник неопиcуемый грохот. Вслед за ними в бегство обратился полк Котов в Сапогах. Сапоги соскальзывали у котов с ног; запинаясь о них, падали их товарищи, которые тоже теряли сапоги, о которые, в свою очередь, спотыкались те, кто следовал по пятам. Позади всех оказались Трубочники. Поначалу они пытались было поставить дымовую завесу, выпустив облака дыма, но от страха не смогли затянуться по-настоящему, и потому дым получился жидкий, самого низкого качества, и завеса рассеялась.

Но хуже всего было то, что Фердинанд повторял всё время «гау, гау...», но до «бица» никак не мог добраться, застревая всякий раз на первой половине слова.

— Гау! Гау! Гау!.. — рывкал он всё громче, а коты удирали всё быстрее и быстрее.

«Боже мой, что я натворил,— думал в отчаянии Фердинанд, наблюдая за страшным переполохом, который разрастался при каждом его «гау».

— Дорогой, милый мундир, может, ты скажешь, как мне теперь быть? — взмолился Фердинанд, обращаясь к своему другу — мундиру, который, что ни говори, был всё же весьма опытной особой.

— Проснись, Фердинанд!— рявкнул ему прямо в ухо мундир.

Фердинанд тотчас проснулся и соскочил вовсе не с трибуны, а с дивана, потянулся и лениво двинулся к окну. Он встал на задние лапы, поставил передние на подоконник и, верный своей ежедневной привычке, выглянул на улицу.

Два каких-то подозрительных типа, озираясь, удирали во все лопатки.

— Теперь всё понятно,— пробурчал Фердинанд.— Это воры. Они собирались обокрасть наш дом, но моё выступление их напугало.

И для собственного удовольствия Фердинанд решил произнести свою речь до конца.

— Гау, гау, гау... бица!— взвыл Фердинанд и махнул хвостом.

ОХОТНИК

I

Фердинанд сидел на скамейке в парке и отдыхал. Каждый любит побездельничать порой, устроившись на скамеечке, и понаблюдать за гуляющими, за детьми, увлечёнными своими играми, рассмотреть хорошенько цветы на клумбе и скользящие по небу облака.

Фердинанд это тоже очень любил. В такие минуты он отдавался мечтам, а отдаваться мечтам было любимым занятием Фердинанда.

Фердинанд мечтал да мечтал, развалясь на скамейке, как вдруг почувствовал, что кто-то остановился рядом.

— Здравствуйте, Фердинанд,— услышался знакомый голос.

— Здравствуйте, здравствуйте,— ответил Фердинанд, не открывая глаз. Очень уж не хотелось открывать ему глаза.

«Не буду открывать глаза,— подумал Фердинанд.— Постараюсь отгадать, кто это, с закрытыми глазами».

— Давненько мы не видались,— произнёс голос.

— Давненько, давненько,— повторил Фердинанд, а про себя подумал: «Мы и теперь не видимся, глаза-то у меня закрыты».

— Что у вас слышно, дорогой Фердинанд?— стал допытываться голос.

— Да всё то же...— ответил Фердинанд.

— Выглядите вы чудесно,— заметил голос.

— Так себе,— буркнул Фердинанд и принялся соображать, чей же это всё-таки голос.— Вы уже сели?— осведомился Фердинанд, всё ещё не открывая глаз, хотя искушение поглядеть одним глазом в щёлочку было очень велико.

— Сел,— ответил, несколько удивясь, голос.— А вы что, не заметили?

— Откровенно говоря, не заметил.

— Любопытно,— пробормотал голос.— Должны ж вы меня видеть.

— В том-то и дело, что не вижу,— признался Фердинанд.

— Не видите?— произнёс потрясённый до глубины души голос.— Это почему ж, дорогой Фердинанд, вы меня не видите?

— А потому, мой уважаемый друг,— пояснил Фердинанд,— что глаза у меня закрыты.

— А почему они у вас закрыты?— спросил голос исполненным любопытства голосом.

— А потому,— отозвался, в свою очередь, Фердинанд,— что я лучше отдыхаю, когда глаза закрыты. Закрытые глаза — это новейшее открытие в области отдыха,— заметил он с важностью.

— Что вы говорите?— изумился голос.— Первый раз слышу. Наверно, это выяснили совсем недавно, а?

— На прошлой неделе,— ответил Фердинанд.— Но я этим открытием сразу заинтересовался. Как только прочитал...

— Ну и что? Закрываете глаза?

— Каждую свободную минуту,— с убеждением подтвердил Фердинанд.

— Ну и как отдыхается?— допытывался голос.

— Совсем другое дело! Словами этого не выразишь!

— Тогда и я закрою глаза,— решил голос.— Вы не возражаете, Фердинанд?

— Пожалуйста, закрывайте,— отвечал Фердинанд.— Каждый имеет право закрыть глаза, когда пожелает.

— Я уже закрыл,— сообщил голос.

— Ну и как себя чувствуете?

— Чудесно!— воскликнул голос.— Вот уж не думал, что можно так славно отдыхать с закрытыми глазами.

— Правда?— обрадовался Фердинанд.— У этой системы есть только один недостаток.

— Какой?— заинтересовался голос.

— Ничего не видно,— объяснил Фердинанд.— Когда закрываешь глаза, то ничего не видно.

— Вы совершенно правы,— согласился голос.— Когда глаза закрыты, в самом деле ничего не видно. Но ведь глаза можно и открыть.

— Правильно,— подтвердил Фердинанд,— можно открыть. Но ведь тогда соответственно новейшим взглядам отдых немедленно прекращается.

— Справедливо,— вновь согласился голос.— Только зачем открывать глаза?

— Иногда это необходимо. Ну для того, скажем, чтоб выяснить, кто сидит рядом на скамейке.

— Я,— ответил голос.

— Знаю, что вы,— подтвердил Фердинанд.— Но кто вы такой?

— Вы не узнаете меня по голосу?— спросил изумлённый голос.— Да ведь голос у меня очень своеобразный, все только и твердят мне об этом.

— Разумеется,— не стал возражать Фердинанд.— Голос у вас очень своеобразный, но, кроме вас, я знаю ещё целую кучу народу, и у всех голос своеобразный. Однако с закрытыми глазами мне не понять, чей же это, собственно, голос. Вы уж на меня не сердитесь...

— Ну что вы!— отозвался голос.— Моё имя...

— Ни слова больше!— воскликнул Фердинанд.— Не говорите, кто вы такой. Я должен отгадать сам! Ваша... ваша фамилия Среберко, и у вас мясная лавочка на Кленовой...

— Нет, дорогой Фердинанд, я вовсе не Среберко, и у меня нет лавочки на Кленовой,— ответил голос несколько обиженным голосом.

— Значит, вы директор Рончка.

— И не директор Рончка.

— Знаю, знаю! Вы Каетан Бомбелек.

— Никакой я не Каетан и не Бомбелек,— сухо ответил голос.

— Минуточку, минуточку,— заволновался Фердинанд.— У кого ж всё-таки такой своеобразный голос? Пожалуй, у доктора Карпювки. Что, угадал?

— Нет, Фердинанд, не угадали. Кроме того, с доктором Карпювкой я со вчерашнего дня не разговариваю.

— Извините, пожалуйста, что принял вас за доктора Карпювку, но ведь я же не знал,— произнёс Фердинанд, которому всё больше хотелось открыть глаза. Он стал даже сердиться на себя за то, что не может отгадать, кто это рядом с ним на скамейке.

— Отгадывайте, отгадывайте!— настаивал голос.

— Вы директор кинотеатра «Ас»?

— Нет.

— Почтальон с нашей улицы?

— Тоже нет.
— Мороженщик?
— Терпеть не могу мороженого.
— Преподаватель латинского языка?
— По латыни у меня всегда была пара.
— Знаю!!!— заорал на весь парк Фердинанд.— Вы заведующий аптекой «Под крокодиллом»!!!

— Наконец-то вы догадались, мой дорогой Фердинанд,— обрадовался голос.— Я и в самом деле заведующий аптекой «Под крокодиллом». А как вы догадались? Вы случайно не подсмотрели? Ну, признавайтесь...

— За кого вы меня принимаете?— оскорбился Фердинанд.— Глаза у меня были всё время закрыты, даже зажмурился сильнее, чтоб не подсмотреть случайно. Знаете, как я догадался?

— Как?

— Из-за латыни,— признался Фердинанд.— У преподавателя латинского языка голос похож на ваш.

— Похож,— согласился аптекарь.

— А ведь рецепты пишутся иногда по-латыни, правда?

— Правда.

— Это и навело меня на мысль, но больше всего помог мне мой нос.

— Нос? Не понимаю...

— Я стал принюхиваться,— пояснил Фердинанд,— почувствовал запах лекарств. Теперь понятно?

— Та-ак... Теперь понятно. Здорово это вы сообразили, Фердинанд. В общем, я очень доволен, что мы встретились. Вы себе не представляете, как приятно сидеть с закрытыми глазами. Вам не кажется, что это очень даже может пригодиться охотнику?

— В каком, собственно, смысле?— спросил Фердинанд, не понимая, к чему клонит аптекарь.

— А в том смысле, что охотнику нужен зоркий глаз. А зоркость зависит от отдыха, вы со мной согласны, Фердинанд?

— Совершенно согласен.

— Вот мне и кажется,— продолжал аптекарь,— что закрытые глаза благотворно влияют на зоркость...

— Совсем забыл, что вы самый знаменитый охотник в нашем городе!— воскликнул Фердинанд.

— Это верно,— подтвердил аптекарь.— Ужасно люблю охоту. Может, выберетесь как-нибудь вместе со мной на охоту, а, Фердинанд?

— Вдвоём?

— Если желаете, могу пригласить своих товарищей,— предложил аптекарь.— Устроим большую охоту. Будем трубить в охотничий рог и есть бигос.

— Да ведь я ещё ни разу...

— А вы не огорчайтесь,— прервал Фердинанда аптекарь.— Каждый охотник был когда-то новичком. Всегда начинаешь с первой охоты.

— У меня и ружья-то нету.

— Пустяки, у меня дома столько ружей, что могу одолжить вам два или три сразу...

— Охотничьего костюма тоже нет...

— Пришлю. У меня с юности хранится отличный охотничий костюм,— не унимался аптекарь.— Он в прекрасном состоянии. Будет вам как раз впору.

— А рог... для чего?— поинтересовался Фердинанд.

— А в рог трубят в самом начале и в самом конце охоты.

— А кто трубит?

— Особый трубач.

— Мой дорогой друг,— сказал умоляющим голосом Фердинанд,— не дадут ли мне охотничий рог?

— Если желаете, один из наших рогов в вашем распоряжении.

— Мне очень хочется, чтоб он был золотой,— продолжал Фердинанд.— А на нём серебряный шнур, чтоб вешать через плечо.

— Рог, который вы от нас получите, будет несомненно с таким шнуром,— пообещал аптекарь.

— И ещё я хотел вас попросить, если это не очень трудно, прислать мне рог за неделю вперёд,— не унимался Фердинанд.

— Как вам будет угодно,— ответил аптекарь.— Но скажите мне как другу: зачем вам рог за неделю вперёд?

— Поупражняться, подучиться немного,— пояснил Фердинанд.— А потом мне ещё хочется хорошенько его начистить, чтоб он сверкал, как...

— Как что?

— Чтоб сверкал, как я не знаю что!— закончил Фердинанд.

— Завтра же пришлю вам рог, охотничий костюм и ружьё,— пообещал аптекарь.— А через неделю мы устроим охоту.

— Ружьё можете не присылать,— заметил Фердинанд.— Главное — рог. Что же касается бигоса...

— У вас есть пожелания насчет бигоса?— осведомился аптекарь.

— Что же касается бигоса,— продолжал торжественным тоном Фердинанд,— то я люблю, когда в бигосе много колбасы.

— Смею вас уверить, так оно и будет.

— Видите ли,— принялся объяснять Ферди-

нанд,— бигос делают из капусты с добавкой колбасы. А я мечтаю о бигосе из колбасы с добавкой капусты.

— Именно такой бигос мы сварим в вашу честь, дорогой Фердинанд,— заверил его аптекарь.— Итак, через неделю?

— Через неделю!— воскликнул Фердинанд.

— Разрешите откланяться,— сказал, поднимаясь, аптекарь.

— Попрощаемся с закрытыми глазами,— предложил Фердинанд.

— Отлично. Попрощаемся с закрытыми. Я очень признателен вам за то, что вы научили меня отдыхать с закрытыми глазами.

— Правда, отличный способ?

— Поразительный, дорогой Фердинанд!

И собеседники, не открывая глаз, попрощались друг с другом кивком головы.

II

В охотничьем костюме, с ружьём через плечо, с начищенным рогом, который сверкал так, что приходилось отводить в сторону взгляд, Фердинанд в условный день явился на сборный пункт.

Заведующий аптекой «Под крокодилом», а также его друзья, вооружённые всевозможными ружьями, берданками и охотничьими ножами, уже поджидали Фердинанда. Вид у них был такой воинственный, что в первый момент Фердинанду захотелось повернуть и дать тягу.

Завидев Фердинанда, все страшно обрадовались. Аптекарь бросился ему навстречу и, протянув руки, воскликнул:

— Привет вам, Фердинанд!

— При-вет!— повторили за ним остальные.

— Очень приятно, что мы охотимся сообща!— продолжал аптекарь.

— Со-о-бща!!!— рывкнули остальные.

— Сегодняшний день будет вписан золотом в историю нашего охотничьего кружка!— заявил, склоняя голову, аптекарь.

— Зо-ло-том!!!— вновь рывкнули охотники.

— Быть в вашем обществе — величайшее удовольствие.

— Ве-ли-чай-шее!!!— подхватили охотники.

— Будем надеяться, что сегодняшняя охота будет на редкость удачной!

— У-дач-ной!!!— повторили хором присутствующие.

Закончив речь, аптекарь представил Фердинанду по очереди участников охоты, после чего все расселись по машинам, которые стояли уже наготове. Выехав из города, они устремились к лесам.

Фердинанд ехал в одном автомобиле с аптекарем и ещё двумя другими охотниками. Он сидел на заднем сиденье, не произнося ни слова и только от времени до времени потягивая носом.

— Может быть, вы плохо себя чувствуете?— спросил в конце концов аптекарь.

— Ничего подобного,— ответил Фердинанд.

— По-моему, у вас что-то вроде насморка...

— Вы ошибаетесь.

— Мне показалось, будто вы,— не унимался аптекарь,— потягиваете носом...

— В самом деле, потягиваю и буду потягивать,— подтвердил Фердинанд.

— В чём же дело?— поинтересовался аптекарь.

— А в том,— деловито пояснил Фердинанд,— что я никак не могу уловить запах бигоса. Неужели вы его забыли?

— Бигос есть, есть бигос,— заверил Фердинанда аптекарь, приложив руку к сердцу.

— Почему же тогда мой нос его не чувствует?— напрямик спросил Фердинанд.

— Потому что бигос помещён в термос, дорогой Фердинанд.

— А где помещён термос?— осведомился Фердинанд.

— А термос в последней машине.

Тогда Фердинанд высунулся на полном ходу в окно и посмотрел назад.

— Там пустая машина,— заметил он после непродолжительного наблюдения.

— Так только на первый взгляд кажется,— стал объяснять аптекарь.— Машина вовсе не пустая. Там едет он.

— Кто это «он»?

— Ну, бигос...

— Он едет в одиночку?

— В одиночку.

— Это ужасно!— воскликнул Фердинанд.

— Почему?— спросил аптекарь.

— Потому что ему, наверно, ужасно скучно.

— Тут уж ничем не поможешь.— И аптекарь развёл руками.

— Всегда есть выход из положения,— возразил Фердинанд.

— Лично я никакого выхода не вижу,— заметил аптекарь.

— А я вижу!— крикнул Фердинанд, да так громко, что два других охотника, убаюканные шумом мотора, попытались вскочить на ноги, но, ударившись головой о крышу автомобиля, дико скосили от боли глаза и рухнули вновь на сиденье.

— Что вы видите?— равнодушно спросил аптекарь.

— Я вижу, как можно скрасить его одиночество!— сказал с убеждением Фердинанд.

— Быть такого не может,— ответил с усмешкой аптекарь.

— Может!— стоял на своём Фердинанд.

— Как же это вы себе представляете?

— А очень просто. Я пересаживаюсь из этой машины в ту машину, где едет бигос.

— Ну и что?

— Буду всю дорогу рассказывать ему разные интересные истории...

— А он вас не услышит.

— Это ещё почему?

— Я ж вам говорю: он едет в термосе. Весьма сомнительно, чтоб он мог слышать вас сквозь стенки.

— А рожок сквозь стенки дойдёт?

— Рожок?— переспросил аптекарь, не понимая, о чём речь.

— Я буду наигрывать на роге разные мелодии, пока мы едем. Думаю, кое-что он услышит. А вы как думаете?

— Если будете играть очень громко, он и в самом деле кое-что услышит.

— Я буду играть как можно громче!— заявил Фердинанд.— Остановите машину! Я пересяду.

Пришлось остановиться, и Фердинанд перешёл в самый последний автомобиль. На заднем сиденье там ехал огромный термос, набитый до отказа первосортным бигосом, состоящим из одной только колбасы, в которую добавили листик капусты. Ощущался тонкий восхитительный аромат. По-видимому, в термосе была где-то щёлка.

«Тем лучше,— подумал Фердинанд.— Раз есть щёлка, значит, я всё время буду наслаждаться запахом, и вместе с тем звуки рога проникнут внутрь, и бигос вволю насладится моей игрой».

— Не кажется ли вам,— спросил Фердинанд, готовясь захлопнуть дверцу,— что бигосу, должно быть, по душе игра на роге?

— Вне всяких сомнений, Фердинанд,— заявил заведующий аптекой.— Не надо забывать о том, что это о х о т н и ч и й бигос!

Колонна вновь двинулась в путь, устремляясь к чернеющим на горизонте лесам. В последнем автомобиле рядом с огромным термосом сидел Фердинанд и на золотом, сверкающем, как солнце, роге наигрывал бигосу различные мелодии.

Тра-та-та-та, тра-та-та-та, тра-та-та-та-та-та-там!..

III

Когда, очутившись наконец в лесу, они вылезли из машин, первым желанием Фердинанда было побегать, побесноваться среди деревьев и кустов можжевельника. И только большим усилием воли удалось Фердинанду овладеть собой. С достоинством проследовал он вместе со всеми на полянку. Там охотники выбрали старшего. Старшим стал, конечно, ввиду многолетнего опыта и многочисленных удач, не кто иной, как аптекарь. Первоначально хотели избрать Фердинанда, чтоб отметить тем самым его участие в охоте, но он самым изысканным образом поблагодарил за честь, скромно намекнув, что это первая его охота и что в следующий раз он, быть может, без особых колебаний даст своё согласие.

— Охотимся на зайцев,— объявил аптекарь.— Каждый из вас имеет право отстрелять три штуки. Поскольку нас всех одиннадцать... Минуточку... Сколько будет трижды одиннадцать?

— Тридцать три,— прошептал Фердинанд.

— Вот именно, тридцать три!— подтвердил аптекарь.— Учитывая, что каждый — отличный стрелок, я уверен: вечером, когда мы все соберёмся у традиционного костра, чтобы подкрепиться традиционным бигосом, тридцать три зайца явятся не столько живым, сколько мёртвым доказательством нашей меткости.

— Считайте, что их будет только тридцать,— вполголоса пробормотал Фердинанд.

— Это почему же?

— Потому что мне, вероятно, суждено промазать.

— Не смейте так говорить! — запротестовал заведующий аптекой.

— Вас ждёт успех! — прокричали хором остальные охотники.

— Честное слово, промажу,— стоял на своём Фердинанд.

— Вначале каждый так думает, а потом без промаха бьёт по цели,— заметил аптекарь и потрепал Фердинанда по плечу.— Не падайте духом, дорогой Фердинанд!

— Не падайте! — хором прокричали охотники.

— Сердце говорит мне, что ни разу не попаду,— не унимался Фердинанд.

— Выше голову, Фердинанд, всё будет в порядке! — заверил его аптекарь, а остальные повторили:

— В порядке!!!

— А теперь — по местам! — скомандовал аптекарь и, закинув на плечо ружьё, зашагал по лесу.

Его примеру последовали остальные. Охотники шли гуськом. Последним оказался Фердинанд. Он приложил рог к губам и в такт движению заиграл марш.

Шли они так час, а может, и два и очутились наконец в зарослях кустарника на опушке леса. За лесом простиралось поле, где виднелись сочные кочаны капусты. Капусты было много, такого количества капусты Фердинанд в жизни ещё не видел.

— Лучшего места я не знаю,— шёпотом сообщил аптекарь.— Укроемся в кустах на опушке, подальше друг от друга, и, соблюдая тишину, дождёмся вечера. Вечером все зайцы из окрестности сходятся сюда на капустный пир. Нравится вам это место?

— Оно превосходное! — шепнул один из охотников.

— Несравненное! — добавил другой.

— Это поэма! — с наслаждением произнёс третий.

— Шедевр! — заявил четвёртый.

— Мечта охотника! — поддержал пятый.

— Фьююю! — присвистнул с восхищением шестой.

— Высший класс! — заметил седьмой.

— Настоящий сюрприз! — произнёс восьмой.

— Чудо! — присоединился к своим товарищам девятый.

— А вы какого мнения на этот счёт? — осведомился аптекарь у Фердинанда, стоявшего чуть поодаль.

— Я думаю, это капустный рай,— сказал Фердинанд, немного подумав.

— Bravo! — воскликнули все охотники с аптекарем во главе.— Вот правильное определение! Капустный рай! Вы нашли подходящее слово, Фердинанд! Отныне мы будем называть это место капустным раем! — закричали наперебой охотники.

Фердинанд скромно стоял в стороне и лишь

улыбкой поблагодарил всех за эту бурю восторга.

— А теперь — ти-ши-на! — скомандовал аптекарь. — Становимся на номера. Вам, Фердинанд, мы предоставим право выбрать себе самую удобную позицию.

— Мне всё равно, — заявил Фердинанд.

— Нет, нет, что вы, ваше место должно быть лучше! Где вам больше всего нравится? — настаивал аптекарь.

— Мне б хотелось, чтоб кусты были погуще, — сказал в конце концов Фердинанд. — И чтоб никто не мешал.

— Прекрасно. Сию же минуту препровожу вас туда, где кусты такие густые, что сквозь них почти не пролезешь. Там на полкилометра ни души, никто вам не помешает, — пообещал аптекарь. — Но сначала, — заявил он, обращаясь к охотникам, — два слова насчёт условий охоты. Как я уже сказал, каждый из нас имеет право на отстрел трёх зайцев. Стрелять можно только до восьми вечера. После восьми ни одного выстрела, даже если заяц сядет вам на ружьё. Понятно?

— Так точно, начальник! — хором ответили охотники. — По-нят-но!!!

— Благодарю вас, — ответил аптекарь и, повернувшись к Фердинанду, произнёс: — Дорогой Фердинанд, идёмте!

Аптекарь повёл Фердинанда через такие кусты, что они едва сквозь них пробились. В одном месте среди зарослей было как бы оконце, оттуда просматривалось всё капустное поле.

— Место тут идеальное, дорогой Фердинанд, — заметил аптекарь. — Вы со всех сторон укрыты, и вместе с тем отсюда очень удобно наблюдать за... капустным... как это вы сказали?

— Капустным раем, — подсказал Фердинанд.

— Вот именно. Капустным раем. Поскольку добрых пожеланий давать на охоте не полагается, желаю вам сломать ногу!

— А я вам обе ноги,— не остался в долгу Фердинанд, который с самого рождения желал всем всегда одного только хорошего.

С тем они и расстались. Аптекарь, пробившись сквозь чащобу, вернулся к своим товарищам, а Фердинанд остался один, окружённый со всех сторон непроходимой стеной кустарника.

IV

Фердинанд снял с одного плеча ружьё, с другого — рог. Ружьё он прислонил к растущему поблизости кусту можжевельника и больше к нему не притрагивался. Зато рог он долго вертел в руках, любуясь бликами, которые от него исходят, и томимый желанием хоть немного потрубить. Но это желание он в конце концов поборол, справедливо считая, что, поскольку охота началась, трубить без согласия старшего запрещается.

Всласть налюбовавшись рогом, Фердинанд положил его под кустом.

Он стал глядеть на капустный рай, где торчали тысячи капустных головок, но ничто живое не шевелилось. Вскоре Фердинанду стало жарко — в кустах стояла страшная духота.

— Уфф, кажется, я тут заживо сварюсь,— буркнул Фердинанд, снял свою охотничью шапочку с пером и бросил на землю.

Через четверть часа он стянул с себя высокие сапоги со шнуровкой, а ещё четверть часа спустя — охотничью куртку, только тогда он почувствовал, что ему полегчало.

«Нет смысла торчать всё время в этом просве-

те да пялиться на пустое капустное поле,— подумал Фердинанд, растянувшись на земле, поросшей толстым мягким мохом.— Полежу так с полчаса и начну наблюдать...»

Поручиться — не поручусь, но, по-моему, Фердинанд слегка вздремнул. Впрочем, не исключено, что он просто отдыхал, согласно новому методу, с закрытыми глазами. Во всяком случае, в тот момент, когда Фердинанд открыл глаза, он увидел большого зайца, обнюхивающего ружьё, которое, как вы припоминаете, было прислонено к кусту можжевельника.

— Эй, ты! — шёпотом позвал Фердинанд.

При звуке голоса заяц одним прыжком очутился за можжевельником.

— Чего боишься? — спросил Фердинанд.

— Те-те-те-те-те-тебя,— дрожащим голосом ответил заяц.

— Не бойся, я тебе ничего не сделаю.

— А зачем тогда ру-ру-ружьё? — спросил заяц, и его дрожь передалась можжевельнику, из чего можно было заключить, что за дрожащим кустом притаился дрожащий заяц.

— Дали мне, вот я и взял,— пояснил Фердинанд.— А стрелять из него я не буду.

— П-п-п-п-правда? — допытывался заяц.

— П-п-п-п-правда! — ответил Фердинанд, передразнивая зайца.

Того это настолько ободрило, что он высунул из-за можжевельника кончики своих длинных усов.

— Ты од-д-д-дин?

— О-д-д-дин,— ответил Фердинанд.— А в общем-то, перестань валять дурака и говори нормально, ладно?

— Ла-ла-ла-ладно,— согласился заяц.

— Как твоя фамилия?

— Быстрицкий.

— А зовут как?

— Кицек.

— Это что, уменьшительное имя?

— Понятия не имею,— ответил заяц.— Меня с детства зовут Кицеком, так уж и повелось.

— Бывает,— заметил Фердинанд.— А моя фамилия Великолепный, а зовут Фердинанд.

— Очень приятно,— отозвался Кицек Быстрицкий, качнув за кустом длинными ушами.

— Мне тоже очень приятно,— сказал на это Фердинанд,— но было б ещё приятней, если бы ты всё-таки вылез из-за куста.

Кицек одним прыжком очутился рядом с Фердинандом.

— А ты большой,— заметил Фердинанд, посмотрев с одобрением на зайца.

— Я самый большой заяц в округе,— с гордостью сообщил Кицек.— Меня здесь зайцы все слушаются.

— Вот и отлично,— обрадовался Фердинанд.— Немедленно предупреди зайцев, чтоб до восьми вечера не ходили в капустный рай.

— А что такое «капустный рай»? — спросил удивлённый Кицек.

— Капустный рай, ты, капустная кочерыжка,— это то самое, что ты видишь перед собой,— пояснил Фердинанд, указывая сквозь просвет в ветвях на поле, засаженное капустой.

— На нашем языке это называется «столовая»,— ответил Кицек.

— Пусть будет столовая,— не стал спорить Фердинанд.— Надо предупредить, чтоб ни один заяц не приходил в столовую сегодня до восьми часов вечера, понятно?

— Понятно. А почему?

— Потому что будут стрелять.

— Кто?

— Другие охотники.

— Ага! Тогда я побежал! — воскликнул Кицек и помчался сквозь кусты с поразительной быстротой — не зря, видно, носил он свою фамилию.

Минуты через три он уже вернулся.

— Всё в порядке! — заявил, тяжело дыша, Кицек. — Ни один заяц не придёт в столовую до восьми. Каким только образом мы узнаем, что время уже прошло?

— Об этом можно узнать, посмотрев на часы, — объяснил Фердинанд.

— А часы у тебя есть? — спросил Кицек.

— Нету, — чистосердечно признался Фердинанд. — Но ведь, я думаю, у кого-нибудь из зайцев часы найдутся?

— Часов ни у кого нет, — упавшим голосом проговорил Кицек.

— Тогда всё погибло! — буркнул Фердинанд.

— Что ж теперь будет? — спросил убитый горем Кицек.

— Минуточку... — ответил Фердинанд и глубоко задумался.

Думал он, думал, а потом вдруг ни с того ни с сего спросил:

— Есть тут в округе башня?

— Какая башня?

— Всё равно какая, — пояснил Фердинанд. — Пусть будет колокольня, пожарная каланча или башня на ратуше...

— А зачем тебе башня?

— «Зачем! Зачем!» — вспылил Фердинанд. — А затем, что на башнях сплошь да рядом бывают часы. Дошло?

— Дошло! — воскликнул Кицек и от волнения пошевелил усами. — У нас в округе не одна баш-

ня, да вот беда: я не знаю, на какой есть часы. По правде сказать, нас это никогда не интересовало.

— Пошли зайцев, пусть разузнают.

Кицек свистнул особенным образом, и тотчас явилось с дюжину зайцев.

— Разбегитесь по округе,— велел им Кицек,— ищите башни. Чуть какую башню увидите, тут же выясняйте, есть ли на ней часы...

— Да спросите заодно, ходят ли они,— добавил Фердинанд.— Это очень важно!

— Будьте осторожны!— предостерег их Кицек.

— И ни в коем случае не пробегайте через капустный рай!— предупредил их Фердинанд.

— То есть через столовую!— перевёл Кицек слова Фердинанда на заячий язык.

Выяснилось, что башня с исправными часами находится неподалёку. При башне оставили одного из зайцев, который, едва пробьёт восемь, должен был немедленно оповестить штаб в кустах. Остальным зайцам приказано было отсиживаться в укромном месте, а зайчат даже загнали в норы.

Кицек и Фердинанд меж тем, чтоб скрасить ожидание, устроили себе в кустах развлечение: они передавали друг другу рог и строили при этом всевозможные гримасы. На медной полированной поверхности рога их изображения десятки раз искривлялись и растягивались самым невероятным образом, и оба они давились при этом от смеха.

Памятуя, однако, что следует соблюдать абсолютную тишину, они смеялись исключительно про себя, ухитрившись за всё это время ни разу не хихикнуть вслух.

До восьми вечера не прогремел ни один выстрел.

Все охотники (за исключением Фердинанда, который всё ещё сидел с Кицеком в кустах) вышли из засады и столпились вокруг аптекаря.

— Я и ползайца не видел...— сказал первый охотник.

— Я и четверти зайца...— добавил второй.

— Я и осьмушки...— пожаловался третий.

— Я и заячьего хвоста...— зарыдал четвёртый.

— Я и заячьего уха...— пробурчал пятый.

— Даже заячья тень не промелькнула...— заявил, с досадой махнув рукой, шестой.

— Вот так охота...— горько засмеялся седьмой.

— По три зайца собирались мы застрелить...— шепнул с насмешкой восьмой.

— А всех зайцев должно было набраться тридцать три штуки. Ха-ха-ха...— захохотал девятый.

Десятый охотник, иначе говоря— аптекарь, сдвинув на затылок свою охотничью шапочку с пером, почесал в отчаянии лоб.

— Ничего не понимаю,— твердил он всё время,— ничего не понимаю... Это лучшее место из всех, какие мне только известны. В эту капусту приходят под вечер сотни зайцев. А сегодня ни одного.

— Может, это не здесь?— пробормотал кто-то.— Может, капустный рай совсем другое место?

— Чепуха,— проговорил аптекарь,— капустный рай только один. Ошибка исключается.

— Может, зайцы явятся позже? Может, их

задержало, скажем, собрание или что-нибудь ещё?— предположил один из охотников.

— Такого ещё не бывало,— с убеждением проговорил аптекарь.— Капуста для зайца важней любого собрания.

— Но если они, предположим, сейчас покажутся, то ведь можно и стрельнуть...— не утерпел другой.

— Ни в коем случае!— воскликнул аптекарь.— Мы же сами решили, что стреляем только до восьми. Одно из двух: либо мы хозяева своего слова, либо нет.

— Хо-зя-ева!!!— воскликнули хором охотники.

— Тогда попрошу разрядить ружья,— распорядился аптекарь.

Защёлкали ружейные замки, и все стали выковыривать из патронников заряды, которые торчали там в ожидании зайцев.

— Готово?— спросил старший.

— Го-то-во!!!— ответили все хором.

— Подождём Фердинанда,— проговорил аптекарь.— Я отвёл ему самое дальнее место. Затем — по домам.

— А как же с традиционным костром?— слышался чей-то голос.

— Не думаю, чтоб у нас было право на костёр,— заметил аптекарь.— Костёр — это своего рода награда для охотников, которые добыли в лесу трофеи. А какие трофеи добыли мы, ну какие?

Пристыжённые, охотники потупили голову. В самом деле, с трофеями обстояло слабовато.

— Может, всё-таки зажечь?..— вновь послышался робкий голос.

— Пусть костёр будет не такой уж большой,— присоединился кто-то к товарищу.

- Давайте разложим костёр скромненький...
- Махонький...
- Доставим себе хоть это удовольствие...
- Что ж, небольшой костёр можно,— согласился аптекарь,— почему не зажечь?
- За работу! За работу!— воскликнули охотники.
- Надо набрать сучьев!
- Веточек!
- И можжевельника!— добавил аптекарь.— Чтоб дыму, дыму побольше!

VI

Было, наверно, шесть или семь минут девятого, когда в кустах появился запыхавшийся от сумасшедшего бега заяц, тот самый, которому поручили караулить у башни.

— Уже восемь!— закричал заяц, с трудом переводя дух.— Уже восемь часов!

— Ты всё время следил за стрелками?

— Я следил за стрелками и считал, когда пробило восемь,— пыхтя, ответил заяц.

— Молодец,— сказал Фердинанд и потрепал зайца по спине.— Всё сделано как надо. Ляг и отдохни немного.

Заяц разлёгся на мху, довольный, что выполнил свой долг и заслужил похвалу.

— Послушай, Кицек,— обратился Фердинанд к главному зайцу, который всё ещё рассматривал своё отражение в роге.— Есть у меня к тебе одна просьба...

— Слушаю...— отозвался Кицек, не поворачиваясь.

— Мне нужны тридцать три зайца...— сказал Фердинанд.

— Странная цифра!— воскликнул Кицек, не прерывая своего занятия.— Почему именно тридцать три?

— Долго объяснять,— отвечал Фердинанд.— Нужны тридцать три зайца, и точка. Важно, чтоб это были стопроцентные зайцы, понимаешь?

— Понимаю. Сейчас позову зайцев. Сам выберешь.

Кицек вновь свистнул, и на его зов тотчас же сбежалась целая орава зайцев. Фердинанд с Кицеком придирчиво осматривали каждого и наконец выбрали из этой заячьей толпы тридцать два лучших зайца.

— Ты ведь хотел тридцать три?— напомнил Фердинанду Кицек, когда Фердинанд объяснил, что отбор заканчивается.— А у нас только тридцать два зайца.

— Нет, у нас тридцать три,— уверенно произнёс Фердинанд.

— Как же так...— с сомнением в голосе ответил Кицек.— Зайцев всего только тридцать два, я сам считал.

— А я тебе говорю, тридцать три!

— Где же тогда тридцать третий?

— Вот он!— проговорил Фердинанд, указывая на Кицека.

— Ты и меня выбрал?— спросил обрадованный Кицек.

— А ты как думал? Ты всем зайцам заяц.

— Что ж нам теперь делать?— осведомился Кицек, которого вся эта история ужасно заинтересовала.

— Пойдём с визитом к моим товарищам.

— Что за товарищи?— осведомился Кицек.

— Мои товарищи по охоте,— пояснил Фердинанд.

— И мы к ним пойдём?!— спросил перепуганный насмерть Кицек.

- Почему бы нет?
- Они будут в нас стрелять.
- Ручаюсь, не будут,— торжественно заверил Кицек Фердинанд.
- Ни разу?
- Ни разу.
- А что мы будем там делать?
- Будем сидеть у костра, разговаривать о всякой всячине и есть бигос.
- Бигос?
- Да, бигос.
- А что такое бигос?— переспросил Кицек, который про бигос ещё никогда не слышал.
- Это такое кушанье.
- Вкусное?
- Потрясающее!
- Не уверен, что бигос нам понравится...— покачал головой Кицек.
- А я говорю, понравится,— заявил Фердинанд.
- Почему ты так думаешь?
- В бигосе есть кое-что такое, что вы, зайцы, очень любите. Просто обожаете. Сходите с ума...
- Интересно, что ж это такое?— задумался Кицек.
- Чтоб ты не мучился, скажу сразу. В бигосе есть вот такие зелёные листья, которые растут целыми кочанами...
- Капуста!!!— завизжал Кицек так громко, что эхо пошло гулять по лесу.
- Капуста, капуста,— подтвердил Фердинанд, заливаясь смехом.

VII

Охотники болтали о том о сём, рассевшись вокруг своего маленького костра, как вдруг поя-

вился Фердинанд во главе отряда из тридцати трёх зайцев.

— Привет охотникам!!!— хором проговорили зайцы, приблизясь к костру.

Этому Фердинанд научил их по дороге. Они разучивали приветствие беззвучным способом, шевеля одними только губами, чтоб ни в коем случае не выдать своего приближения.

Охотники вскочили на ноги, поджилки у них задрожали.

— Кто идёт?!— заорал в ужасе аптекарь.

— Мы,— ответил Фердинанд.

— Кто это «мы»?

— Мы, зайцы!

Аптекарь приложил руку козырьком ко лбу — свет костра мешал ему видеть — и, обнаружив Фердинанда, который шёл во главе ватаги зайцев, воскликнул:

— Ах, это вы, Фердинанд! Я вижу, вы не один... Кто это идёт за вами следом?..

— Что, не узнали?— спросил удивлённым голосом Фердинанд.

— Мне сдаётся, что это, откровенно говоря, зайцы,— отозвался аптекарь, взглядываясь в сумерки.

— И мне тоже так, откровенно говоря, сдаётся,— ответил в тон ему Фердинанд.

— Откуда они взялись?— спросил аптекарь, взглядываясь вытаращенными глазами в зайцев: видеть таких ему ещё не приходилось.

Остальные охотники глядели без слов, как зачарованные.

— Они пришли вместе со мной,— бросил небрежно Фердинанд.

— Как это вместе с вами?— изумился аптекарь.

— Любят меня, вот и пришли,— пояснил

Фердинанд.— Пригласите-ка их к костру. Не стоять же нам так целую вечность...

— Разумеется, разумеется!— засуетился аптекарь.— Милости прошу садиться...— обратился он к зайцам.— Боже мой, сколько их тут,— пробурчал он себе под нос.

Но Фердинанд услышал.

— А вы сосчитайте,— сказал он.

Аптекарь принялся считать:

— Раз... два... три... восемь... двадцать... двадцать пять... тридцать... тридцать три... Тридцать три. Ведь я не ошибся, не так ли?— обратился аптекарь к остальным охотникам.

Охотники, каждый в свою очередь, тоже принялись считать про себя зайцев и только закивали в ответ головами: дескать, всё правильно, число сходится.

— Кажется, именно столько зайцев намеревались мы сегодня застрелить?— спросил Фердинанд.

Все охотники вместе с аптекарем понурили головы.

— А сколько лично вы сегодня застрелили?— спросил у аптекаря Фердинанд.

— Ни одного,— ответил аптекарь, не глядя на Фердинанда.

— А остальные?— спросил Фердинанд, указав на охотников.

— Тоже ни одного,— повторил аптекарь.

— А сколько зайцев удалось раздобыть мне?

— Вам удалось раздобыть тридцать три зайца.

— Кто ж из всех нас в таком случае лучший охотник?

— Вы, дорогой Фердинанд!— произнёс аптекарь.

— Вы, дорогой Фердинанд!— повторили остальные.

— Большое вам спасибо...— ответил растроганный Фердинанд.— Есть у меня к вам один вопрос,— обратился он к аптекарю.— Могу ли я делать с этими зайцами всё, что мне заблагорассудится?

— Ну, разумеется, дорогой Фердинанд...— подтвердил аптекарь, а остальные кивнули головой.

— Вот и отлично,— заметил Фердинанд.— В таком случае, я приглашаю их на традиционный бигос!

Из автомобиля достали термос, открыли его, и тотчас упоительный запах разлился по поляне. Фердинанда очень интересовало, вкусен ли будет бигос, но этого ему не суждено было узнать...

— Не эту ли собаку вы ищете?— раздался над Фердинандом чей-то голос.

Фердинанд приоткрыл левый глаз и увидел милиционера в форме и с ремнём на подбородке, а рядом с милиционером стояла хозяйка Фердинанда.

— Да, это мой Фердинанд,— подтвердила хозяйка и принялась тормозить Фердинанда за ошейник.— Фердинанд! Проснись, Фердинанд! Что за собака! Третий раз удирает в парк!

— Ну хватит, слезай со скамейки,— сказал милиционер, похлопав Фердинанда по спине.— Нельзя столько спать...

— А я и не спал...— отозвался Фердинанд, глядя своими верными глазами на хозяйку.— Я только отдыхал. По новейшему методу — с закрытыми глазами...

Но хозяйка не поняла.

ВЛАДЕЛЕЦ ЗОНТИКА

I

Фердинанд давно мечтал о зонтике.

Пожалуйста, не смейтесь, ничего смешного в этом нет. Мечты бывают самые неожиданные, и самые неожиданные вещи бывают предметом нашей мечты.

Один, например, мечтал летом о коньках, другой мечтал зимой искупаться в море, третий мечтал осенью о свежей клубнике. Все эти мечты не могут, разумеется, тотчас осуществиться. Тот, кто мечтает о коньках, должен подождать зимы, тому, кто мечтает о море, придётся потерпеть до лета, а тому, кто пожелал клубники, надо дожидаться весны.

А сколько ждать, чтоб осуществилась мечта о зонтике?

Хм, этого не знает никто!

Фердинанд, во всяком случае, мечтал о зонтике очень-очень давно.

Почему мечтал?

Трудно сказать... Никто, пожалуй, на этот вопрос не ответит. До сегодняшнего дня не удалось установить, почему вдруг начинаешь о чём-то мечтать. Мечта является сама собой, прилетает, словно назойливая муха, и кружит вокруг нас, кружит, кружит... Проходит секунда, другая, и мы внезапно отдаём себе отчёт в том, что эта муха не что иное, как наша мечта.

Однажды Фердинанд поделился своей мечтой со старинными часами в деревянном футляре, которые стояли в углу комнаты. С ними Фердинанда связывала давнишняя дружба.

— Ты не можешь себе представить, дорогой Бим-Бом,— сказал Фердинанд (имя у часов было Бим-Бом),— как мне хочется стать владельцем зонтика!

— Отлично тебя понимаю,— отозвался Бим-Бом,— хотя моя точка зрения иная. Я считаю: зонтик — вещь бесполезная.

— Тому, кто не вылезает из своего угла, зонтик, конечно, кажется вещью бесполезной,— заметил Фердинанд.

— Совершенно верно,— подтвердил Бим-Бом.— Вскоре после моего рождения меня поставили в этот угол, и хоть я всё время хожу, в город я ещё ни разу не вышел.

— Это оттого, что ты ходишь на месте...

— Вот именно,— опять подтвердил Бим-Бом.— Но я понимаю того, кто хочет обзавестись зонтиком...

— Это я!— воскликнул Фердинанд, показывая на себя.— Скажи, что надо для того, чтоб обзавестись зонтиком?

— Надо его купить,— ответил Бим-Бом.

— А что надо для того, чтоб купить зонтик?— снова спросил Фердинанд.

— Для этого нужны деньги.

— А если денег нет?

— Тогда скопить.

— А долго надо копить?

— Это зависит от того, какой тебе нужен зонтик.

— Самый великолепный, какой только можно себе представить!— воскликнул Фердинанд.

— На самый великолепный зонтик придется копить долго, очень долго,— объяснил Бим-Бом.

— Что значит «долго»?— допытывался Фердинанд.

— Это опять же зависит от того, помногу

ты будешь откладывать или нет...— пустился рассуждать Бим-Бом.— Может, стоит взять ссуду...

— А существуют ссуды на покупку зонтика?— поинтересовался Фердинанд.

— Раз существуют ссуды на постройку дома или, скажем, на покупку мебели, то, мне кажется, должны существовать ссуды и на покупку зонтика. Надо только обосновать свою просьбу.

— Что значит «обосновать просьбу»?

— Ну, написать, скажем, что зонтик тебе нужен для исполнения твоих служебных обязанностей, ввиду необходимости...

— Выйти сухим из воды,— подсказал Фердинанд.

— Сухим из воды,— подхватил Бим-Бом.— По-моему, прекрасная формулировка. Ты можешь ещё написать, что в результате промокания в момент исполнения твоих обязанностей ты рискуешь простудиться...

— Разумеется,— согласился Фердинанд.

— А если простудишься, то можешь схватить насморк...

— Совершенно верно. Всякий раз, когда простужаюсь, у меня насморк,— подтвердил Фердинанд.

— А раз насморк, то чихаешь...

— Ещё как!

— А раз чихаешь, то заражаешь других...

— Да уж наверно...

— И тогда те, кого заражаешь, тоже чихают и тоже заражают, в свою очередь, других; у тех других тоже появляется насморк, и они, в свою очередь, чихают и своим чиханьем заражают следующих... А всё из-за чего?

— Да, из-за чего?..

— Всё из-за того, что у тебя нет зонтика!—

досказал Бим-Бом, страшно гордясь своей сообразительностью.

— Вот видишь!— вырвалось у Фердинанда.— Видишь, зонтик мне необходим.

— Ты можешь также написать в заявлении, что зонтик тебе необходим не только ввиду опасности промокания, но также ввиду общественного блага... Ибо факт отсутствия у тебя зонтика может пагубно сказаться на окружающих, кои подвержены заражению насморком вследствие отсутствия у тебя лично зонтика, как такового.

— Сейчас же напишу заявление,— решил Фердинанд.— Ты мне поможешь, дорогой Бим-Бом?

— Я помогу тебе в изложении мыслей, но писать придётся тебе самому, потому что писать стоя мне неудобно...— пояснил Бим-Бом.— Ты хоть представляешь, какой зонтик тебе нужен?

— Мне хотелось бы,— мечтательно произнёс Фердинанд,— чтоб зонтик был у меня изысканный. Чтоб трость у него была бамбуковая, а верх шелковый...

— А цвет какой?

— Голубой, как небо.

— Голубой непрактично,— заметил Бим-Бом.— На солнце голубой выгорает.

— Я постараюсь не ходить с ним по солнцу,— возразил Фердинанд.— Впрочем, с зонтиком ходят под дождём, а не под солнцем.

— Ишь, умник!— заметил Бим-Бом.— А скажи, разве редко после дождя выглядывает солнце, а?

— Не так уж редко,— признался Фердинанд.

— Значит, зонтик может всё-таки выгореть?

— Может.

— Тогда не надо тебе голубого, дорогой Фер-

динанд,— проговорил Бим-Бом и громко про-бимбомил десять раз, потому что было ровно десять.— Я так с тобой заболтался, что чуть не прозевал десять часов.

— Какой же мне купить?— спросил Фердинанд.— Красный?

— Красный слишком бросается в глаза,— возразил Бим-Бом.— Ты всегда будешь на виду, куда бы ты ни шёл.

— Вот и прекрасно!— обрадовался Фердинанд.— Пусть бросается! Пусть все видят меня и мой зонтик.

— Тогда у тебя не будет ни минуты покоя. Из-за красного зонтика всем всегда будет известно, где ты находишься, и ты вечно будешь окружён родственниками и знакомыми. А ведь каждому из нас необходимо порой одиночество.

— Верно...— согласился Фердинанд.— Какой же зонтик мне купить? Зелёный?

— Зелёный не слишком хорош,— заявил Бим-Бом.

— Почему?

— Потому что летом он совсем не бросается в глаза. А ведь с зонтиком мы ходим главным образом летом.

— Как это так: летом не бросается в глаза?— не понял Фердинанд.

— А очень просто. Летом много зелени, и среди зелени зонтик незаметен... А ты хочешь, чтоб все видели твой зонтик...

— Ты убедил меня,— ответил Фердинанд.— Что скажешь про фиолетовый?

— Не-еет...— с неудовольствием поморщился Бим-Бом и пошевелил стрелками, как усами.— Фиолетовый — это несолидно...

— Что же тогда солидно?

— Моя точка зрения такова: это чёрный,— произнёс Бим-Бом.

— Чёрный?— удивился Фердинанд.

— Чёрный, только чёрный!— стоял на своём Бим-Бом.

— Чёрный цвет — печальный.

— Чёрный цвет — такой же цвет, как и всякий другой,— настаивал Бим-Бом.— Хочешь быть солидным, покупай себе чёрный зонтик...

— Ещё бы, конечно, хочу!— подтвердил Фердинанд.

— Тогда бери бумагу и перо, садись, пиши заявление...

II

— Кому полагается писать такое заявление?— спросил Фердинанд, приготовив бумагу, перо и чернила.

— Тому, кто даёт ссуды,— ответил Бим-Бом.

— А кто даёт ссуды?

— Банк.

Фердинанд макнул перо в чернильницу, удобней устроился на стуле и стал писать, повторяя написанное вслух по складам.

— «Ува-жа-ем-ый Банк...»

— Учти, банк — это не человек,— перебил его Бим-Бом.

— А что это такое?

— Банк — это здание, где хранятся деньги...

— Хорошо,— отозвался Фердинанд,— сейчас поправлю.

И, зачеркнув строчку, он начал снова:

— «Ува-жае-мое здание, где хра-нят-ся день-ги...»

— Что ты пишешь!— воскликнул Бим-Бом.— Ведь это сушая чепуха!

- Должно же быть какое-то начало?
- Только не такое.
- Какое же?
- Пиши так: «В Ссудный Банк...»
- Почему всё-таки ссудный?
- Потому, что он даёт ссуды и займы, понятно? Пиши: «В Ссудный Банк...»
- «В суд-ный банк...»— написал Фердинанд. Бим-Бом заглянул Фердинанду через плечо и чуть не упал в обморок.
- Что ты опять написал?— воскликнул он.— Во-первых, всё надо с заглавной буквы, а во-вторых, банк не «Судный», а «Ссудный». Сейчас же исправь!
- Фердинанд исправил, и Бим-Бом принялся диктовать дальше:
- «Прошу дать мне ссуду на покупку зонтика, который мне крайне необходим...»
- «Про-шу дать ми-не Ссу-ду на по-куп-ку зон-ти-ка ка-то-рый ми-не край-не ни-ап-ха-дим...»— произнёс Фердинанд, старательно выводя буквы на бумаге.— Так?
- Так, да не совсем,— ответил Бим-Бом.— Надо писать «мне», а не «мине», «который» пишется через два «о», а в слове «необходим» у тебя целых четыре ошибки. Кроме того, перед «который» надо поставить запятую, а слово «ссуда» писать не с большой, а с маленькой буквы.
- Ссуда — для меня дело не маленькое, потому я и написал с большой буквы,— пояснил Фердинанд и стал исправлять ошибки.
- Исправил?— спросил Бим-Бом.
- Исправил.
- Что теперь будешь делать?
- Теперь перепишу начисто и вложу в конверт.
- А кто просит ссуду?

— Как это «кто»? Я!— воскликнул Фердинанд.

— А как в банке узнают, что это именно ты?

— Я напишу под заявлением, что это я,— сказал Фердинанд и приписал с большой буквы «Я».

— На заявлении не пишут «я», а пишут имя и фамилию,— заметил Бим-Бом.— Зачеркни это свое «я» и полностью напиши имя и фамилию...

Фердинанд зачеркнул «Я» и написал, правда, немного криво, но зато ясно и разборчиво: «Фер-ди-нанд Ве-ли-ко-леп-ный».

— Хорошо ещё, что в собственной фамилии не делаешь ошибок,— заметил Бим-Бом.— Теперь перепиши всё это начисто.

Фердинанд взялся за переписывание.

Первый раз он начал слишком высоко, из-за чего внизу осталось много свободного места, и получилось некрасиво.

В другой раз он начал слишком низко, из-за чего осталось много свободного места наверху и вышло ещё некрасивее.

В третий раз он написал всё по самой середине, но строчки так поехали вкось, что Фердинанд даже испугался.

В четвёртый раз всё получилось как надо, но в последнюю минуту, когда Фердинанд делал замысловатый росчерк на подписи, с пера скатилась большая чёрная капля, которая превратилась мгновенно в ужасающую кляксу.

И лишь на пятый раз Фердинанду удалось переписать заявление красиво, без ошибок и клякс.

— Иди теперь в Ссудный Банк,— напутствовал друга Бим-Бом.

— А где это?— спросил Фердинанд.

— Не знаю,— ответил Бим-Бом и сосредоточился, так как настал момент пробить одина-

дцать часов. Он пробимбомил одиннадцать раз, затем прохрипел усталым голосом:— Уфф, больше всего люблю, когда час...

— Ну, я побежал!— крикнул Фердинанд, вкладывая заявление в конверт.

III

«Не стану ни у кого спрашивать, где этот Ссудный Банк,— решил Фердинанд, очутившись на улице.— К чему всем знать, что я, Фердинанд Великолепный, собираюсь брать ссуду на покупку зонтика... Сам найду, ничьей помощи мне не надо... Этот банк, конечно, где-нибудь в центре города... А улиц в центре не так уж много... Самое большее — сто или двести... Побежишь как следует, в два счёта обежишь все улицы... Надо только вывески читать... На этом банке должна быть большая вывеска, такая, чтоб видно издалека...»

И Фердинанд помчался как сумасшедший. Бегал он так, бегал и никак не мог найти свой банк. Всякие другие попадались, а Ссудного нигде не было. И когда, наконец, совсем уже отчаявшись, он выскочил из боковой улочки на главный проспект, вдруг перед глазами предстала огромная вывеска:

ССУДНЫЙ БАНК

«Вот он где»,— подумал Фердинанд и страшно обрадовался.

С чувством собственного достоинства он вошёл в вестибюль через вращающиеся двери. (Должен вам сказать, что во всяком уважающем себя банке двери не такие, какие можно от-

крыть, дёрнув за ручку, а такие, которые вращаются вокруг своей оси.)

Фердинанду эти двери так понравились, что он, вместо того чтоб войти в банк один раз, вошёл в него, наверно, раз пятнадцать, и лишь тогда, когда ходить взад-вперёд надоело, остановился в вестибюле и стал искать взглядом подходящего человека, с которым можно было бы потолковать насчёт заявления. И тут взору Фердинанда представилось множество окошечек, и в каждом сидел сотрудник или сотрудница. Фердинанд осмотрел всё по порядку и направился туда, где была молоденькая девушка, потому что эта девушка понравилась ему больше других.

— Здравствуйте,— сказал Фердинанд,— я с заявлением.

— По какому поводу?— спросила девушка, даже не глянув на Фердинанда.

— По поводу ссуды,— ответил Фердинанд.

— Покажите,— сказала девушка.

Фердинанд передал ей конверт с заявлением.

— По-видимому, здесь ошибка,— произнесла девушка, пробежав глазами заявление.— Тут, наверно, должен быть не зонтик, а что-то другое!

— Нет, нет!— восторженно воскликнул Фердинанд.— Именно зонтик. Всё правильно.

— Выходит, вы просите ссуду на зонтик?— переспросила изумлённая девушка.

— Да, да, на зонтик,— повторил Фердинанд.

— Должна вам сказать, такое заявление я вижу впервые. Придётся идти к заведующему.

И они отправились к заведующему, чей кабинет находился на пятом этаже.

— У меня заявление этого гражданина...— сказала девушка, когда они очутились в кабинете.— Откровенно говоря, такого заявления я ещё никогда не видывала.

— В чём дело?— осведомился заведующий, сдвигая на лоб огромные роговые очки.

— Дело в ссуде,— объяснил с поспешностью Фердинанд.

— Да, в ссуде,— подтвердила девушка,— но попробуйте угадать, на что ему эта ссуда нужна...

— На постройку дома? На мебель?..— принялся угадывать заведующий.

— Ничего подобного. На зонтик,— произнесла девушка.

— На зонтик?!— изумился в свою очередь заведующий.— Впервые слышу. Придётся идти к инспектору.

Заведующий, девушка и Фердинанд спустились этажом ниже в кабинет инспектора.

— По какому вопросу?— спросил инспектор, отрываясь от бумаг, которыми был завален его стол.

— Дело из ряда вон выходящее,— заявил заведующий.— Только поэтому мы позволили себе оторвать вас от работы... Вот этот гражданин подал заявление на ссуду...

— Если просьба обоснованна, ссуду надо выдать, и разговор короток,— отозвался инспектор, который с первого взгляда почувствовал к Фердинанду симпатию.

— Просьба обоснованна, инспектор,— ответил на это заведующий,— но дело в том, что обоснование необыкновенное...

— На что предназначается ссуда?— осведомился инспектор.

— Ссуда предназначается на зонтик,— сообщил заведующий, а девушка и Фердинанд кивнули в подтверждение головой.

— Повторите, пожалуйста, наверно, я ослышался,— переспросил инспектор.

— Нет, вы не ослышались, инспектор,— вновь сказал заведующий.— Ссуда предназначается на зонтик.

— Мне, право, очень жаль,— отозвался инспектор,— но всю полноту ответственности за решение взять на себя я не могу. Если вы не возражаете, пройдем к начальнику...

Инспектор, заведующий, девушка-сотрудница и Фердинанд спустились этажом ниже в кабинет начальника.

— Войдите!— прогремел бас начальника, когда инспектор постучал в дверь.— Что ещё за процессия?— прогреготал он при виде всех четверых в своём кабинете.— Чем могу служить?

— Гражданин Великолепный явился к нам с просьбой о ссуде,— сообщил инспектор.

— Мы с величайшим удовольствием предоставим ему ссуду,— сказал в ответ на это начальник и попросил присутствующих садиться.— Наша организация для того и существует, чтобы давать ссуду всем, кто в ней нуждается.

— Это мне известно,— проговорил инспектор,— и мы дали бы ссуду гражданину Великолепному без разговоров, если б не то обстоятельство, что ссуда предназначается на покупку... зонтика.

— Как?.. Обыкновенного зонтика?— прогудел своим басом начальник.

— Да, да, зонтика,— подхватил инспектор, а заведующий, девушка и Фердинанд закивали головой.

— Покажите-ка мне это заявление!— попросил начальник.

Он взял заявление Фердинанда из рук инспектора и, бурча что-то себе под нос, прочитал его несколько раз подряд.

— Вне всякого сомнения,— произнёс он нако-

нец,— речь идёт о ссуде на покупку зонтика... В принципе наш банк не возражает, чтоб кто-то на предоставленную ему ссуду покупал себе зонтики, но...— И тут начальник принялся почёсывать химическим карандашом свою лысину, выписывая на ней фиолетовые каракули.— Но поскольку это случай, не имеющий прецедента, мне хотелось бы посоветоваться с нашим директором. Идём к директору!

Начальник, инспектор, заведующий, девушка-сотрудница и Фердинанд вновь спустились по лестнице. Они очутились на втором этаже у двери директорского кабинета. К счастью, директор принял их без промедления, так как до него уже дошёл пущенный кем-то по банку слух о том, что надо срочно решить какой-то невероятно важный вопрос.

— Я слышал, у вас затруднения,— произнёс директор, когда за прибывшими захлопнулась толстая, обитая тёмной кожей дверь.

— К нам поступило заявление присутствующего здесь Фердинанда Великолепного с просьбой о ссуде...— стал докладывать начальник.

— Мне кажется, заявление такого рода у нас не редкость,— засмеялся в ответ директор.

— Разумеется, нет,— поспешно согласился начальник.— В наш банк поступает ежедневно несколько сот заявлений с просьбой о ссуде. Но с момента основания банка такого ещё не было!— воскликнул начальник и театральным жестом бросил заявление Фердинанда на стол директору.

Директор мгновенно с ним ознакомился, лицо у него просияло, и, потирая руки, он воскликнул:

— Наконец что-то новенькое!!! Bravo, bravo, Фердинанд!!! Все без конца требуют денег на по-

купку дома, на мебель, на автомобиль, и вот наконец появился некто, попросивший денег ради прекрасной, благородной, я бы сказал, цели — ради покупки зонтика! Сколько денег вы просите? У вас тут сумма не обозначена...

— Я и представления не имею, сколько может стоить зонтик,— ответил Фердинанд.

— Какой вам надо?— поинтересовался директор.

— Зонтик мне надо большой, с бамбуковой тростью и чёрный, потому что мне необходимо солидно выглядеть,— сообщил Фердинанд.

— Выясните, пожалуйста,— обратился директор к девушке,— какова на сегодняшний день розничная цена этого типа зонтиков... А вас,— обратился директор к начальнику, инспектору и заведующему,— попрошу подняться в свои кабинеты и немедленно приступить к оформлению ссуды для гражданина Великолепного. Задержитесь, пожалуйста, на минутку, Великолепный,— попросил директор Фердинанда, когда тот вместе со всеми хотел выйти из кабинета.— Мне надо вам кое-что показать.

Когда посторонние удалились, директор направился к шкафу, распахнул настежь дверцы и сказал:

— Любуйтесь!

И взору Фердинанда предстала целая дюжина самых разных зонтиков, аккуратно развешанных в шкафу.

— Замечательная коллекция!— прошептал в восхищении Фердинанд.

— Это ещё не всё,— с гордостью произнёс директор,— дома у меня есть ещё одна, точно такая же. Если как-нибудь забежите, то покажу.

— Разумеется, забегу, разумеется, дорогой директор!— заверил директора Фердинанд и, по-

благодарив его за всё, выбежал, потрясённый, из кабинета и помчался в кассу получать отпущенную ему ссуду.

IV

С деньгами в кармане Фердинанд ходил по городу в поисках подходящего зонтика.

— Главное — не совершить опрометчивого поступка, — бурчал он себе под нос, проходя по улицам и высматривая магазин с зонтиками. — Проще всего купить первый попавшийся зонтик и потом терзаться до конца своих дней, что купил не то, о чём мечтал... Время ещё есть... Обойду все магазины и посмотрю, что там продаётся...

И Фердинанд расхаживал по магазинам вдоль рядов с зонтиками, точно высокопоставленная особа перед строем почётного караула. То и дело выкликивал он какой-нибудь зонтик из шеренги, придирчиво его разглядывал, небрежно опирался на него, как на тросточку, иногда даже открывал. Но так и не мог решиться.

Наконец, выходя из двадцать пятого магазина, Фердинанд хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Ах я неуч!

Потом хлопнул себя ещё раз и снова воскликнул:

— Ах я шляпа!

Хлопнул себя по лбу в третий раз и в третий раз воскликнул:

— Ах, слабомыслящий! Хожу, дуралей, по всем этим магазинам, и в голову мне не придёт, что зонтиков в магазинах не делают. Их делают специальные мастера! Только у мастеров найду я такой зонтик, о каком мечтаю!

Долго не раздумывая, Фердинанд отправился

на поиски мастеров. Он шёл и напевал такую песенку:

Ах, мастера, мастера,
Найти вас пора, пора...
Где, у каких ворот,
Живёте вы, мастера?
Где в мастерскую вход —
С улицы иль со двора?
Ах, мастера, мастера...

Эту песенку услышала старушка, проходившая мимо.

— Простите, пожалуйста, что мешаю вам напевать такую прелестную песенку,— сказала она,— но я случайно знаю адрес одного превосходного мастера по зонтам...

Фердинанд даже подпрыгнул от радости.

— Умоляю вас,— сказал он,— дайте мне скорей этот адрес! Это далеко?

— Какое далеко! Два шага отсюда!— сказала старушка.— Это на Дождливой, 18. Запомнили?

— На всю жизнь запомнил, на всю жизни!— воскликнул Фердинанд.— Тысячу раз спасибо за бесценные сведения!

Сказав так, он направился на Дождливую улицу.

— Имейте только в виду,— крикнула ему вслед старушка,— на Дождливой всегда дождь...

— Это неважно,— заметил Фердинанд.— Подумаешь, чуточку промокну... Зато потом, когда у меня будет зонтик, дождь может лить, сколько ему заблагорассудится.

Дождливая улица и в самом деле оказалась поблизости. Фердинанд без труда нашёл дом номер восемнадцать. Но, пройдясь вдоль фасада, не обнаружил ни лавочки, ни мастерской. Зато у ворот виднелась скромная вывеска, на которой

был изображён зонтик и нарисована стрелка, указывающая во двор. Фердинанд пошёл в направлении стрелки. Миновав арку, он очутился в просторном дворе. С Фердинанда текла ручьями вода: стоило ему оказаться на Дождливой, как он и в самом деле попал под проливной дождь.

«Удивительная история, — подумал Фердинанд, — с этим дождём на Дождливой...»

Добрых десять минут смотрел Фердинанд по сторонам, но нигде не было и намёка на мастерскую. Тогда он поднял взгляд в высоту и на балконе третьего этажа увидел с десятков разноцветных зонтиков, растущих в горшках, как цветы. Все зонтики были открыты, и вода струилась с них потоками вниз. Кое-что попало и на Фердинанда, который тем временем промок уже до нитки.

— Теперь я знаю, где этот мастер! — крикнул Фердинанд и помчался на третий этаж.

Трудно в это поверить, но и на лестнице шёл дождь. Поскольку Фердинанд, как мы уже сказали, промок до нитки, то, поднимаясь по лестнице, он даже не обратил внимания на это паразитическое явление. Ему было всё равно, есть дождь или нет.

— Пусть идёт, пусть... — бормотал Фердинанд, а у самого с носа капля за каплей стекала вода.

Добравшись наконец до двери, на которой был нарисован зонтик, Фердинанд постучал.

— Войдите! — слышался голос.

Фердинанд открыл дверь и переступил порог. В квартире тоже шёл дождь.

«Потрясающий случай!» — подумал про себя Фердинанд, но, не желая выдать своих чувств, произнёс вслух:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, здравствуйте, — отозвался

мастер-зонтичник, сидевший под огромным зонтиком.

По зонтику текли струи дождя, но мастер был совершенно сухой.

— Чего это вы стоите на дожде?— обратился мастер к Фердинанду.— Скорее ко мне под зонтик!

Фердинанд спрятался под зонтик и только тут обнаружил, что зонтик растёт в деревянной кадке, словно пальма, которую встретишь в ином доме или в холле гостиницы.

— Чем могу служить?— спросил мастер, всматриваясь в Фердинанда.— Судя по всему, вам нужен зонтик, не так ли?

— Совершенно верно,— подтвердил Фердинанд.— Мне нужен зонтик.

— Садитесь, пожалуйста,— произнес мастер, указав на стул поблизости.

Фердинанд сел, а усевшись, осмотрелся.

— Извините меня, пожалуйста,— начал он,— у вас, кажется, нет крыши...

— Крыша есть,— ответил мастер.

— Почему ж тогда так льёт?

— На Дождливой всегда дождь,— пояснил мастер.— Это одна из причин, почему именно здесь я заложил свой питомник зонтиков.

— Вы, наверно, хотите сказать «мастерскую»?

— Ничего подобного, я хотел сказать «питомник», а не «мастерскую». Пусть мастерскими занимаются другие, вы меня понимаете? А у меня, Францишека Амбреллинского, единственный в мире питомник зонтиков. Мои зонтики, заметьте себе, натуральные, а не какие-нибудь там искусственные. Как существуют натуральные жемчужины и жемчужины, искусственно выращенные, так существуют искусственные зонтики, изготавливаемые массовым способом, и настоящие

зонтики, которые выращиваю один только я. Что же касается крыши,— заметил зонтичник, желая рассеять недоумение Фердинанда,— то должен вам сказать, что против того дождя, какой бывает на Дождливой, ни одна крыша не устоит. В отличие от моих зонтиков непромокаемой крыши нет. Вы посмотрите...

Фердинанд посмотрел. И в самом деле, под огромным зонтом было сухо, точно так же, как и под всеми другими зонтиками, которыми была уставлена комната. Среди них были взрослые зонтики и маленькие зонтенята, едва пустившие первые ростки.

— Невероятно!— произнес вне себя от восхищения Фердинанд.— Даже под самым маленьким ни капельки!

— Они по-настоящему непромокаемые,— заметил с гордостью Амбrellинский.— Я дряни не выращиваю... А вы какой зонтик желаете? Вероятно, не садовый, нет?

— Нет,— ответил Фердинанд,— у меня и сада-то нет. Мне нужен прогулочный зонтик...

— Понимаю,— сказал с пониманием Амбrellинский.

— Элегантный,— пояснил Фердинанд.

— С иным я вас и не представляю...

— Не слишком тяжёлый,— продолжал Фердинанд.

— Мои как пёрышко, можете не сомневаться,— заверил Фердинанда зонтичник, приложив руку к сердцу.

— С бамбуковой тростью...

— Я выращиваю зонтики исключительно на бамбуковых побегах,— сообщил Амбrellинский.

— Чтоб открывался без загвоздки...

— С загвоздкой открываются только искусственные, с настоящими этого не бывает!

— И чтоб не промокал...

— Мои зонтики на все сто непромокаемые!

— И чтоб, главное, нигде не терялся,— до-
сказал Фердинанд.

— Насчёт этого даю столетнюю гарантию. Зонтики из моего питомника следят за своими хозяевами сами в отличие от обыкновенного зонтика, за которым приходится присматривать хозяину.

— Столетнюю гарантию?— спросил удивлён-
ный Фердинанд.

— Если маловато,— ответил зонтичник,— мо-
гу дать гарантию и побольше, но знаю по опыту:
зонтики дольше ста лет не живут. Я имею в виду
зонтики из моего питомника. Бывают ведь и та-
кие, которые живут год, два, самое большее три
года,— произнёс с презрением зонтичник.— Ка-
кого цвета зонтик желаете?

— Чёрного,— ответил Фердинанд.

— Сразу видно, вкус у вас хороший,— отве-
тил на это зонтичник.— Иному подавай голубой
зонтик, красный, зелёный или там фиолетовый, а
некоторым, представьте себе, жёлтый! А вам
угодно чёрный зонтик. Вполне понятное жела-
ние... Мне самому нравится больше чёрный. Чёр-
ный трудней вырастить, так же, скажем, как ро-
зу. Сплошь да рядом увидишь красную, жёлтую,
белую розу, бывают даже голубые или зелёные,
но настоящее чудо — это чёрная роза!

— Кое-что об этом я слышал,— подтвердил
Фердинанд.

— Выбирайте из этих чёрных любой,— ска-
зал Амбrellинский, указав на целое семейст-
во первосортных, прекрасно развитых зонтиков,
стройно высящихся в своих горшочках.

Фердинанд стал их осматривать, и в глаза ему
бросился третий зонтик слева.

— Беру этот,— проговорил Фердинанд.

— Лучший экземпляр года,— похвалил его выбор зонтичник.

— Только как быть с горшком?— заволновался Фердинанд.— Вероятно, ходить всё время с горшком, прицепленным к ручке зонтика, не так уж удобно.

— Пусть вас это не беспокоит. Зонтик пока ещё растёт, но сейчас мы вырвем его из горшка, вот вам и всё,— ответил Амбrellинский.

Он наклонился к горшку, в котором рос облюбованный Фердинандом зонтик, и привычным движением вырвал его из земли. Обтёр ручку тряпочкой и подал зонтик Фердинанду.

— А он, случайно, не завянет?— поинтересовался Фердинанд.

— Не может быть и речи! Только иногда вам надо выходить с ним на дождь, чтоб хорошенько его смочить, это пойдёт ему на пользу. Здесь, на Дождливой, они привыкли, что дождь льёт без перерыва. Если дождя нет, они скучают.

— Буду ходить с ним под дождём часами,— решил Фердинанд.

Он взял зонтик и почувствовал себя на седьмом небе от счастья. Дождь барабанил по зонтику, и всё в Фердинанде ликовало, сердце радостно билось.

— Сколько я вам должен?— спросил чуть дрогнувшим голосом Фердинанд. Он боялся, что цена будет слишком высокая.

— Немного,— ответил Амбrellинский.

— Ну всё-таки?

— Для вас триста злотых,— сказал Амбrellинский.

— Триста злотых?— удивился Фердинанд.

— Слишком дорого?

— Слишком дешево! Даю четыреста,— заявил Фердинанд.

— Не соглашусь ни за что на свете, — запротестовал Амбреллинский.

— Ну, триста пятьдесят, — предложил Фердинанд.

— Хорошо, пусть будет триста пятьдесят, — согласился зонтичник, — но верьте слову честного человека: цена завышенная.

— Ничего подобного, заниженная! — воскликнул Фердинанд.

Он достал деньги и рассчитался с Амбреллинским.

Затем они простились как старые друзья, и Фердинанд под своим великолепным зонтиком покинул питомник Амбреллинского, орошаемый непрерывным дождём. Под струями воды Фердинанд спустился с лестницы, под струями пересек двор и, исполненный счастья, под струями зашагал по Дождливой улице.

Над головой у него воплощением мечты мерно колыхался зонтик.

V

Едва Фердинанд свернул с Дождливой, дождь тотчас прекратился и засияло солнце.

«Надо закрыть зонтик...» — подумал Фердинанд и стал искать крючок, за который следует потянуть, с тем чтоб зонтик из раскидистого гриба превратился в изящную, перепоясанную чёрным шёлком тросточку.

Но крючочка нигде не было.

— Любопытно... — протянул Фердинанд и пошёл с открытым зонтиком дальше по улице, хотя все прохожие свои зонты и зонтики давно закрыли. — Может, так оно и лучше, — пробурчал себе под нос Фердинанд, — по крайней мере, зонтик хорошенько просохнет...

Вдруг к Фердинанду подошел какой-то мужчина.

— Извините, пожалуйста,— сказал мужчина,— только не знаю, заметили ли вы, что дождик прошёл...

— Как же, заметил,— отвечал Фердинанд.

— Я вижу, вы с открытым зонтиком... Вот я и подумал: может, вы, скажем, замечтались или ещё что-то...— стал оправдываться незнакомец, опасаясь, видимо, быть навязчивым.

— Я нарочно иду с открытым зонтиком,— заявил Фердинанд.

— Осмелюсь спросить: почему?— с любопытством осведомился незнакомец.

— Чтоб высох,— пояснил Фердинанд,— просто-напросто, чтоб высох...

— Вы гений!— воскликнул мужчина с восхищением.— Только вы постигли душу зонтика! Вы заботитесь о зонтике, вы хотите, чтоб зонтику было хорошо, вы не пренебрегаете зонтиком, как это делает большинство владельцев! Когда-нибудь зонтики воздвигнут вам памятник! Последую вашему примеру!

Сказав так, он раскрыл свой зонтик, несмотря на солнечную погоду.

— До свиданья,— сказал мужчина,— ко всем, кто встретится на моём пути, я обращусь с призывом последовать вашему примеру!

И он исчез.

Вскоре Фердинанд заметил, что на улице становится всё больше людей с открытыми зонтами, хотя дождь давным-давно прошёл и на небе не было ни облачка.

Вскоре кто-то бросил лозунг:

ЗОНТИКИ ЛЮБЯТ, ЧТОБ ИМ БЫЛО СУХО!

Все стали этот лозунг повторять. Его писали на стенах, передавали через громкоговорители

и даже вечерние газеты, выходявшие часов около трёх, поместили этот лозунг над заголовками на первой странице.

VI

В конце концов, однако, открытый зонтик стал раздражать Фердинанда.

Посудите сами: долго ли можно ходить по городу с открытым зонтиком, тем более что дождь прошёл?

«Надо что-то предпринять»,— решил Фердинанд и ещё раз тщательно исследовал ручку зонтика и всё, что к ней прилегает, надеясь всё же найти приспособление, которое позволило бы ему превратить зонтик из гриба в тросточку.

Но такого приспособления не оказалось. Тогда Фердинанд стал испытывать всякие другие способы. Встряхивал зонтик, ударял им о тротуар, поворачивал его влево, вправо — без результата. Зонтик по-прежнему был открыт и не проявлял ни малейшего желания закрыться.

«Пойду, пожалуй, к Амбrellинскому,— решил в конце концов Фердинанд,— пусть объяснит, как закрываются зонтики, выращенные в питомнике...»

И Фердинанд направился уже было на Дождливую, но не успел сделать нескольких шагов, как его толкнул какой-то расфуфыренный сопляк.

— Поосторожней, дружок,— сказал Фердинанд.

— А что такое?— грубо ответил франт.

— Некрасиво толкать прохожих...

— Подумаешь, прохожий!— отозвался молокосос и сунул руки в карманы, желая тем самым выразить своё презрение Фердинанду.

— Когда кого-нибудь толкнёшь, надо сказать «извините»...

— А мне не хочется!

— Твоё поведение говорит о том, что тебе не хватает культуры...

— А мне плевать на твою культуру!— не уни-
мался сопляк.

— Всё оттого, что ты дурно воспитан,— за-
явил Фердинанд.

— Отвяжись со своими поучениями!— дерзко
бросил щёголь и, смешавшись с толпой, крикнул
на прощание:— Заткнись! Закройся!

Едва он это сказал, как зонтик немедленно за-
крылся.

Потрясающее открытие!

«Кажется, зонтик складывается по приказу...
Вот почему нет никаких приспособлений...— по-
думал Фердинанд.— Хорошо, но как же тогда он
открывается? Если он закрывается при слове
«закройся», он должен открываться при слове
«откройся»! Сейчас мы это проверим...»

И, не теряя времени, Фердинанд воскликнул:

— Откройся!

Зонтик тотчас открылся.

— Закройся!

Зонтик тотчас закрылся.

— Откройся!

Зонтик тотчас открылся.

— Закройся!

Зонтик тотчас закрылся.

— Теперь дело в шляпе!— воскликнул ра-
достно Фердинанд.— Теперь мы знаем, как
открывать и закрывать зонтик. О безвестный
сопляк, толкнувший меня, как бы я хотел побла-
годарить тебя за ту услугу, которую ты оказал
мне своей невоспитанностью!

Но щёголя и след простыл; он так никогда и

не узнал, что его дерзкое «Заткнись! Закройся!» решило ту проблему, которую сам Фердинанд решить был не в состоянии.

Повторяя каждую минуту «закройся» и «откройся», Фердинанд отправился домой. Все прохожие наблюдали со снисходительной улыбкой за гражданином, который то и дело открывал и закрывал безо всякой на то причины свой чёрный зонтик с бамбуковой тростью.

VII

Шаги хозяина на лестнице услышал Бим-Бом.

Он посмотрел на пол и увидел задремавшего Фердинанда. Рядом с Фердинандом валялся зонтик хозяина, который Фердинанд, разыгравшись, притащил из прихожей.

«Вот будет скандал...» — подумал Бим-Бом и стал прикидывать, каким образом можно ещё выручить друга.

Фердинанд храпел что было мочи и не чувствовал опасности.

«Вот будет скандал, когда хозяин увидит, как Фердинанд растрепал его зонтик...»

Шаги на лестнице приближались. Звякнули вытянутые из кармана ключи.

— Как быть? Как быть? — твердил в отчаянии Бим-Бом. — Надо как можно скорей разбудить Фердинанда... Но как это сделать?

И вдруг...

«Да ведь через секунду шесть часов, — молнией промелькнула мысль в голове у Бим-Бома. — Я так пробью шесть часов, что Фердинанд проснётся».

И, долго не раздумывая, он пробил шесть следующим образом:

**Послушай-ка,
слон!**

Герой нашей повести — слон. Зовут его Доминик. Родился он, наверно, лет сто назад. Так, по крайней мере, мне кажется. Документов у него нет, и потому возраст определить трудно. Да и зачем?

Надо вам сказать, что слоны появляются обычно на свет в азиатских джунглях или в африканской саванне. Существует две породы слонов: слоны индийские, у которых вогнутый лоб и маленькие уши, и слоны африканские, у которых лоб выпуклый, а уши болтаются, как у спаниеля. Как я уже говорил, родина индийских слонов — джунгли, родина африканских — саванна. Саванна — это огромная равнина, поросшая сухой травой, низкорослыми деревцами и кустарником. Нередко слон бывает выше самого высокого дерева в такой саванне. Разумеется, взрослый слон, потому что слонята есть слонята.

Но с Домиником всё было по-другому: он родился не в Индии и не в Африке, он появился на свет на фарфоровом заводе. Никогда не был ни велик, ни мал, с самого начала был такой, какой сейчас: ростом с ягнёнка. Как будто это и не слон вовсе, а маленький, беленький ягнёнок.

Раньше Доминика знал весь город. Как только он появился на свет, его поставили в витрине аптеки на главной площади. Аптека так и называлась — «Под слоном». Гордо задрав хобот, стоял

Доминик в витрине. Шли годы. Зимой он ужасно мёрз, зато летом в витрине было так жарко, как его дальним родственникам в Африке. Целыми днями Доминик ничего не делал, только смотрел в окно, поэтому знал наперечёт всех жителей городка. И они его любили. Проходя мимо, улыбались, махали рукой, некоторые даже подмигивали, а это, как известно, умеет не каждый.

Дни проходили без забот, и если б не мухи, которые временами докучали до невозможности, Доминик был бы счастливейшим слоном на свете. Увы, счастье невечно. В один прекрасный день наступило событие, нарушившее покой и счастье Доминика. Вы думаете, пожар, наводнение, землетрясение? Думаете, это был камень, который сперва разбил витрину, а потом покалечил Доминика? Ничего подобного. Доминик остался целёхонек. И всё-таки это была непоправимая трагедия. Переменили название аптеки. Вместо того чтоб называться «Под слоном», она стала называться «Под львом». Доминика убрали с витрины, и на его место поставили фарфорового льва, которого звали, если не ошибаюсь, Камилл.

Но это нас уже не касается...

Доминика унесли на чердак.

В потёмках, среди тряпья и хлама, в невообразимой пыли, где так тяжело было дышать, провёл Доминик много-много лет. От пыли он сперва стал серый, потом так почернел, что его трудно было даже заметить.

Кроме Доминика на чердаке жили летучие мыши, галки, стая диких голубей и несколько довольно симпатичных мышек. Возле старого, распоротого наполовину манекена стояла плетёная корзина. Там лежали всякие интересные книжки. Днём они спали, а с наступлением вече-

ра просыпались, и каждая начинала вслух рассказывать, что в ней написано.

На чердаке наступала тишина. Слушая рассказы, все старались устроиться поудобней: галки садились возле дымохода — там было теплее, голуби сбивались в кучу и в самом интересном месте принимались подталкивать друг друга крыльями, мышки выставляли мордочки из своих норок, а летучие мыши, свисая со стропил, вне себя от изумления крутили круглыми волосатыми головами.

Но больше всех любил эти рассказы Доминик. Он лежал себе на боку — так положили его с самого начала — в своём тёмном пыльном углу и только слушал, слушал, слушал. Собственно, любые рассказы были ему по сердцу, но особенно любил он рассказы о животных, и больше всего, конечно, о слонах. Одна из книжек, самая толстая, в которой было, наверно, не меньше тысячи страниц, вся была про животных, про их жизнь и нравы. Книжка эта, к счастью, была болтливей своих подруг — ну ни дать ни взять старая сплетница! Стоило ей только начать, она могла проболтать всю ночь без перерыва.

От неё-то и узнал Доминик много интересного о слонах.

Сначала он узнал то, что уже знаете вы: что слоны бывают индийские и африканские. Узнал про уши, про лоб, про то, что африканский слон крупнее индийского, про то, что индийский слон поддаётся дрессировке, а африканского не приручишь. Больше всего его радовало, что слон — самое большое на свете четвероногое животное. Впрочем, его радость вполне понятна: ведь Доминик был слоном!

Остальные обитатели чердака не любили слушать про слонов. Голуби во что бы то ни стало

хотели слушать о голубях, галки — о галках, летучие мыши — о летучих мышах, а просто мыши — о просто мышах. Когда самая толстая книжка принималась рассказывать о слонах, голуби, выражая своё неудовольствие, начинали ворковать, галки кричали по-своему, летучие мыши пищали, а просто мыши скрежетали от злости, прогрызая дырки в полу. Из-за шума бедный Доминик многое не мог расслышать. Впрочем, он считал, что таков уж порядок вещей: липуты не любят, когда при них заводят речь о великанах. Сам он никогда не мешал рассказывать про других, он терпеливо слушал, понимая, что в жизни всё пригодится, а когда слушать надоедало, мирно спал. Он ни разу не произнёс ни слова и все эти выпады против слонов выдержал с честью.

Никто не может сказать, долго ли так продолжалось. Мелькали дни и ночи, чередовались осени и вёсны, зимы и лета, а на чердаке всё оставалось по-прежнему. Изредка только кто-нибудь из людей заглянет туда на минуту, принесёт старый матрас или вышедшую из моды железную кровать, поставит у стены и убежит прочь весь в паутине.

Однажды на чердак забрёл Пиня. По-настоящему его звали Пётр, но с малых лет все звали его Пиня, и он привык к этому имени. Пиня был весёлый, курносый и весь в веснушках. Летом веснушек было всегда больше, чем зимой.

Пиня, лазая по чердаку, заглядывал в углы, рылся в корзине с книжками и натолкнулся наконец на Доминика, которого едва можно было разглядеть под слоем пыли. Но глаза у Пини были хорошие. Он глянул себе под ноги, заметил что-то интересное. Протянул руку — нащупал хобот. Из-под слоя пыли блеснул фарфор.

— Странно!— сказал Пиня.— Что это может быть?

Подвернувшейся под руку тряпкой он стёр с Доминика пыль и прошептал вне себя от изумления:

— Слон! Красивый фарфоровый слон!..

Пиня тотчас помчался вниз, к отцу, который в это время сидел и читал газету.

— На чердаке слон!— крикнул Пиня.

— Что-что?— переспросил отец, не отрывая взгляда от газеты.

— Слон, красивый белый слон!

— Ну и что?

— Ничего...— сказал Пиня.— Можно, я возьму его к себе?

— Куда?

— В свою комнату.

— Бери, только отвяжись,— буркнул отец, он уже начал терять терпение.

В тот же день Пиня притащил Доминика домой. В ванне хорошенько вымыл его с мылом, потом отнёс к себе в комнату и поставил на одной из книжных полок, на предпоследней сверху, куда ставили самые большие книги. Поскольку больших книг у Пини было ещё немного, на полке оказалось достаточно места и для слона. Оставалось даже два-три сантиметра на запас, и это несмотря на то, что хобот у Доминика был задран кверху.

«Лучшего места не найдёшь,— сам себе сказал Доминик, как только освоился.— Тепло, чисто, вдобавок книги под рукой...»

Да, да, так он и сказал: «под рукой», хоть ему, собственно, следовало сказать «под хоботом». Но Доминик был таким умным и начитанным, а точнее сказать, наслышанным слоном, что понимал: сказать «под хоботом»— значит, выразить-

ся пренебрежительно. Но мог ли он без должного уважения отозваться о книгах, которым был стольким обязан? Ни за что на свете!

— Послушай-ка, слон,— сказал ему Пиня.— Вот твоё место. Веди себя как следует, не шуми, пока я делаю уроки. Кончу — тогда мы с тобой поиграем вволю. Ясно?

«Ясно»,— ответил Доминик, но так тихо, что Пиня его не услышал. Может быть, Доминику просто показалось, что он сказал «ясно», а на самом деле не произнёс ни звука.

Как бы то ни было, но Доминик хотел сказать «ясно», насчёт этого можете быть спокойны.

— Я буду рассказывать тебе всякие истории,— продолжал Пиня,— буду тебе рассказывать про то, что происходит в школе, в городе, про то, что я видел на экскурсии, и вообще буду рассказывать тебе всё!

«Прекрасно,— подумал про себя Доминик,— я ужасно люблю, когда кто-нибудь что-нибудь рассказывает».

— Я расскажу тебе про маму, про папу, про бабушку и про дедушку. И про своего брата, которого здесь нет, потому что он учится на инженера, и про свою сестру, артистку из театра, которая иногда к нам приходит. Как только придёт, я тебя с ней познакомлю.

«Я не знаком ещё ни с одной артисткой,— подумал Доминик.— Что ж, когда-нибудь надо познакомиться».

— Я расскажу тебе про знакомых девочек и мальчиков. Есть у нас в классе один такой, который всё бьёт: окна, чернильницы, стёкла у часов — ну всё, всё... Я прошу тебя: если он случайно заглянет сюда, будь с ним осторожен!

«Конечно, я буду осторожен!— пообещал сам себе Доминик.— Не такой я дурак, чтоб меня

разбил на кусочки первый встречный, да ещё в тот момент, когда я так хорошо здесь устроился. Пусть не думает, что одолеть меня так просто, словно я стекло или чашка».

— Я сам тоже буду следить за ним,— пообещал Пиня.— И не позволю ему подходить к тебе близко.

Распахнулась дверь, и в комнату вошла Пинина мама. Она тут же увидела Доминика, потому что он был белый-белый и сразу бросался в глаза.

— Что это?— спросила мама, показав на Доминика.

— Слон,— ответил Пиня.

— Откуда он у тебя?

— Нашёл на чердаке.

— Ты спросил у папы, можно ли его сюда поставить?

— Спросил.

— Ну и что?

— Папа сказал, что можно.

— Тогда всё в порядке. Я вижу, этот слон тебе очень нравится.

— Очень! Я буду ему всё рассказывать. Сказки, стихи, всякие истории, мы будем вместе решать задачки...

«Ой, задачек я не люблю,— подумал про себя Доминик.— Но ничего не поделаешь, придётся терпеть».

— Ладно, сынок,— сказала Пинина мама,— только не забывай из-за него своих дел. Напоминаю: перед тем как лечь спать, прими витамины. Вот я кладу их на стол. Спокойной ночи, мой мальчик!

И, поцеловав Пиню в лоб, мама вышла из комнаты.

Пинин папа смотрит по телевизору, как играют в хоккей команды Канады и Швеции, Пинина мама вяжет зелёного цвета свитер для Пини. Как раз в тот момент, когда шведы забивают канадцам шайбу, мама вдруг ни с того ни с сего спрашивает у папы:

— Что тебе известно про слона?

— Про какого слона?— спрашивает папа, не отрывая взгляда от экрана.

— Про того, который у Пини в комнате.

— Что за слон?

— Белый фарфоровый слон. Я думала, он тебе говорил.

— Да-да, говорил. Он говорил что-то про слона, только я уже не помню.

— Ты, кажется, разрешил ему перенести слона с чердака в комнату.

— Да, правда,— отвечает отец, невероятно взволнованный тем, что канадцам удалось сквитать счёт.

— Ты не знаешь, откуда он взялся на чердаке?

— Не имею представления. Минуточку... Минуточку... Кто-то мне говорил, что в этом доме, как раз под нашей квартирой, была когда-то аптека, которая называлась сперва «Под слоном», а потом «Под львом».

— Значит, теперь нужно ждать, что Пиня принесёт льва.

— Очень может быть... Безобразии!!!— завопил вдруг Пинин папа, возмущённый тем, что один из игроков подставил другому под ноги клюшку.

Судья немедленно вывел виновного на две минуты из игры. Правда, сделал он это, вероятно,

не потому, что до него донёсся вопль Пининого папы. Игра шла своим чередом. Теперь на четверых шведов приходилось пять канадцев. Канадцам удалось организовать молниеносную атаку и провести шайбу в ворота противника.

— Что касается слона,— сказала мама,— то я не имею ничего против того, чтоб он держал его у себя в комнате.

— Я тоже... Ты видела слона?— спросил папа, по-прежнему не отрывая взгляда от экрана.

— Видела. Очень красивый слон.

— Большой, маленький?

— Ростом с собачку.

— Что он с ним сделал?

— Поставил на полке с книгами.

— Надеюсь, он привёл его в порядок. На чердаках всегда столько пыли...

— Мне кажется, он вымыл его с мылом, слон сверкает так, что его трудно не заметить, когдаходишь в комнату,— сказала Пинина мама, быстро перебирая спицами, между которыми шевелился клубок зелёной пряжи.

— Как это можно не попасть в пустые ворота!..— закричал снова Пинин папа.— Приходилось тебе видеть подобное?

Но мама не смотрела в телевизор. Она любила только фигурное катание и ничего не понимала в хоккее — в этой суматошной игре, где каждый мчится неизвестно куда и зачем, вдобавок ещё с палкой в руке. Зато папа не пропускал ни одного матча. Он сам ещё совсем недавно играл в хоккей и мечтал о том, что его сын Пиня, как только подрастёт и окрепнет, станет знаменитым хоккеистом, таким, о котором пишут газеты.

Матч закончился вничью: 2:2. Пинин папа выключил телевизор, поднялся с мягкого кресла и, потягиваясь, сказал:

— Дождусь ли я когда-нибудь того дня, когда Пиню покажут по телевизору?

— Тебе хочется, чтоб он играл в этот хоккей, а ведь он совсем не растёт.

— Дала ты ему сегодня витамины?

— Дала. Вот уже больше года каждый день он ест витамины, а что толку?

— Ну, не скажи. Он немного подрос.

— Пять сантиметров. Разве это результат?

— Пять сантиметров тоже неплохо.

— Его товарищи выросли на десять. Один даже на двенадцать.

— Что ты говоришь? Кто?

— Горычко.

— Надо бы узнать, где они покупают витамины. Спроси у его матери.

— Может, отвести Пиню к другому врачу?

— Да, но ведь у доктора Дудуся отличная репутация. Это большой специалист.

— Я считаю, что не мешало бы посоветоваться ещё с кем-нибудь,— возразила Пинина мама.— Мне лично не доставляет ни малейшего удовольствия быть матерью ребёнка, который ниже всех в классе.

— Как ты думаешь, к кому из врачей обратиться?— спросил папа.

— Возьми телефонную книгу, там перечислены все врачи, которые живут в нашем городе.

— ЕЖЗИКЛ...— бурчал отец Пини, перелистывая страницы телефонной книги.— Ага, вот... Медицинская помощь. Раз, два, три, четыре... Ого, их всего тринадцать...

— Несчастливое число,— пробормотала Пинина мама.— Что делать... Читай по порядку.

— Доктор Бонжур...

— Очень хороший врач. Дальше.

— Доктор Гебион...

— Слышала о нём. У него прекрасная репутация, но он хирург. Не будем же мы удлинять Пиню с помощью хирургического вмешательства. Дальше.

— Доктор Дудусь..

— Это тот, у которого лечится Пиня. Дальше.

— Доктор Ель-Сосновский...

— О нём мы ничего не знаем. Он только что приехал в наш город.

— Доктор Звонковский...

— Слишком молод. Дальше.

— Доктор Зубилин...

— Это зубной врач. С зубами у Пини пока всё благополучно. Дальше.

— Доктор Коперкевич...

— Сердечник, не годится. Сердце у Пини здоровое. Дальше.

— Доктор Никарагуанский...

— Странная фамилия. Но о нём все хорошо отзываются. Попробовать, что ли? Дальше.

— Доктор Полька...

— Лучше не надо. Какая-то прыгающая фамилия. Дальше.

— Доктор Рондо...

— Доктор Рондо лечит душевнобольных. Отпадает. Кто дальше?

— Доктор Таксуковский...

— Если не поможет Бонжур, пойдём к Никарагуанскому, если не поможет Никарагуанский, обратимся к Таксуковскому. Кто там ещё?

— Доктор Ульш...

— Тоже неплохой специалист. Нужно запомнить. Дальше.

— Доктор Щур-Прищурский...

— Это что за специалист?

— Глазной врач.

— Зачем же ты читаешь? Дальше.

— Дальше никого нет. Всё.

— Выбор невелик,— вздохнула Пинина мама.— Впрочем, если ни один из них не поможет, обратимся в Варшаву.

— Пока об этом думать не стоит. Сначала надо идти к Бонжуру. Посмотрим, что он скажет.

— Завтра же и пойдём.

— Чувствую я, опять придётся уговаривать Пиню,— заметил отец.— Помнишь, что было с доктором Дудусем? За визит к доктору Дудусю он потребовал собаку или кошку. Теперь будет то же самое.

— Ни за что не соглашусь,— ответила мама.— Я и так верчусь весь день как белка в колесе. Можешь себе представить, что будет, если у нас появится собака или кошка?

— К счастью, у нас есть слон!

— А что? Верно!— отозвалась мать.— Слон будет нашим союзником.

— Слон нам поможет,— поддакнул отец.

— Слон заменит собаку.

— Слон заменит кошку.

— Слон чистый.

— Слон не будет носиться по квартире.

— Слон не лает.

— Слон не мяукает.

— Слон не лазает по диванам.

— Слон не грызёт сапог.

— Слон не царапает мебели.

— У слона нет блох.

— И самое главное,— воскликнул отец,— слон не растёт! Слон всегда будет таким, какой он есть.

Доминик стал вести правильный образ жизни. Просыпался он вместе с Пиней, когда Пиню будила по утрам мама. Она приходила к нему в комнату около семи. Пиня шёл умываться в ванную, потом садился за завтрак, потом глотал свои витамины, потом одевался, брал под мышку портфель с книгами и направлялся к двери. По дороге он останавливался возле Доминика, похлопывал его по боку, как похлопывают по плечу доброго товарища, и говорил:

— Послушай-ка, слон, веди себя прилично! Вернусь из школы — расскажу тебе интересную историю.

Хлопнув дверью, Пиня убежал, потому что было уже очень поздно.

Доминик оставался один. Впрочем, он ни капельки не скучал. Пока Пини не было дома, в комнате происходили разные любопытные вещи. Приходила Пинина мама, открывала настежь окно, чтобы проветрить комнату, подметала пол, складывала Пинину постель и прятала её в диван, а потом стирала пыль. Она стирала её со стола, с развешанных по стенам картин, с полок, с книжек, ну и заодно с Доминика.

Это было очень приятно. Пока Доминик жил на чердаке, никто о нём не беспокоился. А тут каждый день мама прикасалась к нему жёлтой фланелевой тряпкой, очень симпатичной и очень мягонькой.

Кончив уборку, Пинина мама уходила, окно оставалось открытым. Закрывала она его только тогда, когда был сильный ветер или собиралась гроза. Квартира находилась на втором этаже. Сквозь окно до фарфоровых ушей Доминика долетали полные таинственного значения звуки:

рѐв моторов, звонки трамваев, сигналы автомобилей, цокот конских копыт по мостовой, шаги пешеходов, шум деревьев и щебетанье птиц из соседнего парка, лай собак, мяуканье кошек, трубы военного оркестра, который время от времени проходил по улице, наигрывая весѐлые мелодии.

К этим звукам присоединялось ещё радио соседей, ну и, конечно, человеческие голоса. А голосов было великое множество.

Мороженщик, например, кричал:

— Мороженое! Мороженое! Кому мороженого?

Какая-то девочка целыми днями пищала:

— Мааааама! Мааааама! А Вацек опять дразнится...

Продавец яблок, чья тележка стояла всегда на углу, рокотал басом:

— Ранет, антоновка, райские яблочки... Налетай!

Что ни час, с башен слышался бой курантов. Башен было три, и у каждой свой голос. В три часа, например, один из них говорил:

— Буум! Буум! Буум!..

Отзывался другой, точно хотел с ним поспорить:

— Динь! Динь! Динь!..

Третий был с хрипотцой, звучал он примерно так:

— Хрум! Хрум! Хрум!..

Молчаливее всего были куранты в час дня и в час ночи. Потом они становились всё разговорчивее и разговорчивее и, как можно догадаться, неохотнее всего смолкали в двенадцать дня и в двенадцать ночи. Доминик постепенно освоился со всеми этими звуками, научился отличать их друг от друга и полюбил. Они помогали ему ко-

ротать время в ожидании прихода Пини из школы.

Бок о бок с Домиником на той же полке жили книги. Доминик пытался завязать с ними знакомство, но из этого ничего не выходило. Вы, конечно, помните, что, обитая на чердаке, Доминик без труда нашёл общий язык с книгами — жительницами ивовой корзинки. А эти книги были какие-то совсем другие — трудно было с ними разговаривать. Может быть, им не пришёлся по нраву их новый сосед?

Нередко бывает так, что на новичка сначала смотрят косо, считая его появление нежелательным вторжением, даже наглостью. Может быть, книжки были злы на Доминика только потому, что он очутился рядом с ними на полке? Это место мог занять кто-нибудь из их родственников, на худой конец кто-нибудь из знакомых, приехавших сюда из далёких краёв... При чём здесь эта белая глыбина, от которой нет и не будет никакой пользы?

Да, книжки не скрашивали теперь жизнь Доминика. Целыми днями они молчали, а если открывали рот, то разговор вели таким образом, что Доминик не мог понять ни слова. Может быть, они говорили на иностранном языке? Очень может быть. Впрочем, позднее Доминик завязал с ними приятельские отношения, можно даже сказать, они полюбили друг друга, но это уже совсем другая история, и мы вернёмся к ней в своё время...

Как только возвращался из школы Пиня, становилось гораздо веселее. Пиня садился в кресло-качалку напротив Доминика и, раскачиваясь, начинал рассказ о том, что происходило сегодня в школе. Однажды Доминик услышал такую историю:

— Рыбчинский снова разбил в классе стекло. Ты не представляешь себе, с каким звоном посыпались осколки! Рыбчинский хотел попасть в меня каштаном. Он сказал, что попадёт прямо в макушку. И не попал. Потому что я маленький. Будь я чуть побольше, Рыбчинский, конечно, попал бы мне в макушку. Но я маленький, самый маленький в классе, вот Рыбчинский и промахнулся. Мама и папа очень расстроены из-за того, что я маленький. Говорят, что я не расту. Но это неправда. Я расту, честное слово, расту! Ты только посмотри!

Пиня сорвался с качалки, которая всё ещё продолжала раскачиваться, и подбежал к дверному косяку.

— Посмотри, тут всё видно. Каждый месяц я встаю около косяка, мама или папа делают отметку и пишут рядом число. И всегда жалуется, что мало. Пусть мало, зато всё-таки прибывает! Если б я рос быстрее, Рыбчинский попал бы мне в голову. Кто знает, может, у меня вскочила бы шишка! Как ты думаешь, у стекла тоже бывают шишки? Может быть, и бывают. Только, прежде чем вскочит шишка, стекло успеваает разлететься вдребезги, и мы об этом никогда ничего не узнаем. Не хотел бы я быть на месте Рыбчинского! Второе стекло за месяц...

Пиня снова уселся в кресло.

— Интересная вообще-то получается штука с этим ростом. У другого нет никаких хлопот, растёт себе, растёт как ни в чём не бывало, и никто его не пилит, что мало вырос, никто к нему не пристаёт.

«Расти... Что значит расти?» — задумался Доминик. Доминик никогда не рос. С рождения он был такой, как сейчас. Он не имел ни малейшего представления, что значит расти. Больно это или

не больно? Может быть, это приятно — расти. Есть ли такой способ, чтоб начать расти?

— Без конца ешь да ешь эти витамины, — не унимался Пиня, — а что толку? Растёшь на несколько сантиметров в год.

«Значит, есть способ ускорить рост», — подумал Доминик.

— Вот и сейчас. Я должен перед обедом проглотить два жёлтых шарика, два красных и два коричневых. Мама уже приготовила. Видишь, вон они на столе?

Доминик глянул на стол и действительно увидел шесть пилюль.

«Так вот что влияет на рост!»

— Послушай-ка, слон, я думаю, ты тоже мог бы глотать такие шарики, — сказал Пиня.

«С большим удовольствием», — подумал Доминик.

— Откровенно говоря, мне это надоело, — заявил Пиня.

«Я с удовольствием буду есть витамины, мне хочется узнать, что значит расти, — буркнул Доминик. — Но ведь это только мечта. Откуда взять эти шарики?»

— Сообразил! — завопил вдруг Пиня и снова сорвался с кресла. — Попробую месяц не глотать пилюль. Посмотрим, вырасту я за этот месяц или нет... Только что делать с витаминами? Куда их прятать, чтоб не нашла мама? Найдёт — рассердится... Если за этот месяц я не вырасту, я выну их из тайника и проглочу в несколько дней, чтобы поправить дело. А если я вырасту и без них, я их просто выкину. Вот только куда их спрятать?

Пиня обвёл взглядом комнату. Разные ему приходили в голову мысли.

«Положи на шкаф», — сказала первая мысль.

— Не пойдёт,— ответил Пиня.— Мама со шкафа стирает пыль. Шарик посыплется на пол, и всё откроется.

«Спрячь в ящик»,— сказала другая мысль.

— Тоже не годится. Будешь открывать ящик — шарик станет перекатываться: тр... тр... тр... тр... Вот и влип.

«Брось в вазу»,— сказала третья мысль.

— В вазу! Глупость!— отозвался Пиня.— Мама принесёт цветы, нальёт в вазу воды, и витаминки в ней распустятся. Пиши пропало!

«Носи в портфеле»,— сказала четвёртая мысль.

— В портфеле дырка,— буркнул Пиня.— Книжки через неё не вылетят, а шарик — высыплется.

«Спрячь их в чём-нибудь таком, что тебе уже не нужно,— сказала пятая мысль,— в какой-нибудь старой игрушке, например...»

— А что, неплохая мысль! — воскликнул Пиня.

Он подошёл к шкафу, где лежали игрушки, и стал там копать. Это были старые игрушки, в которые он давно уже не играл. Оказалось, что ни одна из них не подходит. Тогда Пиня подошёл к слону.

— Послушай-ка, слон,— сказал Пиня,— хобот у тебя что надо. Он так здорово задран, точно ты вот-вот затрубишь. А что у тебя на кончике? Если не ошибаюсь, там две дырки, всё равно как в носу. Погоди, погоди, действительно две дырки. Голова у тебя надёжная, крепкая. Что, если... А ведь это мысль!

Пиня взял со стола шесть шариков и спустил их через хобот в Доминика.

— Будешь копилкой для витаминов,— ска-

зал Пиня.— Месяц я буду бросать в тебя пилюли, ты будешь их глотать. Потом ты мне их вернёшь. Только молчок. Согласен?

IV

С тех пор это повторялось три раза в день. Пиня спускал Доминику в хобот витамининки. Тот глотал их и, как прежде, невозмутимо поглядывал на мир со своей полки. Чтоб хоть чем-то скрасить Доминику жизнь, Пиня решил каждый день рассказывать ему какую-нибудь историю про слонов.

В первый день он рассказал ему о Вырвибаобабе.

— Вырвибаобаб,— начал Пиня,— родился в тропической стране, где бывает такая жара, как у нас на кухне, когда мама в воскресенье печёт пирог или бисквиты. Он был сыном Вырвикедра и Вырвипальмы и еще слонёнком прославился своей красотой: он был такой же белый, как ты. У слонов это случается редко. Отец Вырвибаобаба был серый, мать была серая, бабушка и дедушка тоже были серые, и все дяди и тётки тоже были серые, и только Вырвибаобаб был белый. Поэтому его сразу можно было заметить в стаде среди родственников и знакомых.

«Стадо... Что значит стадо?» — подумал Доминик. Он и представления не имел, что это такое. Не забывайте, Доминику ни разу в жизни не приходилось видеть стадо слонов. Да что я говорю — стадо! Он не видел даже трёх слонов вместе. Даже двух. Даже одного. Да и где он мог видеть слонов? Он был один-одинёшенек. Он даже не мог толком представить себе, как выглядит слон. Он, конечно, прекрасно соз-

навал, что он тоже слон, но у него не было возможности рассмотреть себя по-настоящему. Давным-давно, когда он стоял ещё в витрине аптеки, иной раз случалось, что отражённый свет создавал перед ним в стекле что-то вроде зеркала. Тогда Доминик мог различить очертания своего тела, он видел белую голову, бок, ноги... Хотя он не вполне понимал, что значит стадо, всё-таки он с волнением прислушивался к тому, что говорит Пиня.

— Белые слоны,— продолжал Пиня,— большая редкость. Только, прошу тебя, не зазнавайся, пожалуйста. Некоторые даже считают их священными животными. Но вернёмся к Вырвибаобабу. Его отец, Вырвикедр, славился на всю округу тем, что мог вырвать самый крепкий кедр. Мать его, Вырвипальма, проделывала то же самое с пальмами. Двадцати-тридцатиметровые пальмы без труда вырывала она из земли вместе с корнями. Обвив хоботом ствол, она рывками раскачивала дерево и — хоп! — вырывала пальму так, как мы вырываем ре-дису.

Что такое редиска, Доминик тоже не знал. Но над этим он и задумываться не стал, только слушал, что будет дальше.

— Вырвибаобаб в детстве ничем, кроме белого цвета, не отличался. Он рос хилым слонёнком и в играх со сверстниками всегда оказывался побеждённым. Если бежали наперегонки, он прибегал последним, в борьбе уступал самым слабым. Когда играли в прятки, его всегда находили первым, потому что белый цвет всем бросался в глаза. Когда его учили трубить, он всегда брал не ту ноту. Скажу тебе, Доминик, это было что-то ужасное!

«Боже, как бы мне хотелось потрубить!» —

подумал Доминик. Даже попробовал, но у него ничего не вышло.

— Вырвикедр и Вырвипальма были всем этим страшно огорчены. Мало приятного, если сын у тебя неудачный, да и к тому же ещё такой приметный — белый. Они отправились вместе с ним ночью, тайно, к одному старому слону, по имени Аспирин, который был известным и уважаемым доктором.

«В чем дело?» — спросил Аспирин у Вырвикедра и Вырвипальмы, когда они предстали перед ним вместе со своим сыном.

«Дело в том, — сказал Вырвикедр, — что сын у нас — недотёпа. Это нас страшно огорчает».

«Сейчас мы его посмотрим, — заявил доктор Аспирин и нацепил на хобот очки. — Покажи язык», — обратился он к Вырвибаобабу, который от страха побелел больше обычного, да вдобавок ещё трясся как в лихорадке.

Вырвибаобаб показал язык, доктор Аспирин смотрел на его язык с минуту, потом сказал такие мудрые слова:

«Что ж, язык как язык... Теперь смерим температуру».

И сунул слонёнку под мышку градусник. Это был, конечно, большой слоновый градусник.

Температура у Вырвибаобаба оказалась нормальной.

«Хм... Что же это значит? — задумался доктор Аспирин. Думал, думал, наконец сказал так: — Слушайте меня, родители! — И тут он поклонился Вырвикедру и Вырвипальме. — По-моему, ему нужен душ».

«Душ?» — с удивлением в голосе переспросили родители Вырвибаобаба.

«Да, душ. Холодный душ! — подтвердил доктор Аспирин. — Три раза в день».

«Но как его устроить?» — воскликнули в один голос Вырвикедр и Вырвипальма.

«Очень просто. Поливайте сына из хобота. Это его закалит. Я уверен, благодаря душе он превратится в самого великолепного слона, о каком мы когда-либо слышали... Как тебя зовут, малыш?» — обратился доктор к Вырвибаобабу.

«Вырвибаобаб», — пролепетал тот. Было ужасно смешно слышать это имя от тщедушного слонёнка.

«Такое имя тебе пока что не очень идёт, — ответил доктор Аспирин, — но можешь быть уверен, после того как ты начнёшь регулярно принимать душ, ты станешь, мой мальчик, настоящим Вырвибаобабом, перед которым не устоит даже самый могучий баобаб».

Родители Вырвибаобаба очень обрадовались такому диагнозу.

«Сколько мы вам должны, доктор?» — спросила Вырвипальма.

«Ну что ж, — пробурчал в ответ доктор Аспирин, — я думаю, десять кокосовых орехов будет в самый раз».

— Родители заплатили доктору десять кокосовых орехов, — продолжал Пиня, — и возвратились домой. С тех пор три раза в день они ходили втроём к роднику. Вырвикедр и Вырвипальма набирали полный хобот ледяной воды и окатывали с головы до ног Вырвибаобаба. Делали они это с таким усердием, что хоботы у них деревенели от холода. Вырвибаобаб переносил душ со смирением. Трудно поверить, но через две-три недели он действительно возмужал и ударами своего хобота обращал в бегство слонят, от которых совсем недавно сам убегал в испуге.

«Ах, если бы мне доктор прописал такой душ!» — подумал Доминик и загрустил. Он был уверен, что этого не случится. Тут же, однако, он прогнал эту мысль прочь — очень ему хотелось дослушать без помех историю, которую рассказывал Пиня.

— Сначала слонята смеялись над Вырвиба-обабом.

«Ну как, — спрашивали они его при встрече, — мама с папой тебя уже сегодня освежили?»

Или кричали ему вслед:

Принимаешь душ, душ,
Да не будешь дюж, дюж!..

А иногда говорили ещё так:

«Стой почаще под дождиком — вырастешь!»

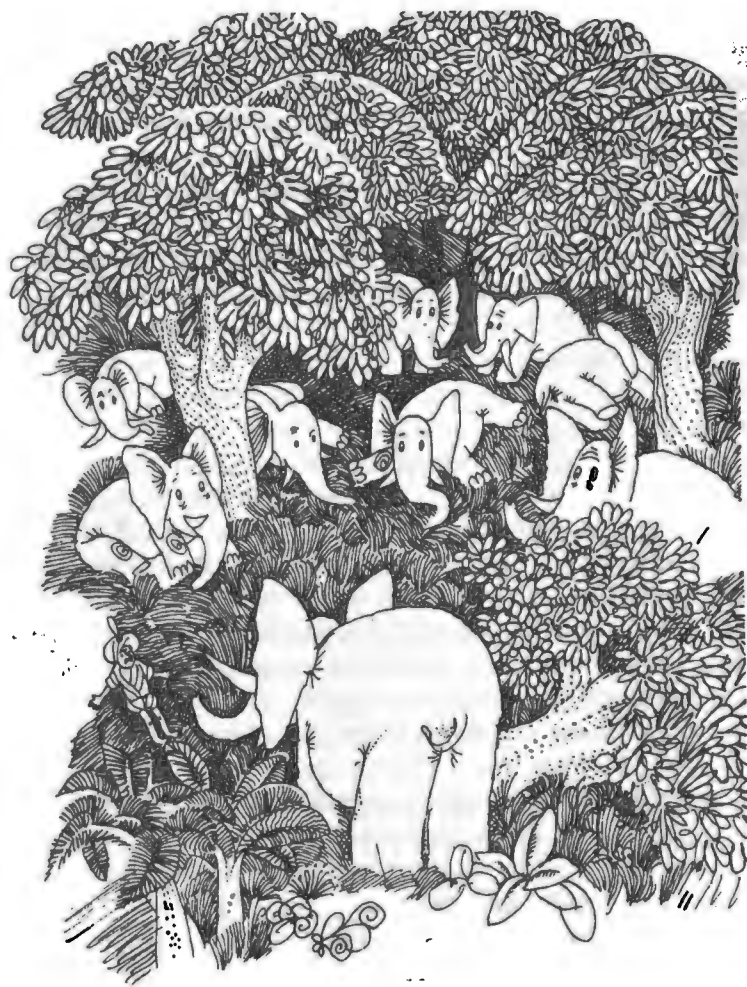
— А он наперекор всему рос, — продолжал Пиня. — Очень скоро слонята стали избегать с ним ссоры. Даже взрослые слоны его побаивались. Тем временем в соседнем городе происходили ужасные события. Там жил жестокий магараджа, у которого было двадцать роскошных дворцов, ломившихся от всяких сокровищ. Этому магарадже показалось мало двадцати дворцов, и он решил построить двадцать первый. Он ездил на белом слоне по всему своему краю и искал, где бы ему построить двадцать первый дворец. И наконец нашёл.

«Вот здесь, — сказал он, — я построю свой двадцать первый дворец!»

Но строительство начать сразу было нельзя, потому что на том месте, которое он выбрал, росли дремучие леса из толстых-претолстых баобабов.

«Немедленно выкорчевать!» — приказал магараджа.

Привели самых сильных слонов и присту-

пили к работе. Но баобабы были такие толстые, что даже несколько слонов сообща не могли справиться с одним деревом. Слоны, обливаясь потом, покряхтывали от натуги, но так и не вырвали ни одного дерева. Тогда магараджа пришёл в ярость и сказал чиновнику, наблюдавшему за работами, что велит отрубить ему голову, если через месяц лес не будет выкорчеван и не начнётся строительство двадцать первого дворца.

Ты не можешь себе представить, слон, как этот бедный чиновник рыдал и плакал, потому что все усилия выкорчевать лес были безуспешны, а день казни, назначенный жестоким магараджей, неумолимо приближался. Ему оставалось жить всего пять дней, и надежд на спасение не было. Однажды вечером, когда слонята пошли уже спать, про эту историю услышал Вырвибаобаб: он подслушал, как взрослые с волнением рассказывают друг другу о жестоком магарадже. Вырвибаобаб от всего сердца пожалел бедного чиновника и подумал, что ему не мешает испытать свои силы на баобабах.

«Он поступил прекрасно», — сказал сам себе Доминик.

Вырвибаобаб бежал из родного стада и побрёл по стране, спрашивая по пути, где растут баобабы. Шёл он так, шёл, пока наконец не вышел к лесу. Здесь ему открылось душераздирающее зрелище. Рядом с огромными, невиданной толщины баобабами лежали изнурённые слоны, а между ними, обливаясь слезами, ходил взад и вперёд чиновник.

«Только ещё пять дней голова этого человека будет красоваться на своём месте, — подумал Вырвибаобаб, и сердце его наполнилось неизъяснимой печалью. — Интересно, сколько всего тут баобабов?»

Он подошёл к пожилому слону, который, лёжа на боку, громко сопел от усталости.

«Простите,— сказал ему Вырвибаобаб,— вы не знаете, сколько всего в этом лесу деревьев?»

«Тысяча, сын мой,— ответил, тяжело дыша, старик.— Но ты посмотри, что за баобабы! Самые большие из всех, которые когда-либо росли на земле!»

«Тысяча! — подумал Вырвибаобаб.— Это значит, мне придётся вырывать каждый день по двести баобабов... Это не просто, но надо попробовать. Стоит попытаться спасти от смерти бедного чиновника».

Он подошёл к ближайшему баобабу и, не желая обращать на себя внимания, опёрся о ствол так, словно хотел почесаться. Навалился сильнее, и вдруг — о чудо! — баобаб зашатался и через несколько секунд лежал уже на земле. Послышался только оглушительный грохот.

Лежавшие без сил слоны тотчас вскочили. Бросились со всех ног к Вырвибаобабу и в изумлении уставились на вырванное дерево.

«Это ты вырвал дерево?» — спросил наконец один из слонов.

«Ничего подобного,— ответил Вырвибаобаб,— я его не вырывал. Я только об него почесался — у меня зудит бок».

«Да будет благословен такой зуд! — воскликнул старый слон, тот самый, с которым только что разговаривал Вырвибаобаб.— Зуд, который валит вековые баобабы! Ощущаешь ли ты ещё этот зуд, сын мой?»

«Ощущаю», — скромно ответил Вырвибаобаб.

«Тогда потришь о соседнее дерево», — сказал старик.

И Вырвибаобаб подошёл к следующему ба-

обабу и поступил с ним точно так же. А потом к третьему, к четвёртому, к пятому... И, прежде чем минуло пять дней, все баобабы были уже повалены, и слоны оттаскивали их в сторону, освобождая место для двадцать первого дворца жестокого магараджи. Вырвибаобабу устроили овацию.

— Только чиновник всё плакал,— закончил свой рассказ Пиня,— но теперь это были не слёзы отчаяния, а слёзы радости.

В фарфоровых глазах Доминика что-то блеснуло. Может быть, тоже слёзы?

Впрочем, разве фарфоровые слоны плачут? Разве что фарфоровыми слезами...

Доминик уснул и увидел всё это ещё раз во сне. И было ему очень хорошо. Одно только его смущало — на полке стало тесновато.

«Наверно, книжки толкаются»,— подумал он сквозь сон.

V

Проснувшись на следующий день, Доминик почувствовал, как что-то давит ему на спину. «Что это может быть? — подумал Доминик.— Первый раз в жизни со мной такая история». Разумеется, он не мог повернуться и выяснить, в чём дело, потому что он был всего-навсего фарфоровым слоном, а, как известно, фарфоровые слоны не умеют шевелить ни шеей, ни головой, ни ногами, ни хоботом, ни даже хвостом; впрочем, хвост, если учесть их размеры, не слишком велик. Фарфоровый слон похож на больного, которому в больнице наложили на все суставы гипс: он не может двинуть ни одним мускулом. Это сходство подчёркивалось ещё

и тем, что Доминик был белый, как самый белый гипс.

«Пора покончить с неподвижностью, — размышлял про себя Доминик. — Все кругом ходят, бегают, прыгают, садятся, ложатся, вскакивают, уходят, вертятся, крутятся — одним словом, всё время что-то делают. Только я торчу на одном месте. Хорошо ещё, что Пинина мама, когда стирает с меня пыль, переставит меня то влево, то вправо, иначе не было бы никакого движения. А во всех медицинских справочниках написано: движение — залог здоровья. Должен я заботиться о своём здоровье? Несомненно! Каждый должен заботиться о здоровье. Но ведь я просто слон, фарфоровый слон. Кто, впрочем, сказал, что фарфоровому слону не следует заботиться о своём здоровье? При первом же удобном случае надо немного поразмяться. Кто знает, может, это мне удастся. Начну со временем ходить на прогулки, познакомлюсь с городом, потом поеду на экскурсию... Ой-ой-ой! Ну и жмёт!..»

Доминик обеспокоился не на шутку.

«Кто знает, — подумал он, — может, это признак какой-нибудь страшной болезни? Надо сказать Пине. Он может дать полезный совет».

«Пиня! Пиня!» — крикнул изо всех сил Доминик.

Но Пиня не обратил ни малейшего внимания, он продолжал храпеть как ни в чём не бывало.

«Проснись, Пиня, что-то давит мне на спину!» — дрожащим от страха голосом повторил Доминик.

Никакого впечатления. Но Доминик не сдавался.

«Пиня, Пиня, — не переставая, твердил он, —

проснись, Пиня, проснись, я, кажется, захворал!»

Наконец Пиня проснулся, но не потому, что его разбудил Доминик, а потому, что в комнату вошла Пинина мама, стянула с сына одеяло и заявила, что пора вставать и идти в школу. Доминик тем не менее был уверен, что именно он разбудил Пиню.

Пиня вскочил с постели, побежал в ванную, примчался обратно, быстро-быстро оделся и принялся за завтрак, который ему принесла тем временем мама. Видя, что Пиня сел за стол, Доминик решил этим воспользоваться и рассказать про свою беду.

«Спина у меня болит», — пожаловался он.

А Пиня — хоть бы что! Пьёт себе чай с молоком, помешивая ложечкой сахар.

«Жмёт... — сказал Доминик. — Не знаю, что со мной».

А Пиня — хоть бы что! Ест спокойно булку с маслом и с мёдом.

«Может, я серьёзно болен», — продолжал Доминик.

А Пиня — хоть бы что! Почесал за ухом, взял варёное вкрутую яйцо, разбил о лоб. Так он поступал всегда. Каждый раз, когда мама давала ему крутое яйцо, Пиня разбивал его о лоб. Надо вам сказать, что есть немало способов разбить скорлупу. Одни разбивают, ударив по тупому концу яйца ложечкой, и отколупывают потом понемногу скорлупу пальцем; другие отрезают тонкий конец ножом и добираются до желтка и до белка методом почти хирургическим; а третьи, такие, как Пиня, разбивают скорлупу обо что попало — о стол, о локоть, о колено, о собственный лоб — лишь бы посмешнее.

«Я не могу оглянуться и выяснить, в чём дело... — плаксивым голосом продолжал Доминик. — Может, ты посмотришь...»

А Пиня — хоть бы что! Позавтракал, собрал книжки и, как обычно, спустил Доминику в хобот порцию витаминов.

«Что за мальчик этот Пиня? — подумал Доминик. — С ним разговариваешь, а он хоть бы что. Погоди, погоди, я тебе этого не забуду! Хуже всего, что давит всё сильнее. Вот придёт мама убирать комнату, я скажу, что со спиной у меня неладно».

Но Пинина мама в этот день очень спешила. Она только убрала постель с дивана, поставила кое-какие вещи на место и ушла. У неё даже не было времени вытереть пыль.

Доминик кричал ей во всё горло:

«Послушайте-ка, что-то давит мне на спину!»

Но Пинина мама вела себя так, точно в комнате стояла тишина.

«Что-то не в порядке! — подумал Доминик, когда мама вышла из комнаты. — Или она плохо слышит, или я как-то не так разговариваю. Положение ужасное!»

В ближайшие дни выяснилось окончательно, что положение ужасное. Пинина мама на целый месяц уехала на курорт в Закопане... Потому-то она так и спешила, что боялась опоздать на поезд. А Пиня готовился как раз к контрольным работам в конце второй четверти и не обращал на Доминика ни малейшего внимания. После возвращения из школы он сидел, уткнув нос в книжку, и бубнил одно и то же — вот вам и весь Пиня. Витамины вместо мамы приносил Пине папа, но заговорить с папой

Доминик не осмеливался. Тем временем боль в пояснице усилилась. И не только в пояснице.

Однажды ночью Доминик почувствовал, как что-то стиснуло ему левый бок.

«Вот тебе на! — буркнул Доминик, проснувшись. — Только этого не хватало».

Через некоторое время боль в спине и в левом боку усилилась. К тому же заболел ещё и правый бок, сперва немного, потом всё больше и больше...

«Ну, настал мой последний час, — расплакался Доминик. — Давит со всех сторон... Значит, я умру, непременно умру, я обречён! Бедный, бедный Доминик! Видишь, чем всё кончилось!..»

И ему стало ужасно жалко себя.

Раньше, когда он был одинок и заброшен, ему оставалось одно утешение: ждать, когда Пиня, вернувшись из школы, расскажет какую-нибудь историю. Теперь и на это рассчитывать не приходилось. Пиня вёл себя так, точно Доминика не существовало. Даже не глядел в его сторону; не отрывая взгляда от книжки и от тетрадки, машинально три раза в день совал ему в хобот витамины. К тому же наступила зима, окно открывали редко и ненадолго, и Доминик понятия не имел, что происходит на улице.

«Только бы не разбиться! — думал он. — Может, придёт такой день, когда в моей печальной жизни наступит перемена к лучшему...»

Представьте себе, такой день действительно наступил!

Однажды Пиня вне себя от радости ворвался в комнату с криком:

— Ура, слон, ура! Четверть кончилась! Можешь меня поздравить! Дай поцелую тебя в хобот!

Он подбежал к Доминику и оторопел от неожиданности. Последняя полка, та, под которой стоял Доминик, выгнулась вверх; казалось, она вот-вот лопнет! Книжки, стоявшие слева и справа от Доминика, были так прижаты друг к другу, что попискивали от негодования, совсем как старушки в переполненном трамвае.

— Что случилось? — спросил Пиня.

«Сдавило меня со всех сторон!» — ответил Доминик.

— Ничего не понимаю, — вновь заговорил Пиня, который, видимо, не расслышал жалобы Доминика.

«Сдавило меня со всех сторон, сдавило», — повторил в отчаянии Доминик.

— Может, я ошибаюсь, — буркнул Пиня, — но мне казалось, когда я ставил слона на полку, там ещё оставалось свободное место.

«Так не хочется прощаться с жизнью...» — плачущим голосом продолжал Доминик.

— Хм, странное дело... — задумался Пиня. — Неужели батареи так греют, что полки высохли и покособились?

«Сделай что-нибудь, дорогой Пиня! Спаси меня! — запричитал Доминик. — Не хочется погибать в расцвете сил. Погибать... из-за чего? Из-за того, что меня со всех сторон сдавило. Ведь я ещё совсем, совсем молодой... Ты только погляди на меня. Всё ещё у меня на месте. И ноги, и хобот, и хвост, и уши. Сделай что-нибудь, мой дорогой, мой любимый Пиня! Спаси бедного Доминика!»

Из всей этой речи Доминика Пиня не уловил ни слова. Доминик говорил так тихо, что услышать его было невозможно. Наверно, ему только казалось, что он говорит громко, а в действительности он не выдал из себя ни звука, ни писка.

Так они и говорили, точно двое глухих из присказки. Доминик — своё. Пиня — своё.

— Что же с тобой делать, слон? — спросил Пиня.— Это плохо, что доска впилась тебе в спину. Переставлю тебя на самую последнюю полку. Там тебе ничто не мешает. Переезжай!

Пиня ухватил Доминика обеими руками за передние ноги, изо всех сил потянул к себе. Одним движением он вырвал его из-под полки и освободил от стискивающих с боков книжек. Пиня подержал Доминика в руках и поставил осторожно на самую верхнюю полку.

Доминику сразу стало легче.

«Ах, как тут хорошо! — сказал он, вздыхая.— Я точно заново родился на свет!»

Теперь ему уже ничто не мешало.

«Мир так прекрасен!» — воскликнул Доминик весело.

— Здесь тебе будет лучше,— сказал Пиня, задумчиво глядя на Доминика.— Полка пустая: с боков давить на тебя ничего не будет, верх тоже открытый, до потолка ещё метра полтора. А потолок, он ведь не такой вредный: не прогнётся, чтобы придавить тебя.

И Пиня вдруг расхохотался как сумасшедший. Он представил себе этот спускающийся вниз потолок, который во что бы то ни стало намерен доставить неприятность его любимцу — белому фарфоровому слону.

VI

Всё выше тянулся Пиня, когда ему пришлось опускаться в хобот Доминику очередную порцию пилюль. Но взволновался он по-насто-

ящему только тогда, когда ему впервые пришлось подставить для этого стул.

— Странно... странно...— пробормотал Пиня, соскочив со стула, отошёл на несколько шагов и уставился на Доминика.— Послушай-ка, слон, ты что, нарочно?

Но Доминик глядел на него как ни в чём не бывало. Разве можно с таким невинным видом проделывать шутки? Сомнений не было — это был тот самый слон, которого Пиня принёс с чердака. Тот, да не тот. Тот был, конечно, поменьше. Точно такой же, но поменьше.

— Может, слона подменили? — принялся вслух рассуждать Пиня.— Да, но кто мог это сделать?

Кроме мамы и папы, никто в комнате не бывает...

— Может, это проделки Рыбчинского? — продолжал размышлять Пиня.— Рыбчинский любит выкидывать всякие фокусы. Меняет у мальчиков в раздевалке шапки и ботинки, так что потом никто ничего не найдёт. Те, у кого нога маленькая, не знают, что им делать с большими ботинками. И наоборот. Да, но, с тех пор как у меня появился слон, Рыбчинский ко мне не заходил. Нет, это не Рыбчинский. Послушай-ка, слон, может, ты начал расти? Ведь так иногда бывает и с людьми: человек не растёт, не растёт, а потом вдруг как вырастет!

«Ах, если б это была правда! — подумал Доминик.— Всю жизнь мечтаю об одном — хоть чуть-чуть подрасти. Ах, если б это была правда!»

— Может, на тебя действуют,— продолжал Пиня,— витамины, которые я каждый день бросаю тебе в хобот? Ты, наверно, растёшь с того самого дня, как начал принимать мои пилюли. Скажи, ты их глотаешь?

«Что значит глотать? — спросил сам себя Доминик. — Никто ещё не задавал мне такого вопроса».

— Я знаю, ты мне не ответишь, говорить ты не умеешь, — продолжал вслух рассуждать Пиня. — Но я сейчас всё выясню. Давай-ка сделаем осмотр.

Пиня снова забрался на стул и заглянул Доминику в хобот. В хоботе не было ни одного шарика.

— Что ты с ними сделал?! — закричал Пиня. — погоди, заглянем тебе в пасть. Там тоже ничего нет! Значит, ты их проглотил?

«Понятия не имею, проглотил или не проглотил, — подумал Доминик. — Знаю только одно: все они проскочили мне прямо в живот. Может, это и называется «проглотил» — кто знает? Во всяком случае, это приятно, когда пилюли проскакивают тебе прямо в живот».

— Теперь всё ясно. Ты проглотил мои пилюли и вырос. Очень хорошо! Значит, я тоже расту от этих шариков.

«Кончились светлые деньки! — подумал Доминик. — Если он решит, что от этих шариков можно подрасти, он будет глотать их сам и мне ничего не останется. До конца своих дней я буду такой же, как сейчас, и уже нисколько не вырасту».

— Собственно говоря, — снова заговорил Пиня, — с сегодняшнего дня все пилюли должен глотать я, потому что мне необходимо вырасти. Но я не такой жадный. Я поделюсь с тобой. Половина тебе, половина мне. Согласен?

«Еще бы!» — завопил вне себя от радости Доминик, но Пиня даже этого не услышал.

— Научись ещё разговаривать — будет полный порядок, — добавил Пиня. — Мы тогда без

труда поймём друг друга. Но пока что, хоть ты и не говорящий, всё равно я отдам тебе половину витаминов. Знаешь почему? Лучше быть хозяином большого слона, чем маленького. Я хочу, чтоб ты был... Чтоб ты был... Ну, чтоб ты был ростом с пони... Тогда я смогу кататься на тебе верхом. Будет очень весело.

Дня через три Доминик был уже ростом с пони. Но ещё раньше Пине пришлось снять слона с полки, потому что полка прогнулась и зловеще затрещала.

Доминик стоял теперь на полу, рядом с диваном, на котором спал Пиня.

Как раз в это время из Закопане приехала Пинина мама. Она вернулась отдохнувшая, загорелая — в Закопане в эту зиму стояла отличная погода. Мама сильно соскучилась по сыну.

Она сразу вошла к Пине в комнату, чтобы с ним поздороваться. Обняв и поцеловав Пиню, мама принялась расспрашивать, как он живёт, и вдруг её взгляд упал на Доминика.

— Ого, я вижу, у тебя новый слон!

Пиня оказался в щекотливом положении. Он так засмутился, что не мог произнести ни слова.

Подумайте сами, какое положение! Если б он сказал, что это новый слон, он бы, во-первых, соврал, а во-вторых, пришлось бы придумать, откуда этот слон взялся. А если б он сказал правду, то, во-первых, пришлось бы объяснить, куда он девал витамины, которые ему велели принимать, а во-вторых, мама не поверила бы, что Доминик вырос. Как быть? Пиня решил прибегнуть к дипломатическому манёвру.

— Он тебе нравится? — спросил Пиня с очаровательной улыбкой.

— Да, очень красивый,— ответила мама.

— Очень красивая одна только ты! — крикнул Пиня и бросился маме на шею, надеясь втайне, что тема переменится и мама не спросит, откуда появился этот слон.— Расскажи мне, как ты жила в Закопане.

Представьте себе, удалось! Мама принялась рассказывать о том, как она жила в Закопане, как ходила на лыжах, как загорала на Губалувке, как ездила по канатной дороге на Каспровый Верх, и начисто забыла про слона. Потом мама сказала, что очень устала с дороги и что пора спать. Она поцеловала Пиню и велела сходить к папе за витаминами. Из комнаты вышли вместе, а минуту спустя Пиня вернулся уже один с вечерней порцией витаминов. Половину он, разумеется, отдал Доминику.

Прошло всего несколько дней, и Доминик подрос ещё. Всё уже становился проход около дивана. Теперь, ложась спать, Пиня с трудом протискивался к постели. Ещё через несколько дней Доминик занял чуть ли не четверть комнаты.

— Эти слоны один больше другого... Откуда он их берёт? — спросила Пинина мама в один прекрасный день у папы.

— Понятия не имею,— ответил тот.

— Надо что-то предпринять! — сказала мама.

— Что? — спросил в свою очередь отец.

— Не знаю...— тяжело вздохнула мама.

— И я тоже,— ещё тяжелее вздохнул отец.

— Может, стоит понаблюдать за ним? — предложила мама.

— За кем? За слонем? — удивился отец.

— Не за слонем. За Пиней.

— Мы и так за ним наблюдаем. Делаем даже на дверях отметки, следим, как он растёт.

— Ах, дело совсем не в этом! Надо просле-

дить, откуда берёт он этих слонов. Разве у тебя не возникают подозрения?

— Возникают, и ещё какие! Белые фарфоровые слоны таких размеров на улице не валяются. По крайней мере, я этого ещё не видел...

— Я тоже.

— Итак, давай наблюдать,— решил отец.

— Давай! — подхватила мама.

С этого момента они стали незаметно следить за Пиней, когда тот входил и выходил из дому. Вечером, как только Пиня засыпал, они обменивались впечатлениями.

— Ты что-нибудь заметил? — спрашивала мама.

— Ничего,— отвечал отец.— А ты?

— Я тоже.

— Даже кончика бивня?

— Даже кончика бивня.

— Вот так штука. Ладно, будем наблюдать дальше.

Наблюдали, наблюдали, наблюдали, да всё без толку. А Доминик тем временем рос да рос. Пиня сначала был доволен — приятно быть хозяином большого слона, но потом забеспокоился.

«Что будет,— думал Пиня,— если он разрастётся и заполнит собой всю комнату? Комната не очень велика. И это скоро случится. Надо его сейчас, пока он ещё может пролезть в дверь, перетащить на кухню. Кухня большая, пусть там растёт себе на здоровье».

И Пиня поволок Доминика из своей комнаты на кухню. Устал он при этом ужасно, хотя двигал его всё время по полу. Ведь слон был теперь уже раза в три-четыре больше самого Пини. Мальчик с трудом пропихнул Доминика в дверь, а потом ещё долго мучил-

ся с ним в прихожей, потому что слон задевал за стены. Места на кухне было много. Там Доминик мог жить припеваючи.

Как только мама вошла на кухню и увидела Доминика, она заломила в отчаянии руки.

— Ещё один слон! — закричала мама. — Больше прежнего!

Она не знала, что у Пини в комнате слона уже нет, что тот слон, который стоит на кухне, единственный слон Пини. После ужина она велела сыну идти к себе, а сама шепнула мужу:

— Вот... Следили, следили и не уследили. Пиня принёс нового слона. Больше прежнего.

— Быть не может! — закричал Пинин папа.

— Поди полюбуйся.

И она отвела мужа на кухню.

— Прекрасный слон! — воскликнул с восхищением папа.

— А разве я говорю плохой? — ответила мама. — Конечно, прекрасный. Да не в этом дело!

— А в чём?

— А в том, что это какая-то таинственная история, — ответила Пинина мама. — Нужно докопаться до сути.

— Что же делать? — спросил отец.

— Не имею ни малейшего понятия.

— Хочешь, я вынесу слона во двор, и всё будет кончено...

— Пиня разыщет его и опять принесёт домой.

— Значит, разбить на кусочки и выкинуть на помойку?

— Нет, этого позволить я не могу, — возразила Пинина мама. — Пиня очень расстроится. Нельзя его так огорчать. А потом, слон очень красивый. Это будет преступление.

— Я с тобой согласен,— отозвался отец.— Знаешь, оставим всё, как есть. Пусть стоит на кухне до тех пор, пока это доставляет Пине удовольствие. Надоест он ему — тогда и решим, что с ним делать.

— Всё-таки ты поговори с Пиней,— попросила мама.— Может, узнаем, откуда он берёт слонов.

— Ты-то его уже спрашивала?

— Кажется, спрашивала... Нет, не спрашивала. Хотела спросить, но он заговорил о чём-то другом, и я забыла...

— Хорошо, спрошу при случае,— пообещал отец.

Он погасил свет и вместе с мамой вышел из кухни. Доминик остался один.

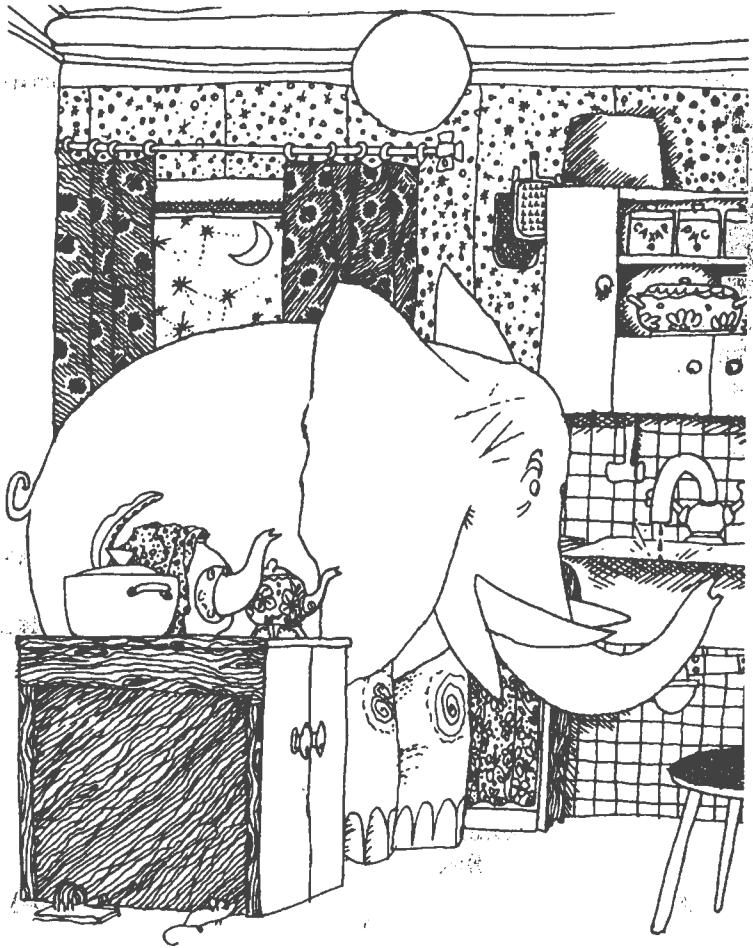
Ночевать в пустой тёмной кухне не очень приятно. Кругом стоит тишина. Слышно, как в водопроводных трубах течёт вода, в газовых бурчит газ. К счастью, утомлённый переездом Доминик заснул как убитый.

VII

Дня через два Доминик пришёл к выводу, что от переезда он только выиграл. На кухне было куда интереснее. Там происходило много такого, о чём Доминик не имел до сих пор ни малейшего представления. Впервые в жизни он, например, увидел, как варят макароны. Как пропускают через мясорубку мясо. Как взбивают яичный белок. И много, много других интересных вещей. Но больше всего Доминика заинтересовал водопроводный кран. Трудно, собственно, понять, по какой причине.

Доминик и сам хорошенько не понимал, по-

ни на есть дорогое...— И тут Доминик принялся размышлять, что у него самое дорогое. Конечно, великолепные белые бивни.— Могу отдать в заклад свои бивни, что я буду первым на свете слоном, который заговорит».

С редким терпением стал Доминик осуществлять своё намерение. Каждый день с утра и до вечера подражал он всем звукам, какие только слышал на кухне. В первую очередь он подражал Дорогому Брату и Чайнику. Сначала он проделывал это вместе с ними. Журчал Дорогой Брат — и Доминик журчал; начинал урчать Чайник — и Доминик урчал тоже; случалось брякнуть крышке — и Доминик тоже слабо брякал.

Вскоре он сделал такие успехи, что решил попробовать свои силы самостоятельно.

Сперва он тренировался ночью, когда на кухне никого не было, а потом так разошёлся, что позволял себе иногда поурчать, брякнуть или буркнуть что-нибудь в течение дня.

А ещё позднее стал проделывать шутки.

Однажды днём он разворчался на кухне точь-в-точь как чайник. Двери в комнату были широко открыты. В комнате перед телевизором сидели Пинин папа, Пинина мама и Пиня.

Мама спросила:

— Кто поставил чайник?

— Я не ставил,— ответил Пинин папа.

— Я тоже,— отозвался Пиня.

— Ну, значит, у нас завелись духи,— сказала мама,— я тоже не ставила. Пиня, поди на кухню, выключи газ.

Пиня встал неохотно — передавали как раз фильм о Диснейленде. В кухне было тихо. Ни в одной из конфорок газ не горел. Половину кухни занимал Доминик. Впрочем, все уже

успели к нему привязаться, даже соседки, которые время от времени навещали Пинину маму. Пиня проверил, хорошо ли закрыты газовые краны, дотронулся рукой до чайника — холодный — и, сунув мимоходом Доминику в хобот несколько витамининок, которые носил в кармане с обеда, вернулся в комнату.

«Пусть растёт, худого в этом нет», — подумал Пиня.

Итак, он вернулся и снова сел смотреть передачу.

Доминик меж тем принялся урчать снова.

— Сколько раз тебе повторять, чтоб ты погасил газ! — сказала мама.

— Газ не горит, — ответил Пиня.

— Я сама слышу, как на кухне кипит вода.

— Схожу я, — отозвался отец. — Ни о чём тебя попросить нельзя... — И он с упрёком посмотрел на сына.

Отец поднялся с кресла и отправился на кухню.

Через минуту он вернулся, глянул на жену и сказал:

— Там всё в порядке.

Не успел он это сказать, как Доминик в третий раз заурчал на кухне.

Пинина мама не выдержала и вскочила.

— Не сделаешь чего-нибудь сама, никто за тебя не сделает! — крикнула она и выбежала из комнаты.

Вскоре она вернулась с виноватым видом.

— Погасила газ? — с насмешкой спросил Пинин папа.

— Газ не горел, — ответила Пинина мама. — Верно, мне показалось... — добавила она, как бы извиняясь.

— Не огорчайся, — утешил её муж. — Мне

тоже показалось, будто в чайнике шумит вода.

— И мне! — присоединился к нему Пиня.

Тут отец подошёл к двери, закрыл её и сказал:

— Теперь у нас будет спокойно!

И семья без помех стала наблюдать за чудесами, которые изобрёл для посетителей неистощимый на выдумки Дисней.

Теперь вы уже знаете, каким образом Доминик приготовился к самому ответственному моменту своей жизни: к произнесению первого слова. Доминик был слон толковый, он с самого начала решил, что первое слово не должно быть длинным. Длинное слово трудно выговорить сразу, к тому же кто знает, что может с тобой случиться, пока ты произносишь его всё целиком — от начала до конца.

Можно, например, подавиться или схватить икоту. Или сбиться посередине и забыть, что дальше. Можно даже стать заикой. Да, длинные слова в расчёт не входили. Например, «научно-исследовательский», «самовоспламеняющийся» или даже «длинношеее».

«Первое слово должно быть как можно короче, — решил Доминик. — Сколько слогов в самом коротком слове? Один. Минуточку, минуточку, а есть ли слова, которые состоят из одной буквы?»

Доминик принялся думать. Наконец ему удалось составить список слов, состоящих из одной буквы. Вот он:

- 1) А!
- 2) И... ИЛИ И?
- 3) О? ИЛИ О!
- 4) У?
- 5) Э... ИЛИ ЖЕ Э!

«Нет, не шутка сказать короткое слово,— решил Доминик.— А вот смыслу в нём мало. Что ещё можно сказать одной буквой? Ага! «Я!» Что это значит? Я — это я. Ура! Гип-гип ура! Наконец-то я придумал слово для первого своего публичного выступления. Слово короткое, простое, будешь произносить, не собьёшься, потому что сбиться не успеешь,— одним словом, такое слово, что пальчики оближешь: «Я, я, я!»

VIII

Места на кухне оставалось всё меньше. Если день изо дня смотреть внимательно на того, кто растёт, как ни приглядывайся, разницы не обнаружишь. Посади, например, в горшок горошину. Появится росток — смотри на него без перерыва. Разве заметишь, как он растёт? Ничего подобного! Будет казаться, что он всё такой же, что изменения нет, а росток между тем будет всё больше и больше тянуться кверху. А вот если ты будешь глядеть на него изредка, скажем, раз в три или в четыре дня, ты сможешь уловить перемену.

С Домиником было то же самое.

Для Пини, мамы и папы он рос незаметно. Они видели его каждый день и потому не замечали разницы.

И лишь когда из-за тесноты пришлось вынести из кухни первый стул, все поняли, что Доминик продолжает увеличиваться в размерах.

Потом пришлось унести второй стул.

Потом третий.

Потом табуретку.

Потом стиральную машину, которой пользовались не так уж часто: может быть, раз в неделю, остальное время она стояла в углу.

Потом стол.

Потом буфет.

Потом дошло бы, вероятно, до газовой плиты, которая, как нетрудно догадаться, была на кухне главной принадлежностью.

Но с газовой плитой ничего не случилось. Почему, я сейчас объясню.

Когда все наконец поняли, какой оборот принимает дело, был созван военный совет, или, точнее сказать, совет антидоминиковский.

— Уважаемые граждане! — сказал Пинин папа, обращаясь к жене и сыну. — Уважаемые граждане, пора принять срочные меры в связи с этим делом: слон повыбрасывал уже из кухни всю мебель и в скором времени, если мы ничего не предпримем, сокрушит и стены.

— Выкинуть его из кухни! — крикнула Пинина мама.

— Весьма мудрое решение, — солгался Пинин папа, — только как это сделать?

— Вытащить через двери, — пояснил Пиня.

— Попробуй... — ответил отец.

— Действительно, — отозвалась мама. — В дверь он не пролезет.

— Да, да... — пробормотал отец.

— Ну, тогда я не знаю, — буркнул в смущении Пиня.

— Я тоже, — сказала мама.

— И я, — шёпотом подхватил отец. — Что же делать?

— Пусть думает тот, кто притащил сюда слона, — заявила мама.

— Я знаю, что это всё из-за меня, — сказал, всхлипывая, Пиня. — Но разве я знал, что слон ненормальный?

Веснушки на его лице ещё больше порыжели от огорчения, а нос стал ещё более курносый.

— Надо попросить у кого-то помощи,— решил отец.

— Но у кого? — не удержалась мать.

— Лучше всего у милиции! — предложил Пиня.

— При чём тут милиция? — заметил с улыбкой отец.— Она просто арестует слона...

— Ну, тогда «скорая помощь»! — радостно закричал Пиня.— Всегда, если случается несчастье, вызывают «скорую помощь».

— «Скорая помощь» не поедет к фарфоровому слону.

— Но ведь он опухает. А если кто опухает — значит, он нездоров, а если нездоров — значит, болен, а если болен, то можно вызвать «скорую помощь». Когда на прошлой неделе у нашего соседа, пана Игнашевского из одиннадцатого номера, распухла нога, к нему приехала «скорая помощь»,— торжествующе заявил Пиня.

— Это совсем другое дело,— объяснила Пине мама,— нога пана Игнашевского — это нога пана Игнашевского, а слон — это слон.

— У пана Игнашевского распухла только одна нога,— не сдавался Пиня,— а у слона пухнут все четыре, к тому же раздувается и хобот, и голова, и живот, и хвост. Кто знает, может, он серьёзно болен?

— При серьёзных заболеваниях поднимается температура, понимаешь? А слон холодный... Если не холодный, то, во всяком случае, не горячий. «Скорая» не приедет.

— Ура! — завопил Пиня.— Ура! Догадался. Давайте вызовем пожарных.

— Пожарных вызывают только тогда, когда что-нибудь горит,— заметила Пинина мама.— Если мы вызовем пожарных из-за слона, у нас

могут быть большие неприятности. Как известно, фарфоровые слоны горят очень редко.

— Пожарные приезжают не только на пожар,— продолжал настаивать Пиня.— Когда кошка пани Вайс влезла на карниз и не смогла слезть оттуда, тоже приехали пожарные, по длинной-длинной лестнице забрались наверх и сняли кошку. Ведь так?

— Так, так,— подтвердил отец.

— И в самом деле сняли,— согласилась мать.

— Ну, так я вызываю пожарных! — крикнул Пиня и побежал к телефону.

Услышав сирену пожарной машины, Доминик ужасно обрадовался.

«Наконец-то произойдёт что-то интересное,— подумал Доминик.— Ещё ни разу никто так громко не трубил».

И Доминик, который, как вы знаете, последнее время только тем и занимался, что подражал всяким звукам, стал тотчас передразнивать голос пожарной машины.

Получилось это у него так здорово, что начальник пожарной команды, который как раз в этот момент подъехал к Пининому дому на красном автомобиле, очень удивился:

— Что это такое? Со мной ехали четыре машины, а теперь я слышу пять сирен. Хм, таинственная история... Надо будет при случае выяснить.

— Кто нас вызвал? — спросил он басом, выйдя из машины и с треском захлопнув красную дверцу.

— Я,— ответил Пиня, выступив из толпы.

Почему из толпы? Произошло, видите ли, следующее: едва вдалеке загудела сирена, как возле дома, где жил Пиня, собралась толпа —

соседи и прохожие. Каждому было интересно, что горит и где. Больше всего любопытных волновало отсутствие дыма. Если в доме пожар, то, по крайней мере, из какой-то щели должен сочиться дым, тогда тебе известно, куда надо смотреть. А куда прикажете смотреть, если дыма нет и в помине? Пожар без дыма не доставляет зрителю ни малейшего удовольствия.

— Ты что же, шутки шутишь, а? — спросил начальник, метнув из-под нахмуренных бровей грозный взгляд на Пиню.

— Что вы, что вы, какие там шутки! — ответил Пиня.

— Не вижу дыма.

— Дыма нет.

— Как же так? Что же тогда есть?

— Слон.

— Не понимаю.

— Слон. Фарфоровый слон.

— Выходит, молодой человек, ты вызвал пожарных из-за слона?

— Слона надо вытащить из кухни.

Начальник даже за голову схватился.

— Разве ты не можешь сделать этого сам?

— Не сердитесь, пожалуйста, пройдите, пожалуйста, наверх, тогда вы всё поймёте.

Свирепо оцетинив усы, начальник двинулся следом за Пиней. В прихожей их уже ждали родители.

— Как хорошо, что вы приехали! — сказала Пинина мама.

— Что стряслось со слоном? — спросил начальник у Пинино папы. — Может, объясните вы?

— Слон у нас страшно вырос, — ответил Пинин папа.

— Простите, не расслышал...— грозно шевеля усами, переспросил начальник.

— Слон у нас страшно вырос,— повторил Пинин папа.— Собственно говоря, он и сейчас ещё растёт, он растёт, не останавливаясь ни на минуту, а это грозит серьёзными осложнениями, это даже опасно. А уж кому-кому, как не вам, бороться с опасностями?

— Хм, так-так... Что за слон?

— Фарфоровый.

— Простите, я, наверно, ослышался.

— Нет, вы не ослышались. Слон фарфоровый. Белый фарфоровый слон.

— И вы утверждаете, что он растёт? — спросил начальник, как-то странно посмотрев на папу.

— Ещё как! — вмешалась в разговор мама.— Вы не представляете себе, как здорово растёт. Да вы сами на него посмотрите.

И она повела начальника на кухню, где, кроме зажатой в уголке газовой плиты, находился теперь один только Доминик.

Начальник посмотрел с удивлением на Доминика.

— Что ж, очень красивый слон!

— Когда я принёс его с чердака, он был вот такой маленький.— И Пиня развёл руками, чтобы показать, каким был Доминик.— Не больше ягненка.

Начальнику стало явно не по себе. Он косился с подозрением то на отца, то на мать, то на самого Пиню.

«Очень странные люди,— подумал он про себя.— С такими лучше по-хорошему».

— Итак, что нужно сделать со слоном? — спросил он громко.

— Нужно убрать его из кухни,— сказала Пинина мама.

— В дверь он не пролезет,— пояснил Пиня.

— Как же тогда он попал на кухню? — с хитрой улыбкой спросил начальник.

— Его втащили вот в эти двери, через прихожую,— принялся втолковывать ему Пинин папа.— Ведь мы уже объяснили вам — в то время он был куда меньше.

— Да-да, я забыл... Ну что ж, не вижу иного выхода, как вытащить его через окно... — решил начальник.

— Учтите, это всё-таки второй этаж,— предостерёг его папа.

— Я это учитываю,— сухо сказал начальник.— Такая высота нас не пугает. Наши лестницы достают до пятнадцатого этажа. Смеем вас уверить, на высоте второго этажа голова у нас не кружится.

С этими словами начальник вышел из кухни, спустился вниз и направился к своей команде, которая меж тем размотала брандспойты и приготовила насосы.

— Всё немедленно убрать! — гаркнул начальник.— Никакого прысканья и поливанья! Приставить лестницы к окну второго этажа! — И он указал на окно кухни, где находился Доминик.— Готовь веревки! Будем перетаскивать слона!

Пожарные тут же подумали, что начальник спятил, но виду не подали. Они знали — с ним лучше не связываться. Приставили лестницы, мигом вскарабкались наверх и топориками, которые носит при себе каждый пожарный,— раз-два! — высадили оконную раму. Пожарные привыкли таким образом открывать окна — это отнимает очень мало времени. А время на по-

жаре имеет огромное значение. Пожара, правда, не было, но привычка остается привычкой.

Четверо пожарных остались снаружи на двух приставных лестницах, по двое с каждой стороны, четверо других с верёвками в руках влезли через окно на кухню. А по ступенькам обыкновенной лестницы на кухню взбежал начальник. Театральным жестом указав пожарникам на Доминика, он крикнул:

— Связать!

Пожарные мгновенно обвязали Доминика верёвками и потащили к окну. Затем приподняли и поставили на подоконник. К счастью, Доминик протиснулся через окно, или, вернее, через ту дыру, которая теперь вместо окна зияла на кухне. Ни спина, ни бока поцарапаны не были. Между нами говоря, окно было большое, одно из самых больших окон, какие мне только приходилось видеть на свете!

Таким образом Доминик очутился вдруг по ту сторону стены, на улице. Слегка покачиваясь на верёвках, он повис над двором на высоте второго этажа. Это ему очень понравилось. Он даже завыл от удовольствия, как пожарная сирена, что едва не кончилось трагически. Пожарники подумали, что где-то поблизости случился пожар, чуть было не бросили всё и не побежали по сигналу. Только в последний момент им с трудом удалось обуздать своё рвение.

Доминик стал медленно опускаться на землю. Зеваки, которые не имели ни малейшего представления, что всё это значит, увидев слона, устроили пожарным овацию. Откуда ни возьмись, появились журналисты и фоторепортёры, подъехала даже машина студии документальных фильмов. Под приветственные крики на-

чальник команды выгнул дугой грудь и, словно сытно пообедавший тигр, принялся шевелить торчащими в разные стороны усами.

На следующий день в газетах поместили фотографии. На одной из них был начальник пожарной команды — он покровительственно хлопывал Доминика по длинному белому хоботу.

— Ни один пожар не принёс мне такой славы, как этот слон! — ворчал себе под нос начальник команды, читая за завтраком газету.

IX

Возле дома, где жил Пиня, был садик. В этом садике и поставили Доминика.

Шёл май, с каждым днём становилось всё теплее. Но по ночам было ещё прохладно. Фарфоровая кожа Доминика покрывалась пупырышками. Никто этого не замечал, потому что ночью темно — хоть глаз выколи. Но если бы всё же кто-то подошёл к Доминику, как это, скажем, делал Пиня, погладил его по боку, он ощутил бы под пальцами эту гусиную кожу, тысячи дрожащих пупырышков. Бррр!

Да, Пиня каждый вечер в сумерках приходил к Доминику. Приходил он к нему, конечно, и днём, но это были совсем не те встречи.

Ночью у Пини была определённая цель. Вы уже, наверно, догадались какая. Ну разумеется! Ночью Пиня приносил Доминику витамины.

С тех пор как Доминик поселился в саду, он мог расти сколько душе угодно. Пиня, желая вырастить из него слона-великана, усиленно кормил его витаминами. Иногда даже отдавал ему

свою порцию целиком, а это было, конечно, рискованно — а ну как собственный рост прекратится! Откровенно говоря, с Пининым ростом дело обстояло не так уж плохо. Измерения, произведённые мамой и папой, показали, что Пиня вырос на целых три сантиметра. На косяке сделали новую отметку. Радость была неопишуемая. Отправили даже письмо тётке, которая вот уже много лет жила в Америке и Пиню никогда в глаза не видела. Точно так же, впрочем, как и Пиня эту свою тётю.

— Я вижу, ты мёрзнешь,— заметил Пиня во время одного из таких визитов, заботливо поглаживая Доминика по озябшей фарфоровой коже.

Вместо ответа Доминик защёлкал своими великолепными бивнями.

— А почему мёрзнешь?— продолжал Пиня.— Потому что совсем не двигаешься. Если б ты двигался, ты бы не мёрз. Послушай-ка, слон, попробуй двигаться.

Сказав так, Пиня поцеловал Доминика в хобот и помчался домой спать.

Оставшись один, Доминик задумался.

«Двигаться! Легко сказать! Вот если б у меня был учитель, который бы мне всё растолковал, помог бы мне сделать первые шаги..»

С тех пор как Доминик очутился в саду, он частенько думал об этом. Все кругом двигались. Люди, собаки, кошки, автомобили, трамваи за забором, пчёлы, мухи, занавески в окнах, даже деревья шевелили своими вытянутыми к небу руками — и только он, Доминик, торчал на месте без движения. Даже воробьи стали над ним издеваться.

— Чирик-чирик-чирик!— чирикали они.— Шевелись, шевелись! Чирик-чирик-чирик! Смот-

ри, пожалуйста, в оба, какая особа — трудно пошевелиться... Чирик-чирик!

Обидного в этом было мало, но удовольствия тоже не доставляло. И Доминик задумался, как ему быть. Надо найти учителя, который даст полезный совет, поможет в самом начале. Да, именно учителя ему не доставало! Но как найти учителя, если ты стоишь и не двигаешься?

Учитель, к счастью, нашёлся сам.

Однажды, когда раздумье стало особенно мрачным, Доминик услышал откуда-то снизу, с самой земли, тихий голосок:

— Ты что, памятник?

— Нет,— ответил Доминик,— я не памятник.

— А выглядишь совсем как памятник,— заметил голосок.

— Может, и выгляжу, но я не памятник.

— Знаешь, почему ты похож на памятник?

— Ну?

— Потому что стоишь и не шевелишься.

— Значит, все, кто не шевелится, и есть памятники?

— Необязательно...

— А это хорошо — быть памятником? — спросил, не на шутку заинтересовавшись, Доминик.

— Точно я тебе сказать не могу, но думаю, что не очень.

— Почему?

— Потому что надо всё время торчать на одном месте.

— В этом нет ещё ничего плохого.

— Для кого как. Я бы с ума сошёл!

— Ты не любишь торчать на одном месте?

— Ненавижу!

— И не хотел бы стать памятником?

— Ни за что на свете! Памятник, например, не может убежать...

— Убежать... от кого?

— От дождя или от снега.

— Это правда,— согласился Доминик.— Но зато памятнику никогда не бывает больно.

— Подумаешь! Пусть лучше мне будет больно, зато я двигаюсь.

— Ты любишь двигаться?

— Обожаю. Целый день я в движении.

— А кто ты такой?

— Муравей. В нашем муравейнике меня зовут Фумтя.

— А я Доминик, фарфоровый слон.

— Очень приятно.

— Мне тоже очень приятно, только я тебя не вижу. Где ты?

— Здесь!

— Где?

— Возле твоей правой передней ноги.

— Я, к сожалению, не умею двигать ни головой, ни шеей, и мне тебя не видно.

— погоди, сейчас подползу поближе.

И Фумтя принялся усердно взбираться по ноге Доминика, всё выше и выше. Через сорок пять минут он добрался до глаза.

— Теперь видишь?— спросил Фумтя.

— Вижу,— ответил Доминик.— Какой же ты маленький!

— Зато ты огромный! Ни разу мне ещё не пришлось карабкаться по такой большой ноге.

— Устал?

— Немножко.

— Отдохни, потом я тебе кое-что скажу.

— Давай лучше сразу!

— Мне стыдно об этом говорить...

— Вот ерунда! Говори, и дело с концом!

- Знаешь, у меня к тебе большая просьба...
- Пожалуйста...
- Я очень хочу, чтоб ты стал моим учителем.
- Чему же я тебя буду учить?
- Тому, что умеешь сам.
- А именно?
- Фумтя, дорогой друг, научи меня двигаться! Мне очень хочется ходить, поворачивать голову, махать хоботом, перебирать ногами. Чтoб эти дурни воробьи никогда больше не чирикали: «Шевелись, шевелись!» Чтoб они меня не дразнили: «Смотри в оба, какая особа — трудно пошевелиться». Чтoб самая последняя ветка на дереве не задирала носа, потому что она умеет двигаться, а я нет.
- Я с удовольствием тебе помогу, Доминик,—сказал Фумтя.— Не знаю только, смогу ли. Ни разу в жизни я никого не учил.
- Сможешь, конечно, сможешь!
- Но ведь я такой маленький.
- Не беда!
- А ты такой большой, ты, наверно, в сто тысяч раз больше меня.
- Это не имеет значения.
- Тебе только так кажется. Пока ты неподвижно стоишь на месте, всё в порядке. Но стоит тебе шевельнуться...
- Ну и что тогда?
- Ты будешь опасен.
- Даю тебе слово, я не буду опасен.
- А я тебе говорю, будешь опасен.
- Для кого?
- Хотя бы для меня. Или для моих братьев.
- Чтo ты говоришь, Фумтя! Да я ни за что на свете не трону ни тебя, ни твоих братьев.
- Я знаю, у тебя доброе сердце. Но ты мо-

жешь сделать это помимо воли. Что, если ты вдруг наступишь...

— Я буду внимательно смотреть, честное слово!

— Это не так просто...

Сидя всё на том же месте, Фумтя задумался...

— Ладно,— сказал он наконец,— я буду тебя учить. Не знаю ещё, что из этого выйдет, но попробуем.

— Прекрасно!— воскликнул вне себя от радости Доминик.

— Но во время урока я буду сидеть у тебя на голове.

— Сиди где хочешь! Ну что, начнём?

— Я вижу, ты примерный ученик. Начнём!

— Скажи мне, Фумтя, что нужно сделать, чтоб сдвинуться с места?

— Для этого нужно шевелить ногами.

— Сколькими ногами надо шевелить сразу?

— У кого сколько ног. Тебе, например, придется шевелить четырьмя.

— Одновременно?

— К сожалению, да.

— Ай-ай-ай, это так трудно!

— Постарайся для начала шевельнуть хотя бы одной ногой.

— Какой?

— Какой хочешь.

— Можно, передней левой?

— Пожалуйста! Приподними её, осторожненько-осторожненько передвинь вперёд. Поднял?

— Поднял.

— Передвигаешь?

— Передвигаю! Смотри, как здорово получается!

— Мне отсюда не видно. Погоди, я переползу на кончик хобота, оттуда я увижу.

И Фумтя переполз на кончик хобота, устроился там поудобнее и поглядел вниз. Вот это да! Левая передняя нога Доминика передвинулась вперёд на целых полметра. На том месте, где она только что находилась, осталась на траве вмятина величиной с тарелку.

Х

Доминик оказался удивительно способным учеником. Вскоре он научился шевелить не только передней левой ногой, но и передней правой, а потом и задней левой и задней правой. Он уже двигал всеми четырьмя ногами! Дошла очередь и до хобота.

— Ты уже научился передвигать ногами,— сказал ему однажды Фумтя.— Теперь пора учиться шевелить хоботом. Всякий слон, который считает себя настоящим слоном, должен уметь двигать хоботом. Моя бабушка, старая-престарая, мудрая-премудрая муравьяха, рассказывала мне, какие удивительные штуки умеют выделять хоботом слоны.

— Не верю!— воскликнул Доминик.

— Чему не веришь?— спросил обиженный до глубины души Фумтя.

— Не верю, что твоя бабушка видела слонов.

— Видела! Видела!

— Быть этого не может!

— «Не может, не может»!— передразнил Доминика Фумтя.— Знаешь, где моя бабушка долгое время жила с дедушкой? Знаешь или нет?

— Не знаю!— ответил Доминик.

— В зоопарке. Ага! Теперь ты уже не споришь?

— Теперь не спорю,— буркнул Доминик.— Надо было сказать сразу.

— Ладно, оставим это,— великодушно заявил Фумтя.— Учись шевелить хоботом! Понятно?

— Понятно... Объясни, как это делается.

— Попробуй сперва поднять хобот чуть-чуть вверх.

— Вот так?

— Так. Превосходно. Теперь опусти чуть-чуть вниз.

— Так?

— Так. Великолепно! Ещё раз.

— Получается?

— Очень хорошо. Теперь попробуй вбок.

— Ну как, получается?

— Молодчина! Теперь в другую сторону.

— Пожалуйста!— отозвался Доминик и принялся всё быстрее и быстрее шевелить хоботом.

— Пожалуйста, потише!— крикнул Фумтя.— У меня голова кружится.

Как вы, наверно, помните, во время урока Фумтя сидел у Доминика на хоботе. И теперь, когда хобот принялся выписывать в воздухе кренделя, Фумте показалось вдруг, что он сидит на качелях.

— погоди минуточку,— взмолился Фумтя,— ещё, чего доброго, упаду, убьюсь! Лучше я переползу на другое место.

Как только Доминик перестал качать хоботом, Фумтя бросился бежать. Он переполз на ухо.

— Хоть здесь посижу спокойно,— буркнул Фумтя.

Но бедняга ошибся. Ожили и уши Доминика. Первое, ещё вялое движение уха чуть не сбросило Фумтю на землю.

— Что ты делаешь?— завопил в ужас Фумтя.— Кто тебе позволил шевелить ушами?

— Я нечаянно,— принялся уверять Фумтю Доминик.— Сам не знаю, почему у меня появилась охота шевельнуть ухом.

— Шевели сколько тебе влезет, только я сперва отползу в сторону.

И Фумтя полз всё быстрее и быстрее, пока не перебрался с уха Доминика на его великолепный, огромный, как блюдо, лоб.

— Ты на меня сердисься?— спросил огорчённый Доминик.

— С чего ты взял? Я горжусь тобой.

— Правда, гордишься?

— Правда. Дай только добратсья до муравейника, всем расскажу, какой у меня ученик.

— Хотелось бы мне хоть раз побывать у тебя в гостях,— сказал Доминик.

— Боюсь, это невозможно,— ответил Фумтя.

— Почему?— изумился Доминик.

— Потому что это слишком трудная для слона задача — войти в муравейник.

— Я войду через парадный вход. Уж наверняка у вас есть парадный вход...

— Есть-то есть, но только он для нашей царицы.

— Большой вход?— спросил Доминик.

— Для муравья он огромный. А для тебя — крохотная дырка.

— И мне туда не пролезть?

— Если даже ты будешь съёживаться, съёживаться, съёживаться и съёживаться, всё равно в парадный вход не пролезешь,— объяснил Фумтя.

— Я очень огорчён.

— Не стоит думать об этом.

— Я не могу не думать,— ответил Доми-

ник.— С тех пор как я с тобой познакомился, я только о том и мечтаю, чтоб навестить тебя в муравейнике.

— Не все мечты могут исполниться, Доминик. Надо с этим считаться. А пока, вместо того чтоб горевать впустую, радуйся тому, что ты научился шевелить и ногами, и хоботом, и ушами. Скажи, разве это не приятно?

— Очень приятно,— ответил Доминик и стал шевелить всем сразу.

В один прекрасный день Пиня заметил, что с Домиником творится что-то неладное. Он нередко находил слона совсем не в том месте, где его несколько часов назад оставил. Сперва разница была небольшая, и Пиня думал, что ему это только кажется. Но когда однажды он застал его возле беседки, а накануне вечером попрощался с ним возле яблони, Пиня догадался, что дело принимает серьёзный оборот.

— Послушай-ка, слон, что это значит?— спросил он строго.

— Ничего!— ответил ему Доминик.

У Пини от изумления отнялся язык. С минуту он не мог произнести ни слова. В горле пересохло. Чтобы обрести душевное равновесие, Пиня сбегал в киоск на угол и купил себе эскимо. Несколько раз лизнув эскимо, он так быстро остыл и успокоился, что тут же купил заодно и вторую порцию.

Со второй порцией в руке Пиня вернулся к Доминику.

— Значит, ты научился говорить?— спросил он.

— Давно уже,— ответил Доминик.

— Что ж ты скрываешь?

— Я не скрываю, только...

— Только что?

- Только не представлялось случая.
- Ах, вот как! Кто же тебя научил?
- Дорогой Брат.
- Кто это такой?
- Дорогой Брат? Так называется на кухне кран. Он был моим первым учителем.
- А вторым?— не без ехидства осведомился Пиня.
- Вторым был гражданин Чайник,— серьёзно объяснил Доминик.
- Хорошенькое дело,— заметил Пиня.— А от кастрюль и крышек ты, случайно, ничему не научился?
- От каждого можно чему-нибудь научиться,— философски заметил Доминик.
- Видно, ты не только научился говорить, слон, но умеешь ещё изрекать истины.
- Меня зовут Доминик.
- Скажи, пожалуйста, и имя у тебя уже есть?
- Оно всегда у меня было,— с обидой в голосе ответил Доминик.
- Но мне об этом ничего не было известно.
- Ты ни разу меня не спросил, как моё имя.
- А ведь правда!— признался Пиня.— Теперь, когда я знаю, как тебя зовут, я буду звать тебя только по имени. Тем более что Доминик очень красивое имя.
- У тебя тоже красивое имя,— сказал Доминик.
- Это ты серьёзно?— с недоверием спросил Пиня.
- Уж конечно,— заверил его Доминик.
- Это прекрасно, что нам обоим наши имена пришлись по вкусу. Да здравствует Доминик!— крикнул Пиня.
- Да здравствует Пиня!— крикнул Доминик.

— Да здоровствует Доминик!— завопил ещё громче Пиня.

— Да здоровствует Пиня!— завопил в ответ Доминик.

— Да здоровствует Доминик!— заверещал тогда Пиня.

— Да здоровствует Пиня!— заверещал Доминик.

— Здорово покричали,— со вздохом удовлетворения сказал Пиня.

— Здорово покричали,— со вздохом отозвался Доминик.

— Но вернёмся к нашему разговору,— снова начал Пиня.— Можешь ты мне сказать, кто ночью переставляет тебя с места на место?

— Никто,— чистосердечно признался Доминик.

— Совсем-совсем никто?

— Совсем-совсем.

— Почему же тогда всё время получается так, что ты в другой части сада?

— Я передвигаюсь,— скромно пояснил Доминик.

— Сам?!— воскликнул изумлённый Пиня.

— Да, сам.

— А я-то думал, что это Рыбчинский каждую ночь прокрадывается к нам в сад и устраивает тут всякие сюрпризы. Так это, значит, не Рыбчинский?

— Не знаю я никакого Рыбчинского,— с достоинством ответил Доминик.— Не веришь? Посмотри, как я умею двигать ногами.

— Здорово!

— А теперь посмотри, как я верчу хоботом!

— Вот это да!

— А теперь погляди, как я шевелю ушами!

— Замечательно. Я тоже умею шевелить ушами,— похвастался Пиня,— но немного.

— Покажи,— попросил Пиню Доминик.

И Пиня принялся шевелить ушами, чтобы продемонстрировать Доминику этот свой редкий талант.

— Ну как, шевелятся?— спросил Пиня.

— Шевелятся,— заверил его Доминик,— только чуть-чуть.

— Потому что уши у меня маленькие. А теперь ты пошевели своими.

Доминик принялся шевелить ушами сперва понемногу, потом всё быстрее и быстрее, да так, что уши превратились в два вращающихся веера.

— Здорово шевелишь, здорово, Доминик,— прошептал с восхищением Пиня.— Кто тебя этому научил?

— Фумтя!

— Не знаю такой личности.

— Это не личность.

— А кто?

— Муравей.

— Насколько мне известно, у муравьёв ушей не бывает. Как же он мог научить тебя шевелить ушами, если у него самого их нет?

— О, Фумтя может всё!— сказал с убеждением Доминик.

— Вот и прекрасно,— обрадовался Пиня.— Я как раз подыскиваю себе помощника, который будет решать за меня задачки. Ты непременно должен меня познакомить с Фумтей, Доминик!

— С большим удовольствием.

XI

Вскоре Доминик сделался любимцем всей улицы. Особенно привязались к нему дети. Да и взрослые всё чаще заворачивали в сад полюбо-

ваться могучим белым слоном. Хотя жители городка не были знатоками и ценителями слонов (настоящие знатоки живут в лесах Азии и Африки), всё же они знали, что белые слоны встречаются чрезвычайно редко. А редкости высоко ценятся.

Они знали, что в Индии белый слон считается животным священным, ему даже воздают почести. Хозяином такого слона может быть только могущественный властитель — магараджа. Он носит пышные, увешанные драгоценными камнями одежды и разъезжает всюду на белом слоне, который убран в дорожную попону, тоже украшенную драгоценными камнями.

Наверно, вам хочется знать, как на своём слоне сидит магараджа? Думаете, так же, как на лошади?

Ничего подобного! Спина у слона слишком широкая для того, чтоб на него можно было усесться верхом. Пожалуй, только Гулливер или какой-нибудь другой верзила может сесть на слона верхом, но обыкновенный человек (а ведь даже самый грозный магараджа — обыкновенный человек, хоть он и пытается внушить иногда своим подданным другие мысли), но обыкновенный человек, говорю я, не в состоянии сесть верхом на слона, как на лошадь. Поэтому слону на спину ставят что-то вроде домика, или беседки, или, может быть, что-то вроде нашей телефонной будки. Эту беседку или будку, которая, впрочем, не застеклена, закрепляют особыми ремнями, чтоб она ни в коем случае не съехала набок. В будке ставят сиденье, иногда даже золотой трон, на котором восседает магараджа.

Сам ли магараджа правит слоном? Ни в коем случае.

Слоном правит погонщик. Погонщик сидит у

слона на голове, между ушами, и оттуда подаёт команды. Он заставляет слона идти вперёд, поворачивать налево, направо. Иногда велит слону пятиться и опускаться на колени.

Да, да, опускаться на колени! Если вы думаете, что я оговорился, то это не так.

Слоны умеют становиться на колени. Неповоротливые, неуклюжие на вид, они могут с большой точностью выполнять ваши приказы. Надо их только научить. А учатся они с малолетства в специально предназначенных для этого школах.

Похожа ли такая школа на наши школы?

Я думаю, не похожа. Там нет ни парт, ни кафедры для учителя, ни доски. Такие уж там порядки. Должен вам сказать, что мне это не нравится. Если б я был, к примеру, директором такой школы, я бы сразу велел притащить туда и парты, и кафедру, и доску.

По какому такому праву слоны лишены учебных пособий? Если б школа стала похожа на наши школы, слонята учились бы намного скорее, знания быстрее укладывались бы у них в голове, они не простаивали бы весь школьный день на ногах, они могли бы часок-другой посидеть за партой. Парты должны быть, разумеется, сделаны так, чтоб они были вместительнее тех парт, за которыми сидите вы и за которыми когда-то давным-давно сидел и я.

Могу вам по секрету сказать: я часто мечтаю собственными глазами увидеть такой класс, где за каждой партой сидят тихохонько вежливые, хорошо воспитанные слонята. Вот было бы зрелище!

Но вернёмся к Доминику. Домиником, как мы уже сказали, интересовался весь район. Жители города, хоть никогда не были в Индии, не видали настоящего магараджу и только по слухам знали

о существовании белых слонов, прекрасно отдавали себе отчёт в том, какую ценность представляет собой Доминик.

Они мигом сообразили, что Доминик — это нечто совсем особенное. Ни в одном из соседних районов не было такого чуда. Даже в зоопарке, расположенном на берегу протекающей возле города реки, не было такого слона. Жили там, правда, два взрослых слона и один слонёнок, но это были обычные серые слоны, и они не шли в сравнение с Домиником.

Вам, наверно, интересно, как звали этих слонов?

Признаюсь откровенно, в мои намерения не входит заниматься этими слонами сейчас. В нашей повести в своё время они ещё появятся. Но раз вас одолевает любопытство, я скажу.

Слона звали Гжесем, слониху — Гжесихой, а слонёнка — Жемчужинкой. Когда мы попадём в зоопарк, мы с ними познакомимся поближе.

Гжесь и Гжесиха, о Жемчужинке я уж не говорю, были меньше Доминика. Это было заметно сразу. Стоило зайти в зоопарк посмотреть на Гжесю и на Гжесиху, о Жемчужинке я уж не говорю, а потом прийти и встать рядом с Домиником, чтобы понять, что Доминик по сравнению с ними великан.

Действительно, Доминик так вырос, что теперь без труда заглядывал в комнату к Пине, которая, как известно, находилась на втором этаже. Если окно было открыто, он как ни в чём не бывало просовывал туда голову и говорил:

— Ку-ку!

Частенько случалось так, что это «ку-ку» будило Пиню. Часов у Доминика не было, и он заглядывал в комнату к Пине в самое неподходящее время.

— Отвяжись!— говорил ему Пиня.— Ещё рано, дай поспать.

— Ку-ку!— повторял Доминик и хоботом стаскивал с Пини одеяло.

Пиня вскакивал с постели и мчался к окну. Вот-вот, казалось, схватит он одеяло, но одеяло всё же исчезало за окном.

— Ты сумасшедший, а не слон!— кричал Пиня, высунувшись из окна.

А Доминик тем временем, не выпуская одеяла из хобота, размахивал им в разные стороны.

— Вот я тебя!— кричал Пиня и в одной пижаме выбегал в сад, чтобы отобрать у Доминика одеяло.

Стоило Пине появиться в саду, как Доминик немедленно закидывал одеяло через окно обратно в комнату.

— Сейчас же отдай одеяло!— говорил рассерженный Пиня.

— Чего тебе от меня надо?— спрашивал с невинным видом Доминик, а у самого глаза разбежались в разные стороны.

— Сейчас же отдай одеяло!— повторял Пиня.

— Какое одеяло?— удивлялся Доминик.— Первый раз слышу...

— Ты лучше меня знаешь какое!

— Где ты видишь одеяло?.. Нет у меня никакого одеяла.

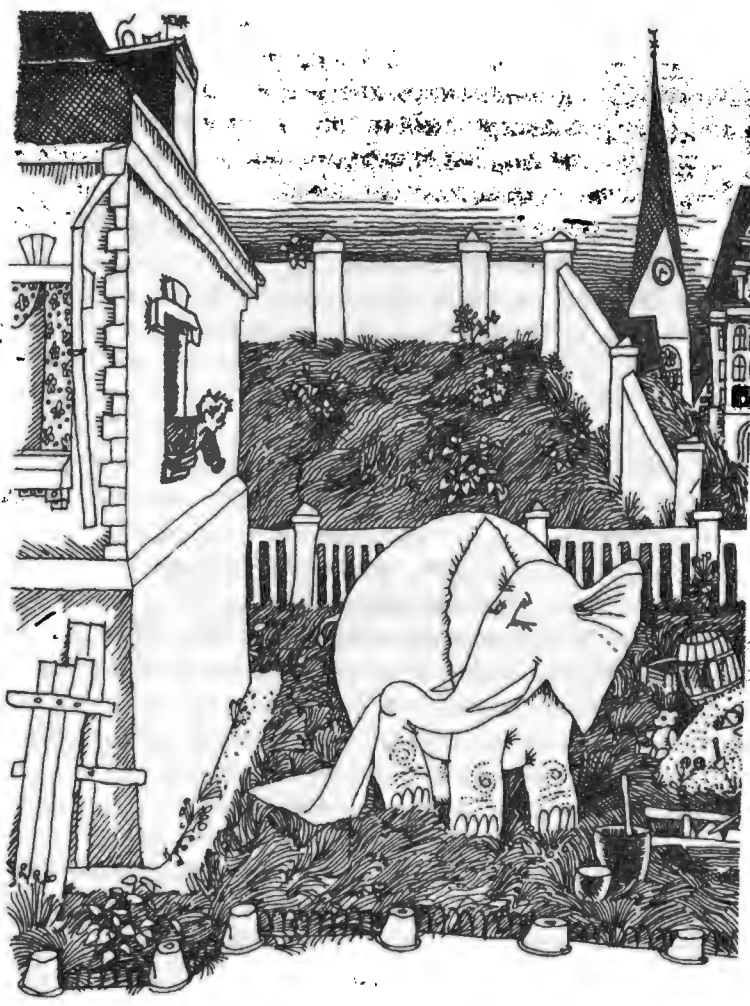
— Кто же его тогда с меня стащил?

— Откуда мне знать,— отвечал Доминик.— Может, духи?

— Напрасно умничаешь,— говорил Пиня.— Наигрался — и будет! Отдавай одеяло, вот и всё!

— Нет у меня одеяла. Иди в комнату, посмотри, наверно, лежит на диване.

Волей-неволей Пине приходилось идти обратно в комнату. Одеяло действительно лежало на

диване, но стоило Пине сделать с порога один шаг к постели, как в окне тотчас появлялся хобот Доминика, хватал одеяло и уволокивал его снова на улицу.

С ума сойти!..

Пиня опять мчался вниз, Доминик снова забрасывал одеяло в окно, и так далее и так далее, пока Доминику не надоедала вся эта возня и одеяло вроде бы по его небрежности не оказывалось вдруг в руках у Пини. Хуже всего бывало, когда Доминику не удавался так называемый «бросок» и одеяло вместо Пининой постели повисало на яблоне или на старом каштане, который рос неподалёку от дома.

— Ну и что теперь будет? — спрашивал в таком случае Пиня.

Доминик молчал.

— Послушай-ка, слон,— говорил тогда Доминику Пиня,— влезь на дерево и сними одеяло. Умел забросить — умей достать.

Но сделать это было непросто. Чаще всего одеяло висело на такой высоте, что достать его хоботом Доминик не мог, а прыгать он не умел. Если б существовал такой предмет — «прыжки» и надо было бы сдавать экзамен, то Доминик получил бы двойку, а то и кол. Да ещё с двумя минусами.

— Ладно, ладно,— говорил Пиня,— посмотрим, что теперь будет! Проснутся мама и папа, увидят одеяло на каштане, и... Страшно даже подумать, что тогда может произойти...

Доминику в эту минуту было ужасно стыдно.

— Я нечаянно!.. — уверял он Пиню.

— Это только так говорится.

— Правда нечаянно...

— Не верю!

— Клянусь тебе!

- Чем клянешься?
- Своим хоботом.
- Твой хобот никуда не годится!
- Что верно, то верно,— со вздохом соглашался Доминик.
- Не мог даже попасть в окно! — продолжал Пиня.
- Правда, правда,— поддакивал Доминик.
- С таким хоботом стыдно людям на глаза показаться.
- Что же мне теперь с ним делать? — спрашивал расстроенный вконец Доминик.
- Вели сшить на него футляр и держи в футляре,— советовал Пиня и начинал карабкаться вверх по стволу.
- В этот миг фарфоровое сердце Доминика билось сильнее и он шептал с волнением:
- Что ты делаешь, Пиня?
- Ничего,— отвечал Пиня.
- Как так «ничего»? Ведь ты лезешь на дерево?
- Ну так что? Нельзя?
- Я ничего не говорю... Можно, только...
- Только что?
- Только я хотел тебе сказать: ты очень-очень хороший...

XII

Это было самое ужасное пробуждение, какое только можно себе представить. Вам, конечно, знакомо то состояние, когда, проснувшись рано утром, человек некоторое время ещё находится во власти сна. Проходит две-три секунды, прежде чем мы убеждаемся, что за нами действительно не гонится лев, что мы мирно

лежим в постели, что давно пора вставать. Такое пережил однажды Доминик. Открыв глаза, он с ужасом увидел три нацеленных на него ствола. С трех сторон глядели они на него своими холодными, мерцающими глазницами. По спине у Доминика пробежали мурашки.

Не далее как вчера Пиня рассказал ему об одном ужасном обстоятельстве. Рассказал не добровольно — Доминик вытянул это у Пини просьбами и уговорами. Обстоятельство было весьма печальное, и Пиня с его добрым сердцем ни за что на свете не хотел посвящать в него Доминика. Хотя бы из боязни опечалить своего друга. А началось всё с пустяка.

— Пиня! — сказал однажды Доминик.

— Ну? — отозвался Пиня.

— Скажи, пожалуйста, Пиня, слоны храбрые?

— Очень.

— Из чего это известно?

— Из разных случаев.

— Ну, например?

— Например, они не боятся других зверей.

— Львов тоже?

— Нисколько! Очень забавно бывает наблюдать, как лев стороной обходит слона.

— А ты наблюдал?

— Не наблюдал, но знаю.

— Откуда знаешь?

— Из одной книжки.

— Но тигра-то уж наверняка слон боится?

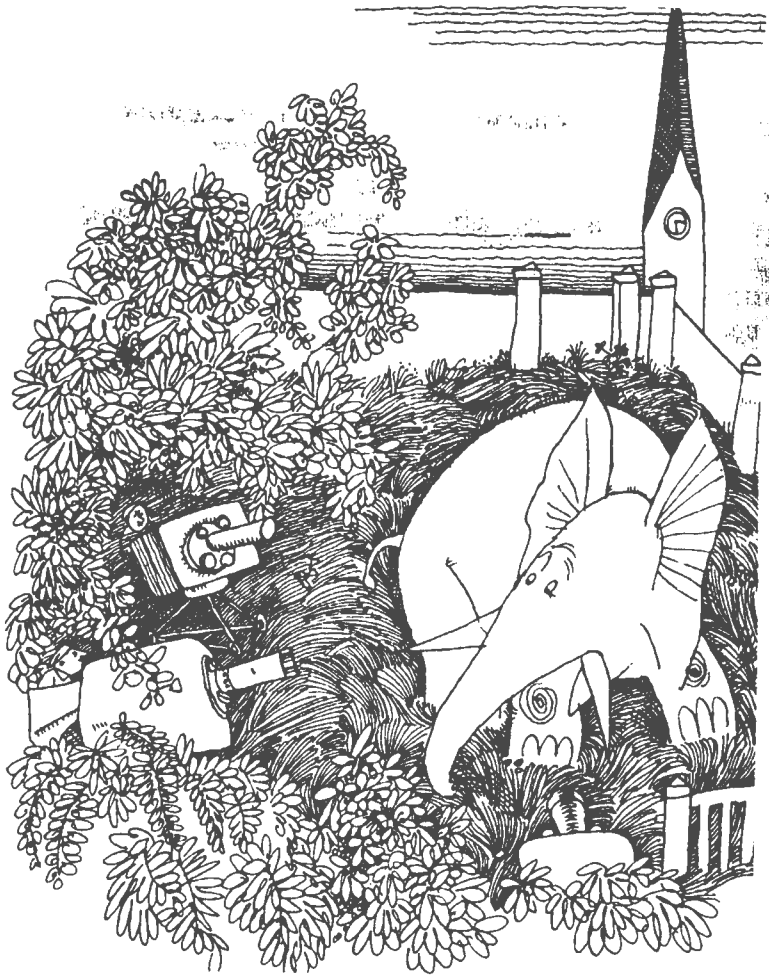
— Ничего подобного! — категорически возразил Пиня. — Слону наплевать на тигра, понимаешь? Наплевать до такой степени, что слонов используют даже для охоты на тигров.

— Для чего?

— Для охоты.

— Что это значит?

— Ты не знаешь, что значит охота? Охотишься на кого-нибудь, вот тебе и охота.

— А для чего охотятся?

— Для того чтобы поймать или убить. Берут ружьё или ещё что-нибудь, из чего можно стрелять, и отправляются на охоту. Знаешь, что значит стрелять?

— Понятия не имею,— ответил Доминик.

— При этом получается «ба-бах»,— довольно толково пояснил Пиня.

— А что происходит от твоего «ба-бах»? — осведомился Доминик.

— Если попадёшь, от этого «ба-бах» зверь падает.

— Почему зверь?

— Потому что охотятся на зверей, понимаешь?

— Но ведь потом зверь встаёт, верно?

— Не очень-то встаёт,— ответил Пиня.— Если выстрел был меткий, то зверь никогда уже не встанет; он перестаёт жить.

— О, это очень печально!

— Увы, так уж повелось на свете: с незапамятных времён люди охотятся на зверей. Что касается тигров, о которых я тебе уже говорил, то тигры нередко наносят огромный вред, похищают даже людей. Тогда люди устраивают облаву на тигра-людоеда, и при этом нередко им помогают слоны. Ты должен этим гордиться, Доминик.

— Гордиться...— отозвался Доминик.— Конечно, мне приятно, что слоны такие храбрые, но, с другой стороны, мне досадно, что они принимают участие в этой, как её...

— В охоте,— подсказал Пиня.

— Вот именно, в охоте.

— Ничего не попишешь,— ответил Пиня.—
Такова жизнь.

Затем наступило молчание. Лежавший на газоне Пиня уставился в небо, на плывущие облака, а Доминик, понутив свою огромную голову, глубоко задумался над тем, что только что услышал. Думал он так, думал и наконец спросил совсем беззвучным голосом:

— Пиня, может ты скажешь мне ещё одну вещь?

— Пожалуйста!

— Только без вранья!

— Постараюсь.

— Ты должен сказать мне правду и только правду.

— Хорошо. В чём дело?

— Для меня это очень важно,— торжественно заявил Доминик.— Скажи, Пиня, на слонов тоже охотятся?

Пиня глубоко задумался и немного погодя ответил:

— Увы, мой дорогой Доминик, увы!.. На слонов тоже охотятся.

И вот после этого разговора Доминик просыпается утром, а поблизости — три ствола. Вы представляете себе, что он почувствовал в этот миг?

«Пришёл мой конец,— подумал Доминик.— Мне суждено погибнуть на охоте. Я спал, как дурак, а меня тем временем окружили... Теперь выхода нет. Прощайся с жизнью, Доминик! Сейчас ты услышишь «ба-бах»! Может, даже и не услышишь? Хоть с Пиней попрощаться!»

Доминик поднял хобот и затрубил что есть мочи:

— Пиининняаяаяая!

И тогда один из охотников заволновался:

— Что такое, чёрт побери, с этим микрофоном? Почему до сих пор не включён? Он заговорил, а микрофон не работает! Вот помощники!

Доминик не знал, что такое микрофон, да у него и не было времени задумываться над этим, потому что из дома уже выбежал Пиня в одной пижаме и спросил:

— Что случилось?

— Охота,— ответил Доминик.

— Где? — спросил Пиня, озираясь.

— Здесь!

— На кого?

— На меня,— ответил полным отчаяния голосом Доминик.

— С чего ты взял?

— То есть как с чего? Смотри: ты видишь ружья?

— Это вовсе не ружья,— ответил Пиня, протирая заспанные глаза.

— Не надо меня утешать...— скорбным голосом сказал Доминик.

— Говорю я тебе, это не ружья,— повторил Пиня.

— Не ружья, не ружья, что ж это такое?

— Телевизионные камеры.

— Впервые слышу,— изумился Доминик.— Значит, это не «ба-бах»?

— Какое там «ба-бах»!

— Значит, в меня не будут стрелять?

— Конечно, не будут, тебя будут фотографировать, вернее, снимать в кино.

— Зачем?

— Не могу тебе точно сказать зачем, но, думаю, для того, чтобы показать тебя тем людям, которые тебя ещё не знают.

— Разве эти люди не могут прийти сюда? ,

— Все они тут не поместятся. Не больно-то велик наш садик.

— А как меня будут показывать?

— По телевизору.

— Вот как!

Весь этот разговор вёлся вполголоса, и руководитель съёмочной группы, который . тем временем направился к Доминику, не смог из его разговора уловить, вероятно, ни слова.

— Простите, пожалуйста,— обратился он к Пине,— кажется, я имею честь разговаривать с хозяином этого феноменального животного?

— Ага,— подтвердил Пиня.

— Моя фамилия Объективницкий, я руководитель съёмочной группы, которая готовит программу «Пробуждение слона». Ваш слон завоевал неслыханную популярность. Мы читали о славном подвиге пожарников. Потрясающе! Мы решили показать его нашим телезрителям. А так как мы стараемся действовать врасплох — с моей точки зрения, это лучший метод,— то мы позволили себе незаметно, с раннего утра, установить камеры возле слона. Поразительным было пробуждение этого величественного животного...

— Его зовут Доминик,— прервал Пиня Объективницкого,— а меня зовут Пиня.

— Очень приятно,— ответил Объективницкий и тотчас вернулся к своей прежней мысли.— Итак, я сказал: поразительным было пробуждение этого величественного животного. Нашим микрофонам не удалось, увы, уловить его голоса, а это было бы, смею сказать, настоящим событием! Больше того, это было бы событием в мировом масштабе! Если бы Доминик изволил повторить свой крик ещё раз, мы были бы ему чрезвычайно признательны.

— Повторишь? — спросил Пиня у Доминика. Но Доминик ничего не ответил, только покачал головой.

И это была, как мне кажется, положительная черта его характера. Доминик не любил красоваться. Он мог при желании поболтать о том о сём с Пиней, но не ощущал ни малейшей охоты блистать своим красноречием даже перед миллионами телезрителей.

— Разве это так трудно? — воскликнул Объективницкий.— Хорошо бы повлиять на него...— Он вопросительно посмотрел на Пиню.

— Может, передумаешь, Доминик? — снова обратился к слону Пиня.

Но Доминик опять помотал головой.

— Видите, ничего не выходит.— И Пиня развёл руками.— Если заупрямится, его не переубедишь.

— Ничего не поделаешь,— вздохнул Объективницкий,— значит, Тафтуся придётся прогнать в три шеи.

— Кто такой Тафтусь? — несмело спросил Пиня.

— Звукооператор, мой мальчик, звукооператор. Он не включил вовремя микрофона, из-за него пропал самый главный эффект,— пояснил Объективницкий.— Завтра можете не приходить в студию, Тафтусь! — крикнул он одному из своих работников, который сидел в стороне с убитым видом.— Мне это уже надоело!

Тафтусь очень понравился Доминику. Ему вдруг стало жаль звукооператора, хоть он не вполне понимал, что значит звукооператор.

— Пиня...— шепнул Доминик.

— Что?

— Жаль мне его.

— Мне тоже.

— Наверно, это очень неприятно, когда гонят в три шеи.

— Наверно...

— Я до сих пор не могу забыть, как меня выгнали из аптеки...

— А меня чуть не выгнали из школы. Из-за Рыбчинского...

— Пиня...

— Ну что?

— Сделай чего-нибудь.

— Что именно?

— Понятия не имею. Поговори с руководителем.

— Будет он меня слушать...

— Если не будет, махну хоботом, опрокину все их камеры...

— Это ты брось,— сказал Пиня слону,— нельзя. Такая камера стоит кучу денег. Один раз перевернётся, потом уже не починишь.

— Тебе жалко этой дурацкой камеры,— рассердился Доминик,— а Тафтуса не жалеешь?

— Я-то жалею, а вот ты не жалеешь!

— Я? — изумился Доминик.

— Разумеется, ты. Если бы ты подал голос, как просил тебя руководитель, не было бы всей этой истории. Но ты упрям, ты всё время мотал головой: дескать, нет и нет.

— Пиня...

— Что?

— Так я повторяю...— прошептал Доминик.— Скажи им, что я повторяю.

— Послушайте,— сказал Пиня, — Доминик согласен, он повторит!

— Повторит? Великолепно! — завопил вне себя от радости Объективницкий.— Внимание! Приготовить камеры. Тафтусь, включайте микрофон!

— Уже включён! — со вздохом облегчения сказал Тафтусь. Его лицо расплылось в улыбке.

— Раз, два, три! Начинаем! Пожалуйста! — крикнул руководитель и подал знак Доминику.

Доминик набрал в грудь побольше воздуха и как можно громче завопил:

— Пиинняяяяяяя!

За забором собралась толпа, люди с любопытством следили за телевизионной передачей с красавцем Домиником в главной роли. Точно такую же сцену увидели и миллионы зрителей на экранах своих телевизоров. Телевизионная передача «Пробуждение слона» имела грандиозный успех. В студию было прислано множество писем, все очень хвалили Доминика.

XIII

Как по воде всё шире расходятся круги от брошенного камня, так всё шире расходилась молва о Доминике.

Сперва о нём знали только в Пининой семье, потом во всём доме, потом во всём районе, потом во всём городе, пока, наконец, телевидение не прославило его на всю страну. Но и это ещё не конец!

Не знаю, то ли по радио, то ли из газет, то ли старым испытанным способом «послушал — передай дальше», только о Доминике пронюхал мистер Грейтест.

Мистер Грейтест узнал, что есть такая страна, что в этой стране есть такой город, что в этом городе есть такой район, где живёт мальчик, у которого есть живой фарфоровый слон, белый-белый и вдобавок больше всех слонов, населявших когда-либо нашу планету.

Узнав об этом, мистер Грейтест тотчас утратил сон и аппетит. Ничто было ему не мило: ни бананы, ни апельсины, ни кокосовые орехи, ни халва, ни шоколад, ни ананасное мороженое, которое он когда-то так сильно любил, что мог съесть восемь порций подряд. А когда ночью ложился спать, к нему не шёл сон. Бедный мистер Грейтест волчком вертелся в постели, вздыхал, бормотал, закрывал глаза — напрасно! Сон так и не приходил.

Прошло несколько дней. Мистер Грейтест исхудал, побледнел. Наконец он вызвал своего секретаря.

Секретарь был тощий, высокий, одевался во всё чёрное.

— Вы меня звали? — осведомился он, входя в спальню мистера Грейтеста.

Надо вам сказать, что мистер Грейтест так ослаб от недоедания и бессонницы, что уже не вставал с постели.

— Да, я звал вас, — шёпотом отозвался мистер Грейтест.

— Я в вашем распоряжении, — сказал секретарь.

— Видите, на кого я стал похож? — спросил мистер Грейтест.

— Вижу. Выглядите неважно, сэр.

— А вы знаете, почему я так выгляжу?

— Догадываюсь, — почтительно ответил секретарь.

— Я был здоров как бык. Помните?

— Помню, — поспешно согласился секретарь.

— У меня был прекрасный аппетит, не так ли?

— О, совершенно исключительный!

— Я мог спать по пятнадцать часов в сутки!

— Иногда даже по пятнадцать с половиной, — уточнил секретарь и раболепно поклонился.

— Вот именно! — подтвердил мистер Грейтест. — А теперь? Я стал другим человеком.

— Прикажете позвать докторов, сэр?

— Зачем они мне, друг мой?

— Доктора дадут советы...

— Я не говорю, что они не умеют лечить болезни, — заявил Грейтест, — но у меня нет ни гриппа, ни ангины, ни воспаления лёгких.

— Может быть, будучи здоровым, сэр, — рискнул заметить секретарь, — может быть, будучи здоровым, вы просто почувствовали себя неважно?

— Будучи здоровым?! Я?! — рявкнул мистер Грейтест и даже сел на кровати. — Как вы смеете говорить такие вещи? Я вам категорически заявляю, что я тяжело болен, вы меня понимаете?

— Понимаю, — покорно согласился секретарь.

— Я тяжело болен, и знаете, какова моя болезнь?

— Боюсь, мне не угадать, сэр.

— Тогда я вам скажу. Слоновая. Я заболел слоном.

— Этим белым слоном?

— Вот именно, этим белым. И вы знаете, кто меня заразил?

— Надеюсь, не я, — пытался уклониться от неприятного разговора секретарь.

— Именно вы. Вы принесли мне эту весть.

— Вы сами велели, чтоб я вам докладывал о всех редких животных на земном шаре, сэр.

— Ну ладно, ладно, — прервал секретаря мистер Грейтест. — Так мне и надо. Вы раздобыли ещё какие-нибудь сведения?

— Я пытался, сэр.

— Ну и что? Знаете вы, по крайней мере, как его зовут?

— Я заказал межконтинентальный телефонный разговор, сэр. Это стоило...

— Сколько это стоило, меня не интересует. Говорите, как его зовут?

— Доминик.

— Доминик? — переспросил мистер Грейтест.

— Так мне сообщили.

— Имя, признаюсь, удачное, — заметил мистер Грейтест.

— Да, приятное. Я бы даже сказал, в хорошем вкусе.

— Ну и ещё что? Кто его теперешний хозяин?

— Некий Пиня.

— Это фамилия? — спросил мистер Грейтест.

— Нет, скорей имя, — пояснил секретарь.

— Не встречал ещё такого имени, — сказал мистер Грейтест. — Но не в этом дело! Его хозяин старик или человек средних лет?

— Насколько мне известно, — поспешил сообщить секретарь, — это несовершеннолетний.

— Это, может быть, даже лучше, — заметил мистер Грейтест, — с несовершеннолетним легче договориться о цене. Что вы узнали ещё?

— Я достал адрес.

— Bravo! Это далеко отсюда?

— К сожалению, довольно далеко, мистер Грейтест. Это в самом центре Европы.

— Немедленно узнайте, когда с нашего острова отплывает туда ближайший пароход.

— Я уже справлялся, — с готовностью залепетал секретарь. — Пароход отплывает послезавтра, сэр.

— Надеюсь, вы заказали два билета — для меня и для себя?

— Заказал, сэр.

— Расскажите что-нибудь ещё про этого слона. Известны ли его точные размеры?

— Точные размеры, к сожалению, узнать не удалось, но, судя по слухам, циркулирующим в Европе среди специалистов, это самый большой слон из всех слонов, которых когда-либо видел человек.

— А насчёт белизны? Действительно ли он такой белый? Может, он немножко сероват?

— Говорят, он абсолютно белый, сэр. Белый, как самый белый фарфор.

— Чем он занимается, помимо того, что он слон? Известно вам что-нибудь на этот счёт?

— Я слышал, он актёр.

— Что вы говорите!

— Такие слухи ходят в Европе.

— Если это правда, бессонница мне обеспечена, наверно, ещё на полгода,— заявил мистер Грейтест.— Интересно, где он выступает?

— Говорят, по телевидению.

— По телевидению? Значит, он очень популярен. Телевидение способствует популярности, мой друг, вы, наверно, со мной согласны?

— Разумеется, сэр.

— А теперь дайте руку! Я попробую встать. Оденусь и пройду по своему зоопарку. Не кажется ли вам, что пора выбрать место для Доминика.

— Разумеется, сэр. Нельзя откладывать всё на последний день. Когда мы его добудем,— а я уверен, что вам это удастся, так как удача вам до сих пор во всём сопутствовала,— место для него будет уже приготовлено, сэр.

— Мы приготовим ему великолепное жилище: дом, отдельную виллу, что-то в этом роде,— заявил мистер Грейтест, одеваясь.

— Только эта вилла должна быть очень большой.

— Разумеется, она будет большой! — воскликнул мистер Грейтест.— Это будет самая большая вилла в мире! Около виллы мы устроим вольеру.

— Прекрасная мысль! — поспешил согласиться секретарь.

— А в день встречи повесим плакат с надписью: «Добро пожаловать, Доминик!»

— Можно ещё заказать оркестр,— подсказал секретарь.

— Оркестр? — задумался мистер Грейтест.— Может, он боится оркестра?

— Как актёр может бояться оркестра?

— Вы совершенно правы, друг мой. Я совсем забыл, что Доминик актёр. Ну, пошли?

И они вышли из великолепного дворца, где жил мистер Грейтест, в великолепный парк, окружавший этот дворец.

Очень долго шли они по великолепным аллеям этого великолепного парка, пока не дошли до великолепных железных ворот, над которыми красовалась великолепная надпись:

*ЧАСТНЫЙ ЗООПАРК
МИСТЕРА ГРЕЙТЕСТА*

Мистер Грейтест нажал невидимую кнопку, и ворота бесшумно распахнулись.

Не жалея ни сил, ни денег для пополнения своей живой коллекции, мистер Грейтест собрал в зоопарке зверей со всех концов света.

Там была самая большая жирафа, которая была в три раза выше других жираф, самый большой лев, самый большой тигр, самый большой ёж, самый большой осёл, самая большая антилопа, самая большая корова, самая большая обезьяна и много-много других самых больших зверей.

Даже среди мелких зверей мистер Грейтест

ухитрился собрать самые большие экземпляры. Украшением его парка была самая большая в мире блоха. Звали её Аделаида. Она жила в золотой клетке размером с большую комнату. Когда начинал накрапывать дождь, над клеткой автоматически открывался сделанный из пластика зонтик.

Была ли Аделаида действительно большой? Она никак не могла быть маленькой, потому что это была самая большая блоха на свете! Она была размером со сдобную булку.

Она прыгала выше, чем рекордсмен мира по прыжкам с шестом, и дальше, чем рекордсмен мира в тройном прыжке. Аделаида была гордостью мистера Грейтеста.

— Как вы полагаете, Доминика мы поместим где-нибудь поблизости от Аделаиды? — осведомился Грейтест у секретаря.

— Прекрасная мысль! — подхватил секретарь. — Получится прекрасная пара, все будут вам завидовать!

XIV

Лето в этом году выдалось знойное. Кто остался в городе, тот с тоской ждал воскресенья, чтобы с утра отправиться на загородную прогулку. Людей манили реки, луга, деревья. Как хорошо поваляться в тенистой рощице, побродить в одних трусах вдоль реки, подышать чистым воздухом, половить рыбу, поспать или посидеть просто так, глядя на плывущие по небу облака! В воскресенье весь город удирал за город. Кто как мог.

Ехали на поезде, на трамвае, на велосипеде, на мотоцикле, шли пешком. На вокзалах и на шоссе была ужасная давка.

Удобнее всего следить за таким передвижением сверху. Представим себе, что мы в центре города: с площади поднимаемся на воздушном шаре всё выше и выше, ещё чуть повыше, и вот мы уже на высоте пяти или, скажем, десяти километров над городом. Мы смотрим оттуда вниз. И что мы видим?

Мы видим разбегающиеся от города во все стороны железнодорожные пути и шоссе. По путям мчатся друг за другом поезда, они останавливаются среди полей и лесов на маленьких станциях, из вагонов выходят толпами горожане, паровозы пускают клубы чёрного дыма и, набирая скорость, мчатся дальше и дальше.

На шоссе всё выглядит примерно так же. Так же, да не совсем. Машины и мотоциклы движутся гуськом. Одни быстрее, другие медленнее. Но нам с нашего воздушного шара не ощутить спешки. Нам сверху кажется, что всё шоссе заставлено цветными коробочками. Двигутся коробочки, движутся, пока одной из них не наскучит это движение и она, свернув в сторону, не исчезнет под шапками деревьев.

Чем дальше от города, тем меньше цветных коробочек на шоссе. В конце концов все разъезжаются в разные стороны, и шоссе пустеет.

Но кроме железнодорожных путей и шоссе есть ещё и тропинки. На тропинках мы тоже видим немало людей, они хотят поскорее добраться до какого-нибудь живописного уголка. Тропинки петляют среди полей. Кажется, идущие по ним люди нарочно изображают гигантского змея и затеяли хоровод, как это делают иногда на переменке или зимой на катке ребята.

Всмотримся ещё раз в эту картину — наш шар приземляется. Я проторчал бы с вами в воздухе

целый день, но, к сожалению, не могу: обещал Пине, что в воскресенье утром забегу к нему на минуту — узнаю, как он поживает. Хотите, пойдём вместе? Пожалуйста!

Внимание! Наш шар приземляется... Все вышли? Порядок! А теперь перенесёмся в Пинин дом. Напоминаю: воскресенье, семь часов утра. Пинин папа только что повесил телефонную трубку.

— Безнадёжное дело, — заявил он.

— Ты о чём? — спросила мама.

— У Дарковского испортился автомобиль, — пояснил расстроенный папа.

— Может, ещё починит, — попыталась утешить его мама.

— Дарковский ничего не понимает в машинах, — ответил отец. — Впрочем, судя по его словам, дело серьёзное. Какие-то там клапаны у него забиты.

— У Дарковского забиты клапаны, а у нас забиты поезда. Вижу, что из прогулки за город ничего не получится, — сказала мама. — А я всю неделю мечтала об отдыхе!

— Ничем, к сожалению, не могу помочь. Мы зависим от Дарковского. Ничего не попишешь...

— А я уже приготовила бутерброды... — жалобно сказала мама.

— А я — удочки, — добавил отец.

— Я уже и чай налила в термос, — вздыхая, приговаривала мама.

— А я уже и червей накопал, — вторил ей отец.

— Был бы у нас мотоцикл! — воскликнула мама.

— По крайней мере, хоть три велосипеда! — отозвался отец.

— Но у нас ничего нет! — сказала мама.

— Нет ничего такого, на чём можно ехать,— присоединился к ней отец.

— Есть, есть!— крикнул Пиня.

— Что у нас есть?— спросил у него отец.

— Слоны! На слонах очень удобно ездить!

— А ведь правда,— поддержал Пиню отец.— В Индии, например, магараджи ездят на слонах...

— Вот именно!— сказал Пиня.

— Да, но ездят ли на слонах на прогулки?— засомневалась мама.

— А какая разница? Если можно ехать на слоне на церемонию, значит, можно ехать на слоне и на прогулку. Слоновая езда всегда полезна,— ответил Пиня.

— Слоновая езда? Что это значит?— спросила Пинина мама.

— Бывает конная езда, и бывает слонная,— пояснил матери Пиня.

— Он абсолютно прав,— тут же сказал отец.— Если мы едем на коне, значит, мы занимаемся конной ездой; если на слоне, то слонной. Логично!

— Поехали за город на слоне!— снова крикнул Пиня.

— Поехали!— согласился отец, который любил всё необычное.

— А как мы на него заберёмся?— с беспокойством спросила мама.

— По лесенке,— ответил Пиня.

— Ладно...— сказала мама.— Только оттуда очень легко свалиться.

— Я всё уже обдумал,— не без хвастовства заявил Пиня.— На спину Доминику мы поставим наш старый диван. Привяжем его верёвками и усядемся сверху.

— Есть только одно «но»,— сказал Пинин

отец, почёсывая затылок.— Согласится ли твой Доминик?

— Это уж я беру на себя! Я уверен, ему тоже захочется погулять за городом. Я сейчас!— крикнул Пиня и выбежал в сад.

— Привет, Доминик!— сказал он слону, хлопывая его по хоботу.

— Привет!— отозвался Доминик.

— Скажи, ты, случайно, не скучаешь?

— Немножко скучаю,— ответил Доминик.

— Послушай-ка, слон, а что, если нам проехаться за город, а?

— Это можно. Отчего ж...— согласился Доминик.

— Надо только кого-нибудь прихватить с собой...

— Что ж... Прихватим.

— Ещё человек двух.

— Тяжёлые?— спросил Доминик.

— Довольно тяжёлые.

— Кто такие?

— Мама и папа.

— Не может быть разговора. Конечно, прихватим,— заверил Пиню Доминик.

— Но это ещё не всё...

— А что ещё?

— Надо ещё взять диван.

— Диван? Зачем?— удивился Доминик.

— Чтоб мама и папа могли на что-нибудь сесть,— объяснил Пиня.— Я, например, могу сидеть где попало, скажем, на твоей голове...

— Моя голова — это не «где попало»,— обиделся Доминик.

— Прости, пожалуйста!— воскликнул Пиня.— Я совсем не хотел тебя обидеть, это у меня вы-

рвалось нечаянно. Я только хотел сказать, что я не капризный, вот и всё. Только это я хотел сказать, честное слово!

— Ну ладно, ладно,— успокоил Пиню Доминик.— Я согласен на диван.

Пиня поднялся наверх.

— Всё в порядке!

— Всё в порядке?— спросили одновременно мама и папа.

— Всё в порядке! Едем за город.

— Значит, займёмся слонной ездой?

— Слонной,— подтвердил Пиня.— Сейчас мы с папой установим на Доминике диван.

Со своей нелёгкой задачей отец и Пиня справились в мгновение ока. Им пришлось, правда, при этом решить целый ряд технических вопросов. Но выручила смекалка. Да и Доминик помог, выдержка у него была редкая.

Следует признать, что с диваном на спине Доминик выглядел весьма и весьма внушительно. Спинка дивана делала ещё больше его и без того огромное тело.

Да и сам диван на спине у Доминика чувствовал себя превосходно. К своей новой роли он отнёсся как к повышению. И действительно, вот уж повышение в полном смысле этого слова. Красная обивка дивана побагровела от удовлетворения и гордости! Ах, если б его видели другие диваны, его родственники и знакомые! Они всю жизнь проводят в тёмных углах, им ни разу в жизни не суждено пережить ни одного приключения. Они даже понятия не имеют, что такое слон!

Отец побежал наверх за мамой, и минуту спустя они вместе появились в саду. У мамы в

руках была большая корзинка с бутербродами, редиской, сваренными вкрутую яйцами, термосами, лимонадом, конфетами и черешней; отец нёс удочки.

Пиня приставил к Доминику лестницу. Сначала поднялась мама, за ней папа. Потом Пиня убрал лестницу. Доминик встал на колени, обхватил Пиню хоботом и посадил себе на голову, как раз на самую середину между своими большими, красивыми ушами.

Когда Доминик встал на колени, Пинина мама громко вскрикнула:

— Ой!

Диван сильно накренился, и она едва не упала.

Но стоило Доминику выпрямиться и встать на все четыре ступни, как Пинина мама уселась поудобнее на диване и сказала, посмотрев мужу в глаза:

— Здесь очень мило, не правда ли?

— Правда,— ответил папа и потом сказал Пине:— Поехали!

Пиня потрепал Доминика по голове, наклонился к уху и шепнул:

— Послушай-ка, Доминик, мне очень стыдно, но я не знаю, как сказать слону, чтоб он двинулся с места. Лошади говорят: «Но». А слону?

— Говори что хочешь,— так же шёпотом ответил Доминик, который тоже понятия не имел, что полагается говорить в таких случаях.

— Может, достаточно просто чмокнуть?

— Конечно, достаточно,— ответил Доминик.— Только я тебя прошу: чмокни погромче!

— Будь спокоен!

И Пиня действительно чмокнул что надо. Доминик тотчас тронулся в путь.

— Ты только посмотри, как он его слушается,— шепнула Пинина мама Пинину папе.

Тем временем Доминик выехал, если так можно выразиться, из сада и величественно двинулся по улицам. Город, собственно, был почти пуст, потому что все отправились подышать свежим воздухом. Но те, кто не уехал, так и застыли от изумления в распахнутых настежь окнах. Некоторые выбежали даже на балконы, заслышав мерный гул шагов Доминика.

На шоссе запоздалые автомобили время от времени обгоняли Доминика. Опасаясь столкнуться со слонем, они то и дело сигналили.

Конечно, когда тебя обгоняют, это не очень-то приятно. Но ничего не поделаешь: Доминик был прекрасным средством передвижения, однако большой скорости развить не мог.

Зато когда прибыли на место, обнаружилось все хорошие качества Доминика. Прежде всего он устроил своим пассажирам на берегу реки замечательный душ. Обгонявшие Доминика автомобилисты с завистью поглядывали теперь, как он поливает Пиню, мать и отца. На их долю из этого душа не досталось ни капельки. А потом, в полдень, когда деревья дают меньше всего тени (деревьев, кстати, было немного, и под каждым из них отдыхающие устроили давку), Доминик пригласил Пиню и его родителей под своё брюхо. Тень там была широкая. Все трое улеглись под Домиником, и, надо сказать, даже свободное место еще осталось.

— Чудесно!— со вздохом произнесла Пинина мама.

А Доминик стоял невозмутимо и хоботом отгонял мух.

С тех пор они каждое воскресенье выезжали за город на Доминике. Все к этому так привыкли, что не представляли себе воскресного отдыха по-иному. Доминику это тоже очень нравилось. Сбылись наконец его давнишние мечты: он стал познавать мир! Каждый раз они ездили на новое место. То ближе, то дальше. Впрочем, всё зависело от маршрута, который намечали в субботу вечером. Ведь самое главное — знать, куда ты собираешься ехать. Тогда ты не будешь блуждать без толку, спрашивая поминутно о дороге, а рванёшь прямо к цели. Может, слово «рванёшь» в отношении Доминика не самое меткое, прошу, однако, в этом смысле не иметь к автору претензий. Автор повторяет только то, что услышал от Пини. А Пиня, намечая маршрут, выражался чаще всего именно так. Кроме слова «рвануть», Пиня употреблял также многие другие глаголы. Он говорил, например:

— Завтра, Доминик, мы отчалим на озеро!

Или:

— Готовься. В воскресенье утром слетаем в Навратовицы!

Или:

— В ближайшее воскресенье рванём в Лапки!

Или:

— Что бы ты сказал, Доминик, если б мы двинули в Филютков?

Или:

— Газанём завтра на Вислу, на то самое место, где папа поймал того большого сома!

Согласитесь, что эти выражения подходили больше для автомобильных гонок или для реактивных самолётов, чем для Доминика, который, как мы знаем, двигался по шоссе с весьма уме-

ренной скоростью, равной приблизительно тысяче слоно-шагов в час.

Может, именно потому, что Доминик был не слишком скор и каждый мог его без труда обогнать, он и завоевал популярность на всех дорогах.

Шофёры, высунувшись из автомобиля, кричали:

— Здорово, толстяк!

Пассажиры автобуса уже издали махали Доминику.

Доминик выглядел на шоссе великолепно — второго такого экскурсионного слона нигде не было; больше того, никто и не слыхивал, чтоб где-нибудь на свете было нечто подобное. Появилась мода на слонов. Многие, ложась спать, думали о том, что не худо бы завести такого слона, как Доминик, и разъезжать на нём всюду, на зависть своим знакомым. Время от времени в газетах появлялось объявление:

С р о ч н о   к у п л ю   Э К С К У Р С И О Н Н О Г О   С Л О Н А
Ч Е Т Ы Р Ё Х - П Я Т И М Е С Т Н О Г О
Ж Е Л А Т Е Л Ь Н О   Б Е Л О Г О   Ц В Е Т А

Предложения направлять по такому-то адресу

Объявлений было множество, но слона никто не продавал, потому что подходящего слона нигде не было. Когда все это поняли, популярность Доминика возросла ещё больше. Доминик был один-единственный.

К его чести следует сказать, что он был по-прежнему очень скромн, не кичился и не ходил, задрав кверху хобот.

Вёл он себя очень тихо даже тогда, когда их задержала милиция, Дело было так.

Пинин папа, Пинина мама и Пиня возвраща-

лись однажды из очередной воскресной прогулки за город. Наступил вечер, становилось всё темнее. Дневной зной сменился приятной прохладой. Мама и папа, расположившись на старом диване, дремали, убаюканные мерным колыханием шагов Доминика. Пиня, как всегда, сидел между ушами и оттуда управлял слонем, точно водитель автобуса. Движение на шоссе было большое — все возвращались в город. Внезапно, опередив Доминика, перед самым его носом резко затормозил мотоцикл, с мотоцикла соскочило двое милиционеров в белых шлемах.

— Кто водитель?— крикнул один из них.

— Я,— дрожащим голосом ответил Пиня.

— Почему ездите без сигналов? Уже темно,— сказал второй.

— У него никогда не бывает сигналов,— ответил Пиня,— я знаю его давно.

— Платите штраф,— буркнул первый милиционер.

— Нельзя в темноте ездить без сигналов,— добавил второй.

— Сейчас составим протокол,— сказал первый, вынимая из кармана толстый блокнот и карандаш.— Как называется ваше средство передвижения?

— Слон,— пояснил Пиня.

— Модель?

— Доминик,— ответил Пиня, который не знал, что и отвечать.

— Год выпуска?

— Понятия не имею, только он очень старый.

— Тормоза хорошие?

— Думаю, что хорошие,— ответил Пиня.

— А покрышки?

— Тоже.

— Максимальная скорость?

— Тысяча слоно-шагов в час.

— Сколько это по-нашему?

— Шесть-семь километров,— пояснил Пиня.

— Регистрационный номер?

Пиня ничего не ответил.

— Я спрашиваю, под каким номером он зарегистрирован?— повторил уже громче свой вопрос первый милиционер.

А Пиня ни слова. Молчит как убитый.

— Вы не слышите? К вам обращаются...— сказал второй.

— Видите ли...

— Что «видите ли»?

— Видите ли, у него нет номера...

— Как так нет?— изумился первый милиционер.

— Ещё не бывало, чтоб у средства передвижения не было номера,— заметил второй.

— А вот у Доминика нет,— сказал Пиня.

— О-о-о-о, это очень плохо,— покачал головой первый.

— Это ужасно!— добавил второй.

— Придётся наложить дополнительный штраф!— сказал первый.

— И поделом!— присоединился к нему второй.— Ни одно средство передвижения без регистрационного номера, да вдобавок без сигналов, не должно появляться на дороге. Повторите!

— Ни одно средство передвижения без регистрационного номера, да вдобавок без сигналов, не должно появляться на дороге,— повторил Пиня.

— Платите сто злотых,— сказал первый милиционер.

— Мы ещё мало берём с вас. Можете быть довольны,— сказал второй.— Снова поймаете — вклеим больше.

- Видите ли...
- Что «видите ли»?
- Видите ли, у меня нет денег...
- Займите.
- У кого?
- Это уж не наше дело.

В этот момент Доминик стал потихоньку тереть хоботом папу. Тот крепко спал и не слышал всего этого разговора.

Папа протёр глаза и с высоты своего дивана увидел в темноте два белых шлема.

— Что произошло?— спросил он вежливо.

— Пришлось наложить штраф,— сказал первый милиционер.— Водитель этого слона,— и тут он указал на Пиню,— заявил нам, что у него нет при себе денег.

— А за что штраф?— спросил Пинин отец.

— За езду ночью без сигналов,— сказал первый милиционер.

— За езду без регистрационного номера как днём, так и ночью,— добавил второй.

— Какую сумму вы требуете?— спросил отец.

— Сто злотых.

— Пожалуйста, вот сто злотых,— сказал Пинин отец, доставая из бумажника красную продолговатую бумажку.

— Вот квитанция,— сказал первый милиционер и вырвал листок из блокнота, отметив предвзвешенно на нём характер нарушения.

— Не советуем на будущее пользоваться слонем в таком состоянии,— предостерег второй милиционер.— До свидания!

Милиционеры завели мотоцикл, вскочили на него и укатили. Меж тем все машины уже проехали, и Доминик величественно зашагал в город по пустому шоссе. Это происшествие несколько его огорчило, и он покачивался на ходу больше

обычного. Разумеется, сигналов у Доминика не было, но, по счастью, он был такой белый, что все без труда различали его в темноте не хуже, чем шлемы милиционеров, которые маячили перед ними вдалеке на шоссе, пока не скрылись наконец из виду. Может, даже ещё лучше.

— Папа...— сказал Пиня.

— Ну, что?

— Ты спишь?

— Нет.

— А мама?

— Мама спит.

— Как ты думаешь, она спала всё время?

— Думаю, спала,— ответил отец.

— Ты ей ничего не говори...

— О чём?— спросил отец.

— Об этих ста золотых.

XVI

Всё шло прекрасно, пока однажды утром не появилась комиссия. Комиссия состояла из трёх человек, все трое были очень важные. Комиссия появилась в саду, где жил Доминик. Она покрутилась-покрутилась по саду, посмотрела на Доминика издали (ближе подойти комиссия побоялась), пошептала, посоветовалась о чём-то, и устами одного из её членов — как видно, самого главного — комиссия спросила:

— Чей слон?

— Пинин,— вежливо ответила соседка, которая как раз в это время возвращалась с покупками домой.

— Кто такой Пиня?— спросил другой член комиссии.

- Очень симпатичный мальчик,— охотно
объяснила соседка.
- Совершеннолетний?
- Думаю, нет,— ответила соседка.
- Отец у него есть?
- Есть.
- Мать есть?
- Есть.
- Ну и что они по этому поводу?
- По какому поводу?
- То есть как «по какому»? По поводу слона.
- Ничего.
- То есть как «ничего»? Совсем ничего?
- Совсем.
- А что вы лично об этом думаете?
- О чём?
- Да о слоне.
- Ничего не думаю.
- А ваш муж?
- Тоже ничего не думает.
- А что говорят в связи с этим другие соседи?
- Ничего не говорят.
- Соглашаются, чтобы тут жил слон?— спросили разом все три члена комиссии.
- Почему бы им не согласиться?— ответила соседка.— Слон спокойный, никого не обижает, вреда не приносит, вот они и не возражают. Все его даже очень любят,— добавила она.
- Подумать только!— воскликнул самый главный из комиссии.
- В голове не помещается!— воскликнул второй.
- Н-н-у и дела!— воскликнул третий, который заикался, стоило ему разволноваться.
- Где живёт этот Пиня?— спросил главный.
- Здесь, на втором этаже.— И соседка показала на окна Пининой квартиры.

— Можете вызвать его сюда?

— Пожалуйста,— сказала соседка и принялась кричать:— Пиня! Пиня! Тут пришли к тебе какие-то граждане!

Пиня высунулся из окна и громко крикнул в ответ:

— Бегу!

Через секунду он стоял уже перед комиссией.

— Пиня!— представился он.

— А мы комиссия,— сказали три очень важных человека.

— Чем могу быть полезен?— осведомился Пиня.

— Мы насчёт слона,— ответил самый главный и указал пальцем на Доминика.

— Хороший слон, верно?— с гордостью спросил Пиня.

— Возможно,— ответил, значительно крикнув, самый главный.— Но речь не о том. Тут дело серьёзное...

— О-о-о!— В Пинином голосе зазвучало беспокойство.— Доминик что-нибудь натворил? Ты натворил что-нибудь, Доминик?— обратился он к слону, невозмутимо стоявшему поодаль.

Доминик только помотал головой, а потом, взмахнув вправо и влево своим огромным хоботом, громко спросил:

— С чего бы?

Члены комиссии с изумлением переглянулись.

— Что за шутки?— рявкнул самый главный.

— Какие шутки?— спросил Пиня.

— Издеваешься над нами?— крикнул второй.

— Д-д-д-д-дурака валяшь!— крикнул третий, самый тупой. Когда было не надо, он прибавлял к слову лишнюю букву, а когда было надо — наоборот, её проглатывал.

— Совсем не валяю,— ответил Пиня, кото-

рого всё больше и больше пугал этот разговор.

— Если ты чревовещатель, иди в цирк, только там такие нужны!— заявил первый.

— Если только там будут ему платить!— присоединился к нему второй.

— В ла-ла-ладошки тебе хлопать бум,— сказал третий.

— Я совсем не чревовещатель...— начал было Пиня.

— С чего бы тебе тогда говорить «с чего бы»?— прервал его самый главный.

— Это не я, это слон.

— Не з-з-з-з-заговаривай, понимаешь, зубы,— сказал тупица.

— Это чистая правда,— взмолился Пиня,— Доминик у меня умеет разговаривать не хуже, чем вы!

— Как ты смеешь нас оскорблять?— прорычал самый главный.

— Я могу сказать всё что угодно,— заговорил опять Доминик.

Комиссия оцепенела. А из пасти Доминика слова посыпались, как из рога изобилия:

— Чей это слон? Кто такой этот Пиня? Совершеннолетний? Отец у него есть? Мать есть? Ну, и что они по этому поводу? По какому поводу? По поводу слона. Как, совсем ничего? А что вы лично об этом думаете? А ваш муж? А что говорят в связи с этим другие соседи? Соглашаются без возражений со слонем? Подумать! В голове не помещается! Где живёт этот Пиня? Вы можете вызвать его сюда? А мы комиссия. Мы пришли насчёт вот этого слона. Возможно, но не о том речь. Дело довольно серьезное... Что за шутки? Дурака валяешь? Если ты чревовещатель, иди в цирк, только там такие нужны! Если

только там будут ему платить! В ла-ла-ладошки хлопать бум! С чего бы тебе говорить тогда «с чего бы»? Не з-з-з-з-заговаривай, понимаешь, зубы! Как смеешь нас оскорблять?

— Ну, что вы на это скажете?— с триумфом спросил Пиня.— Верно, он умеет говорить так же, как вы, верно?

— Это технический трюк!— шёпотом сказал самый главный.— В слона вмонтировали магнитофон с микрофоном. Всё, что мы говорили, было записано на плёнку, и теперь этот сопляк нам её проигрывает. Но мы ему этого не простим. Слон должен исчезнуть отсюда! Согласны?

— Ещё бы,— прошептал второй член комиссии.

— П-п-п-поневоле соглашайся,— заикаясь, пролепетал третий.

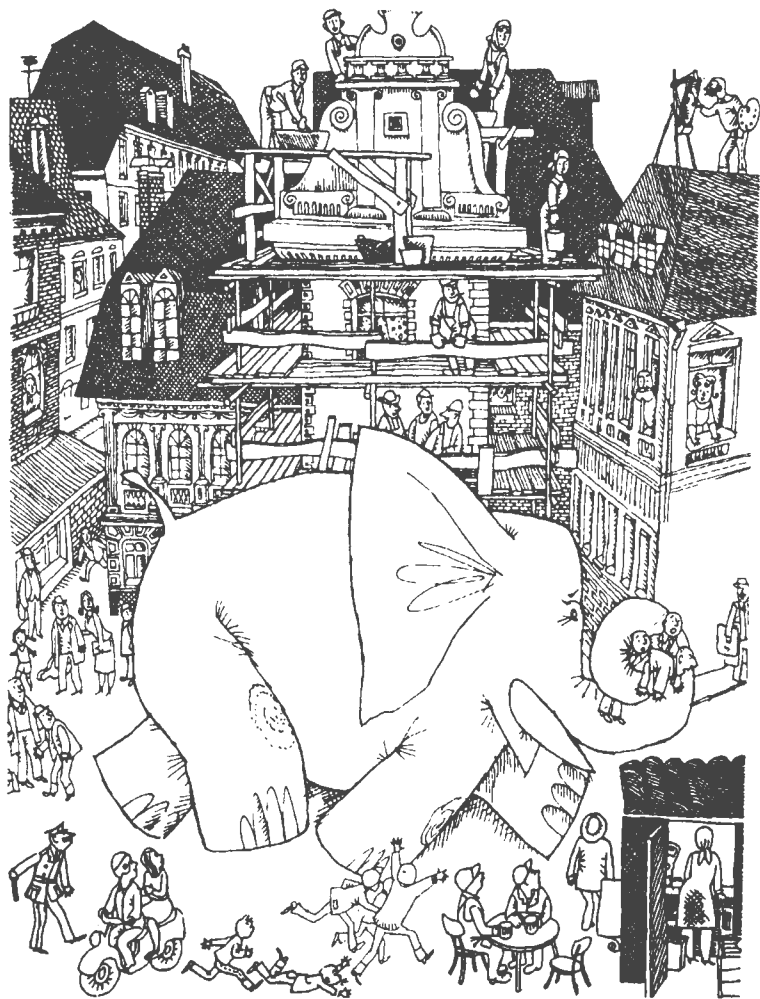
— Комиссия провела совещание,— громко сказал самый главный.— Вот результаты. Слона, по имени Доминик, надлежит в кратчайший срок изъять из сада, в коем он проживает безо всякого на то позволения: у вышеупомянутого слона нет жилищного ордера на вышеупомянутый сад. Помимо незаконного проживания в саду слон Доминик подозревается также в том, что в его внутренностях содержится магнитофон с микрофоном, каковую установку он применяет для затруднения работы комиссии. В связи с вышеизложенным комиссия после детального ознакомления с обстоятельствами дела пришла к выводу, что крайне необходимо перевести Доминика в такое место, где его присутствие не будет способствовать нарушению общественного порядка.

Пиня готов был расплакаться.

— Держать дома животных не запрещается!— сказал он сквозь слезы.

— Можно, можно,— сказал самый главный.—

Но не таких. Можно держать, например, кроликов...

— Или собачек,— добавил второй.

— Или б-б-б-белых мышей,— добавил третий, тупица.

— Или козочек...

— Или к-к-кабанчика...

— А также кошек...

— Рыбок...

— Даже корову...

— Или л-л-л-лошадку.

— Но только не слона,— сказал в заключение самый главный.

Тут Пиня разрыдался.

Пинины слёзы подействовали на Доминика, как красная тряпка действует на быка. Его доброе слоновье сердце было не в состоянии это перенести. Доминик решил расквитаться с теми, кто огорчил его горячо любимого друга. Незаметно, мелкими шажками, приблизился он сзади к членам комиссии, внезапно обхватил хоботом всех троих и поднял вверх.

Подняв комиссию на высоту второго этажа, Доминик вразвалку двинулся по саду.

— Доминик, Доминик!— бросился за ним Пиня.— Успокойся, Доминик! Не делай глупостей, умоляю тебя! Поставь комиссию на землю, успокойся!..

Но Пинины крики не произвели на слона ни малейшего впечатления. Впервые в жизни Доминик по-настоящему разъярился. Никакие угрозы не в силах были его остановить.

С комиссией в хоботе шёл Доминик по улицам города и грозно урчал. Так он добрался до главной площади, где стояла ратуша с тремя башнями.

До сих пор не удалось выяснить, как он это

сумел сделать, но факт остаётся фактом: одним взмахом хобота Доминик уместил каждого из членов комиссии на вершине отдельной башни.

На самой нижней очутился третий, который не мог от страха даже крикнуть по-настоящему и только повторял, как попугай:

— К-к-к-караул!

На средней башне оказался второй член комиссии. Без устали он вопил одно и то же:

— Я больше не буду! Я больше не буду!..

На третьей, самой высокой, украшенной золотым шаром, уместился начальник.

— погоди, слон, я тебе ещё покажу! Я тебе ещё покажу, слон!— кричал он.

Сбежались люди. Глядя на ратушу, они показывались со смеху. Потом пришлось вызвать пожарных и снять комиссию с башен.

Ещё раньше, чем это произошло, Доминик, хитро поблёскивая своими крохотными глазками, поклонился сидящим на башнях членам комиссии и сказал на прощание:

— До свидания, высокая комиссия!

XVII

Под мостом на металлической ферме сидел Хмурый и от скуки плевал в воду. Вот уже много дней подряд у него не было случая ничего украсть. Он чувствовал себя прескверно. Погружённый в печальные мысли, он даже не заметил, как появился Весельчак.

— Привет!— крикнул Весельчак.

— Привет!— машинально ответил Хмурый. Он поднял голову и только теперь узнал Весельчака.— А, это ты, Весельчак...

— Я, я.

— Где ты был?
— На поисках...
— Нашёл?
— Нашёл.
— Стоящее дело?
— Рот разинешь, когда узнаешь.
— Что же это такое?
— Пальчики оближешь.
— Ну говори, говори, Весельчак.
— Сокровище.
— Настоящее сокровище?
— Самое настоящее.
— Встречается часто?
— Как раз наоборот. Неслыханная редкость.
— Если редкость, тогда ты наверняка не
врёшь. Настоящие сокровища встречаются не
часто,— заметил задумчиво Хмурый и сквозь зу-
бы художественно сплюнул на воду.

Наступило молчание. Слышно было, как над
их головами перекатываются по мосту колёса
трамваев и автомобилей. Наконец заговорил Ве-
сельчак:

— Хмурый...
— Чего тебе?
— Чего ты такой хмурый?
— Я вовсе не хмурый, я думаю.
— О чём?
— Да об этом сокровище.
— И ни за что не догадаешься. Даже если бу-
дешь думать сто дней и сто ночей, всё равно не
догадаешься.
— Ну скажи, Весельчак, не мучай человека...
— В таком случае я попрошу тебя встать.
— Зачем?
— Такие сообщения надо выслушивать стоя.
И ещё одно: можешь ты хоть одну минуту не
плеваться?

- Это будет тяжело, но попробую. Так что же это?
- Держись, Хмурый. Услышишь — бухнешься в воду. Это сокровище... слон!
- Спятил!— заорал вне себя Хмурый.— Слона красть! Представь, я уже вижу, как ты удираешь вместе со слоном! Ха-ха!..
- Молчи! Ещё кто-нибудь услышит!
- Под мышку собираешься его взять или как?
- Молчи, Хмурый, не то получишь!
- Где ты его потом спрячешь? У тётки под кроватью?
- Молчи, болван!— рявкнул вдруг, рассердившись, Весельчак.— С чего ты взял, что я собираюсь украсть целого слона?
- Разве не всего?
- Только кусочек. Понимаешь, дуралей, кусочек!
- Ногу, хвост, ухо, хобот?— не унимался Хмурый.
- Бивни, болван, бивни.
- То есть как «бивни»?
- Послушай, Хмурый,— сказал Весельчак.— Ты что, действительно никогда не слышал о слоновой кости?
- Слышал. Слоновая кость очень дорогая.
- Вот именно! Ну что, в башке у тебя проясняется?
- Я слышал, что из слоновой кости делают разные ценные вещи,— принялся размышлять Хмурый.— Но какое отношение это имеет к делу?
- Я тебя убью...— прошипел Весельчак.— Представь себе, Хмурый, слоновьи бивни состоят как раз из слоновой кости.

— Из настоящей слоновой кости?— изумился Хмурый.

— Из настоящей!— крикнул Весельчак.— Из такой настоящей, что другой такой уже не бывает.

— Подумать только! Первый раз слышу!

— Вот я тебе и говорю: я нашёл слона, у которого такие замечательные бивни, каких ещё, наверно, свет не видывал.

— В зоопарке?

— Не в зоопарке, а в обыкновенном саду. В зоопарке сторожа, клетки, львы, всякие другие штуки, а здесь садик, вход прямо с улицы, забор не так чтоб очень высокий и даже, кажется, нет собаки. А в саду — слон. Огромный, белый. Бивни — как литые. А такое бывает редко, потому что слоны ломают их ещё в молодости.

— Большие бивни?— поинтересовался Хмурый.

— Не взвешивал. Так на вид двести — триста кило каждый.

— А почём она, слоновая кость?

— Тысячу злотых кило, а то и больше.

— Сейчас, сейчас...— прервал его Хмурый и принялся лихорадочно считать на пальцах.— Если они весят, положим, двести кило, это будет двести тысяч, а если триста, то триста тысяч.

— Точно!— подтвердил Весельчак.

— Знаешь что, Весельчак, мне хочется, чтобы они весили триста кило, а тебе?

— Мне тоже.

— Если они будут весить по триста кило, то получится вместе не меньше шестисот тысяч, а?

— Что-что, а считать ты умеешь,— протянул с уважением Весельчак.— Теперь дело только за инструментом.

— За клещами?

- Балда!
  - За плоскозубцами?
  - Остолоп!
  - Ну так за чем же? За гвоздодёром?
  - За пилой, баран, за пилой!
  - Зачем же нам пила?
  - Чтоб распилить бивни на части, деточка. Ты ведь триста кило не утащишь?
  - Нет, не утащу,— согласился Хмурый.
  - Вот видишь! Иметь дело с бивнями не так-то просто. Верно я говорю?
  - Верно.
  - Вот нам и нужна пила. Понятно?
  - Понятно!
- И Хмурый стал всё чаще и чаще сплёвывать на воду, что случалось с ним только тогда, когда он серьёзно задумывался. Наплёвавшись вволю, он сказал с хитрой улыбкой Весельчаку:
- Слушай, Весельчак, а что же, слон так и будет ждать, пока мы у него отпилим бивни, а?
  - Не понимаю,— ответил Весельчак.
  - Что же, он будет смирененько стоять и ждать? Может, ещё скажет: «Пили, пожалуйста, Весельчак, пили!» Так, что ли?
  - Хмурый!
  - Чего?
  - Я всё предвидел.
  - Попросишь хорошенько, и согласится?
  - Говорить я с ним не стану,— заметил Весельчак,— я его усыплю.
  - Споёшь колыбельную?
  - Смотри, как бы я тебе не спел колыбельную.
  - Убаюкаешь слоника?
  - Тебя убаюкаю.
  - Спи, мой слоник, спи, усни, баюшки-баю...
  - Убаюкаю, но только не так.

— Что это значит?

— А вот что: дам ему снотворного.

— Весельчак, ты гений!— завопил Хмурый.—
Только где ты возьмёшь снотворное?

— В аптеке.

— Деньги у тебя есть?

— Немного есть. Остальные дашь ты.

Оба, вывернув карманы, принялись доставать деньги.

— Слон большой, пилюль понадобится много, но денег нам, кажется, всё-таки хватит. Не на что только купить пилу,— заявил Весельчак, пересчитав деньги.

— Пилу придётся украсть: другого выхода нет,— заявил Хмурый.

Весельчак глянул на него с восхищением:

— Смотри-ка, Хмурый, котелок у тебя варит. Стоит только захотеть.

Приятели направились к центру города, намереваясь купить пилюль для Доминика и стянуть заодно где-нибудь подходящую пилу.

XVIII

Скупив сонные пилюли чуть ли не во всех аптеках города, Хмурый и Весельчак с набитыми карманами появились под вечер возле сада, где жил Доминик. С некоторых пор друзья Доминика, дети и взрослые, каждый вечер, если только была хорошая погода, приносили ему разные сласти. Стоило протянуть руку с конфетами, как откуда ни возьмись, появлялся Доминик, схватывал хоботом лакомый кусочек и, весело урча, отправлял его в улыбающуюся пасть. Как раз в тот момент, когда Хмурый и Весельчак входили в сад, друзья угощали Доминика лакомствами.

— Великолепно,— шепнул Весельчак Хмурому.— Мы дадим ему пилюли вместо конфет.

— Ага,— поддакнул Хмурый.

— Я думал, дело будет сложнее,— продолжал Весельчак.— Я думал, придётся пробираться в сад тайком...

— Ага,— поддакнул снова Хмурый.

— Вот сейчас мы подойдём к нему и как ни в чём не бывало сунем пилюли, а он — бай-бай...

— Хи-хи-хи...— захихикал Хмурый.

— Будь посерьёзней,— одёрнул его Весельчак.— Ты на работе, не строй из себя весельчака.

— Да ведь Весельчак — это ты,— заметил Хмурый.

— Я весельчак только потому, что у меня такая фамилия, а ты весельчак просто по глупости.

— Можешь не разоряться,— ответил Хмурый,— дай ему лучше поскорей пилюли.

— Погоди, время ещё есть,— шёпотом отозвался Весельчак.— Если мы дадим ему сейчас, он уснёт раньше времени, поднимется шум. Чего доброго, кто-нибудь догадается, в чём дело, вот мы и влипли! Мы угостим его пилюлями, когда по-настоящему стемнеет. А теперь давай подойдём поближе, погладим его по шее и хорошенько рассмотрим его бивни.

— Наши бивни,— также шёпотом поправил приятеля Хмурый.

— Конечно, наши,— согласился Весельчак.

— А который будет твой?

— Ещё не знаю. Наверно, тот, побольше,— ответил Весельчак.

— Никогда не делишься поровну...— застонал от огорчения Хмурый.

— А кто придумал этого слона? Я или ты?— накинулся на него Весельчак.

— Ты, но...

— Никаких «но»!— крикнул уже во весь голос Весельчак.— У меня права на самый большой бивень, понял? Даже от второго бивня мне причитается кусочек, вот только отпилим и...

Но тут он осекся: прямо на них шёл симпатичный на вид старичок.

— Не ссорьтесь, друзья мои, не ссорьтесь,— сказал симпатичный старичок.— Нет смысла ссориться. Такой хороший вечер. Не лучше ли подойти вон туда и поиграть с этим великолепным слоном. Ведь он само очарование, не правда ли?

— Ещё бы!— отозвался Весельчак.

— Конечно...— поддакнул Хмурый.

— Значит, вы уже больше друг на друга не сердитесь?— спросил старичок.

— Ну что вы!— в один голос поспешили заверить старичка Хмурый и Весельчак.

— В таком случае, я очень рад,— заявил старичок и направился к Доминику. Он стал бросать ему куски швейцарского сыра, которые тот ловко подхватывал хоботом на лету.

Хмурый и Весельчак, став поблизости, имели возможность рассмотреть то, что их так интересовало: бивни. Бурча себе под нос ласковые слова и делая вид, будто глядят Доминика по хоботу, они даже потрогали их рукой. Когда совсем стемнело, Весельчак сквозь зубы прошипел:

— Готовься!

— Начинаем?— шёпотом переспросил Хмурый.

— Начинаем!

Оба сунули одновременно руку в карман и достали по пригоршне пилюль. Разноцветные пилюли были похожи на конфеты.

Доминик, который, как вы помните, издавна пристрастился к витаминам, ничего не подозревая, сгрёб у каждого с ладони хоботом все пилюли. Весельчак и Хмурый полезли тотчас в карман за новыми пилюлями. Доминик их тоже съел.

В саду стало пусто, все отправились домой. Кроме Весельчака и Хмурого, возле Доминика осталась только мама с сыном. Сын был, должно быть, большим лакомкой и, может быть, даже эгоистом, потому что мама говорила ему, показывая на Хмурого и Весельчака:

— Посмотри, сынок, какие хорошие дяди. Ты бы, наверно, съел все конфеты сам и ни с кем не поделился, а они всё отдали Доминику, не взяли в рот ни крошечки!

Хмурый и Весельчак понимающе улыбнулись друг другу и подсунули Доминику третью и четвёртую порции.

— Бери с них пример, сынок! Я очень хочу, чтобы, когда мы придём сюда в следующий раз, ты вёл бы себя так же, как эти дяденьки. А теперь пойдём, уже темно.

— Мы тоже уходим,— сказал Весельчак, подсовывая Доминику пятую порцию.

— Идём, идём,— присоединился к нему Хмурый и тоже сунул Доминику ещё пригоршню.

Доминик остался один. Вскоре по заведённому обычаю к нему заглянул перед сном Пиня.

— Как ты себя чувствуешь?— спросил он у Доминика.

— Неплохо,— ответил Доминик,— только очень хочется спать.

— Ничего удивительного,— сказал тогда Пиня.— После такого знойного дня! Мне тоже хочется спать. Ну, целую тебя в лобик!

— Я тебя тоже,— ответил Доминик.— Спокойной ночи! А-а-а...

Наступила тёмная, безлунная ночь.

После полуночи две тени проскользнули в сад.

— Видишь его?— спросила первая тень.

— Вижу,— ответила вторая.

— Стоит или лежит?

— Лежит.

— Ничего удивительного... после такого угощения. Ножовка у тебя?

— У меня.

— Начинаем!

— Который спиливаем сперва?

— Глупый вопрос.

— Левый или правый?

— Неужели не понимаешь? Сперва надо отпилить тот, который больше...

Громко заскрежетала пила.

— Тише, идиот, он проснётся,— сказала первая тень.

— Попробуй сам тише,— отозвалась вторая.

— Дай мне, тогда увидишь!

Пила снова заскрежетала и завизжала. Было это так противно, что болели зубы и мурашки пробегали по коже.

— По-твоему, тише получается, а?— произнесла вторая тень.

— Конечно, тише,— ответила ей первая.— Но дело движется очень медленно. Вот не думал, что слоновая кость такая твёрдая...

— Может, пила тупая?

— С ума сошёл! Я сам её крал. Тупую я бы красть не стал, можешь мне поверить.

— Много отпилил?— с любопытством спросила вторая тень.

— Не много. Полмиллиметра, не больше.

— Фью! А бивень толстый?

— Как ствол старого каштана, только в сто раз твёрже.

— На это понадобится не одна ночь...

— Исключено! Мы должны сделать это сегодня. Иначе всё откроется.

— Тогда пилим!

— Пилим!

Часа через три пот с обоих негодяев катился градом, точно они только что вышли из-под душа. Меж тем на левом бивне Доминика образовался только небольшой надрез глубиной примерно в полсантиметра.

— Надо бы сменить полотно,— сказала первая тень.— Какое счастье, что я стащил их несколько про запас!

— Давай-давай! Только побыстрее! Надо торопиться, скоро рассвет.

— С новым полотном дело пойдёт быстрее, увидишь! Слоновая кость только сверху твёрдая. Чем глубже, тем легче пилится.

— Пилим?

— Пилим!

Оба работали как бешеные, и кто знает, может быть, гнусное предприятие увенчалось бы успехом, по крайней мере наполовину, может быть, они стали бы обладателями одного из великолепных бивней Доминика, если б один из них вдруг не воскликнул:

— Ой-ой-ой! Меня кто-то кусает...

— Ой-ой-ой! Меня тоже!— отозвался другой.

— В ногу!

— И меня тоже в ногу!

— А теперь в колено!

— И меня в колено!

— А меня уже в живот!

— И меня тоже!

— Кто-то ползает у меня по шее!

— Чёрт возьми, и у меня тоже!

— Теперь лезет в нос!

- В нос и в уши!
- У меня уже искусаны руки!
- Кто-то ползёт у меня по голове!
- Почеси мне спину, я с ума сойду!..
- Не могу! Я весь искусан с головы до ног!
- Брось пилу, лезем на дерево!

Но бегство на дерево не принесло облегчения. Сотни тысяч опытных муравьёв поползли на дерево следом за ворами. Вёл их Фумтя, большой друг и старый учитель Доминика.

Возвращаясь ночью в свой дом-муравейник, Фумтя заметил в саду что-то странное. Он подполз ближе и увидел огромное тело своего друга, распростёртое на траве без признаков жизни, а рядом две подозрительные тени что-то со скрежетом пилили. Сомнений быть не могло: Доминик в опасности, Доминику грозит беда! Недолго думая Фумтя бросился к муравейнику, поднял на ноги всех его обитателей да ещё разослал гонцов в другие муравейники с просьбой о помощи.

Остальное вы уже знаете.

Когда утром Пиня проснулся вместе с другими жителями дома, он увидел необычное зрелище: оба вора, Весельчак и Хмурый, сидели на дереве и плакали горючими слезами. Глядя издали, можно было подумать, что их лица усеяны веснушками, но это были не веснушки, это были муравьи!

Только Доминик не проснулся, так здорово его усыпили. Левый бивень у него был слегка надпилен, рядом с головой валялась пила — брошенное впопыхах орудие преступления.

Доминик проснулся только около двенадцати, когда Хмурый и Весельчак давно уже были под замком. Он чуть-чуть приоткрыл один глаз и с удивлением обнаружил, что его окружает толпа, в которой он сразу увидел Пиню и его родителей.

— Что случилось?— шёпотом спросил он у Пини.

— Наконец-то ты проснулся!— радостно воскликнул Пиня.

— Проснулся... Ну и что особенного? Проснулся...

— Ты крепко спал,— сказал Пиня.

— Крепко спал... Да я каждый день крепко сплю, вернее, каждую ночь,— ответил ему Доминик.

— Да, но сегодня ты спал особенным образом.

— Что значит «особенным образом»?

— Не по своей воле.

— Ничего не понимаю.— Доминик задумчиво почесал кончиком хобота лоб.

— Тебя усыпили, понимаешь?

— Меня?

— Да-да, тебя!

— Кто?

— Два каких-то бандита, их уже забрали.

— Куда?

— В тюрьму.

— За что?

— За то, что они тебя усыпили.

— В тюрьму? А мне так сладко спалось... — в недоумении заметил Доминик.— Как можно за это забирать в тюрьму?

— Они усыпили тебя с преступными намерениями.

— Оставь, пожалуйста...

— Им нужно было, чтоб ты спал как можно крепче.

— А я в самом деле крепко спал! Ах, если б ты знал, как я спал! Раз они меня усыпили — значит, они очень хорошие люди. Пиня, попроси, чтоб их выпустили. Пусть сегодня вечером они усыпят меня ещё разок!

— Какой ты глупый! — с удивлением протянул Пиня. — Они хотели нанести тебе вред.

— Не выдумывай, Пиня.

— Дали тебе пилюли...

— Что тут страшного? Мало ты мне давал пилюль? Сам вспомни! — весело отозвался Доминик и дружески ткнул Пиню хоботом в бок.

— Это совсем другое дело. Они усыпили тебя, потому что хотели тебя обокрасть.

— Меня? — удивился Доминик.

— Вот именно.

— Что ж они хотели у меня украсть? Ведь у меня ничего нет.

— Это тебе только кажется, — ответил Пиня. — У тебя есть целое сокровище.

— Брось шутить!

— Правда-правда сокровище, — с убеждением повторил Пиня.

— Мне об этом ничего не известно, — заявил в ответ Доминик.

— А бивни?

— Что — бивни?

— Ну, бивни.

— Чьи?

— Да твои. Ведь у меня нет бивней, — сказал Пиня.

— Да, это верно, у меня есть бивни, — согласился Доминик. — Ну и что?

— Бивни — это и есть твоё сокровище.

— Первый раз слышу!

— Они из настоящей слоновой кости,— пояснил Пиня,— а слоновая кость очень дорогая. Кроме того, бивни у тебя на редкость красивые.

— Вот не имел ни малейшего представления, что мои бивни представляют такую ценность,— ответил Доминик.— Я, правда, к ним очень привык, они у меня ещё с детства, но я никогда не думал, что они такие дорогие.

— А воры знали об этом.

— Не говори глупостей! — воскликнул Доминик.— Что, по-твоему, бивни отвинтить можно?

— Отвинтить не отвинтить, а отпилить можно.

— Каким образом?

— Пилой. Воры так и хотели поступить.

— Ни за что не поверю! Ведь если будешь пилить, пойдёт визг, скрежет...

— Кто спит крепко, тот не услышит скрежета.

— Ну хорошо, а где доказательство, что они собирались их отпилить?

— Вот! — И Пиня указал на брошенную в траве пилу.— Кроме того, на левом бивне у тебя след.

— След?

— Да, след. Ты посмотри хорошенько.

Доминику, чтобы посмотреть на свой левый бивень, пришлось порядком скосить глаза. Выглядело это очень забавно.

— Видишь? — спросил Пиня.

— По правде сказать, не очень.

— Тогда пощупай хоботом! Не верит..

Доминик провёл кончиком хобота по левому бивню и действительно обнаружил не то надлом, не то царапину.

— Ага,— сказал он,— что-то есть!

— Вот видишь!

— Думаешь, они пытались отпилить бивень?

— Разумеется! Разве у тебя было раньше что-нибудь на бивне?

— Если мне память не изменяет, ничего не было.

— Тебе не приходилось на него падать, когда ты был маленький?

— Не приходилось.

— Не совал ли ты его куда не следует?

— Не совал.

— Он был у тебя всё время гладкий?

— Всё время.

— А теперь на нём надпил.

— Надпил,— вынужден был признаться Доминик.

— Его сделали воры, понимаешь? Сейчас я принесу тебе зеркало, и ты всё рассмотришь.

Пиня вбежал в дом и, захватив из ванной большое зеркало, через минуту вернулся к Доминику.

— Гляди! — сказал Пиня.

Доминик глянул в зеркало и увидел на левом бивне след от пилы. Кроме повреждённого бивня, в зеркале отражался ещё хобот, другой бивень, голова, а также несколько человек из толпы, которая по-прежнему окружала ещё Доминика.

— Какие бандиты! — произнесла с возмущением одна из женщин.

— Как можно дойти до такого варварства?! — негодовал похожий на профессора старичок.

— До конца жизни не выпускать их из тюрьмы! — отозвалась другая женщина.

— Над таким замечательным зверем так надругаться! — с горестным изумлением сказал один из Пининых соседей.

— Ишь, слоновая кость понадобилась! — с гневом бросила Пинина мама.

— Это же наглость,— забраться ночью с пиллой в чужой сад! — кричал Пинин папа.— Пиня, мы должны устроить совет. Доминик не может оставаться больше в саду. Надо подыскать для него подходящее место. Кто может поручиться, что другой какой-нибудь вор не проделает то же самое?

— Правильно! Правильно!..— закричали из толпы.

— Вот только куда его поместить? — задумался Пиня.

Все почесали в затылке. Действительно, на такой вопрос вдруг не ответишь. Доминик был такой огромный, что не могло быть и речи, чтобы поселить его в каком-нибудь доме. Из всего города только в трёх зданиях он мог поместиться: в Доме физкультурника, на вокзале и на фабрике. Но в Доме физкультурника что ни день происходили матчи, на вокзале днём и ночью кишел народ, а фабрика должна была выпускать продукцию — Доминик был бы только помехой в работе.

— Что делать? Что делать? — повторяли люди и думали, думали, думали наперегонки.

— Придумал! — крикнул наконец Пиня.

— Что? — ответили все хором.

— Отдадим его в зоопарк. Там сторожа и решётки зоопарк охраняют. Там мы сможем навещать Доминика, когда нам захочется.

— Прекрасная мысль! — обрадовался похожий на профессора старичок.

— Прекрасная! Прекрасная!..— закричали все вокруг.

— Великолепная! — присоединился ко всем Пинин папа.— Сейчас я позвоню по телефону директору нашего зоопарка.

Доминик тем временем всё смотрел на себя

в зеркало. Он давно уже перестал рассматривать царапину на левом бивне. Теперь он строил рожи. То зажмурит левый глаз, то правый, то начнет хоботом выписывать кренделя, то поставит торчком одно ухо, то медленно опустит, морща свой огромный лоб, который становился от этого похожим на стиральную доску.

— Может, я не красавец, но обаяния у меня хоть отбавляй,— буркнул Доминик.— Конечно, царапина на бивне немножко меня портит. К счастью, бивень всё-таки не отпилили. Хорошо бы я был с отпиленным бивнем! Один бивень! Ужасно!

— Директор очень обрадовался нашему предложению,— сказал Пинин папа, выйдя из дома.— Он говорит, мы можем привести Доминика хоть сейчас. Он встретит его с распростёртыми объятиями.

— Слышал? — спросил Пиня Доминика.

— В чём дело? — И Доминик посмотрел на Пиню недоумевающим взглядом.

— Ты переселяешься в зоопарк.

— Мне и тут хорошо!

— Но там ты будешь в безопасности.

— Не хочу!

— Сделай это, пожалуйста, для меня! — сказал Пиня умоляющим голосом.— Если ты останешься тут, я не усну спокойно.

— Ты тоже будешь жить в зоопарке? — спросил Доминик.

— Я не могу там жить постоянно, но я всё время буду тебя навещать.

— Один я туда не пойду!

— Мы все тебя туда проводим.

— Не хочу! Мне и здесь хорошо!

— Там тебе тоже будет хорошо. Там живут...— начал Пиня таинственно.

— Кто там живёт? — спросил Доминик, заинтересовавшись.

— Там живут слоны,— пояснил Пиня.— Тебе наверняка будет приятно встретиться с ними, поболтать о ваших слоновьих делах, и всё прочее...

— Сколько там слонов?

— Трое. Двое взрослых и один слонёнок.

— Как их зовут?

— Гжесь и Гжесиха.

— А слонёнка?

— Жемчужинка.

— Хорошо! — воскликнул Доминик.

— Он согласен! — крикнул Пиня в толпу.

— Ура!..— послышался дружный крик.

Не теряя времени, все двинулись к зоопарку. Впереди шёл Пиня, за ним Доминик, следом за Домиником вся толпа, которая с каждой минутой всё росла и росла. При виде необыкновенного шествия люди выбегали из домов и присоединялись к идущим. Вдруг Пиня оглянулся.

— Ты с ума сошёл,— сказал он Доминику.— Зачем ты взял зеркало?

— Не сердись,— умоляющим голосом ответил Доминик.— Я взял его на память. Когда мне будет тоскливо, я стану в него смотреться.

XX

Мистер Грейтест ходил в волнении по своей каюте. Взад и вперёд. Третьи сутки были они в океане. «Какое нудное дело — переплыть океан»,— думал про себя мистер Грейтест, и его нетерпение росло. Наконец он не выдержал и нажал кнопку звонка. В который уже раз... На пороге вырос тощий, весь в чёрном, секретарь.

— Вы меня звали, сэр?

— Да, звал.

— Я в вашем распоряжении.

— Сходите на палубу,— сказал мистер Грейтест.

Секретарь поклонился и вышел. Вернулся он оттуда минут через пятнадцать.

— Ну что, были на палубе? — спросил мистер Грейтест.

— Да, сэр,— ответил секретарь.

— Как вы полагаете, плывёт пароход или нет?

— Плывёт, сэр.

— Странно,— заметил мистер Грейтест,— я этого совсем не ощущаю.

Он подошел вплотную к секретарю и посмотрел ему в глаза.

— Говорите правду! — сказал он грозно.— Плывёт или не плывёт?

— Плывёт, плывёт, сэр, к тому же очень быстро. Капитан объяснил мне, сэр, что это самый быстроходный пароход из всех, какие только в настоящее время плавают по океану.

— Капитан мог солгать,— сказал мистер Грейтест,— я скорости не ощущаю.

— Вы не ощущаете её, сэр, только потому,— любезно объяснил секретарь,— что судно движется очень плавно...

— Плавно, плавно, плавно, плавно...— перердразнил секретаря мистер Грейтест.— Нет ничего хуже, чем плыть по морю. В автомобиле, в поезде человек чувствует движение. Мелькают за окном деревья, телеграфные столбы, заборы, дома и всё прочее. А в море ничего не мелькает. Ни тебе столбов, ни тебе деревьев — ничего, только вода и вода. Откуда мне знать, еду я или стою на месте?

— Не нервничайте, пожалуйста, сэр.

— Легко говорить! А я никак не могу дождаться, понимаете?.. Никак не могу дождаться встречи с этим, ну как его...

— С Домиником.

— Вот именно! С Домиником. Есть у вас новости?

— Несколько телеграмм,— ответил секретарь.

— И вы молчите! — крикнул вне себя мистер Грейтест.

— Я не хотел нарушать вашего душевного равновесия.

— Что вы хотите этим сказать?

— Эти сообщения, сэр, не очень приятны.

— Знаю! — воскликнул мистер Грейтест. — Доминика нет в живых!

— Ничего подобного, сэр, ничего подобного,— поспешил успокоить мистера Грейтеста секретарь. — Правда, было одно неприятное происшествие, но его жизни не угрожает ни малейшая опасность.

— Значит, он болен! — с горечью воскликнул мистер Грейтест.

— Он не болен,— продолжал секретарь,— он абсолютно здоров. На него было сделано покушение...

— Покушение на жизнь? — с ужасом спросил мистер Грейтест.

— Не столько на жизнь, сколько на бивни,— пояснил секретарь.

— Подумать!.. — застонал мистер Грейтест.

— Хотели их отпилить.

— Да что вы говорите? Отпилить?!

— Отпилить.

— Ну и что?

— Покушение оказалось неудачным.

— А покушавшиеся?

— За решёткой.

— Очень хорошо! — обрадовался мистер Грейтест.— Зря вы паникуете, мой друг. Известия неплохие.

— Это ещё не всё, сэр. Доминик больше не живёт у несовершеннолетнего мальчика.

— О, это уже что-то новое! Где же он? — спросил с беспокойством мистер Грейтест.

— В зоологическом саду. Это в корне меняет ситуацию.

— В каком смысле? — осведомился мистер Грейтест.

— Купить его будет труднее. С маленьким мальчиком дело уладить просто, с дирекцией зоопарка договоришься не вдруг.

— Ничего, справимся,— с убеждением заявил мистер Грейтест.— Сколько бы он ни стоил, он будет мой!.. Сомневаетесь?

— И не думаю, сэр,— поспешно выпалил секретарь.— Я знаю по собственному опыту: если вы что-нибудь решите, несмотря на препятствия, вы поставите на своём!

— На этот раз будет то же самое,— торжественно заявил мистер Грейтест, подходя к иллюминатору.— Глядите! — закричал он вне себя от негодования.— Опять стоим!

Секретарь тоже подошёл к иллюминатору и посмотрел на море.

— Осмелюсь выразить противоположное мнение, сэр.

— Вы полагаете, мы плывём?

— Разумеется, плывём,— ответил секретарь.

— Я этого не вижу,— возразил мистер Грейтест.

— Если бы вы согласились, сэр, подняться со мной на палубу, я попытался бы убедить вас в обратном.

— Каким образом?

— А очень просто! Достаточно бросить за борт какой-нибудь предмет, вы сразу увидите — предмет отстанет от судна...

— В таком случае, на палубу!

— Что же мы будем бросать? — спросил секретарь. — У меня нет ничего подходящего.

— Сигары годятся? — осведомился мистер Грейтест.

— Сигары? — повторил изумлённый секретарь. — Как вам сказать... Годятся, наверно.

— Тогда берите со стола коробку с сигарами и скорей наверх!

Секретарь взял огромную, только что вскрытую коробку первосортных сигар, и они отправились на палубу. Стали у поручней. Секретарь подал мистеру Грейтесту коробку и сказал:

— Начинайте, сэр. Прошу.

Мистер Грейтест с торжественностью взял кончиками пальцев сигару, поднял её над головой и широким взмахом бросил за борт в кипящие волны.

Сигара нырнула в белую пену, потом всплыла и заколыхалась на морской поверхности... Удаляясь, она становилась всё меньше и меньше, пока не скрылась из глаз.

— Что вы на это скажете, сэр? — спросил секретарь.

— Пока трудно что-либо ответить, — заявил мистер Грейтест. — Дайте ещё сигару.

Через несколько секунд вторая сигара тоже покачивалась на волнах. Затем третья, четвёртая, пятая, шестая, седьмая, восьмая, девятая, десятая... пятнадцатая... тридцатая...

В течение часа вся коробка, в которой было сто сигар, очутилась в океане.

— Кажется, мы и в самом деле плывём, — со-

гласился мистер Грейтест.— Вам известно, с какой скоростью мы плывём?

— Понятия не имею, сэр.

— Ну так слушайте меня. Я вам скажу! Мы плывём со скоростью ста сигар в час!

— Это вы здорово подсчитали, сэр,— с подобострастной улыбкой заметил секретарь.— Здорово!

— Это не так уж трудно, если у тебя есть часы, а в коробке лежит сто сигар. Но интересуется меня другое...

— Что именно, сэр?

— Интересует меня, сколько ещё сигар осталось до Доминика?

XXI

Если б не отсутствие Пини, Доминику в зоопарке жилось бы замечательно. Правда, Пиня навещал его часто, и всё-таки это было не то: Пини не было больше у Доминика под рукой, или, точнее сказать, под хоботом, ведь у Доминика, который слыл необычайным слоном, рук тем не менее не было.

Доминика поселили в превосходно оборудованном, похожем на ангар доме. Перед домом находилась большая площадка, где Доминик мог гулять сколько ему нравится. Площадку обнесли забором. За забором вечно толпились посетители. Были среди них друзья и почитатели Доминика, но в основном это были люди незнакомые, их привлекала в зоопарк всемирная слава Доминика.

Ни в одном зоопарке в целом свете не было такого великолепного слона, вдобавок ещё белого. Посреди площадки росло большое дерево,

судя по всему, вяз, и на этом дереве, то есть, судя по всему, на вязе, висело зеркало из ванной, которое принёс сюда Доминик.

Время от времени Доминик подходил к зеркалу, садился и начинал в него смотреться. Публика, следившая с восхищением за каждым шагом Доминика, за каждым взмахом его хобота, неистовствовала в эту минуту от восторга.

Вначале из-за зеркала чуть не произошёл скандал.

Директор ни за что на свете не желал примириться с зеркалом.

— Ни у одного слона на свете нет собственного зеркала,— говорил директор.— Я побывал в сотнях зоопарков, но зеркала нигде не видел! Подумайте, какой пример для обезьян! И без того некоторые посетители, желая подурочиться, суют обезьянам зеркальца. Обезьяны эти зеркальца тут же начинают грызть, а вредность такого дела давно известна науке. Мне очень неприятно, но на зеркало я не согласен!

— В таком случае ухожу из зоопарка! — заявил Пине Доминик.

— Выслушайте меня, пожалуйста,— сказал Пиня директору.— Дело это нешуточное, и я предлагаю вам одно из двух: или в вашем зоопарке будет жить самый замечательный на свете слон с этим несчастным зеркалом, или в вашем зоопарке не будет этого несчастного зеркала, но тогда не будет и Доминика — белого царя слонов!

— Почему? — удивился директор.

— Потому что Доминик очень привязан к зеркалу.

— Ты-то откуда знаешь?

— Он мне сказал об этом.

— Кто сказал? — с изумлением спросил директор.

— Он, — ответил Пиня, указав на Доминика.

— Так он, значит, говорящий?

— А вы как думали? — спросил в свою очередь Доминик.

Услышав это, директор так и сел прямо на землю.

— Хорошо, хорошо, — сказал он, — я согласен на зеркало! На два зеркала! На три! На сто! И зеркало осталось в зоопарке.

Вы думаете, это всё? Как бы не так! Гжесь со своей женой и Жемчужинкой жили поблизости от Доминика и даже успели с ним подружиться. Они беседовали вечерами на свои слоновьи темы, рассказывали разные слоновьи истории, шутили. Продолжалось это до тех пор, пока в один прекрасный день Гжесь не увидел на этом, как его... судя по всему, на вязе зеркало Доминика. Зеркало висело там уже давно, но сейчас на него упал яркий луч солнца, и оно засверкало. Сверкание зеркала — это разговор, который зеркало ведёт с солнцем, с луной, с электрической лампочкой, со свечой — одним словом, со всем, что горит или поблёскивает. Итак, Гжесь увидел сверкание зеркала и спросил у Доминика:

— Эй ты, белый, что это такое? — и указал хоботом на зеркало.

— Это зеркало, Гжесь, — ответил Доминик.

— Для чего оно?

— Для того, чтоб в него смотреться.

— Не понимаю, что это значит, — ответил Гжесь, который ни разу в жизни ни во что не смотрелся.

— Ты можешь увидеть себя там внутри, — пояснил Доминик.

— Почему же внутри, когда я сам снаружи?

— Ну ладно,— сказал Доминик, который не хотел спорить с Гжесем.— Ты стоишь снаружи, а отражаешься внутри.

— Ага,— буркнул Гжесь, который так ничего и не понял.

— Если у тебя, скажем, вскочит на хоботе прыщ,— продолжал Доминик,— то этот прыщ ты сможешь увидеть в зеркале.

— Я его увижу и без зеркала,— заявил Гжесь.

— Ну конечно, увидишь,— согласился с ним Доминик,— но тогда тебе нужно вот так скосить глаза, а тут ты можешь обойтись без этого.

— Тогда дай мне зеркало! — потребовал Гжесь.

— Об этом не может быть и речи! — ответил Доминик.

— Не дашь?

— Не дам!

— Смотри, белый, пожалеешь!

— Пугай свою Жемчужинку — не меня,— ответил Доминик и отвернулся от грубияна.

С тех пор стоило Доминику отвернуться, как завистливый Гжесь бросал камнями в зеркало. Он брал в хобот камень и, помахав, пускал камень со свистом в сторону вяза. К счастью, Гжесь был мазила, в зеркало он так и не попал.

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если б Доминик не увидел однажды случайно у Пини маленькое карманное зеркальце.

— Такое зеркальце мне бы пригодилось,— сказал словно невзначай Доминик.

— Зачем оно тебе? — спросил Пиня.— Ведь твоё зеркало в сто раз лучше.

— Это зеркальце нужно мне для подарка,— вполголоса пояснил Доминик.

— Я бы тебе его дал,— ответил Пиня,— но

боюсь, подаришь какой-нибудь обезьяне, что тогда?

— Вот уж правда, обезьяной его можно назвать.

— Кого ты имеешь в виду?

— Гжеся.

— Так это зеркальце для него?

— Для него.

— А он его, часом, не съест?

— Не такой он дурак!

— Тогда держи! — И Пиня протянул Доминику свое карманное зеркальце.

Доминик подарил его Гжесю. Гжесь ошалел от счастья. Он смотрелся в него с утра до вечера. Выглядело это очень забавно, потому что Гжесь никак не мог увидеть себя целиком. Зеркальце было маленькое, а Гжесь, хоть и не был великаном, как Доминик, но он был всё-таки слоном в полном смысле этого слова. Он мог видеть себя только по частям. Сперва один кусочек, потом другой и так далее, пока в конце концов из отдельных кусков не складывалось целое. Даже ухо приходилось ему рассматривать в несколько приёмов.

Когда директор зоопарка увидел зеркальце у Гжеся, он весь затрясся от гнева и крикнул сторожу:

— Кто это дал Гжесю?

Прежде чем сторож успел ответить, до ушей директора донёлся спокойный голос Доминика:

— Это я дал ему зеркало!

— Ну, тогда другое дело!

Нервно потирая руки, директор отправился к себе в кабинет.

— Скоро весь зоопарк станет сплошным зеркальным залом,— ворчал себе под нос директор.

— Моя фамилия Грейтест! — воскликнул мистер Грейтест, вбегая в кабинет директора зоопарка.— Остальное объяснит вам мой секретарь!

— Здравствуйте! — сказал секретарь.

— Никаких «здравствуйте»! — рявкнул мистер Грейтест.— Не стоит тратить время на условности. Изложите суть!

Тогда секретарь кашлянул и начал:

— Мистер Грейтест содержит единственный в мире зоопарк, где находятся самые большие на свете звери...

— Короче! — снова прервал его мистер Грейтест.

— И вот мистер Грейтест,— продолжал секретарь,— узнал про одного великолепного слона...

— Говорите сразу, что речь о Доминике!

— Вот именно,— подхватил секретарь.— Мы интересуемся, вернее, мистер Грейтест интересуется Домиником.

— Короче говоря,— снова вмешался мистер Грейтест,— я его покупаю.

— Он не продаётся,— заметил директор.

— Дорогой мой,— заявил мистер Грейтест,— всё на свете продаётся. Дело только в цене...

— Боюсь, нам не о чем с вами говорить.

— Посмотрим,— проворчал мистер Грейтест, раскуривая одну из своих огромных сигар, уцелевшую каким-то чудом после того испытания на скорость, какое мистер Грейтест учинил на палубе парохода.— А теперь, если позволите, я осмотрю Доминика, я его ещё не видел.

— Посмотреть имеет право каждый.— Ди-

ректор поднялся из-за стола и повёл мистера Грейтеста к Доминику.

Уже издали мистеру Грейтесту бросилась в глаза большая белая глыба. Когда они подошли ближе и мистер Грейтест увидел Доминика во всей его красоте, он не мог сказать ни слова и только от восхищения беспрестанно щёлкал языком.

— Феноменально! — выдавил он наконец из себя. — Должен признаться, такого я не ожидал. Мне было известно, что слон великолепный, но такого я не ожидал...

Пока мистер Грейтест восхищался Домиником, директор заговорил с секретарём:

— Можно узнать, откуда вы приехали?

— Издали.

— Сегодня?

— Да, только что.

— Как прошло путешествие?

— Спасибо, была небольшая качка.

— Так вы, значит, на пароходе?

— Разумеется, на пароходе! — отозвался секретарь. — У мистера Грейтеста собственный остров в океане, — добавил он для пояснения.

— Значит, мистер Грейтест очень богат?

— Ужасно!

— А этот его зоопарк — серьёзное заведение? — спросил директор.

— Ещё бы! Надо воздать ему должное: в чём, в чём, а в животных он разбирается! Сделка будет для вас очень выгодной.

— Сколько? — рявкнул в этот момент мистер Грейтест.

— Что «сколько»? — с удивлением спросил директор.

— Сколько вы за него хотите?

— Да ведь он не продаётся... Я же вам ска-

зал... К тому же он не является собственностью нашего зоопарка.

— Чья же он собственность?

— Одного мальчика,— пояснил директор.

— Пини? — снова рявкнул мистер Грейтест.

— Да, Пини. Откуда вы знаете?

— Мистер Грейтест знает всё,— снова пояснил секретарь.

— Это просто увёртка, директор,— заявил мистер Грейтест.— Мои люди сообщили мне, что Доминик передан вам и находится в настоящее время в вашем распоряжении. Давайте лучше,— заговорил он вдруг по-дружески,— обсудим всё по-деловому. И вы и я разбираемся в животных и можем оценить их как следует. Ваш зоопарк, насколько это мне удалось выяснить, не очень шикарен. Кроме Доминика, у вас нет ни одного редкого животного, не так ли?

— Есть две зебры,— возразил директор.

— Откровенно сказать, неважные,— прервал его Грейтест.

— Орангутанг...

— Совершенно лысый.

— Семья антилоп...

— Самые обычные из всех, какие только водятся на свете.

— Тигр!

— Которому нужно резать мясо на куски, потому что у него выкрошились зубы.

— Есть ещё два слона...

— Микроскопические.

— Индийская корова...

— Довольно, директор,— сказал Грейтест,— вы перечисляете то, что у вас в зоопарке есть, а я вам перечислю то, чего у вас нет. У вас нет ни гиппопотама, ни носорога, ни белого

медведя. Нет и других великолепных зверей, которые, если б вы только пожелали, могли бы стать украшением вашего зоопарка и привлечь толпы посетителей.

— Каким образом? — спросил, не на шутку заинтересовавшись, директор.

— А, вот видите... Я знаю этот способ!

— Так откройте мне его поскорее!

— Просто так, за красивые глаза?

— Я постараюсь отблагодарить вас.

— Приятно быть директором первосортного зоопарка, не правда ли?

— Да уж конечно,— поспешно согласился директор и представил себе, как это он разгуливает по аллеям первосортного зоопарка, разглядывая клетки с самыми ценными, самыми редкими животными.

— Послушайте-ка, директор,— сказал мистер Грейтест, хлопнув по плечу замечтавшегося директора.— У меня есть для вас предложение.

— Слушайте внимательно,— вставил тут же секретарь.— Мистер Грейтест два раза своих предложений не делает.

— Слушаю!

— Я отдам вам всех моих зверей,— торжественно заявил мистер Грейтест,— а вы...

— Мне нечего дать вам взамен! — с испугом ответил директор.

— Вы ошибаетесь. Есть!

— Что?

— Доминик! Один-единственный Доминик взамен всех животных, включая знаменитую блоху Аделаиду, которая живёт в золотой клетке.

— Как вам сказать...— заколебался директор.

Ему показалось, что такой случай упустить нельзя. За одного Доминика, происхождение которого весьма и весьма сомнительно, он по-

лучит множество разных редких животных. Это было бы выгодно не только ему, директору, но и всему городу, всем его жителям, детям, школьникам...

— Ни в коем случае не говорите «нет»! — зашептал ему на ухо секретарь.— Ни в коем случае не говорите «нет»!

— Ну как? — загремел мистер Грейтест.

— Я согласен,— выдавил из себя с глубоким вздохом директор.

— Немедленно составьте договор,— приказал Грейтест секретарю.

Секретарь достал из чёрного портфеля несколько листов бумаги, что-то на них нацарапал, дал подписать сперва мистеру Грейтесту, потом директору.

— Всё в порядке! — заявил мистер Грейтест, когда документ был подписан.— Поздравляю вас!

— Я тоже вас поздравляю: вы стали хозяином Доминика!

— Сегодня лучший день моей жизни,— заявил мистер Грейтест и, отворив калитку, вошёл к Доминику.— Теперь ты мой! — сказал он, похлопывая Доминика по хоботу.

Доминик был, казалось, не очень доволен. Кое-что он понял — с пятого на десятое. Сам он никогда в жизни торговлей не занимался и не очень-то представлял себе, что значит подобная сделка. Впрочем, Грейтест ему не понравился. Ему редко кто-нибудь не нравился, Доминик любил людей и относился к ним дружески. На этот раз, однако, всё было как-то по-другому.

— Что это за тип? — спросил он у Пини, который как раз в этот момент появился в зоопарке.

— Понятия не имею,— шёпотом ответил Пиня.— Сейчас узнаю.

Пиня подошёл к директору.

— Здравствуйте! — сказал Пиня.

— Здравствуй, Пиня,— сказал, смутившись, директор.

— Так это и есть Пиня? — осведомился мистер Грейтест.

— Да, я Пиня,— подтвердил Пиня.— А вы кто?

— Это мистер Грейтест, новый хозяин Доминика,— объяснил секретарь.

— Что это значит?!

— А это значит, мой мальчик, что была заключена сделка,— объяснил в свою очередь Грейтест,— и теперь я стал хозяином Доминика, точно так же, как его хозяином прежде был ты.

— Правда ли это? — спросил Пиня у директора.

— Да, это правда,— ответил директор и почувствовал себя ужасно неловко.

— Да, но Доминик остаётся здесь?

— О нет,— ответил мистер Грейтест,— я увожу его на свой остров.

— Не может этого быть! — закричал Пиня.

— Ничего не поделаешь. Договор подписан, и я могу делать с Домиником всё, что захочу,— ответил мистер Грейтест.

Пиня расплакался и побежал к Доминику.

— В чём дело? — спросил Доминик.

— Ты продан.

— Кому?

— Вон тому, с сигарой.

— Ну и что из этого?

— Он хочет забрать тебя отсюда.

— Куда?

- На какой-то остров.
- Я с ним не поеду.
- Тебе придётся поехать.
- Почему?
- Подписан договор.

— Какое мне до этого дело? — ответил Доминик и презрительно махнул хвостом.— Почему, собственно, он хочет забрать меня отсюда?

— Потому что ты большой.

— А если б я был маленький, он бы меня не взял?

— Не взял. Он любит только всё большое.

— Ну так он меня не возьмёт. Вот увидишь!

Мистер Грейтест подошёл к Доминику и сказал:

— Идём со мной, мой великан!

Стоило ему это сказать, как с Домиником начало твориться что-то странное. Как морщится и тает большой воздушный шар, из которого выпустили воздух, так стал уменьшаться Доминик: он таял, таял, таял, пока не сделался таким же, каким был в начале книги.

Мистер Грейтест посмотрел на секретаря, секретарь посмотрел на мистера Грейтеста, потом оба посмотрели на директора и пожали плечами.

— Вот так сделку мы заключили!..

— Забирайте его с собой, мистер Грейтест! — стал было настаивать директор.

— Кого забирать? — спросил вне себя от бешенства Грейтест.— Этого карлика? Это не для меня! Пошли,— обратился он к секретарю,— а то ещё, чего доброго, пароход отплывёт.

Они ушли... Ушёл и директор, ему явно было

не по себе после всего, что произошло. К тому же он сильно недоумевал — попробуй-ка разберись в такой истории.

— Видишь, я опять с тобой,— сказал Пине Доминик, когда они остались одни.

— Большое тебе спасибо! — ответил Пиня.— Ты даже не представляешь, как я рад! Послушай-ка, слон, вернёмся теперь домой!..

Пиня наклонился и поднял с земли фарфоровую фигурку. Они шли по аллеям парка, провожаемые недоумевающими взглядами зверей.

Дома Пиня поставил Доминика на старое место среди книг...

Когда книжки перестают рассказывать свои истории, слово берёт Доминик и заводит речь о своих собственных приключениях.

— Этого же нет ни в одной книжке! — твердят книжки и смеются над Домиником.

— «Нету, нету!» — передразнивает их Доминик.— Есть одна такая книжка, в которой описаны мои приключения.

И Доминик прав.

**Звери
в отпуске**

Мне и самому непонятно, отчего про эту диковинную историю я ещё никогда ничего не рассказывал. Может, тут дело случая, а может, в глубине души опасался— вдруг не поверят... Вот и молчал. Как бы то ни было, обо всём этом вы узнаете первыми.

По правде говоря, я и сам забыл бы про это жутковатое приключение, не начни я печатать фотографии со старой плёнки, завалившейся в ящике моего письменного стола.

То были снимки, сделанные во время одной из моих столь частых заграничных поездок. Обыкновенные снимки, каких туристы делают сотни тысяч, а может, и миллионы каждый день на всём свете. Если только у вас есть фотоаппарат, то вы прекрасно знаете, как легко и просто делаются снимки во время экскурсий. Щёлк! И готово. Щёлк! И ещё снимок! Щёлк! Вот вам и третий. И вот уже вся плёнка отснята и пора вставлять новую, при условии, разумеется, что вы запаслись ею заранее.

На снимках всякие там здания, или памятники, или пейзажи, или товарищи из группы, или вообще ничего нет, потому что случается, увы, что, вынимая ролик из фотоаппарата, мы его невзначай засветили.

Бывает также, что мы случайно делаем два, а в исключительных случаях даже три снимка на одном и том же кадре, и тогда, разумеется,

никто не в состоянии сказать, что, собственно, мы фотографировали.

К счастью, на той плёнке, которую я уже вставил в увеличитель, снимки были более или менее удачные. Я проявил первую фотографию, вторую, собрался печатать третью... Зажёг яркую лампочку внутри увеличителя, подложил белую бумагу, чтоб навести на фокус, и вот здесь-то вся эта история ожила перед моими глазами. Появилось изображение нашего старого уважаемого автомобиля, который стоял на поляне, окружённой высоким лесом. Всё выглядело весьма таинственно. И лес, и поляна, и машина. Впрочем, причиной было, возможно, то обстоятельство, что снимок я рассматривал в негативе, в то время как все фотографы знают: в негативе снимок выглядит совсем не так, как потом, когда он отпечатан на фотографической бумаге, проявлен в проявителе и закреплён в закрепителе.

И тут я начал вспоминать всё по порядку. А было так.

С рассветом мы мчались на машине по широкому асфальтовому шоссе. Так было не первый день. Мы колесили по далёкой стране. Но её название, как вы сами потом убедитесь, не имеет ни малейшего значения для рассказа. Потому я его и не сообщаю — чего забивать голову сведениями, без которых можно обойтись. Чтоб было понятнее, скажу лишь, что это происходило на юге, там, где круглый год тепло, а поскольку стояло лето, то было тепло вдвойне, кто знает, может, даже в четыре раза...

Близился вечер. Однообразная езда в раскалённом лучами южного солнца автомобиле всех нас ужасно утомила. Я изнемогал за баранкой, рядом молча томилась жена, а сзади, среди сумок, фотографических принадлежнос-

тей и всякого рода барахла примостился Тютюра.

— Не пора ли подыскать место для ночлега?— спросила жена, с трудом роняя слова. Жара, несомненно, повлияла на её речь.— Скоро стемнеет...

— Не спорю,— сказал я.— Нет ничего хуже, как ставить палатку в темноте.

У меня тоже язык с трудом ворочался во рту. Думаю, с той же ленцой заговорил бы и Тютюра, будь у него возможность что-то сказать. Но Тютюра голоса не подавал. Он безмятежно дремал на заднем сиденье, великодушно предоставив нам решать вопрос с ночлегом самостоятельно.

— Не имею ни малейшего желания ночевать рядом с автострадой,— заявила жена.— Сумасшедшее движение, всю ночь не сомкнешь глаз... А уж выхлопы от двигателей...

— Подадимся чуть в сторону,— согласился я.— По просёлочной дороге можно иногда попасть и в лесок, а там и тишины, и свежего воздуха на всю ночь в избытке.

И будьте любезны... Как раз вбок уходила какая-то дорога. Об этом нас заблаговременно известил большой жёлтый знак, со стрелкой направо. Я включил правый поворот, вырвался из череды мчащихся вместе с нами разноцветных автомобилей и свернул на дорогу, уводившую вправо от автострады.

Дорога, на которой мы очутились, была, конечно, уже шоссе, однако вполне приличная, так что даже наш автомобиль, который мы прозвали Камиллом и который имел привычку нервно взвизгивать, стоило ему попасть на рытвины, не стал на этот раз ни взвизгивать, ни стонать, ни похрюкивать. Мы проехали несколько километ-

ров. Солнце уже закатилось, и произошло то, что происходит всегда после заката: сперва словно пеплом присыпало, а там уже сплошная серость. В серых сумерках на горизонте обозначился лес.

— Видишь?— спросила жена.

— Вижу,— ответил я.

— Место, думаю, подходящее.

— Совершенно с тобой согласен.

Камилл, утомлённый в тот день, надо полагать, более всех нас, дотянул наконец до вздымавшегося стеной леса. А лес был впечатляющий.

— На опушке палатку разбивать не будем, подадимся чуть дальше,— сказал я.

— Вон там между деревьями какой-то просвет,— заметила жена.— Может, полянка?

— Лучшего не придумаешь!— воскликнул я.— Давай, Камилл, жми на полянку!

И Камилл тотчас туда направился, умело маневрируя между толстыми стволами деревьев, в чём, откровенно говоря, я тоже ему помогал, покручивая временами туда-сюда баранку.

При свете фар (а, съехав с дороги на лесную прогалину, я зажёл фары, чтоб не нарваться случайно на острый пенёк или торчащий из земли корень, который мог бы повредить Камиллу покрышку), так вот, при свете фар поляна, на которой мы в конце концов очутились, произвела на нас необыкновенное впечатление. Могучие деревья, росшие по её краям и выхваченные из мрака лучами автомобиля, казались нам великанами. Чёрный бархат длинных теней лишь усиливал ощущение тайны, к которому примешивался какой-то трепет.

Впрочем, на переживания времени у нас не осталось. Надо было как можно скорее ставить палатку. Я заглушил двигатель и выскочил из

машины. Вышла и моя жена. Мы посмотрели в нерешительности по сторонам и произнесли одновременно одно и то же слово:

— Где?..

Ответить на этот вопрос сразу было трудно. В общем, это вопрос вопросов. Задают его вечером туристы всего мира. Ведь от того, где будет поставлена палатка, зависит, как пройдёт ночь, спокойно или нет. Да, вопрос важный, и ничего удивительного, что мы задали его друг другу. Можно, к примеру, поставить палатку на муравейнике, и тогда, сами понимаете, во что выльется ночь туриста, который принял столь опрометчивое решение.

Поглядев по сторонам в молчании, моя жена заявила:

— Пусть решит Тютюра.

И разумеется, она была права. Тютюра, надо отдать ему должное, всегда занимался поиском места, и это была одна из причин, по которой мы брали его во все поездки с тех пор, как он у нас появился. Добавлю, что мы оба его обожали, но это я так, мимоходом, а то ещё заподозрите меня, чего доброго, в стремлении к выгоде, к корыстному использованию редких талантов Тютюры.

— Справедливо,— заметил я.— Это его дело. Пусть и займётся.

Я направился к автомобилю, нажал на кнопку и распахнул заднюю дверцу пошире.

— Будьте любезны, Тютюра! Подберите, пожалуйста, местечко для палатки!

Тютюра слез с усилиями с сиденья, соскочил наземь и принялся быстро, маленькими шажками, бегать взад и вперёд по поляне. А я тем временем открыл багажник, и мы с женой начали вытаскивать палатку и прочее снаряжение.

Камилл уже задремал. Засыпал он всегда первым. Его ни капельки не смущало то, что кто-то роется в багажнике, хлопает дверцами. Он погружался в дремоту, как только смолкал двигатель. Нынче он до того притомился, что заснул с открытыми, то есть, я бы сказал, зажжёнными глазами. Ночь наступала, и потому я не погасил глаза Камилла — они помогали нам разобраться в обстановке.

Всё у нас было уже готово, мы ждали только Тютюру. Наконец появился и он. Вылез, верней, выкарабкался из густых кустов терновника, росших на краю поляны, и пустился по кругу. Глаза Камилла его освещали. Круги сначала были широкие, потом стали сужаться. Минуту две-три минуты, и Тютюра, прервав свою карусель, оторвал нос от земли (забыл упомянуть, что, бегая, Тютюра едва не касался кончиком носа земли) и глянул на нас своими умными глазками.

Мы с женой сразу, разумеется, его поняли. Тютюра сообщал, что отыскал наконец то самое место, где надо ставить палатку. Теперь требовалась ещё минута, чтоб дать Тютюре возможность подробно обследовать избранное им место.

Тютюра выполнил без промедления очередную задачу. Сделал он это очень старательно. Осмотрел каждый клочок земли, каждый пучок травы, сунул нос в каждую ямку, изучил мох и лесные растения, всякую песчинку разглядел, словно в лупу.

Можно было уловить, прислушавшись, тихое щёлканье или, вернее, цоканье. Так Тютюра наводил порядок, подготавливая участок для сна.

Наконец он замер в центре обозначенного им круга, и это был знак, что мы без опасений можем устанавливать здесь палатку. О змеях, муравьях, пиявках и прочих сюрпризах не могло

быть и речи. В этом отношении на Тютюру можно было положиться. Он был специалистом высокого класса и ни разу не подкачал.

Дальше всё последовало с молниеносной быстротой. Опыт по установлению палатки у нас был, и через несколько минут брезентовый домик уже высился на поляне, готовый принять нас под свою косую крышу. Все колышки были вбиты как полагается, верёвки натянуты как следует, а брезент глаже полированного стекла. Ни одна морщинка, даже крохотный изломчик не нарушал идеальной поверхности ровных стен. Самому требовательному спортивному инструктору и тому не было бы к чему прицепиться. Минуточку... Извините, пожалуйста, тут я малость перехватил. Одного мы всё же ещё не сделали — не окопали нашу палатку соответствующей канавкой. Но погода последние дни была такая замечательная, что все давным-давно забыли про такое не столь уж исключительное явление, как дождь. Это в какой-то мере могло служить нам оправданием.

— Надуй матрасы, а я приготовлю ужин,— сказала жена.

И я принялся надувать матрасы. Как раз то самое дело, которое я ненавижу больше всего. Если стоишь лагерем несколько дней на одном и том же месте, то, разумеется, этот вопрос отпадает. Надул матрас — и ни о чём себе не думай. Но если человек в пути, если он перемещается, как кочующий цыган, то надувание матрасов становится предприятием столь же тяжёлым, сколь и безнадёжным. Вечером накачаешь, а утром изволь спустить из матраса воздух. И так до бесконечности. Представляете себе, сколько воздуха переводится впустую?

Я надул один матрас и принялся за другой.

Насосик, которым я когда-то пользовался, давным-давно испортился, и волей-неволей приходилось надувать матрасы ртом. Если есть опыт, получается даже быстрее, чем насосиком. Но я всё дул и дул, а воздуха не прибывало.

— Чай уже готов!— крикнула жена.— Кончай с матрасами.

— Одинфф яфф ужефф надулфф,— зашипел я, не выпуская резинового шланга из зубов,— теперьфф надуваюфф другойфф...

— Ты что-то долго копаешься,— заметила жена.

— Вот именнофф,— прошипел я в ответ. Пока я говорил, воздух выходил через зажатый в зубах шланг, и оттого речь становилась всё шипучей.— Не представляюфф, почемуфф так долгофф,— пояснил я, пожав плечами.

Жена прикоснулась к матрасу.

— Ого! Сколько ещё осталось! Дуй быстрее.

«Тоже мне совет,— подумал я, не желая вынимать изо рта шланг.— Как она, интересно, это себе представляет? Как можно дуть быстрее? Даже если дуть быстрее, всё равно в матрас войдёт ровно столько воздуха, сколько пропустит шланг».

Жена проверила снова.

— Совсем не надувается,— сказала она с изумлением.

— Страннофф,— буркнул я.

— Может, ты дуешь мимо.

— Не говори пустякофффф!

— Ещё вчера всё было в порядке. Ты надул оба матраса, раз-два, без разговоров. Ты что, может, заболел?— обеспокоилась она всерьёз.

— Я здорофффффф,— прошипел я в ответ.

— Я знаю!— воскликнула жена вдруг.— Это он!

— Ктофф?

— Тютюра!

— Фюфюра?— удивился я.

— Да, да, твой обожаемый Тютюра. Утром он изволил валяться на этом матрасе.

Я вынул шланг изо рта и загнул его, чтоб воздух не выходил наружу.

— Ну и что из того?— осведомился я.— Он частенько валяется на наших матрасах.

— Так-то оно так,— согласилась жена.— Но сегодня он валялся таким образом, каким валяться ему не полагается.

— Он что, лежал на спине?— спросил я в ужасе.

— Вот именно,— ответила она.— На спине.

— Теперь всё понятно!— воскликнул я и стал прислушиваться. Из дальнего конца матраса до меня долетело тихое шипение.— Слыхала?— спросил я.

— Слыхала,— ответила жена.— Дело ясное.

К счастью, у нас был клей и запас тонких резиновых пластинок. Мы быстро залатали то место, где оказался прокол. Теперь матрас был надут без происшествий.

Мы выпили чай, съели свой скромный ужин, потому что готовить что-то сложное не было уже сил, и принялись укладываться спать. Я погасил глаза Камилла и влез в палатку. Тютюра немедленно притопал из мрака и занял своё место у входа, как стражник, заступающий на пост. Жена, читавшая на сон при свете фонарика какую-то чрезвычайно интересную книгу, невольно поджала ноги.

— Он чудесный,— пояснила она,— и очень полезный, только я страшно не люблю, когда он колет меня ночью в пятки...

Проснулся я оттого, что на лицо падали капли. Сначала я огорчился, подумал: вот вам и

дождь. Во время летнего отдыха это изрядная неприятность, кроме того, ещё не совсем проснувшись, я вспомнил, что вчера вечером из-за усталости, а может, просто по присущей мне лени, не окопал как полагается канавкой палатку. Значит, теперь мы подмокнем.

Однако это был не дождь. Одна-две капли упали мне прямо на губы, и я ощутил их солёный привкус. А ведь дождь солёным не бывает. С солёным дождём я пока не встречался, а я немало поездил за свою жизнь, да ещё побывал в таких странах, где не обошлось бы, конечно, без солёного дождя, существуй он на свете.

— Вставай, соня!

Это был без всякого сомнения голос моей жены. Через секунду я вновь ощутил на лице солёные капли. Я приоткрыл глаза и увидел у входа в палатку жену в купальном костюме, кожа у неё лоснилась от воды. Она брызгала мне в лицо, как это делают иногда расшалившиеся ребяташки.

— Какие дурацкие шутки!— воскликнул я, намереваясь повернуться на другой бок и досмотреть свой сон.

— Вставай!— настойчиво повторяла жена.— Разве можно в такое утро валяться в палатке?

— Сколько времени?

— Шесть!

— Боже милостивый!— жалобно простонал я.— Ещё только шесть, а меня уже будят. Разве это по-человечески?

— По-человечески, по-человечески,— засмеялась жена.— Ты завалился в девять, а сейчас уже шесть, девять часов храпа вполне достаточно! Встань и выкупайся, это пойдёт тебе на пользу. Я уже купалась...

— В чём?

— То есть как в чём? В море.

— В море?— воскликнул я, сел на матрасе и в изумлении стал скрести затылок.— Извини меня, пожалуйста, но не можешь ли ты мне сообщить, в к а к о м именно море ты изволила купаться?

— В том, которое за лесом...

— Не надо сказок, там нет никакого моря! Там не может быть моря!

— Не может, а есть.

— Чепуха,— сказал я решительно.

— Чепуха?— переспросила жена и взглянула на меня с насмешкой.— А это что такое?

И в третий раз брызнула с руки остатками солёной воды.

— Что такое? Вода, разумеется...— пробормotal я, зажмуриваясь на всякий случай, чтоб вода не попала в глаз.—«В самом деле,— подумал я,— вода, несомненно, солёная. Не мочила ж она нарочно руки в солёной воде, чтобы подстроить с утра такую штуку... С другой стороны, ни о каком море в этой местности не может быть и речи...»

Я глянул на жену с подозрением. Нет, держится как обычно, совершенно спокойна. Что-то не похоже на розыгрыш.

— Может, ты случайно открыла солёную реку или солёное озеро?— спросил я невинным голосом.

— Я отличу реку от озера, а озеро от моря,— с насмешкой ответила мне жена.

В ту же секунду я был уже на ногах.

— Дай немедленно карту!— крикнул я, выбежав из палатки.

— Какую такую карту?

— Ту самую, по которой мы вчера ехали. Клянусь китовым усом: километров на четыреста

в любую сторону отсюда нет моря! Я докажу тебе это по карте...

Жена протянула мне карту, которая ещё со вчерашнего вечера валялась на заднем сиденье машины. Я разложил её на капоте Камилла и, водя по ней пальцем, обозначил проделанный вчера путь.

— Вот главная автострада,— объяснил я.— Видишь?

— Вижу,— подтвердила жена.

— Выехали мы вот отсюда, а потом поехали сюда, вот до этого перекрёстка...

— Правильно,— согласилась жена.

— Потом свернули на боковую дорогу, помнишь?

— Ещё бы!

— И по этой дороге мы доехали вот досюда... Стой, а это что такое?— забеспокоился я.

— Это?.. Это пятно.

— Откуда оно взялось?

— Наверно, от клея,— сказала жена, рассматривая пятно.— Погляди, налипает...

— Откуда взяться вдруг клею на моей автомобильной карте?— воскликнул я с возмущением.

— Насколько я понимаю, ты сам её испачкал,— вновь с ехидством произнесла жена.— Не ты ли пользовался вчера клеем, когда клеил матрас...

— Верно, верно,— согласился я, вспомнив вечернее происшествие.

— Не завинченный до конца тюбик с клеем ты бросил на карту, клей вытек, и получилось пятно — большое, белое...

— Ты только взгляни,— сказал я с огорчением,— из-за этого клея исчезло шоссе, железные дороги, реки и даже кружочки, которыми

обозначены населённые пункты... Не представляю себе, где мы теперь находимся.

— Да и неважно!— заявила жена.— Мы с тобой на летнем отдыхе и пустыяков близко к сердцу не принимаем. Мы просто в пятне, понимаешь? Где-то здесь в пятне. Может, в самой серединке, а может, с краю, кто знает... Брось карту и поди выкупайся в море, пока на пляже пусто...

— Но на карте нет моря!— запротестовал я.

— Откуда тебе знать, что там под пятном,— захихикала жена.— Там не то что море, там поместится и океан. Это тебе не потёк, не пятнышко, а, можно сказать, пятнище... Понятия не имею, чем нам теперь клеить дырки в матрасах. На это пятно ушел весь клей...

Ничего в своё оправдание придумать я не мог. Трудно себе представить, до какой степени пустыак способен испортить жизнь человека, мало сказать испортить, просто перевернуть все вверх дном. До чего может довести неплотно завинченный колпачок на тубике с клеем! Сразу ощущаешь беспомощность. Оказаться вдруг в каком-то месте, которое и на картах не обозначено, к тому же ещё это море, которое не имеет права на существование, и в довершение неприятностей вытек весь клей для матрасов, а это, учитывая близость Тютюры, грозит нам изрядными неприятностями.

Я заглянул в Камилла. На полу возле сиденья валялся пустой, выжатый до остатка тубик изпод клея. Наверно, я сел на него или что-то ещё в этом роде. А может, придавил его в темноте сумкой? Нет, не надо больше об этом думать, не то сойдёшь с ума... Голова раскалывается на части. Придётся принять порошок от головной боли... Впрочем, зачем порошок? Может, и в са-

мом деле искупаться в море? В каком таком море? Ведь это сушая чепуха, тут нет никакого моря... Однако моя жена купалась в море. Только купалась ли? Может, ей просто привиделось, что купалась? Частенько людям мерещатся самые невероятные вещи. Но позвольте, ведь она же брызгала в меня солёной водой... Нет, я должен выяснить всё до конца.

Я скинул пижаму и поспешно натянул плавки.

— Где оно, твоё море?— спросил я у жены, зажигавшей в этот момент газовую горелку.

— Море не моё,— ответила равнодушным голосом жена.

— А чьё?

— Понятия не имею.

— Море всегда того, кто его открывает,— заметил я.

— Но ведь я его не открывала. Просто шла по лесу, увидела и выкупалась.

— Открыла море, а теперь от него отпираешься. Это не так-то просто, моя дорогая... Придётся отвечать за все последствия своего открытия.

— Какие ещё последствия?— заволновалась жена.

— А такие...— пояснил я.— Вот не было моря, во всяком случае не должно было быть, а теперь есть. И оно неизбежно будет связано с твоей личностью.

— Интересно, как это ты себе представляешь?

— Как? А очень просто. Отныне море будет называться в твою честь Морем Моей Жены. Ничего не попишешь, моя милая, нельзя безнаказанно совершать великие географические открытия.

— Свихнулся!— воскликнула жена.

— Да, да!— подхватил я с насмешкой.— Море Моей Жены — название замечательное. Ты только послушай, как это звучит: Море Моей Жены. И знаешь, это привьётся! Давно уже не было сенсаций на свете! Во всех газетах на первых страницах напечатают сногсшибательное сообщение: «Открытие нового моря!», «Случайное открытие моря во время летнего путешествия!», «Не ведомая никому путешественница открывает море, которое не сумели открыть величайшие мореплаватели!», «Колумб в юбке!» И так далее, и тому подобное, и прочее... Видишь, что ты натворила?

Я покосился на жену, чтоб выяснить, какое впечатление произвела на неё моя тирада. Но она только покрутила пальцем у виска и сказала:

— Скорей искупайся. Это пойдёт тебе на пользу.

Я оставил жену возле горелки и направился к воображаемому морю. Пересёк широкую поляну и зашпешил по тропинке, протоптанной среди высоких деревьев. Заметил вдали несколько палаток, но не обратил на них внимания. Может, эти туристы тут уже не первый день. Ведь мы приехали в сумерки и могли их вчера не заметить. А может, их поставили поздно ночью, когда мы спали, утомлённые своим путешествием. Что ж, палатки как палатки — обычное зрелище в пору отпусков, нечему удивляться.

К тому же лес поредел, и между стволами вековых деревьев замаячило нечто голубое. «Наверное, небо,— мелькнула догадка,— но в ту же минуту до моих ушей донёсся шум.— Насколько я понимаю, небо не шумит... Любопытно...»

Шум всё усиливался и, проскочив ещё метров двести, я уже не сомневался: Море Моей Жены

существует. Лес кончился, и я очутился на широком песчаном пляже. В лучах утреннего солнца песок сиял безупречной белизной. Он сохранял ещё ночную прохладу и был такой мелкий, что ноги уходили в него по щиколотку, словно в порошок.

В голове у меня закружилось, и, чтоб сохранить душевное равновесие, я сделал кувырок и бросился с разбега в воду.

Я совершил далёкий заплыв.

Сам знаю, делать этого не полагается, особенно если купаешься в одиночку и рядом нет никого, кто в случае опасности может прийти на помощь. Знаю, а вот уплыл.

Когда я был за двести, а может, за триста метров от берега, я вдруг увидел, что поблизости от меня всплывает из моря что-то большое, белое... Это была одна огромная, как бы лоснящаяся продолговатая голова, а на ней маска аквалангиста.

Когда-то, очень давно, один знакомый капитан рассказывал мне о белых акулах, которых считают самыми прожорливыми и кровожадными на свете. Теперь вы понимаете, о чём я тут же подумал.

«Влип,— пронеслось у меня в голове, и я медленно и осторожно стал менять направление, пытаюсь направиться к берегу.— Влип. Теперь ничто меня не спасёт!» Я помнил: поблизости от акулы нельзя делать резких движений. Это лишь привлечёт внимание и подтолкнёт хищника к нападению. Всплывшая рядом акула была, как мне показалось, особенно кровожадной. Об этом свидетельствовала маска на морде. Она наверняка сожрала какого-нибудь несчастного ак-

валангиста и теперь красовалась в маске своей жертвы, похваляясь перед другими акулами.

Я осторожно обернулся. Белое чудище исчезло. Наверняка поднырнула, в глубине она гораздо проворнее, чем на поверхности. Одному только дьяволу ведомо, где она сейчас! Может, подомной? Может, наблюдает со стороны?..

Я плыл брассом. Это самый спокойный из всех стилей, и он меньше других привлекает внимание акул. Когда плывёшь брассом, то кажется, что двигаешься невзначай, а то и вовсе стоишь на месте, в действительности же расстояние всё сокращается. Берег стал понемногу приближаться. Был, однако, всё ещё очень-очень далеко.

В голову лезли всякие страшные мысли. Тем не менее я старался себя утешить, сохранить как-то остатки самообладания.

«Если она только что съела аквалангиста,— внушал я себе,— значит, она не такая уж голодная. Это даёт мне кое-какой шанс. Прежде чем у неё вновь разыграется аппетит, я ещё доплыву, может быть, до берега. А уж когда ступлю на берег, то акула, пусть даже самая прожорливая, будет только зубами щёлкать, потому что акулы, насколько я понимаю, на пляж не выходят. По крайней мере, такого я не слыхивал...»

В ту же секунду на меня напали сомнения, и я облился холодным потом, чего со стороны, разумеется, никто б не заметил, поскольку холодный пот смешивался с морской водой, в которой, к несчастью, я находился. Я был более чем убеждён, что акула явилась не одна. Эти твари плавают обычно стаями. Ужасно!.. Если эта с маской на морде пока сыта, то другие. должно быть, проголодались. К тому же они завидуют, вероятно, обладательнице маски. Откуда

им знать, что маски у меня нету? Голова у меня была всё время над водой и оттуда, снизу, откуда они на меня смотрят, трудно было, конечно, разобраться...

Хотя вода была тёплая, я почувствовал, как по телу прошла ледяная дрожь.

Берег всё приближался. И когда я было уже ободрился, почувствовал надежду на спасение, я вдруг заметил, как огромная туша вынырнула вновь, на этот раз на полпути к берегу.

Всё у меня внутри оборвалось. Отступление отрезано, а плыть в противоположном направлении было чистым безумием. Даже если б я нашёл в себе силы повернуть в открытое море, я б всё равно не знал, куда, собственно, я плыву. Я не имел ни малейшего представления, что это за море, какова его ширина и что находится на том берегу. Одно лишь не вызывало сомнения: в открытом море мне грозили встречи с ещё большим количеством акул.

Молниеносно оценив ситуацию, я принял единственно правильное решение: плыть к берегу, несмотря ни на какие последствия. В конце концов, передо мной была одна-единственная акула, к тому же сытая, что всё-таки имело некоторое значение. Может, удастся проскользнуть рядом? Может, она меня не заметит? Может, разглядит, что маски у меня нету, и махнёт на это дело плавником, даже если она собирает коллекцию масок...

Стараясь казаться как можно спокойнее, я продолжал плыть брассом к берегу. Любопытно, что акула, которая отрезала мне путь, не стремилась навстречу. Напротив, она тоже направлялась к берегу.

«Что ж это ещё за тактика такая? — забеспокоился я. — Уж не собирается ли она напасть на

меня в последний момент, когда я буду всего на шаг от спасения? Это было бы так жестоко!»

Я преодолел ещё несколько метров. Белое сверкающее тело было теперь рядом с берегом. В голове у меня мелькнула безумная надежда: «Ещё чуть-чуть — и она сядет на мель! Тогда я обойду её стороной и буду спасён! Спасён!!!»

В самом деле, акула всё более высывалась из воды, а очутившись на мелком месте, стала вдруг торчком и как ни в чём не бывало вышла на сушу.

Я посмотрел внимательней и понял, что акула — это не акула, а белый, представьте себе, медведь. Нет, вы меня понимаете? Медведь! Именно в тот момент, когда я считал, что на все сто процентов спасся от акулы, передо мной другое кровожадное чудовище — белый медведь. Акула опасна только в воде. А этот страшен и в воде и на суше. Что прикажете делать? Оставаться по-прежнему в море или рискнуть выйти на берег?

Медведь отряхнулся, стянул лапой с морды маску и стал прогуливаться по пляжу.

Я решил плыть к берегу, но с тем, чтоб высадиться как можно дальше от чудовища. Едва он двинулся направо, как я тотчас поплыл наискосок налево. Увы, минутой спустя, он повернулся и пошёл налево, и тогда я, само собой разумеется, изменил направление и поплыл, конечно, направо. Так повторялось несколько раз. Наконец он остановился и, наблюдая, как я барахтаюсь в воде, громко крикнул:

— Помочь не надо?

Я оцепенел. Ничего себе помощь, угодить в медвежьи лапы. Впрочем, голос у него был не такой уж противный. В самом деле, ощущалась как бы даже забота о моей особе. Следовало бы

что-то ответить, впрочем, я не был уверен, что слова не застрянут у меня в глотке.

— Нннет, ббббольшое спаааасибо,— выдавил я из себя.

— Я думал, вам дурно,— пояснил медведь.— Вы плыли какими-то странными зигзагами...

— Я ввввсегда ттттак, у меня ттттакой сссстиль.

— А коли так, то не смею беспокоить. Простите великодушно. До свиданья!

Он досуха отряхнулся, махнул на прощание лапой, в которой была зажата маска, и ушёл, покинув меня в воде. Как я трясся, как стучал зубами!

— Ты чего такой бледный?— спросила меня жена, когда я, донельзя взбудораженный и всё ещё мокрый, очутился рядом с палаткой.

— Бледный?— удивился я.— Тебе, наверно, показалось...

— Ничего мне не показалось,— возразила жена решительно.— Я вижу, какой ты бледный.

— Может, это свет так падает мне на лицо. Кажусь бледнее, вот и всё.

— Дело тут вовсе не в свете. Ты бледный. Может, тебе стало дурно в море, а?

— Дурно... Тут и самому здоровому станет дурно...

— Ты что-то скрываешь,— сказала жена, пристально в меня вглядываясь.

Я не знал, что и делать. Рассказать ли всё начистоту, рискуя подвергнуться насмешкам,— ведь не поверит же она в акулу, которая оказалась белым медведем!— или же промолчать, не смотря на опасность. Так как ясно: через какое-

то время она вновь пожелает искупаться и тогда... Страшно даже подумать!

— Чего молчишь?

— А о чём, собственно, говорить?— начал я.— Всё получилось из-за тебя.

— Из-за меня?— протянула жена.

— Да, да, из-за тебя. Не ты ли открыла это опасное море?

— Опасное?— отозвалась жена.— Я купалась и ничего такого не заметила. Совсем даже напротив, было очень приятно. Вода тёплая, волна небольшая, младенцы могут плавать в таком море.

— И они мгновенно перестанут быть младенцами...— вставил я без промедления.

— Что ты выдумываешь?

Выбора у меня не было. Пришлось рассказать всё начистоту. Едва я кончил, жена расхохоталась.

— Не вижу ничего смешного,— обиделся я. Меня возмутила та беззаботность, с какой она восприняла моё ужасное приключение.— Выходит, эта история ни капли тебя не удивила?

— Чему прикажешь тут удивляться?

— Да хотя бы медведю!

— Наверняка его кто-то сюда привёз,— заметила жена равнодушно.

— То есть как это «привёз»?— воскликнул я, чувствуя, что мне не совладать с нервами.

— А вот так... Приехал и привёз. Люди привозят с собой самых разных животных... Таскаешь же ты с собой Тютюру... Да хватит молоть языком впустую, уже готов завтрак...

Я уселся на складном стульчике у складного столика и складной ложечкой насыпал сахарного песка в складную чашечку, складным ножиком отрезал себе хлеба и складной вилкой стал

ковыряться в яичнице, поджаренной на складной сковородке.

Но прерванный спор не давал мне тем не менее покоя.

— Насчёт Тютюры ты права,— сказал я.— Но ведь Тютюра, в конце концов, маленькая звешка...

— Одни любят маленьких, другие — больших. Одни возят с собой кошек, другие путешествуют с собаками, а третьи берут с собой в дорогу обезьяну или попугая...

— Так-то оно так,— согласился я,— но чтоб путешествовать с медведем?!

— А что, многие, наверно, удивляются, глядя, как мы путешествуем с ежом. Ты что, считаешь, что путешествовать с ежом — вполне обычное дело, не так ли? Думаешь, найдётся ещё кто-нибудь, кто таскает с собой ежа?

— Сомневаюсь,— ответил я,— хотя поездка с ежом куда понятнее, чем с медведем. От ежа хоть польза...

— Очень даже может быть, что польза и от медведя, откуда ты знаешь? Факир, к примеру, и шага не ступит без змеи, а тебе, верно, и в голову не придёт возить в автомобиле змею?

При одной только мысли об этом меня всего передёрнуло, уж очень я не люблю иметь дело со змеями и подобными им ползучими тварями.

— А может, этот самый медведь,— развивала свою мысль жена,— добывает в дороге для своего хозяина мёд? Медведи, как тебе известно, прекрасные добытчики, они способны учуять мёд за несколько километров, вдобавок могут вскарабкаться на самое высокое дерево и отобрать мёд у пчёл...

— Но это был белый медведь,— заметил я с усмешкой.— Белые медведи, насколько мне из-

вестно, не лазают по деревьям по той простой причине, что там, где они обитают, деревьев почти что нету.

— Какое это имеет значение,— пренебрегла моими доводами жена.— Не цепляйся к слову. Ладно, пусть он добывает не мёд, пусть ловит рыбу. Белые медведи превосходные ныряльщики, и вот хозяин по первому же требованию получает свежую рыбу. Нам бы, откровенно сказать, такой мишка не повредил, мы бы питались лучше, а то всё консервы да консервы...

— Глянула б ты на него сама, тебе б сразу же расхотелось рыбки.

Жена собралась было что-то возразить, но тут на наш складной туристский стол упала длинная тонкая тень. Казалось, высоченное дерево склонилось над нами.

Мы одновременно обернулись и онемели от удивления.

У нас за спиной появился самый что ни на есть настоящий жираф или, вернее, жирафа. Она была в пижаме, а на голове у неё красовался чепчик, словно она только-только встала с постели.

Жирафы — животные очень пугливые. Но эта была какая-то ненормальная — ни тени страха. Как раз наоборот, именно мы ощутили в это мгновение что-то похожее на тревогу.

Жирафа со своей высоты нам улыбнулась. Никогда ещё нам не приходилось иметь дело с жирафами, тем более с улыбающимися. Когда видишь улыбающуюся жирафу, кажется, что тебе улыбается кто-то с балкона четвёртого этажа.

Я ещё как-то улыбнулся в ответ, но у жены ничего не вышло. Выглядели мы, надо полагать, по-дурацки и совершенно не знали, что делать.

К счастью, жирафа чувствовала себя как ни в

чем не бывало. Только она одна была на высоте положения.

— Извините, пожалуйста,— произнесла она с большим достоинством,— кажется, я нарушила ваш завтрак. Не одолжите ли вы мне щепотку соли?

— Соли?!— воскликнули мы оба враз.— Какой соли?

— Обыкновенной, столовой.

— С величайшим удовольствием,— сказал я поспешно.— Боюсь только, не маловато ли будет, у нас только то, что в солонке.

— О, этого абсолютно достаточно. Мой мужёк заупрямился, говорит: ни за что на свете не буду есть на завтрак несолёную редиску. Наша палатка тут поблизости... Вы её сразу узнаете — самая высокая. Мы тут вместе с детьми. Очаровательное место, не правда ли? Идеальный отдых. Мы бываем здесь каждый год. А вы тут впервые?

— Впервые,— пролепетал я.

— Вы, конечно, привяжетесь к этим местам. А солонку я вам сразу верну, вот только посолю мужу эту его редиску.

Она взяла солонку и загарцевала по-жирафьи между высокими деревьями рощи.

Жена посмотрела на меня, я — на жену.

— Ну, теперь ты веришь в медведя?— осведомился я.

— Начинаю верить. И в медведя и в жирафу,— ответила жена.— Не кажется ли тебе, что это малость жутковато?

— Мне кажется, что пора сматываться отсюда...

— О, не спешите, не спешите,— пророкотал в кустах терновника чей-то бас.— Мы вас отсюда так сразу не выпустим.

— Ещё какой-то сюрпризец,— шепнул я жене, вскакивая со своего складного стульчика. И мы уставились в чашу, сквозь которую продирался незнакомец.

Спустя несколько секунд он был уже перед нами.

Кабан! Кабан в плавках.

— Пожалуйста, не пугайтесь, ничего дурного не случится,— заявил он, появляясь во всём своём великолепии.— Я, разумеется, кабан, но отнюдь не свинья. А уж во время отпуска характер у меня просто ангельский.

На всякий случай мы оба прыгнули в Камилла и захлопнули дверцы.

— Это ничего не меняет,— крикнул кабан и от души рассмеялся.— Уехать отсюда вам всё равно не удастся, во всяком случае в ближайшее время. Кто к нам попадает, тому придется пожить у нас какое-то время. Вы для нас слишком редкие гости. Нет, нет, мы не позволим вот так сразу бежать отсюда. Мы должны как следует насладиться вашим обществом.

Я невольно включил двигатель. Мотор Камилла тихо заурчал.

Кабан это услышал и, глянув на нас исподлобья, со странной усмешкой произнёс:

— Зачем же так опрометчиво? В этом нет ни малейшего смысла. Да и дорога так себе...

Сказав это, он значительно кашлянул. По правде сказать, он откашливался всё время без остановки, откашливался, а может, он так похрюкивал? Но мы обратили на это внимание только сейчас, когда он заговорил о дороге.

Я опустил стекло и заметил:

— Она уж вовсе не такая плохая. Вчера мы тут проехали, и всё было в порядке. Даже Камилл — это наш автомобиль — почти

не жаловался, а он весьма чувствителен к дороге...

— Между вчера и сегодня может быть великая разница,— философски заметил кабан и иронически хрюкнул.— То, что было хорошим вчера, может испортиться сегодня. То, что вчера казалось лакомством, сегодня превратилось в помой. Могу привести примеры, случаи, факты...

— Но дороги так быстро не меняются,— вмешалась в разговор жена, оттолкнув меня от окна и сама высовываясь наружу.

— Вы заблуждаетесь,— всё с той же небрежной усмешкой обронил кабан.— В самом деле, вчера дорога была ничего себе, а сегодня — это сплошной ужас.

— А что такое случилось?— спросили мы оба одновременно.

— Мы её испортили. Наше семейство трудилось ночь напролёт. Вам, конечно, известно, как умеют рыть кабаны. На тракторе теперь не проедешь. Перепахана и перерыта...

— А я всё-таки не верю,— сказал я,— не верю. Я не хочу, разумеется, обидеть вашу семью и усомниться в её талантах, но чтоб вы в течение одной только ночи могли испортить асфальтовую дорогу...

— Ну, мы были не одни,— пояснил кабан.— Нам помогало семейство носорогов. Носороги в таком деле незаменимы.

При этом сообщении жена так подскочила на сиденье, что Камилл закачался на рессорах.

— Носорогов нам только не хватало!— воскликнула она в отчаянии.

Я же старался держать себя в руках.

— Ну хорошо,— сказал я,— а как же мы выберемся отсюда, когда получим ваше вели-

кодушное согласие покинуть этот очаровательный уголок?

— О, осложнений не предвидится!— заметил кабан.— Это дело слонов. Они утрамбуют дорогу не хуже любого катка.

— И слоны у них тоже есть!— зарыдала моя жена и под бременем горя навалилась на баранку Камилла, отчего тот издал, разумеется, долгий пронзительный вопль, который подхватило окрестное эхо, изрядно его при этом усилив.

Сигнал нашего автомобиля произвёл на кабана наилучшее впечатление.

— Замечательная музыка,— хрюкнул он.— Если придётся устроить костёр, мы попросим, чтоб вы на этом инструменте аккомпанировали нам для танца.

Затем он изысканно поклонился и направился в те самые кусты, откуда только что вышел. Впрочем, хрюкнул ещё из зарослей на прощание:

— До встречи на пляже!

Едва кабан скрылся в чаще, как мы принялись думать, как же нам, собственно, теперь быть. С одной стороны, мы были напуганы, с другой — нам не очень-то хотелось отправляться в дорогу. Погода стояла великолепная, в самый раз понежиться на пляже, позагорать, пока не кончился отпуск, покупаться в море, тем более что это море нам точно с неба свалилось.

Казалось бы, такая вещь, как море, с неба свалиться не может, и тем не менее это не совсем так. Нам оно, вне всякого сомнения, свалилось с неба. Стоило ли пренебречь такой возможностью?

Обычно, собираясь на море, надо долго складывать чемоданы, потом долго ехать, потом ис-

кать место, где б можно поставить машину, и когда наконец человек уже без сил ступает на берег, то выясняется, что погода испортилась, хлещет дождь, воет ветер, перекатываются волны высотой с автобус, и о том, чтобы войти в воду, не может быть и речи.

А тут море, говорю, точно с неба свалилось. Безо всяких хлопот. Вдобавок ещё чудесная безоблачная погода!

Мы разом выскочили из машины и захлопнули дверцы. Будь что будет, мы — на пляж!

— Возьмём с собой Тютюру? — спросила жена.

— Хочет, пусть идёт с нами, — ответил я.

Но Тютюра идти на пляж не пожелал. Вероятно, он спал, забившись куда-то в угол. Впрочем, после ночной караульной службы отдых, разумеется, нужен. «Пусть себе поспит, — подумал я, — пусть ему приснятся самые замечательные сны, какие только могут присниться ёжику».

Мы привели в порядок наш небольшой лагерь, убрали недоеденный завтрак, который прервался, как вы, конечно, помните, из-за неожиданного появления жирафы, искавшей соли, с тем чтобы посолить мужу редиску (объясните мне, пожалуйста, что за странная блажь есть с утра пораньше редиску?), и, закинув за спину сумки с пляжными принадлежностями, нахлобучив большие соломенные шляпы, мы двинулись на пляж.

Пляж был совсем не тот, что рано утром. Тогда было тихо и пусто, а теперь издалека, перебивая шум прибоя, разносился галдёж, какого мы ещё в жизни не слыхивали. Такие звуки раздавались, быть может, в древности на Ноевом ковчеге (корабле, о котором рассказывает библейское предание), когда во время знаменитого

потопа, случившегося вскоре после сотворения мира, там были собраны все существующие на свете животные.

По дороге на пляж мы обратили теперь внимание на множество мелочей, которые нас прежде не интересовали.

Заметили палатку возле тропинки, а рядом с ней на верёвке шкуру зебры.

Нам стало как-то не по себе, оба мы, и жена и я, очень любим зебр, а тут пожалуйста — такое зрелище.

— Наверно, кто-то её убил, — сказала жена.

— Да, похоже...

— Бедное животное, — вздохнула жена.

— Можно сделать предположение, — заметил я, — что в палатке поселился охотник.

— Не исключено, — согласилась жена.

— Как это жестоко — стрелять в беззащитных зверей. И зачем только ему эта шкура?

— Может, на манто.

— Но ведь чёрно-белых никто не носит.

— На коврик у кровати...

— Непрактично, — заметил я. — Белые полоски испачкаются раньше чёрных. И что тогда? Чёрные будут хоть куда, а белые уже ни на что не сгодятся...

В ту же минуту из входа в палатку, возле которой мы остановились, высунулась голова зебры. Только одна голова и больше ничего.

— Она отлично стирается, — сказала голова и захихикала.

Мы глянули друг на друга в изумлении.

— Нет, правда! Можете поверить, стирается великолепно, — повторила голова всё с тем же хихиканьем.

Я смутился и залепетал:

— Простите, пожалуйста... Мы думали, что

это... Что она... Ну вот то, что здесь на верёвке...

— А, моё платье?— захихикала опять зебра.— Час назад я его выстирала, и теперь оно сушится... К сожалению, взяла с собой в отпуск одно-единственное платье, и вот приходится сидеть нагишом в палатке и ждать, когда высохнет.

— А, так вот почему вы высовываете одну только голову,— сказала, вздохнув с облегчением, моя жена.

— Ну разумеется!— подхватила зебра.

— Прелестный узорчик,— заметила жена, рассматривая шкуру вблизи.— И качество, знаете, превосходное.

Зебре, как видно, это доставило большое удовольствие.

— Ещё моя мама покупала. С самого детства она одевала меня с чёрно-белой полосочкой.

— Полосочки всегда в моде,— улыбнулась зебре моя жена.— Вам они, конечно, к лицу...

— Надеюсь, мы ещё встретимся,— сказала зебра.— Я буду в платье, и вы скажете ещё своё мнение... А вы на пляж?

— Да,— подтвердили мы оба.

— Ну так я приду,— произнесла, вновь захихикав, зебра и спрятала голову в палатку.

Мы двинулись дальше.

Неподалёку от пляжа, в тени деревьев-великанов, сидели на цветастом пледе два старых бегемота и, громко сопя, резались в карты. Сопели они, вероятно, из-за жары. Однако нас ничто уже не дивило.

Не удивились мы и тогда, когда мимо пролетели по тропинке три велосипедиста, едва не сбив нас при этом. То обстоятельство, что это были три крикливых павиана, не произвело уже

ни малейшего впечатления. Притерпелись!.. Мы делали вид, будто всё это в порядке вещей, будто ничего особенного не происходит.

Ноги вязли в пушистом песке пляжа. Мы ощущали, что становимся центром всеобщего внимания. Сколько пар глаз, с самым разным разрезом, следило за нами, пока мы шагали через пляж! А мы уже присмотрели пустое местечко вблизи берега. Мы старались не глядеть по сторонам и как ни в чём не бывало вполголоса беседовали друг с другом.

— Ну, как ты себя чувствуешь?— осведомился я у жены.

— Да так себе,— ответила она.

— Страшновато, а?

— А тебе?

— Страшновато.

— И мне тоже.

— Надеюсь, ничего худого они с нами не сделают...

— Если б хотели, давно б сделали...

— Вот, вот...

— Послушай!— воскликнула вдруг жена, хватая меня за руку.— Может, они считают нас своими?

— Но это же невозможно!

— Почему?

— Потому что мы люди.

— Тоже верно,— согласилась жена.— Не кажется ли тебе, впрочем, что мы люди только друг для друга, а для них мы то же самое, что они для нас?

— Ты полагаешь, они считают нас зверями?

— Ну, может, не зверями, но какими-то таковыми существами...

Мы разлеглись на облюбованном нами местечке. Подставили спины под солнце и приня-

лись всерьёз загорать. Однако краешком глаза всё время следили за тем, что происходит вокруг.

А происходило много чего всякого..

Ближайшими нашими соседями справа была семья ленивцев. Она состояла из папы-ленивца, мамы-ленивицы и двух детишек.

— Я их сразу узнал,— буркнул я жене, кивнув в их сторону.

— Кто такие?— спросила она шёпотом.

— Ленивцы.

— Ленивцы...— протянула она.— Вот не думала, что они так выглядят.

— Обычно они выглядят капельку по-другому. Висят целыми днями на ветке головой вниз. Ужасно ленивые...

— Чего ж они теперь не висят?

— Теперь они в отпуске. Могут позволить себе и побездельничать. Впрочем, это вполне естественно: во время отпуска никто ничего не делает.

— Так ты считаешь, висеть вниз головой — это что-то вроде серьёзного занятия?— удивилась жена.

— Точно такая же работа, как тебе сидеть целый день в учреждении.

— Но я не сижу в учреждении головой вниз, кроме того, у меня много всякого дела. Нет,— продолжала она с возмущением,— это уж, право, слишком: целый год бездельничать, да ещё приезжать сюда в отпуск...

— Каждому гарантировано право на отдых,— заметил я.

— Но у ленивцев такого права быть не должно...

— Имей хоть чуточку снисхождения,— сказал я вполголоса.— Впрочем, это выгодное со-

седство. Они будут дремать и ничем нас не потревожат. Смотри, как разлеглись...

На ленивцах были пёстрые купальные костюмы, и лежали они в самом деле без движения. Похоже было даже, не дышат. Но это, разумеется, только казалось.

Слева от нас расположилась семья верблюдов. Папа, мама и маленький верблюжонок. Малыш то и дело пробовал лечь на спину, чтоб загорел животик, но все попытки были безуспешны. Он перекатывался то на один, то на другой бок. Родители с улыбкой снисхождения наблюдали за малышом. Они знали: никакие усилия ему не помогут. Гордость верблюдов — их горб — приносит порой и затруднения. Верблюды, кстати, в отличие от людей очень любят, когда их дети горбятся, они твердят без устали: «Горбись! Горбись! Горбись! Не будешь горбиться, пропадёт вся осанка». И едва замечают, что кто-то из верблюдинок перестал горбиться, тут же тащат его к своему верблюжьему доктору на лечение.

За ними расположилась чета пантер. Муж подрёмывал, усыплённый горячими лучами солнца, а жена, облачённая в длинный зелёный халат, что-то вязала на спицах.

— Ты случайно не знаешь, почему она напялила на себя этот халат? — спросила жена. — Холодно ей, что ли?

— Не думаю. Прячется от солнца, опасается, наверно, веснушек.

— Веснушек? — удивилась жена.

— Да, веснушек... Сама знаешь, шкура у пантер в крапинку.

— Крапинки — ещё не веснушки.

— Некоторые учёные, представь себе, — отве-

тил я жене,— склонны в свете новейших исследований считать крапинки веснушками.

— Вот уж никогда б не подумала, что у зверей бывают веснушки.

— Веснушки появляются только у зверей, которые подолгу бывают на солнце. Вот тебе доказательство: чёрная пантера, двоюродная сестра пятнистой, ведёт из-за цвета шкуры исключительно ночной образ жизни. Так вот веснушек у неё не наблюдается. От луны их не бывает.

— Тогда неудивительно, что она в халате.

И тут мы перевели взгляд на другую группку отдыхающих. Этих было не только видно, но и очень даже слышно. Группка состояла из молоденьких козочек и козликов. Козлики, желая выглядеть посolidнее, отпустили себе бородку. Они то и дело включали магнитофон с модными записями, дрыгали ногами в такт и выкидывали забавные коленца. Одна из песенок особенно мне понравилась, она то и дело повторялась, и припев гремел на весь пляж:

Сегодня знает свет
Об этой личной драме,
Мой лоб во цвете лет
Украшен был рогами.

Жена, у которой был абсолютный слух, тут же подхватила мотивчик и стала его напевать, хотя, в сущности, петь надлежало, может быть, нам обоим.

Но вернёмся к нашему рассказу, к описанию этого необычайного пляжа. Кроме тех, о ком я уже говорил, в отдалении разлеглись и другие семейства, каждое в своей берложке. Берложка — это такая яма в песке, которую иногда целыми днями роют со знанием дела, желая в ней

затем удобно устроиться. Занимать чужую бер-
ложку неприлично. Конечно, бывает, что кто-то
уедет, и тогда его берложка освободится, но в
этом необходимо всякий раз удостовериться. Та-
ков обычай на всех пляжах мира, и тот, кто им
пренебрёг, совершил бестактность.

Внезапно произошло нечто непредвиденное.
Все посрывались с мест. Одни в страшном вол-
нении бросились в воду, другие стали разбегать-
ся по берегу в поисках укрытия. В несколько се-
кунд пляж опустел. Остались только мы двое.

Мы глядели друг на друга в недоумении. Что
предпринять?

— Может, и нам бежать, а?— шёпотом спра-
сила жена.

— Чтоб бежать,— возразил я,— надо знать,
из-за чего бежишь. Ты вот, например, знаешь,
из-за чего тебе бежать?

— Понятия не имею. Но раз все убегают...

— Это ещё не повод,— заметил я.— Они ис-
пугались, вот и убегают. Почему же должны пу-
гаться мы?

— Самые храбрые убежали!— воскликнула
жена.

— Какие самые храбрые?

— Ну вот, скажем, львы. Ты обратил внима-
ние, лев первый дал тягу в кусты?

— Справедливо,— согласился я.— Давай по-
наблюдаем, может, и выясним, отчего весь этот
переполох. Ты наблюдаешь?

— Наблюдаю.

— Ну и что?

— Ничего не вижу.

— Я тоже не вижу. Слушай, а вдруг — гроза
и они почувствовали это заранее?

— Исключено,— заявила решительно жена.—
Гроза отпадает. Посмотри: небо безоблачное.

Я пока ещё не слыхивала о грозах при чистом небе.

— Раз в жизни может случиться...

— Не думаю. Раз уж гроза, должен быть гром.

— А если это первая в истории Вселенной гроза без грома, что тогда, а?

— Придумал какую-то несуразицу.

— И всё же они чего-то испугались. Это несомненно.

— Смотри!— воскликнула жена и вцепилась мне в руку.— Что-то идёт по пляжу.

— Где?— спросил я, нервно озираясь.

— Да вот, выходит из лесу! Видишь?

— Ничего не вижу,— ответил я, вглядываясь в указанном мне направлении.— Не вижу, во всяком случае, чтоб что-то шло.

— Потому что оно вовсе даже и не идёт.

— Что же тогда делает?

— Да вроде как бы ползёт...

И тут я увидел странный предмет, который хоть и медленно, но все же продвигался в нашу сторону. Было это что-то не очень большое, но таинственное, и потому внушало ужас.

— Знаешь,— сказала жена,— оно вроде бы круглое.

— Вот и мне так кажется. Может, это летающая тарелка?

— Но ведь она ж не летит — ползёт.

— Тогда, может, ползучая?

— Не знаю, про ползучие тарелки ничего не слыхала.

— Я тоже. Но это ещё не значит, что они не существуют. Может, мы будем первыми, кто открыл ползучие тарелки?

— Не лучше ли нам спрятаться?

— Только где?

— Спрячемся вон за ту дюну, может, оно нас не найдёт... Кто знает, какая нам грозит опасность.

Три-четыре прыжка, и мы были уже за дюной и поглядывали из-за гребня, пытаюсь выяснить, что же будет делать таинственный предмет, вызвавший на пляже такой переполох.

Стоило нам укрыться за дюной, как предмет замер на мгновение, словно соображая, как ему дальше быть, а затем, движимый, может быть, каким-то сверхъестественным чутьём, развернулся в сторону дюны, то есть в сторону нашего укрытия, и стал понемногу приближаться.

— Придётся зарываться в песок,— сказал я.— Иного выхода нет. Кто знает, может, оно нас не заметит, пройдёт мимо, и мы спасёмся. Бежать всё равно поздно.

Песок был сыпучий, и мы без особого труда погрузились в него целиком. Остались только дырочки для носа, чтобы не задохнуться.

Так мы лежали три-четыре минуты, а может, и три-четыре часа. Известно, что в таких ситуациях время движется не так, как обычно. Мы ничего друг о друге не знали, потому что каждый из нас лежал отдельно, сам по себе, засыпанный с головы до ног песком. Мы надеялись, что ползучая тарелка нас не заметит и поползёт себе дальше.

Кто знает, может, я лежал бы до бесконечности, если бы не пронзительный крик моей жены, который заставил меня, пренебрегая опасностью, в одно мгновение разгрести груды песка и броситься ей на помощь.

— Он меня щекочет!— кричала с какими-то дрожжащими нотками в голосе моя жена.— Он меня щекочет!

Я метнул в сторону полный ужаса взгляд и

увидел у её ног свою старую соломенную шляпу, которую когда-то закинул на всякий случай в машину. Вот тебе и ползучая тарелка.

— Это шляпа,— сказал я, чтоб её успокоить.— Это всего лишь моя соломенная шляпа.

И нагнулся, чтобы поднять её, но в тот же момент в голове блеснула мысль: ног у шляпы не бывает. И протянутая рука замерла в нерешительности. Я принялся соображать: «Брать или не брать?» Это было таинственное и не очень чистое дело. Может, духи? Может, чёрная магия? С другой стороны, надо было принять какие-то меры, тем более что шляпа вновь пришла в движение. «Ничего не поделаешь,— сказал я сам себе,— будь что будет!» И рывком приподнял шляпу.

Тут-то всё и прояснилось.

В моей шляпе приполз на берег Тютюра, он смотрел на меня снизу своими лукаво улыбающимися глазками.

Жизнь на пляже входила понемногу в прежнюю колею. Беглецы стали возвращаться на свои места. Они убедились, что таинственное существо, нагнавшее на них такого страха, находится в нашем обществе и не только не нанесло нам никакого ущерба, но, напротив, играет с нами в песке.

Вернулся пантера-муж с пантерой-женой в зелёном халате, который она надевала на солнце, спасаясь от лишних веснушек. Вышли из кустов лев со львицей, сделав при этом вид, будто были на прогулке. Вернулись, подпрыгивая на бегу, козы и козлики, и тотчас закрутилась плёнка в магнитофоне. Труднее всего было проследить, как возвращаются ленивцы со своими детишка-

ми, так лениво они возвращались. Остальные тоже повылезали, успокоившись, из кустов и из воды. Самыми последними из морской пучины вынырнули наши ближайшие соседи — верблюды. Все с нескрываемым любопытством смотрели в нашу сторону, но дивились отнюдь не нам, а моей старой соломенной шляпе, которая в перевернутом виде валялась на песке. Раз уж она их всех так напугала, то в их представлении это было какое-то необыкновенное существо. Чувствовалось, что все испытывают к ней уважение. Тютюра, правда, крутился возле шляпы, но никому и в голову не взбрело, что именно он был единственной движущей силой этого предмета.

Верблюд и верблюдица долго и старательно отряхивались от воды и велели хорошенько отряхнуться и верблюжонку. Тот сразу попытался лечь на спину, мечтая подставить под солнечные лучи живот, но, как и прежде, у него ничего не вышло. Малыш то и дело валился на бок — таким уж свойством обладает верблюжий горб.

У жены глаза полезли на лоб, едва она увидела, как из воды вылезают верблюд с верблюдицей. Теперь, когда они как ни в чём не бывало вновь разлеглись на песке, жена не удержалась и полным волнения голосом сказала:

— Если б не видела сама, ни за что б не поверила.

— Во что бы вы не поверили, во что? — вежливо осведомилась верблюдица.

— В то, что вы купаетесь.

— Отчего бы нам не купаться? — отозвалась верблюдица, и физиономия у неё вытянулась от обиды. — Вы что считаете, мы грязнули?

— Нет, нет, — попыталась оправдаться моя жена. — Просто вы живёте в безводной пустыне, вот, значит, я и подумала: вряд ли вам часто

предоставляется случай искупаться. Припоминую даже какие-то истории школьных времён о верблюдах, которые долго-долго живут без воды и в этих самых... ну в ваших...

— В горбах,— досказала за жену, которая вдруг застеснялась, верблюдица.— Совершенно верно, они у нас есть и стыдиться горбов нам не приходится. О наших горбах вы можете говорить безбоязненно, этим вы нас не оскорбите. Больше того, благодаря горбам мы можем плавать даже в пустыне.

— Неслыханно!— воскликнула моя жена, а я наострил уши: меня заинтересовало то, что говорила верблюдица.

— Да, да!— подтвердила она.— Способ открыл давным-давно один из моих предков. Прежде редкий верблюд умел плавать, но с тех пор, как прадедушка совершил открытие, даже в самой засушливой пустыне организовали секции плавания.

— Интересно, в чём заключается способ?— спросила жена, всем этим ужасно заинтригованная.

— Это так называемый многогорбовый метод,— равнодушным голосом пояснила верблюдица.

— Многогорбовый?— повторила вслед за ней моя жена.

— Да, многогорбовый.

— И в чём же его сущность?

— Метод основан на наблюдениях и расчётах. И наблюдения, и расчёты имели место давным-давно, но лишь изобретение складного бассейна из резины или искусственного материала дало шансы на его осуществление.

— Ой, до чего же интересно!— пробормотала

жена, не спуская с верблюдицы восхищённого взгляда.

— Видите ли,— невозмутимо продолжала своё удивительное повествование верблюдица,— то, что в наших горбах содержится вода, было давным-давно всем известно. Но один-единственный верблюд, разумеется, не в состоянии выкупаться в воде, которую он скопил про запас. Даже двугорбый верблюд со своей двойной порцией. И вот мой прадед начал в один прекрасный день размышлять над проблемой, и размышлять всерьёз. Размышлял он, размышлял и в конце концов пришёл к такому выводу: если воду из десяти, из ста, а ещё лучше из нескольких сотен верблюжьих горбов собрать в один большой сосуд, то наберётся изрядное её количество. Может, пруд, а может, и целое озеро...

— Всё понятно!— воскликнула моя жена, и её лицо засияло улыбкой, как у человека, который вдруг в долю секунды постиг некую тайну или решил, скажем, запутанную математическую задачу.

— Вот именно,— поддержала её верблюдица.— Всё оказалось так просто, не правда ли?

— Разумеется.

— И вот поэтому, как только мы, верблюды, собираемся в достаточном количестве, то даже в самой засушливой точке земли мы можем при желании искупаться.

— Всё понятно, всё понятно,— твердила моя жена, потрясённая сообщением верблюдицы.

Разумеется, ей хотелось, чтоб и я ничего не упустил из этого удивительного рассказа, и потому она ткнула меня локтем в бок, спросив:

— Нет, ты слышал, слышал?

— Слышал,— ответил я.

— Сидишь, уставясь в газету...

— Я читаю, но я всё внимательно слушаю.

— Ну и что скажешь?

— Хм, в самом деле сенсация,— буркнул я в ответ.

На языке у меня так и вертелся вопрос, что, собственно, делают верблюды с водой, когда купание уже кончено. Пьют ли её и препровождают таким образом обратно в свой горб или же поливают ею произрастающие в пустыне пальмы, но пришёл к выводу, что такой вопрос могут счесть нескромностью, а быть нескромным мне не хотелось, тем более что мы очутились в наименее исследованном месте земного шара.

Впрочем, меня разморило. Так уж действует на меня солнце. Сам знаю, спать на солнцепёке — лишиться здоровья, однако я бессилён что-либо с собой сделать. Я закрыл газетой голову, но, прежде чем заснуть, увидел краешком глаза трёх мчащихся по пляжу юных павианов, тех самых, которые ехали раньше на велосипедах по тропке. На этот раз они перемещались пешком, перескакивая на бегу через лежащие на пляже тела. С дикими воплями они неслись к морю, и каждый размахивал при этом надутой камерой от автомобильного колеса.

«Какие славные,— подумал я, уже засыпая.— Эти юные обезьянки ведут себя точь-в-точь как мальчишки, которые тоже обожают плавать на автомобильных камерах... весьма безопасно... всем стоит порекомендовать... с такой камерой не утонешь...»

И тут меня сморил сон.

— Я всё уже знаю,— сказала моя супруга, видя, что я пробуждаюсь после своего роскошного сна.— Я всё уже знаю и, представь себе, знаю абсолютно точно. Дамы мне всё рассказали.

— Какие дамы?— спросил я, не вполне ещё понимая, где я и что со мной происходит.

— То есть как какие? Наши соседки. Верблюдица, пантера, львица, жирафа и мадемуазель зебра... Пока ты тут храпел, мы побеседовали на разные темы.

— Привет, соня!— хихикнула зебра. С ней, как вы помните, я имел уже возможность отчасти познакомиться. Теперь я мог рассмотреть её целиком: голову вместе с полосатым одеянием, в котором она небрежно развалилась поблизости на песке.

Я вежливо хихикнул ей в ответ, как пристало воспитанному человеку. Затем, понизив голос, с подковыркой сказал жене:

— Ну и что тебе твои «дамы» рассказали?

— Много всякого разного. Мне уже известно, где мы находимся.

— Слава тебе господи. Ну и как называется местность?

— Этого я ещё не знаю,— ответила жена.

— Так ведь ты сказала, что знаешь, где мы находимся.

— Да, знаю. Но названия местности пока не выяснила.

— Ничего не понимаю,— сказал я со вздохом и перевалился на другой бок.

— О, это так просто,— сказала, сердясь, жена.— Мы находимся в самом большом на свете Летнем Парке Отдыха и Культуры для Зверей...

— А что, есть, значит, и такой парк?— спросил я в изумлении.

— Представь, есть.

— Первый раз слышу.

— И я не предполагала, что что-то такое существует, но теперь знаю — существует. И знаю уйму подробностей. Ты только послушай...

— Минуточку,— прервал я,— а эти твои соседки, они часом не издеваются над тобой?

— Глупости!— возмутилась моя жена.— Ты ведь, наверно, и сам считаешь, что всякий трудящийся имеет право на отдых?

— Само собой разумеется.

— Каждое работающее существо, да?

— Да.

— А значит, и каждый зверь, правильно?

— Правильно. Я всегда так думал. Понятно, что, скажем, лошадь после всех своих трудов имеет право отдохнуть в конюшне или на лужайке...

— Знаешь что?— сказала жена, смерив меня взглядом.— Точка зрения у тебя старомодная.

— Почему старомодная?

— Ты не принял во внимание, что всё движется, развивается, что меняются формы отдыха. Некогда люди садились на пороге своих домов, и это был их отдых. А теперь ездят в горы, на море, за границу или в санаторий, если, скажем, хотят не только отдохнуть, но и подлечиться. Ты считаешь, это нормально?

— Абсолютно нормально.

— А животным ты в этом отказываешь, да? А ведь они тоже целый год работают в поте лица, не покладая лап, кто знает, может, ещё больше нашего...

— Я не отказываю, не отказываю!— закричал я.— Но я пока ещё не слыхивал, чтоб существовал такой животный отдых...

— Ага!— воскликнула жена.— Он, видите ли, не слыхивал! Ну разумеется, ты не слыхивал! Потому что все люди такие же, как ты! Ничего удивительного, что животным приходится беречь тайну, чтоб не нарваться на какую-нибудь неприятность со стороны человека. Со стороны вот

таких толстокожих, как ты. Потому-то ты никогда не узнаешь названия этой местности. И я тоже никогда не узнаю.

— Выходит, эта местность как-то всё-таки называется?

— Да уж, конечно, называется. Всякая местность как-то называется. Но звери хотят соблюдать осторожность, и я отлично их понимаю. Да и так ли важно, в самом деле, знать, как называется местность? Главное, чтоб нам было тут хорошо, правильно?

— Хорошо, хорошо...— повторил я вслед за женой.— Дело только вот в чём: если знаешь, как называется местность, то из этой местности легче выбраться...

— Мы ещё пока никуда не едем. Лежим себе на пляже, самочувствие великолепное, покой и тишина, и все отдыхающие, или однопляжники, называй их как хочешь, ведут себя безукоризненно.

— Это верно,— согласился я.— Этот пляж сделает честь любому человеческому пляжу. Вот только козы с козликами...

— Этим можно простить. Молодые и дурашливые. Играют. Вечером пойдут наверняка на танцплощадку. Что ж особенного, если...

— Погоди,— воскликнул я.— Значит, танцплощадка у них тоже есть?

— Конечно, есть. И рестораны, и кафе, и кино, и даже театр на открытом воздухе.

— И всё исключительно для зверей?

— А то ещё для кого же? Кроме них, больше никто здесь не бывает. Ни у кого нет возможности сюда приезжать, понятно? Необходима специальная путёвка...

— А ведь путёвку, я думаю, достанешь не вдруг,— заметил я.

— Ещё бы! Прежде всего надо быть четвероногим. Можно не пользоваться другой парой ног, но необходимо, чтобы они были в наличии. Без этого не может быть и речи.

— Выходит, нам такой путёвки не предоставят, а?

— Ясное дело. Разве что поискать обходных путей.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну вот ты, скажем, стал бы ходить на четвереньках,— пояснила жена и тут же расхохоталась, представив себе, как я иду в своё учреждение и разговариваю, стоя на четвереньках, с директором.

— Само по себе хождение на четвереньках ещё ничего не даст. Из-за одного только хождения мы четвероногими не делаемся. А ты говоришь: только четвероногий имеет шанс получить путёвку на этот курорт, где мы с тобой очутились и названия которого, кстати, так и не знаем.

— А у Тютюры шансы есть?

— У Тютюры, да. Тютюра получил бы путёвку без хлопот. Он ведь четвероногий.

— Послушай!— воскликнула в волнении жена.— А ты убеждён, что Тютюра — четвероногий?

— А то как же,— ответил я, и тут же в душу закралось сомнение.

— Ты хоть раз считал у него ноги?

— Считал ли у него ноги?— воскликнул я.— Ну знаешь, довольно странный вопрос. С чего б это мне считать у него ноги?

— Не отвлекайся, говори прямо: считал или не считал?

— Не считал.

— И я тоже не считала. Что же теперь будет?

— А что может быть? Ничего не будет.

— А если у него больше четырёх ног или меньше? Если, например, шесть, девять или три?

— Ну и что из этого?

— Но ведь это же ужасно,— трагическим шёпотом произнесла моя жена,— ужасно. Тогда, выходит, Тютюра не четвероногое. А нам в нашем положении необходимо иметь близкого четвероногого. Придётся пересчитать у него ноги. Другого выхода нету.

Не вздумайте, однако, над нами смеяться. Хотел бы я знать, ответит ли без запинки большинство из вас, сколько ног у ежа. Я полагаю, вы не очень-то знаете, как с этим обстоит дело. Ёж с точки зрения ног животное загадочное. Мы рассматриваем его скорее с той стороны, где у него иглы, то есть сверху, а не снизу, где у него ноги. Черепаху, скажем, можно взять на руки, перевернуть брюхом кверху и выяснить, как там у неё с лапами. С ёжиком же из-за его иголок обстоит куда сложнее. Ведь ежа не схватите, правда? Значит, можно иметь какие-то сомнения? Можно.

Бедный Тютюра был, вероятно, ошеломлён, когда мы выхватили его из-под соломенной шляпы, под которой он, спасаясь от зноя, притащился на пляж, и одним движением опрокинули на спину.

Беглого взгляда оказалось достаточно. Выяснилось, что всё в порядке. Ноги у Тютюры было четыре. Скорее это были даже не ноги, а ножки, тем не менее они были, вдобавок четыре, а ведь только этого нам и требовалось. Со вздохом облегчения мы перевернули Тютюру брюхом вниз снова и накрыли шляпой.

— Тютюра, вне всякого сомнения, четвероногое,— сказала, повеселев, жена.— Нам повез-

ло. В случае чего можем сказать, что именно он привёз нас сюда на отдых.

— Это ты здорово придумала,— отозвался я, почувствовав прилив уверенности.— А раз так, пошли купаться.

Я разогнался и бросился в воду поблизости от плававших на своих камерах трёх юных павианов.

— Гей, гей!— загалдели, увидев меня, расшавившиеся юнцы.— Плавайте на камере! Одно удовольствие! У вас нету камеры?

— Нету!— крикнул я в ответ и принялся загребать руками. А они подплыли ко мне и стали наперебой расхваливать автомобильные камеры — наилучшее, как они считают, приспособление в помощь купальщику.

— Самый смак!— крикнул первый.

— Самый сок!— крикнул второй.

— Величайшее открытие столетия!— поддержал братьев третий павианчик.

— Каждый камерой рулит, каждый с камерой шалит, каждый камеру хвалит!

— Надо «хвалит», а не «хвалит»,— поправил я павианчика.

— Подумаешь...— небрежно бросил юный поэт.— Важно иметь камеру. Только тогда вы испытаете настоящее удовольствие.

— Слишком много болтовни,— прервал его брат.— Слетай лучше куда надо и принеси ещё одну камеру. Пусть наслаждается.

— Есть там ещё камеры?

— Одна, вроде, где-то валяется.

— Так я побежал.

И, выскочив из воды, он помчался по пляжу. Вскоре павианчик вернулся с камерой. Он набросил мне её на голову. Теперь и у меня была камера, и я мог проделывать то же, что и они.

Должен, впрочем, признаться, что павианчики были куда проворнее. Однако удовольствие получил и я. Я перелетал вместе с камерой с волны на волну, скатывался с камеры в воду, пытался втянуть её поглубже в море, но она ни за что не желала погружаться и тотчас вместе со мной выскакивала на поверхность и так далее, и так далее... Я уж и сам теперь не могу вспомнить, какие штуки я тогда вытворял. Продолжалось это час, а может, и больше, в конце концов я умаялся и решил выйти на берег.

— Кому отдать камеру?— спросил я.

Павианчики всё ещё резвились со своими камерами в воде.

— Берите её себе!— крикнул один из них.— Нам она не нужна.

— Оставьте на память!— крикнул второй.

— Веселитесь на здоровье!— поддержал братьев третий.

Я вылез из воды. Усталый, потащился к нашей берложке, бросил камеру в песок и сказал жене:

— Ну вот, теперь у нас на одну камеру больше.

Едва я растянулся на песке, желая отдохнуть от этих безумств, как послышался пронзительный вопль:

— Помогите! Помогите!

Мы с женой тотчас вскочили и стали смотреть по сторонам, чтоб выяснить, кто кричит и кому какая опасность угрожает.

— Помогите! Помогите! Он тонет!— повторил мгновение спустя тот же трагический голос. Все наши соседи, за исключением ленивцев, тоже вскочили с мест и уставились на море.

— Помогите! Помогите! Спасите малыша!—
послышалось в третий раз.

Я глянул в том направлении, откуда доносился голос, и сразу понял, что это жирафа. Она приставила ко рту мегафон и кричала изо всех сил.

— Жирафа тут, кажется, вместо наблюдательной вышки,— шёпотом сообщила мне жена.

— Но ведь это не пожар, правда?

— Не в пожаре дело,— ответила мне жена.— Она следит, чтоб кто-нибудь случайно не утонул. Высокая, вот ей издалека всё и видно.

— Ты права. Бежим к жирафе!

Мы бросились к жирафе, а за нами устремилась вся пёстрая пляжная публика.

— Что случилось, жирафа?— спросил я, запыхавшись.

— Он тонет! Тонет!..

— Кто, кто?..

— Да этот сопляк-ленивец! Каждый раз одно и то же!

— Он что, плавать не умеет?

— Да умеет.

— Отчего ж он тонет?

— От лени. Считает: лучше утонуть, чем сделать одно лишнее движение.

— Надо спасать, пока не поздно!— воскликнул я и бросился в воду, а следом все остальные.

Броситься-то бросился, но куда плыть, я не знал, потому что не видел утопающего. Обычно, если кто-то тонет, он изо всех сил барахтается, взмахивает руками, мечется и так далее. А тут — пустое море.

Жирафа побежала за мной следом, и, стоя на берегу в мелкой воде, стала руководить.

— Плывите, пожалуйста, прямо... Теперь чуть левее... Так, а теперь посмотрите на дно... Я вижу его, вон он лежит...

Я нырнул до самого дна и наконец в кристально прозрачной воде заметил простёртое на зеленовато-золотистом песке тело в пёстрых плавках. Я схватил ленивца за плавки и мгновенно вытянул на поверхность.

— Причитается тебе от отца порка, сопляк,— сказал я сердитым голосом, укладывая несостоявшегося утопленника на песке.

Вокруг сгрудилась изрядная толпа, над которой возвышалась многоэтажная фигура жирафы.

— Насчёт отца можете быть спокойны,— произнесла со своей высоты жирафа.— Они как две капли воды. Сынок — вылитый папаша. Думаете, это впервые?

— А что отец? Ничего?

— Абсолютно ничего. Даже пальцем не шевельнёт. Его отец считается самым ленивым ленивцем в мире. Но сынок, кажется, его перещеголял.

— Попробовал бы мой, ему б не поздоровилось!— пророкотал своим могучим басом лев.

— И моему б не поздоровилось!— промяукала, щеря зубы, пантера, вся по-прежнему с головы до пят в зелёном халате.

— Я б с отца и не спрашивала,— вмешалась львица.— Кругом виновата мать. Не ей ли следить за детишками на пляже?

— Ленивиха такая же ленивая, как муженёк,— сказала сверху жирафа.— С завтрашнего дня этого сопляка придётся держать на привязи. Да и сестричку тоже. Яблоко от яблони недалеко падает. Не зря папаша занимает свой пост.

— Да что вы говорите?— удивился я до крайности, потому что впервые в жизни слышал нечто подобное.

— Да, да,— продолжала жирафа.— Его отец

среди ленивцев самый ленивый, и они избрали его президентом.

— Даже президентом?— изумился я и, повернувшись к жене, добавил:— Вот ведь какая штука. Ни за что б не поверил, что лень может обернуться такой выгодой.

Жена поспешила взять на руки юного утопленника и отнесла его в берложку к родителям. Она была уверена: вести упрямого малыша за ручку потребует куда больше времени и сил, и потому лучше снести его на руках. Однако ни отец, ни мать, ни их дочурка даже не потрудились издать хоть какой-нибудь звук, чтоб выразить свои чувства.

— Я принесла вам сынка...— сказала моя жена.

Ленивец ни мур-мур.

— Ещё бы немножко, и он бы утонул...— продолжала она.

Ленивец ничего.

— Следите, пожалуйста, за ним, а то в один прекрасный день произойдёт несчастье.

Ленивец не дрогнул.

— Мой муж вытащил его с глубокого места...
Не шелохнулся.

— Может, вы не в курсе: он лежал на самом дне...

Ленивец хоть бы что.

— Откровенно говоря, ваше равнодушие меня удивляет...

Именно в этот момент ленивец приоткрыл один глаз и бросил на мою жену какой-то странный взгляд. В то же время ей показалось, будто до слуха донёсся один-единственный слог, исторгнутый ленивым движением губ. Ей показалось, ленивец произнёс:

— Спа...

И ничего больше. Всего только «спа», и конец. Поскольку моя жена ничего такого пока ещё не слышала, она не представляла себе, что, в сущности, это могло бы значить. Она уже было погрузилась в размышления, как вдруг послышался неожиданный звук — вой работающего на высоких оборотах двигателя, который раздавался со стороны моря. Она положила юнца рядом с неподвижной мамашей и вернулась обратно.

— Слышишь?

— Ещё бы!

— Что бы это могло значить?

— Понятия не имею.

— Может, реактивный самолёт?

— Нет, скорее моторная лодка.

— Чтоб моторка так выла? — удивилась моя жена.

— Дорогая моя, моторки как раз и относятся к самым воющим изобретениям нашей эпохи. В этом смысле они превосходят даже мотоциклы. Сто мотоциклов воют слабее, чем одна моторка.

Мои предположения подтвердились. Вой усилился, и минуту спустя мы увидели мчащийся в направлении берега катер, который, едва касаясь воды, тянул за собой на длинном фале спортсмена на водных лыжах.

Всё общество в то же мгновение оживилось.

— Едет! Едет!

— Ищите бумагу, ручки, может, даст кому автограф!

— Это он! Он!

— Какой красавец!

— Точно такой же, как по телевизору!

Не могло быть сомнения: это была чрезвычайно популярная личность. И тут моя жена, успевшая, как вы, вероятно, смогли заметить, за-

вести на пляже кое-какие знакомства, обратилась к пантере:

— Не скажете ли вы, кто это такой?

— Вон тот, на водных лыжах? Знаменитость!

— Киноартист.

— Да, да, киноартист. Но чаще всего его показывают по телевизору. Знаете, бывают такие фильмы сериями...

— А какие роли он исполняет?

— Да уж, разумеется, только те, где может блеснуть талантами и красотой...

— Это значит какие?

— Собачьи.

— Простите, не поняла,— переспросила жена, полагая, что ослышалась.

— Собачьи, я говорю, собачьи.

— Выходит, этот интересный молодой человек играет собак?

— Ну что вы... Этот интересный молодой человек и есть собака. Выдающийся пёс-киноартист. В настоящий момент в отпуске. Он зарабатывает кучу денег. Имеет яхту, водные лыжи, сюда он наведывается довольно часто...

— Так, так, поняла,— пробурчала моя жена.

Пересказывать мне всего этого необходимости не было, я стоял рядом и слышал каждое слово. Ничто меня уже не поражало, способность удивиться я давно утратил. Высохни даже в секунду всё это море и превратись возникшая на его месте котловина в припорошенное снегом поле, по которому покатятся санки, я бы тогда не испытал никаких чувств. Я уже закалился.

Тем временем завывающий катер приблизился к берегу. Когда, казалось, он вот-вот выскочит на песок, моторист круто переложил руль и пошёл вдоль пляжа. Тут от катера оторвалась фигурка и, прежде чем лишённые скорости лыжи

погрузились в воду, спортсмен-киноартист легко и красиво впорхнул на берег. А моторка помчалась дальше.

Итак, это был он.

Следом за ним из воды повыскакивали, не выпуская из рук камер, всё ещё барахтавшиеся на волнах обезьяны, за обезьянами ринулись козы и козлики и вообще всё младшее поколение. Все вытянули неизвестно откуда альбомы, блокноты, записные книжки, календарики или же просто разлинованные в клетку тетрадные листки и, нагоняя артиста, закричали умоляющими головами:

— Маэстро, хотя бы два слова!

— Маэстро, хоть что-нибудь на памяти!

— Я ваша старая поклонница, дайте, дайте автограф!

— Я пересмотрел все ваши фильмы! Словечко...

— Маэстро, будьте великодушны!

— Мне хватит и фамилии!

— А мне имени!

— Вы такой чудный!

— У меня в коллекции все великие актёры!

— У меня тоже! Только вас недостаёт!

— Маэстро, поставьте хотя бы крестик!

Мы с женой стояли всё время в отдалении, и, должен сказать, наблюдая это, я почувствовал, как у меня появилось вдруг желание подскочить самому и попросить автограф. Случай был исключительный. Ведь не каждый день встречаешься с такой знаменитостью. Но поскольку автографы я не коллекционирую, я быстро подавил в себе мгновенный порыв. Моя жена тоже была потрясена этим зрелищем, как и я.

— Любопытно, женат ли он и есть ли у него дети?— сказала она.

— Не могу сообщить тебе никаких подробностей,— ответил я в полном соответствии с правдой, потому что и в самом деле не интересуюсь карьерой кинозвёзд, в особенности четвероногих.

Но был ли и в самом деле маэстро четвероногим актёром? Казалось бы, да. Но в этот момент он шествовал по пляжу на двух задних лапах. И шествовал с величайшей небрежностью, не обращая внимания на обступающую его толпу. Время от времени он вытягивал лишь то левую, то правую лапу, и, не глядя на подsunутые ему листочки, выводил на них что-то вроде своей подписи. Было очевидно, что он с одинаковой свободой владеет как левой, так и правой лапой. И эта лёгкость... Чувствовалось, автографов на своём веку он раздал десятки, а то и сотни тысяч.

— Я выяснила!— воскликнула моя жена, успевшая меж тем побеседовать кое с кем из окружающих.— Я выяснила. Он до сих пор не женат. У него была невеста, они даже играли вместе в одном фильме. Прелестная юная борзая. Изящная-изящная, с красивыми длинными ногами.

— Ну и что с ней случилось?— спросил я, заинтригованный.

— Пока не выяснили.

— Пропала, да?

— Что-то в этом роде... А было так: они, то есть он и эта борзая, были на натуральных съёмках, участвовали в каком-то очень важном эпизоде. Они гуляли по цветущей лужайке, а позади высился лес. Он читал ей лирическое стихотворение, а она рвала цветы и составляла из них живописный букет. По требованию режиссёра они повторили эту сцену уже дважды, но опе-

ратору на его операторском кране всё-таки что-то не понравилось, и он попросил отснять эпизод ещё разок. Условия в тот день были идеальные, и все вновь принялись за работу. Он и она медленно побрели по цветущему лугу, камера жужжала, он восторженно задекламировал стихотворение, а она то и дело склонялась, чтоб сорвать цветок, как вдруг из леса неожиданно выскочил... заяц.

— Это не был заяц-актёр?— осведомился я на всякий случай.

— Разумеется, нет,— ответила жена.— Это был обычный заяц. Заяц, проживающий в соседнем лесу. Поскольку появление зайца сценарием не предусматривалось...

— Съёмку пришлось прекратить!— воскликнул я, гордясь своей догадливостью.

— Совершенно верно. Но беда была не в этом. Случается, что во время съёмки в кадре появляется посторонний. Тогда эпизод приходится отснять заново. И потому сам по себе заяц не означал ещё несчастья. Хуже было то, что заяц, напуганный большим количеством людей, жужжанием камеры и всей этой суматохой, потерял голову и, не сделав того, что сделал бы любой заяц на его месте, то есть не бросившись со всех ног обратно в лес, запрыгал в сторону красавицы борзой. Борзая, как рассказывают, не обратила на него внимания, потому что кинозвезде не пристало гоняться за зайцами, но заяц, на беду, заметил замечательный букет в её лапе и в букете душистые цветы клевера, на которые, как я слышала, зайцы реагируют самым удивительным образом.

— Похитил у неё букет, да?— осведомился я всё с той же проницательностью.

— Опять в самую точку,— подтвердила же-

на.— Вырвал у неё букет и бросился наутёк.

— И нервы у неё сдали?

— Вот в том-то и дело. Она не выдержала и кинулась следом. Вначале все с интересом наблюдали за этой погоней, но в конце концов и заяц, и борзая исчезли из виду. Предполагали, что борзая, поймав зайца, вернётся на план, чтоб завершить съёмку, но она, представь себе, не вернулась.

— Как, не вернулась вообще?

— Вообще.

— И до сих пор её нету?

— До сих пор нету.

— Ну а что с кинокартиной?

— Она так и не отснята.

— Потрясающая история. Ну и что же её жених?

— Сначала он целыми днями ожидал на лужайке её возвращения, вперяя взор в то самое место, где она пропала в момент погони. Но когда в бесплодном ожидании прошла неделя, а потом вторая, он повернулся в другую сторону и стал вглядываться в направлении, противоположном тому, в котором исчезла его возлюбленная.

— Почему? Тут я чего-то не понимаю...

— Потому что он пришёл к выводу, что, обещав земной шар (раз они так долго не появлялись, то, следовательно, стали пересекать земной шар, это и ребёнку понятно), заяц вместе с борзой появятся с противоположной стороны.

— Но ведь зайцы, как известно, бегают не по прямой,— заметил я.

— Как же они бегают?

— Зигзагами. Благодаря устройству задних лап они в состоянии повернуть под прямым углом.

— Тогда ничего удивительного, что он так и не дождался невесты. Знаешь, где они могли оказаться, петляя?

— Ну где?

— Да на Северном полюсе.

— На Северном полюсе ни зайцы, ни борзые не водятся,— пробурчал я.

— Тем более,— ответила жена.

— Что «тем более»?

— Тем более им быстро оттуда не выбраться. Их станут там чествовать как редких гостей, а бедный женишок будет всё ждать да ждать...

Пока мы с женой обсуждали эту, согласитесь, невероятно романтическую историю, к нам совершенно незаметно подполз ленивец и, явно обращаясь к моей жене, произнёс:

— ...сибо.

Я посмотрел на жену, жена посмотрела на меня, совершенно не зная, как реагировать на это. И просто кивнула, как на улице вы киваете какому-нибудь человеку, ещё не разобрав, кто он такой, киваете только потому, что он вам поклонился. Довольный собой, ленивец пополз не спеша в сторону своего семейства.

— Что же оно означало, это его «сибо»?— спросил я.

— Не имею ни малейшего представления.

— «Сибо»— это, наверно, начало какого-нибудь слова. Только слово, наверно, иностранное. Впрочем, вряд ли эти ленивые ленивцы изучают иностранные языки.

— Должна тебе заметить,— сказала жена,— ленивец вообще выражается весьма туманно. Помнишь, когда я отнесла к ним их малыша, он только сказал мне «спа»...

— Погоди, погоди!— воскликнул я.— «Сибо»..

«Спа»... «Сибо»... «Спа»... «Сибо»... «Спа»... Попробуй сказать это подряд, соображаешь?

— Сибоспасибоспасибоспасибоспасибо... Ну да! Всё сходится! Он поблагодарил нас за спасение малыша!

— В самом деле! Вот бы никогда не подумал, что слово «спасибо» можно растянуть на целую вечность.

Огромный шар раскалённого солнца медленно, сантиметр за сантиметром, погружался в сверкающую гладь моря. В первую секунду, пока он ещё не коснулся поверхности, казалось, вот-вот послышится громкое шипение, какое испускает железо, когда, вынув из калильной печи, его суют в воду. Но ничего такого не случилось. Солнце погружалось в морскую пучину в абсолютной тишине.

Мы собрали вещи и двинулись к своему лагерю. Впереди шествовал я в портупее из трофейной камеры, за мной — моя жена, а за нами полз Тютюра, волоча на себе старую соломенную шляпу, что вновь вызвало сенсацию, потому что казалось, что шляпа приобрела вдруг ноги и передвигается собственным ходом.

Мне это было, признаться, на руку. Пусть все знают: мы сами с усами. Почему это только нам удивляться да удивляться? Пусть и они разинут пасти от удивления. Ходячая соломенная шляпа — это вам не пустяк! Не каждому дано похвастаться шляпой с ногами.

— Тютюра, быстрее, Тютюра, — торопил я тихонько ёжика, но наш дорогой Тютюра скороходом не был.

В конце концов мы добрались до поляны. Пошёл своим чередом обычный вечер автотурис-

тов. В густеющих сумерках Камилл, наша машина, показался мне чуточку ниже обычного, но я подумал, что на него так повлияла темнота, и больше не обращал на это внимания. И только крик моей жены подействовал на меня, как укол пикадора на быка.

— Слушай,— закричала она не своим голосом,— у Камилла нет колёс!

— Как это так нет?— спросил я, подпрыгнув на месте.

— А вот так: нету, и всё. Нету!

— Быть этого не может!— воскликнул я, заглянув всё-таки под крыло, в то место, где у каждого нормального автомобиля находится колесо. В самом деле, колёс не было. Бедный Камилл стоял на тормозных колодках. Оттого-то он и показался мне ниже обычного. Нет, я не ошибся в своей первой оценке, чутьё не подвело. Камилл действительно стал на добрых десять сантиметров ниже. Теряя десять — пятнадцать сантиметров, современный автомобиль, который и так не слишком высок, превращается в автокарлика.

— Кто мог выкинуть такую штуку?— принялась соображать моя жена.

— Наверняка какой-нибудь хулиган.

— Ты полагаешь, тут водятся хулиганы?

— О, хулиганов хватает где угодно,— ответил я с убеждением.— Думаю, даже в небесах.

— В небесах одни только ангелы,— запротестовала жена.

— Ну так среди них попадают и хулиганы.

— Вот ещё! Интересно, как это они там хулиганят?

— Да мало ли как? Крылья, например, у других ангелов подрежут, покорёжат у святого нимб над головой, дёрнут ангелицу за косу, притаят-

ся за тучкой и подставят ножку старому заслуженному ангелу со стажем или, например, заорав благим матом, перепугают маленьких невинных ангелочков. Должен же кто-то выделявать все эти безобразия в небе...

— Было б лучше, если б ты знал, кто занимается хулиганством здесь, на земле, а не в небе,— отрезала жена.— Что нам теперь делать? Что может быть хуже, чем автомобиль без колёс?

— А вот я знаю,— ответил я решительно.

— Ну что?— осведомилась с усмешкой жена.

— Колёса без автомобиля. Здесь была бы загадка куда сложнее той, которую нам предстоит разгадать. Согласись со мной: проще забрать колёса и оставить автомобиль, чем забрать автомобиль и оставить колёса.

— Не слишком ли ты разговорился? Я думаю, стоит поискать, нет ли где поблизости колёс.

И она была права.

Мы достали фонарики и принялись прочёсывать местность, описывая вокруг Камилла круги, которые становились всё шире.

Поиски принесли кое-какие плоды. В лощине мы обнаружили два диска, под можжевельником — несколько болтов, в черничнике валялись все четыре покрышки, третий диск был прислонён к толстому стволу сосны, а четвёртый мы извлекли из густо разросшегося терновника, изрядно поцарапав о шипы руки. На подстилке из мягкого моха валялись остальные болты, и наше счастье не имело бы границ, если б мы обнаружили ещё и камеры. Но камер как не было.

— Послушай, у нас в самом деле были камеры?— спросила, всё более волнуясь, моя жена.

— А ты как считаешь?— осведомился я.— Как бы мы иначе, интересно, ехали?

— О...— фыркнула она в ответ,— у многих машин уже бескамерные покрышки...

— Только не у Камилла.

— Что тебе мешает,— сказала жена.— Представь себе, что они бескамерные.

— Ничего не получится,— отрезал я.— Для бескамерной покрышки нужен специальный диск... Да что я с тобой буду говорить на эту тему, ты и так ничего не понимаешь.

— Ты должен что-то предпринять. Не можем же мы оставаться тут на зимовку. Да и отпуск кончается. Через несколько дней нам обоим на работу. Самое позднее завтра вечером необходимо уехать отсюда. Не то опоздаем на службу.

— Легко говорить: уехать... А как? Без камер?..

— Может, одолжить у кого-нибудь?— задумалась жена.

— Одолжить? Кто одолжит тебе камеру, если путешествует сам? Таких добряков не бывает. А потом нам нужна не одна камера, а целых четыре.

— Три.

— Не три, а четыре,— втолковывал я жене.

— А я тебе говорю: три. Одна камера у нас есть.

— Где?— осведомился я с интересом.

— Да на тебе.

— На мне?

— На тебе, на тебе...

— В самом деле...— подтвердил я, притронувшись к надетой через плечо камере. Я так и не снял её, придя с пляжа.— В самом деле, камера у нас есть, но ещё вопрос, подойдёт ли она к нашим колёсам.

— Сперва проверь, потом говори,— заметила жена.

Я стянул с себя камеру, включил фары Камилла и стал внимательно рассматривать камеру.

— Вот тебе на,— сказал я минуту спустя.— Представь себе, это наш размер. И что самое удивительное, на ней красная заплата как раз возле ниппеля.

— Ничего удивительного не вижу,— заявила жена.

— Ты не видишь, а я вижу. У одной из наших камер была точь-в-точь такая заплата.

— Наверняка у многих камер на свете такие заплаты...

— Да ведь я сам её клеил. Готов поклясться, что это моя камера и моя заплата.

— Просто случай, совпадение обстоятельств.

— Как хочешь, так и думай,— сказал я примирительно.— Надо ещё пораскинуть мозгами, как найти три остальные камеры.

— Лучше всего известить округу.

— Как же ты это сделаешь?

— Соберу собрание.

— Собрание? Кто, интересно, явится на собрание летом, в отпускное время?

— Придумала!— воскликнула моя жена.— Догадалась! Мы устроим завлекательное собрание, на которое явятся все!

— Завлекательное... Что это значит?

— Завлекательное собрание — это такое собрание, которое собранием вовсе не называется, а называется как-нибудь иначе.

— Ну например?

— Например, костёр!

— А что, пожалуй, мысль.

— Назовём это «Костёр с автомобильным сигналом». Нравится?

— Нравится. Но почему с автомобильным сигналом?

— Музыка у нас нет, есть только сигнал Камилла. Вот он и будет вместо музыки.

— Знаешь, а это оригинально. Тогда за работу. Я собираю хворост для костра, а ты иди приглашай гостей. Чем больше, тем лучше.

Жена взяла фонарик и углубилась в лес. Проходила она, наверно, с полчаса. А я тем временем выбрал место для костра и собрал веток. Могу по секрету сообщить: я не переутомился. Мне удалось обнаружить поблизости кучу хворосту, собранную, надо полагать, кем-то, кто раздумал разводиться костёр, а может, просто спешно уехал.

«Везение — вот что главное в жизни, — рассуждал я сам с собой. — Если везёт, всё идёт как по маслу».

Стоило мне это подумать, как я тут же взвыл от боли. Тютюра, которому всегда хотелось нам помочь, влез в хворост, а я, не заметив этого, наклонился, сунул руку изо всей силы глубже в кучу, чтоб захватить охапку побольше, и напоролся на его иглы.

— Чтоб тебе пусто было! — завопил я в ярости. — Что за дурацкие шутки! Если опять повторится, возьму машинку и остригу тебя наголо! Вот будет видок! Ёж, подстриженный под нулёвку! Такого ещё не бывало! Все ежи умрут со смеху.

Тютюра не на шутку перепугался и потопал к палатке, а я вновь принялся за хворост.

Когда в темноте захрустели шаги моей жены, ветки были уложены как полагается. Только поджечь, и всё.

— Слушай, — сказала взволнованная до крайности жена, — ты не можешь себе представить,

как все заинтересовались нашим костром. Все, ну буквально все, придут сюда, чтобы принять участие. Такого сюрприза, говорят, они не ожидали. Какие будут выступления?

— То есть как «выступления»?— спросил я, изумлённый.

— А как же! На костре полагаются выступления. Здесь отдыхает множество всяких знаменитостей из артистического мира, из цирка... Можно воспользоваться...

— Только о выступлениях мне и думать,— пробурчал я.

— А что?— удивилась жена.— Выйдет очень даже мило.

— Возможно. Но у меня в голове не выступления. Это просто глупости.

— А что у тебя в голове?

— Камеры. Три камеры, без которых нам не выбраться отсюда.

— А, верно... О камерах я и забыла...

— Надо так повернуть всё дело, чтоб добиться успеха.

— Да, да,— поддакнула жена.

— Лучше всего, если вопрос с камерами выскочит сам собой.

— Ты рассчитываешь на внезапный манёвр?

— Вот именно. Внезапность — это испытанный способ.

— А если не получится?

— Тогда придумаем что-то другое.

— А что?

— Понятия не имею.

— Может, какой-нибудь конкурс?

— Конкурс?— подхватил я.— Правильно! Прекрасная мысль. Конечно, конкурс! Гип-гип-ура, мы устраиваем конкурс!

— Тогда скажи, что это будет за конкурс?

— И скажу. Это будет гениальный конкурс. Конкурс, который даст нам возможность осмотреть все камеры, какие только найдутся в округе. Это будет конкурс «надуй камеру».

— «Надуй камеру»?

— «Надуй камеру». Надо их известить, пока не пришли... Надо дать объявление: пусть каждый явится на костёр с автомобильной камерой. Сбегай ещё разок. Там у них в посёлке наверняка радиоузел или хотя бы мегафон... Пусть объявят конкурс и пусть повторяют объявление каждые пять минут. Мы охватим массы.

Костёр был великолепен. Хворост ярко пылал, озаряя пёструю компанию вокруг. Мне кажется, никогда, ни на какой поляне мира не было и наверняка не будет такого костра, как наш. Пришли, как я думаю, все отдыхающие, во всяком случае все, кто был поблизости. Со многими мы были уже знакомы по пляжу и по утренним встречам. Однако в большинстве это были незнакомые звери. Чтоб долго не распространяться, скажу только: мне всё время казалось, что это обитатели знаменитого Ноева ковчега расселись на корточках вокруг нашего костра. Впрочем, какой там ковчег, там было добрых три ковчега!

— Не затеяли б только они между собой драки,— шепнула мне жена, напуганная пестротой этого сборища.

— Не беспокойся,— ответил я тоже шёпотом.— Не забывай: все они тут в отпуске. А теперь пожелай мне удачи, я начинаю!

Я вышел на середину, откашлялся и самым непринуждённым тоном сказал:

— Рад приветствовать вас на нашем скром-

ном костре. Извините, встреча у нас импровизированная.

Гул одобрения прокатился по рядам.

— У нас, то есть у меня и у моей жены, появилась мысль,— продолжал я,— отметить сегодняшней вечер, увенчавший столь очаровательный день, который мы имели честь провести, причём совершенно неожиданно, в этом прекрасном уголке нашей планеты. Скажу откровенно: даже в самых смелых мечтах не мог я себе представить, что может существовать нечто подобное.

Очередная волна одобрения утвердила меня в мысли, что тон избран правильный и я нахожусь на верном пути.

— Пора нашего отдыха,— продолжал я,— это время безоблачного, абсолютного счастья, пора внутренней просветлённости. Но и у этой поры есть один серьёзный недостаток...

И тут я заметил: все наострили уши, ловя каждое слово. Даже уши моей жены стали как бы длиннее.

— А недостаток заключается в том, что она быстро пролетает.

Все одобрительно заурчали и закивали головами. Значит, попал в десятку.

— Месяц отдыха — это ничтожно мало. Мне думается, ситуацию следует коренным образом изменить и поменять вещи местами. Нужен одиннадцатимесячный отпуск!

Послышался рык одобрения. Я уже успокоился, почувствовав: да, я совладал с аудиторией.

Я покосился на жену и увидел у нее в глазах изумление.

— Высокий класс,— пробурчала она,— высокий. Жми дальше.

Используя настроение, я решил втянуть не-

медленно всех в игру, чтоб потом никто не заметил, что конкурс придуман нами для достижения личной цели — найти похищенные, быть может ради шутки, и спрятанные в неизвестном месте камеры.

— Для начала мне хочется предложить вам два-три конкурса. Пусть каждый примет участие. Первый конкурс — хождение на двух ногах. В этом конкурсе имеют право участвовать только те, кто ходит на четвереньках. Согласны?

— Согласны! — рявкнули все в один голос.

— Следующий конкурс — это будет конкурс хождения на четвереньках, причём к участию допускаются только те, кто передвигается на двух ногах. Все одобряют?

— Не все! — услышался чей-то незнакомый голос.

— А кто против?

— Я, — ответил страус, протискиваясь из задних рядов вперёд. — Я против, и моя жена против, и мои дети против.

— Это отчего же? — осведомился я самым изысканным образом, не желая ни в коем случае рассердить страуса.

— А оттого, что в этих конкурсах мы, страусы, не имеем абсолютно никаких шансов на победу.

— Не понимаю...

— Но ведь всё так просто. Мы ходим на двух ногах и, рассуждая теоретически, могли бы принять участие в конкурсе тех, кто будет соревноваться в ходьбе на четвереньках. Всё было бы прекрасно, но у нас нет дополнительной пары рук или ног. Вот вы, например, и ваша уважаемая жена можете прогуляться на четвереньках и тем самым принять участие в конкурсе. Ведь вы ходите обычно на двух ногах. А мы — нет. Мы

обойдены природой. Нам и в первом конкурсе не участвовать. Мы протестуем.

«Вот тебе и на!— подумал я про себя.— Так хорошо всё началось, и вдруг... Почему я не предвидел этого заранее? Что теперь делать? Что делать?! Надо немедленно что-то предпринять, иначе настроение у зверей испортится, и тогда всё насмарку...»

Две-три секунды я вглядывался в глубину костра, и, словно перескочив оттуда в мою голову в прозрачной пламенной упаковке, явилась гениальная мысль.

— Ни вы лично,— сказал я,— ни ваша семья не примут участия в наших конкурсах. Но для вас я предусмотрел иную роль. Вы будете судьями.

Последнее слово я процедил медленно-медленно, рассчитывая на максимальный эффект.

— Вы принимаете эту миссию?

— Принимаю, принимаю!— торопливо закричал страус.— Это для меня, знаете ли, честь. Вот чего не ожидал, того не ожидал.

— О, я счастлив,— заметил я,— что вам по сердцу эта задача. Прошу вас,— обратился я к присутствующим,— поприветствуем эту единственную в своём роде семейную судейскую коллегию. Прошу судей занять места в первом ряду.

Под громовые аплодисменты страусы протолкались в первый ряд, а я приступил к осуществлению конкурса хождения на двух ногах, предназначенного исключительно для четвероногих.

От желающих не было отбоя. После отборочных соревнований в финале оказалась тройка соперников: зебра, муравьед и старик бегемот, один из тех картёжников, на которых мы обратили внимание, когда шли утром на пляж.

Трудно было решить, кто из троих лучше ходит на задних ногах. Под сигналы нашего Камилла, которые ритмически подавала моя жена, сидя за баранкой, финалисты совершали круг за кругом вокруг костра, а судейская коллегия всё не могла решить, кому из них следует отдать предпочтение. Наконец слово взял главный судья — страус:

— Если говорить об искусстве хождения на двух ногах,— начал он,— то вся тройка владеет им в совершенстве. Изящество и грация у всех безукоризненны. Но поскольку мы должны объявить победителя, то на семейном совете мы пришли к выводу, что первое место следует присудить бегемоту. Наше решение основано на том, что именно ему, как личности с большим весом, труднее всего ходить на двух задних конечностях.

Решение было встречено бурей аплодисментов и приветственными кликами в честь бегемота. Смущённый триумфом победитель стоял, скромно потупившись, и время от времени приподнимал свой чёрный котелок, который красовался по вечерам на его голове. Так он выражал свое волнение и признательность.

Во втором конкурсе — хождение на четвереньках — победителем оказался... я. Произошло это, вероятно, потому, что я был единственным его участником. Больше желающих не оказалось. То есть был, собственно, ещё один желающий — моя жена, но ей пришлось выбыть из конкурса, так как иначе некому было бы играть на сигнале.

Итак, я стал победителем, и вместе с бегемотом мы совершили круг почёта.

Когда приветственные клики в нашу честь отзвучали, я вновь выступил на середину и, дав же-

не знак, чтоб она изо всех сил нажала на сигнал, крикнул как можно громче:

— А теперь, уважаемая публика,— гвоздь нашего вечера! Конкурс, каких ещё не бывало! Забава забав! Шутка шуток! Сюрприз сюрпризов! Вершина вершин! Вы ещё не знаете, о чём речь... Даже ещё не представляете... Вам даже не вообразить, что может существовать такое состязание... Итак, мы начинаем! Прошу приготовиться к конкурсу под названием «Надуй камеру»!

— Ооооооо!— вырвалось из десятков уст, так что эхо пошло гулять по округе.

— Кто принёс с собой камеру, шаг вперёд!

На площадку у костра выскочило сразу зверей пятнадцать. Нечто вроде смотра туристов и парада камер, начиная с велосипедной и кончая камерой от тракторного колеса.

— Великолепно!— воскликнул я, молниеносным взглядом оценив всю коллекцию.— А теперь разделимся по категориям. Отдельно те, кто с велосипедными, отдельно, кто с мотоциклетными, отдельно, кто с лично-автомобильными, и отдельно, кто с тракторно-трейлерными.

Участники вели себя безупречно, и все указания выполнялись без разговоров. Не стоит пояснять, что меня словно магнитом тянуло к автомобильным камерам, только они меня и интересовали. Но проявлять любопытство в этот момент было бы опрометчиво. И я решил: буду как можно осторожнее. Во имя пользы дела. Камеры, впрочем, не были ещё наполнены воздухом, а ведь известно, что об их размерах и форме можно судить только тогда, когда они надуты.

— Чтоб выравнять шансы,— воскликнул я,— мы разыграем конкурс в разных категориях! Прошу сунуть в рот ниппель и по моему знаку начать надувание. Раз, два... О, извините, пожа-

луйста, — обратился я к леопарду, — вы совершили фальстарт. Начали дуть, прежде чем я произнёс «три». Так не полагается. Прошу немедленно выпустить воздух из камеры. В противном случае я буду вынужден вас дисквалифицировать.

Леопард зарделся от стыда и тут же стал выдавливать из камеры свой выдох, который он уже впустил в ниппель, прежде чем я подал команду.

— Начинаем ещё раз! — воскликнул я. — Все готовы? Отлично. Итак, раз, два, три!

Все принялись дуть, как сумасшедшие. Набирали как можно больше воздуха в лёгкие, надували щёки и изо всех сил вдували этот воздух в камеру. Некоторые побагровели от натуги и, казалось, вот-вот лопнут.

С самого начала было ясно, что всего быстрее будут надуты велосипедные камеры, но мне и не снилось, что это произойдёт мгновенно. Едва началось соревнование, как прогремел чей-то бас:

— Готово!

— Кто сказал «готово»? — осведомился я.

— Я, — прогудел бас.

Я глянул туда, откуда доносился голос, и всё сразу стало ясно. Бас принадлежал огромному уважаемому виду слону. Если ко всему прочему принять во внимание, что он надувал велосипедную камеру, то ничего удивительного, что он оказался первым. Чтоб надутая камера стала твёрже кремня, ему хватило вздоха, какое там, всего четверти вздоха оказалось достаточно.

Сработано было чисто. Не оставалось ничего другого, как только сказать:

— Поздравляю. Вы победитель в классе велосипедных камер.

Остальные меж тем дули и дули напропалую. В тишине, которая воцарилась над поляной, слы-

шалось лишь шипение вдуваемого в ниппели воздуха. Камеры увеличивались в размерах, медленно, но неуклонно разбухая.

Моя жена, чтоб не создавать помех участникам соревнования, перестала нажимать на сигнал. Она подошла ко мне и спросила:

— Слышишь, какой пронзительный свист?

— Слышу, — ответил я. — Ну и что?

— Наверно, кто-то из соревнующихся.

— Да, но кто?

— Хорошо бы выяснить.

— Попробуй.

Она прошлась вдоль шеренги участников и вскоре вернулась.

— Один такой зверь, не очень большой. Приехал сюда с гор. Суслик. Говорят, фамилия у него Свистун.

— Да, да, знакомая фамилия, — отозвался я. — У тех, которые так свищут, глотка на уровне. Может и победить.

— Сомневаюсь, — покачала головой жена. — У него, по-моему, самая большая камера, то ли от экскаватора, то ли от чего-то еще. Он такую и в две недели не надует.

— Мы не виноваты, что он себе такую выбрал. Во всяком случае, Свистуна со счетов сбрасываем.

— В каком смысле сбрасываем?

— А в том смысле, что камера, в которую он дует, наверняка не от нашего Камилла.

— Ни малейшего сомнения, — согласилась со мной жена.

Над автомобильными камерами предстояло еще потрудиться, зато мотоциклетные были, я бы сказал, на подходе. «Еще небольшое усилие, — подумал я, — и мы получим победителя»

в очередном классе». Участники финишировали, если можно так выразиться, на последнем издыхании. Наконец послышался ликующий голос:

— У меня всё!

Этим счастливицом оказался тигр.

— Bravo!— воскликнул я.— Вы победитель в классе мотоциклетных камер. Может, желаете поделиться с нами какими-нибудь соображениями?

— С удовольствием,— отозвался тигр, щеря в улыбке свои великолепные зубы.

— Не расскажете ли нам, давно ли вы стали обладателем этой мотоциклетной камеры?

— С позавчерашнего дня. Она досталась мне по чистой случайности.

— Наверняка сожрал мотоциклиста,— шепнула мне жена, которая, надо сказать, отличается порой излишней мнительностью.

По телу у меня невольно прошла дрожь, но, не подав вида, я громко крикнул:

— Привет нашему второму победителю!

Мой крик тотчас подхватили, а тигр принялся раскланиваться во все стороны.

— Он с трудом сгибается,— стояла на своем моя жена.— Посмотри, посмотри... Наверняка там в желудке мотоциклист.

— Это уж ты слишком... Кто станет питаться в отпуске мотоциклистами? В отпуске едят клубнику, мороженое, черничные вареники, но никак не мотоциклистов. Мотоциклиста трудно переварить, особенно в наши дни из-за этих шлемов...

Но времени на разговоры было в обрез, так как близился финиш автомобильных камер, а они-то, как вы знаете, интересовали меня в первую очередь.

Тишины уже не существовало. Под оглушитель-

ные крики публики состязание близилось к концу. Казалось, взять приз предстояло носорогу, но перед последним, решающим выдохом, который должен был принести ему победу, он так неловко коснулся камеры своим рогом, что расположил её чуть ли не надвое, и из пробоины вышел мгновенно весь воздух, с такими усилиями туда вдутый. Происшествия на финише в спорте не редкость. Ничего не поделаешь.

При случае я бросил внимательный взгляд на камеру. Не наша.

Трагедия носорога облегчила победу бобру. Поздравив его с успехом, я убедился, что бобёр дул в нашу камеру. Разумеется, это польстило моему самолюбию, но вместе с тем в груди шевельнулось нехорошее чувство.

— Камера у вас изумительная, — сказал я бобру.

— Нет, правда? — обрадовался победитель. Я вижу, вы в этом деле знаток.

— Да, пожалуй... — улыбнулся я двусмысленной улыбкой и одновременно кивнул жене, подзывая её поближе. — Любопытно, где вы её раздобыли? — спросил я у бобра.

— В море...

— Вот не знал, что в море есть склад с автомобильными камерами...

— Какой там склад! Она просто плавала на волнах. Я обнаружил её сегодня во время вечернего купания, — невозмутимо пояснил бобёр. — Впрочем, она была не одна, она плавала в обществе подруги. Точно такой же камеры.

— И где же теперь эта её подруга? — спросил я, волнуясь всё больше и больше.

— Жена выловила её и забрала с собой. Вон сидит на ней. Боится простыть.

— А третьей камеры вам не попадалось?

Но ответа так и не последовало. Раздался оглушительный грохот, и ослепительная молния озарила поляну таким светом, словно вспыхнули миллионы бенгальских огней. В ту же секунду хлынул ливень. Все мгновенно разбежались. Костёр, зашипев, погас, а мы с женой бросились рысью к палатке.

У самого входа спал Тютюра. Мы впихнули его как можно глубже в угол, чтоб он не притянул своими иглами, как громоотводом, какую-нибудь случайную молнию.

После этой первой столь потрясающей и никем не ожидаемой молнии на поляне воцарился мрак. Фары Камилла уже во время второго конкурса начали понемногу тускнеть, а теперь и вовсе погасли.

— Почему они не горят? — с беспокойством спросила моя жена. — Не ударила ли в Камилла случайно молния?

— Чепуха, — ответил я, — молнии никогда не бьют в автомобили. Не могу объяснить, чем, собственно, это вызвано, но суть, вероятно, в каком-то законе физики. Машина молний не притягивает.

— Я знаю, — ответила жена. — Знаю. Такой закон существует, но действует, по-моему, только тогда, когда на колёса надеты покрышки. Ведь резина — это изолятор, не так ли?

Скажу откровенно, здорово она это изложила. Можно сказать, посрамила меня. Я глянул на жену с изумлением.

— В самом деле, — подтвердил я, — не исключено, что ты права. Может, именно из-за покрышек автомобиль защищён от молний. Но это значит, что Камилл сейчас беззащитен. Хотя

скажу: не от молнии погасли фары Камилла. Да и молния ударила далеко вато.

— Почему же так темно? Почему не горят фары?

— Это из-за тебя, моя дорогая, из-за тебя.

— Из-за меня? — поразилась жена.

— Да, да, из-за этого твоего музицирования.

— Какого музицирования?

— А кто без конца жал на сигнал, кто веселил всех? Кто выдумал этот «Костёр при сигнале»?

— Не вижу никакой связи.

— А я вижу. Дело в аккумуляторе. Аккумулятор Камилла и так был не в блестящем состоянии, а теперь эта игра на сигнале и полный свет на фарах его прикончили. Аккумулятора у нас уже нету.

— Как же нам завтра ехать?

— Представления не имею. Нет аккумулятора, нет камер, нет ещё многого другого, но проверить уже невозможно, потому что, во-первых, дождь как из ведра, а, во-вторых, никакого освещения у нас нету.

— Фонарика тоже нет?

— Нет. Я оставил его где-то у костра.

— Славная история.

Мы сидели, скрючившись, на матрасах и слушали в страхе, как потоки воды с шумом обрушиваются над нашими головами на полотняный верх палатки и со стремительностью Ниагары стекают на землю. Ситуация казалась безнадёжной.

И вдруг в палатке стало светло как днём. Это ещё одна молния разрежала небеса, озарив всё вокруг. Потом вновь наступила темнота, но в ту долю секунды, пока сиял свет, моя жена заметила лежащую сбоку на матрасе бумажку. Кто-

то, несомненно, её подбросил, потому что в тот момент, когда мы уходили, записки там не было.

— Любопытно, что это за бумажка? — сказала жена.

— Возьми её в руку, держи и не выпускай.

— А что при этом изменится? Мне её в темноте всё равно не прочесть.

— Неважно. Держи перед глазами. Как только сверкнёт следующая молния, что-нибудь да прочтёшь.

Создалось нелепое положение. Мы с надеждой ждали очередной молнии. А ведь обычно бывает не так — люди боятся, как правило, грозы.

— Что за порядочки, — заворчал я. — Безобразие! Так долго никакой молнии! Что у них там в небесах стряслось? Две молнии и всё? И это называется гроза? Надо будет написать в газету.

Едва я это сказал, как тут же сверкнуло, загремело со страшной силой, и мы затаили дыхание.

— Скорей читай! — крикнул я.

— «Ува-жа-емые гра-жда-не...» — забормотала жена.

— Да ты скорее, скорее... Вот тебе и на! Молния кончилась.

В самом деле, молния, хоть и сияла на этот раз долго, закончила своё существование столь же внезапно, как её предшественница, и вновь стало темно, будто в подземелье.

— Тебе кажется, что всё просто, — стала оправдываться жена. — А записка нацарапана каракулями, словно писал малограмотный. И вспышка всего секунду. Не расчитаешься...

Трудно было не согласиться.

— В таком случае сиди наготове. В любой момент может сверкнуть следующая.

Гроза, к счастью, шла прямо на нас, и молнии над нашими головами сверкали всё чаще, заливая своим золотистым сиянием внутренность палатки. Моя жена показала себя с наилучшей стороны. Она прочитывала теперь таинственную записку, можно сказать, с опережением по графику. Каждая вспышка — и ещё несколько слов, вырванных, не побоюсь этого выражения, из бездны мрака.

— «При-ди-те, по-жа-луй-ста...» — разбирала по складам жена.

— Ну вот. Куда прийти, во сколько? — я дрожал как в лихорадке.

— Я не успела. Молния уже кончилась.

Но в тучах вспыхнула следующая.

— «В двад-цать...» — прочитала при её свете моя жена.

— Так-так, значит, в восемь часов вечера.

— Не уверена, там дальше есть, кажется, что-то ещё. Ну да, — продолжала она, когда вновь вспыхнула молния. — «В двадцать один час...».

— Так-так... В девять.

— «Бу-ду ждать в ка-фе на мо-ле».

— Какая тебе ещё моль? — Меня это не на шутку рассердило. — Моли в отпускное время сидят в городе, у них там по шкафам полно работы.

— Да тут речь вовсе не о моли, а о моле. Такое сооружение, которое вдаётся в море. Где-то там должен быть ресторан. «В ва-ших соб-ствен-ных...»

— Что в ваших собственных?

— Ещё не знаю. Придется ждать следующей молнии. Ага, есть. «Ин-те-ре-сах. Де-ло се-се...»

— Дело се! Дело се! — заговорил я сердито, потому что молния опять погасла.

— «Се-рьёз-ное, — закончила жена при сле-

дующей вспышке. — В бу-то-ньер-ке у ме-ня бу-дет под-сол-неч-ник».

— И это всё? — спросил я.

— Кажется, да, — ответила жена. — Вроде, есть ещё подпись. Потерпи капельку, проверю при следующей молнии.

Прошла минута, вновь сверкнуло, и она добавила:

— В самом деле, подпись.

— Какая?

— «Ка-мер-ный».

— Камерный?

— Да, Камерный.

— Любопытно. Что это, простое совпадение обстоятельств или же таинственное приглашение, связанное с пропажей наших камер?

— Не знаю, может, и так.

— Тогда надо пойти на встречу. Который час?

Я взглянул на часы. Светящиеся стрелки показывали полдевятого.

— Осталось полчаса, — заметил я. — Гроза пошла, похоже, на убыль.

В это время года грозы столь же внезапно начинаются, сколь внезапно стихают. Так произошло и с этой грозой. Дождь прекратился, молнии сверкали всё реже, гром урчал глуше и, наконец, утих где-то вдали.

Я надел резиновые сапоги и отправился искать фонарик. К счастью, он тут же нашёлся, я нажал на выключатель и — о чудо! — лампочка вспыхнула. Вода не попала вовнутрь и не повредила батареек. Я направил луч света на костер. Он уже угас, и над ним вился голубоватый дымок. Я обошёл вокруг костра и, к своему удивлению, обнаружил, что всюду валяются камеры, все надутые, одни немного, другие — почти полностью. Я без труда отыскал камеру бобра, а по-

том и её подругу — ту самую, на которой сидела бобриха. Но третьей камеры, столь необходимой, нигде не было.

Неудержимо ползущие вперёд стрелки часов побуждали нас к действию.

— Пошли на мол,— сказал я.

— Пошли,— отозвалась жена.— Вот только где он находится?

— Да уж, наверное, в море.

— Без сомнения. Но в какую сторону идти?

— Видишь, вон там как бы зарево. Не пойдут ли нам в ту сторону?

— Попробуем. Что мы при этом теряем?

Мы пересекли лес, дошли до пляжа, а потом направились берегом в сторону огней.

Так мы очутились у мола, в ярко освещённом центре необыкновенного курорта. Время приблизилось к девяти. На широких улицах, в кафе и в тенистых аллеях — всюду полно отдыхающих, однако лишь мы двое были людьми. Время от времени нас приветствовали знакомые — и по пляжу, и по костру. Да, мы не ощущали здесь себя чужаками.

У самого мола мы обнаружили построенный в современном стиле ресторан.

— Наверное, здесь,— предположил я.

— Наверное,— подтвердила моя жена.

Мы переступили порог.

Оркестр наигрывал какую-то весёлую мелодию, и на паркете было множество пар, оригинально составленных. Я умирал от смеха, глядя на танцевальные конвульсии дородного медведя рядом с убранной в свой серебристый мех ламой, наблюдая за отчаянием тапира, когда идущая с ним в паре кенгуриха бросала его, чтоб удивить мир своим австралийским подскоком. Увы, нам не дано было насладиться этим зре-

лицем. Мы пришли сюда с совсем иной целью.

— Ищи подсолнечник,— шепнул я жене.

— Я сама смотрю во все глаза,— отозвалась жена,— но пока ничего не вижу.

— Придётся пройтись вдоль столиков,— про-
бормотал я.

— Слушай, а что, если он пришёл намного
раньше нас, а?

— Какое это может иметь значение?

— А вот какое,— втолковывала мне жена.—
Представь себе, он пришёл задолго до нас
с этим своим подсолнечником и, не зная, как
убить время, стал со скуки выковыривать и луз-
гать семечки...

— Ну и фантазии у тебя,— не удержался я.

— А что, вполне обоснованные. Розу или, ска-
жем, гвоздику жевать не станешь, ну а подсол-
нечник? А раз он его подрастрепал, он уже не
оставит обгрызанный подсолнечник в бутонь-
ерке. Ты бы, например, оставил?

— Я без бутоньерки,— ответил я.— Я в спор-
тивной рубашке, а у спортивных рубашек бу-
тоньерок не бывает.

— Неважно,— прервала жена.— Ищем.

— Ищем.

Мы ходили от столика к столику, рассматри-
вая в особенности тех, кто сидел к нам спиной.
Но подсолнечника как не бывало.

— Я думаю, рост у него должен быть прилич-
ный,— сказала жена.

— Почему ты так считаешь?

— Будь он маленького роста, он не стал бы
вставлять в бутоньерку подсолнечник. Можешь
ты себе, например, представить хомяка с под-
солнечником в бутоньерке?

— Да, трудновато. обойдётся маргариткой или
незабудкой.

И вдруг жена схватила меня за руку.

— Видишь, там, в углу?

Я глянул в указанном направлении и увидел нечто рыжее, такое рыжее, что в глазах у меня зарябило. В бутоньерке у рыжего субъекта красовался огромных размеров подсолнечник.

Мы подошли к столу.

Завидев нас, рыжий сорвался с места, зашаркал ногами, как офицер австрийской кавалерии, запрыгал и, кланяясь, произнёс:

— Рад вас приветствовать! Я был уверен — вы придёте! Разрешите представиться: Камерный.

Едва мы уселись, как наш новый знакомец, подкрутив рыжий ус, спросил:

— Что прикажете заказать?

Мы взглянули друг на друга и в ту же секунду поняли, как здорово мы проголодались. С самого завтрака во рту — ни крошки. Да, случается, что во время отпуска, наслаждаясь летом и радостями погоды, вы забываете о пище. Но рано или поздно аппетит берёт своё.

— Мы с удовольствием перекусим,— отозвался я.

Камерный протянул моей жене меню. Пробежав его глазами, она сказала:

— Мне бы хотелось цыплёнка табака, а тебе?

Я не такой уж поклонник этого блюда, но чтоб не создавать повару трудностей, я ответил:

— Ладно, и мне цыплёнка.

Щёлкнув пальцами, Камерный подозвал официанта. Переваливаясь с боку на бок, к нашему столику характерной походочкой подкатился официант. Это был рослый пожилой пингвин. В своём вечернем чёрно-белом туалете он выглядел импозантно.

— Слушаю,— сказал он, склонив набок голову и с любопытством на нас поглядывая.

— Пожалуйста, три цыплёнка табака,— сказал Камерный.— Только чтоб были как следует ощипаны!

— Можете не беспокоиться. У нас ощиплют что надо.

Официант исчез, а Камерный, понизив голос, заметил:

— Я полагаю, вы уже догадались, с какой именно целью я назначил вам здесь свидание.

Мы оба закивали головами.

— Лично я ни за что не хотел бы оказаться на вашем месте. Что может быть хуже непригодной к употреблению машины?

— Верно,— согласился я с нашим новым знакомцем,— тем более что речь идёт всего лишь о какой-то дурацкой камере.

— Ну не такая уж она дурацкая,— возразил Камерный.— Без этой камеры вы далеко не уедете.

Наступило тягостное молчание, которое прервал в конце концов наш новый знакомый:

— Не будем тратьте попусту времени. Я изложу суть дела. Мне известно, где находится эта камера.

— Где?— воскликнули мы с женой.

— О, совсем близко. Она в целости и сохранности, можете быть спокойны.

— Прошу вас, скажите где, мы пойдём и возьмём её,— загорячилась жена.

— О, это не так просто!— отозвался наш рыжий приятель.

— Вас, вероятно, интересует вознаграждение?— поинтересовался я не слишком любезно.

— Вы угадали.

— Сколько?— спросил я резко.

— О, дело не в деньгах.

— Тогда в чём же?

— Речь идёт об услуге.

— Мы можем оказать вам какую-то услугу?

— Вот именно. Вы мне услугу, и я вам тоже.

Услуга за услугу.

— Что ж это за услуга?

— Так, ерунда, пустячок...

— Ну а конкретно?— стал настаивать я.

— Конкретно... конкретно...— забормотал наш собеседник.— Конкретно это... Как бы это сказать... Речь идёт об автостопе.

— Забрать вас автостопом?

— Вот именно.

— Куда?

— О, это безразлично. Лишь бы покинуть это место.

— Вам здесь наскучило?

— Ещё бы! Торчу здесь уже почти полгода.

— Отчего же не уезжаете?

— Не пускают. Я тут выдающаяся личность. Чуть приезжает новая смена, начинают требовать, чтоб я их развлекал. Скажу по секрету, моя фамилия вовсе не Камерный. Я написал так только для того, чтоб вы скорее сюда явились. Я иллюзионист и совершаю трюки, которые здешняя публика обожает. Потому-то за мной и следят, но я не могу больше видеть этого моря, этого леса, этого мола, ресторана...

— Здесь так очаровательно!— не утерпела моя жена.

— Разве я спорю?— заметил Камерный.— Но и очарование может приестся.

Этот важный разговор был прерван официантом-пингином, который явился с заказанными цыплятами.

Выглядели они великолепно: с золотистой ко-

рочкой, подрумяненные, а потрясающий запах сам собой проникал в ваше нутро.

Перед каждым из нас пингвин поставил тарелку с жареным цыплёнком. Гарниром служил картофель во фритюре и тёмно-красная салатная капуста, искусно разложенная вдоль поджаристого крылышка.

Не теряя ни секунды, мы схватились за ножи и вилки.

Ещё мгновение, и лезвия вонзились бы в аппетитную корочку этого лакомого блюда, как вдруг у нас на глазах цыплята стали молниеносно обрастать перьями. Едва они обросли перьями, как появились головы, гребни, шпоры, когти. Они ожили, зашевелились и, весело кудахтая, принялись копать каждый в своей тарелке.

Мы с женой онемели от ужаса. Взглянули на нашего соседа. А у того плясали в глазах искорки смеха.

— Я люблю их больше именно в таком виде,— заметил он.— Этим ещё повезло, что я не голодный. Не то я б их всех съел.

И, обратясь к официанту, добавил:

— И это вы называете хорошо ошипанными цыплятами? Прошу немедленно отослать их повару.

Официант-пингвин стоял поодаль и только качал головой.

— Ох, дорогой лис, уж если вы отмочите какую шутку...

Когда пингвин с кудахтающими и трепыхающимися цыплятами исчез на кухне, лис, улыбаясь от удовольствия, поднялся со стула и сказал:

— Извините, я только на минуту. Пойду и

позвоню. Распоряжусь, чтоб камеру прислали мне телефонным способом...

— Телефонным?— удивился я.— Разве можно прислать что-то телефонным способом?

— Можно. Если не верите, прошу со мной,— предложил мне лис.

— Что же,— откликнулся я.— Схожу с удовольствием.

По дороге в гардероб, где находился телефон, я внимательно разглядывал иллюзиониста. Надо же, как это я клюнул на этого Камерного? А ведь с первого взгляда видно: лиса лисой.

Да и потом вся эта его не поддающаяся сомнению рыжина.

Лис снял трубку, набрал номер и минуту спустя сказал:

— Китя? Это Фуня. Возьми в кармашке моего старого жилетика ключ от буфета. Там, на третьей полке справа, найдёшь ключ от письменного стола. Открой стол и в левом тайнике обнаружишь ключик на розовой ленточке. Открой им копилку, там несколько монеток и ключ от всячего замка в подвале. Спустись вниз, отпри подвал и в углу под картошкой ты нащупаешь ключ от сейфа, который стоит у тебя в комнате под портретом твоего дедушки-песца. Открой сейф, на верхней полке — автомобильная камера. Возьми и немедленно пришли телефонным способом. Я буду у аппарата.

Всё услышанное меня ошеломило. Думаю, впрочем, на кого угодно это произвело бы сильнейшее впечатление. Какая bestия, как он всё устроил!

А лис стоял у стены и, равнодушно уставясь на телефон, погрузился в ожидание.

— У вас здесь квартира?— осведомился я.

— Откуда!— возразил он.— Я живу у сестры.

— У сестры Кити?

— Да.

— Отчего же не в гостинице или не в пансионате?

— Не люблю. Домашняя атмосфера мне ближе. Что может быть лучше семейной норы?

— Здорово вы потрудились, пока прятали эту камеру.

— Я не имел права рисковать. Вся моя надежда, вы понимаете...

Тут он замолк и стал прислушиваться.

— Ты готова? Отлично. Начинай передачу.

Он жёстко извинился и прервал наш разговор, а я, не веря собственным глазам, стал наблюдать, как из телефонной трубки понемногу что-то вылезает. Не было никаких сомнений: оттуда с величайшим трудом вытискивается моя автомобильная камера.

Передача отняла много времени. До сих пор для меня остаётся загадкой, на каком принципе основывалась эта операция, но факт остаётся фактом: примерно через четверть часа вся камера вылезла из телефонной трубки.

Лис тут же мне её вручил со словами:

— Будьте любезны. Теперь у вас комплект.

Мы возвратились к столику. Жена тем временем заказала оладьи и уже почти справилась со своей порцией.

— Я хотела заказать свиную отбивную, но решила воздержаться. А вдруг, думаю,— сказала моя жена,— отбивная прямо на тарелке превратится в свинью. Да ещё завизжит. О, я вижу, у тебя камера...

— Да,— ответил я,— у меня камера.

— Где ты её раздобыл?

— Её передали телефонным способом.

— Телефонным способом? Не может быть!

— Очень даже может. Я видел собственными глазами.

— Ты надо мной издеваешься.

— Отнюдь.

— Всё равно я тебе не верю.

— Но я клянусь, клянусь... Если тебя интересуют технические детали, спроси у нашего друга... Он даст профессиональные объяснения.

Лис откашлялся, глянул глубоким взором моей жене в глаза и сказал:

— Ни о каких технических деталях пока не может быть речи. Изобретение находится в стадии испытания и строго засекречено.

— Всё ли возможно пересылать телефонным способом?

— В будущем телефонным способом можно будет переслать любую вещь,— уклончиво ответил лис.

— А сейчас?— не отступалась жена.

— А сейчас? Сейчас только некоторые, наиболее, так сказать, растяжимые.

— И вы изобретатель этого способа?

— Да, я,— не без самодовольства подтвердил наш рыжий знакомец, и в хитрых глазках промелькнуло удовлетворение.

Радость, испытанная в связи с находкой камеры, не позволяла мне раздумывать над необъятными возможностями этого изобретения. Хотелось как можно скорее вернуться в палатку, выспаться, чтобы с рассветом приступить к монтажке колёс. У меня даже аппетит пропал.

Я показал знаком жене, что пора уходить. Она кивнула в ответ.

— Очень приятно было провести время в вашем обществе,— сказал я, поднимаясь со стула,— но нам пора.

— Как? Вы уже уходите?

— Завтра нам в дорогу,— пояснила жена,—

а день, знаете ли, был сегодня у нас необыкновенный и, я бы сказала, утомительный.

— Понимаю,— отозвался на это лис.— Очень даже понимаю. Однако своим уходом вы сильно меня огорчите. Тем более что настоящая забава только ещё начинается.

— Мне кажется, публика и без того неплохо развлекается.

Оркестр и в самом деле играл с необычайным азартом, а единственная в своём роде толпа танцоров безумствовала на паркете. Плясали под модную песенку, знакомую нам по пляжу:

Сегодня знает свет
Об этой личной драме,
Мой лоб во цвете лет
Украшен был рогами.

Более всего неистовствовали, разумеется, юные козочки, вертевшиеся в танце с бородатыми козликами. Время от времени в толпе мелькал и кое-кто из павианчиков, тех самых, с которыми я сегодня купался.

В какой-то момент мне даже показалось, что один из них иронически улыбнулся, заметив зажатую у меня в руке камеру. Она была, конечно, изрядно помята вследствие передачи её по телефону, но оказалась тем не менее в полном порядке. Я не понял, что, собственно, означала эта его ироническая усмешка.

Наш официант, пингвин, видя, что мы собираемся уходить, подскочил к столику.

— Сколько с нас за оладьи?— спросил я.

— Вы ничего-ничего не платите,— ответил, низко кланяясь, официант.

— То есть как ничего?— поразился я. Такое происходило со мной впервые.

— Вы ничего не платите, абсолютно ничего,— заволновался пингвин и, достав блокнот, стал писать какие-то цифры.

— Тем не менее я всё-таки попросил бы счёт.

— Одну секундочку,— отозвался пингвин.— Секундочку. Вот, пожалуйста!

И протянул мне листок бумаги с нацарапанными на нём каракулями.

— 4 у, 2 с, 9 ч,— прочитал я.— Что это такое?

— Это итог,— любезно пояснил официант.

— В каком смысле?

— В нашем.

— Но что это значит?

— Это значит в нашей валюте. Она имеет хождение на нашей территории. Счёт за съеденные вашей высокочтимой супругой оладьи равен 4 у, 2 с, 9 ч, или, иначе говоря, четырём удодам, двум снегирям и девяти чижикам.

— Удоды... снегири... чижики...— пробормотала жена.— Так ведь это же птицы!

— Весьма возможно,— поспешил согласиться официант, который был хорошо воспитан и считал, что клиент всегда прав.— Весьма возможно. Но это прежде всего наша валюта.

— Откуда ж мне взять такие диковинные деньги?— воскликнул я, не на шутку взволнованный, опасаясь, что произойдёт конфуз: воспользовался услугами ресторана, и вдруг выяснилось, что не в состоянии заплатить по счёту. Получается, что ты аферист.

— Да вы не волнуйтесь,— принялся успокаивать меня официант.— Не вы должны мне платить, а я вам.

— Вы мне? Но за что?— спросил я вне себя от удивления.

— То есть как за что? За оладьи.

— Так ведь оладьи съела моя жена.

— Вот именно,— подхватил официант.— Ваша жена оказала нам честь, съев наши оладьи. За это ей причитается вознаграждение. Принцип

нашей фирмы заключается в следующем: если кто-то что-то у нас съел, он должен запомнить это на всю жизнь.

— Должна признаться, оладьи были потрясающие, — заметила моя жена. — Уж не упомню, ела ли я когда-нибудь такие оладьи!

— Вот видите! — радостно воскликнул официант и, достав объёмистый кожаный кошелёк, принялся отсчитывать названную сумму. — Вот вам: 4 у, 2 с, 9 ч. Жаль только, что заказали такое скромное блюдо. Потому и счёт небольшой. Но мы надеемся, в следующий раз...

— Я этих денег не возьму! — воскликнул я, считая, что тут затронута моя честь.

Лис, слушавший до сих пор с улыбкой весь наш разговор, стал вдруг очень серьёзен.

— Ни в коем случае не спорьте! — раздался в моём ухе его свистящий шёпот. — Это будет тяжёлое оскорбление. Ещё неизвестно, чем всё это кончится.

— Вы полагаете?..

— Да. Спрячьте, пожалуйста, немедленно деньги.

Поняв, что иного выхода нет, я собрал положенные на столик монетки и сунул в карман.

Официант был на седьмом небе от счастья и заулыбался, а затем, отвесив на прощание низкий поклон, ушёл всё той же походочкой в глубину зала.

Мы встали и направились к двери.

— Жаль, что вы уже уходите, — твердил лис. — В самом деле жаль. — Только сейчас, как я уже говорил, — начинается самое интересное. Такой забавы вы наверняка ещё не видали.

— А какая забава? — осведомилась моя жена, которая всегда была почему-то любопытнее меня.

— Игра в апельсины.

— В апельсины?

— Да. Апельсины — тут самое главное. Ровно в полночь официанты вносят вазы с апельсинами и ставят на каждый столик. Апельсины начинают перепархивать со столика на столик, и воздух становится совершенно оранжевый. Рыжий-рыжий...

— В самом деле, это, должно быть, захватывающее зрелище! — согласился я. — Но ведь нам завтра вставать в такую рань...

— Понимаю, понимаю и не настаиваю, — отозвался лис и затем, когда мы вышли из ресторана, понизив голос, добавил: — Вы во сколько собираетесь выехать?

— Да что-нибудь часов около двенадцати. Как только приведу в порядок машину.

— Прекрасно. Около восьми я появлюсь лично. Надеюсь, вы помните об уговоре?

— Ну естественно.

— На случай погони я переоденусь. До свиданья.

— Во что вы переоденетесь? — крикнули мы оба одновременно.

Но наш рыжий знакомец исчез. Растворился, как сказочное оранжевое облако.

Я проснулся чуть свет. Тотчас разбудил жену, и мы вдвоём взялись за работу. Из тех запасов, которыми мы ещё располагали, она принялась готовить завтрак, а я начал монтировать колёса.

Нет на свете более неблагодарной работы. Полагаю, что каждый, кому выпало хоть раз в жизни собирать разобранное автомобильное колесо, дал бы я не знаю что, чтоб только этим не заниматься. А тут предстояло смонтировать целых четыре колеса! Простите, я мог собрать и три,

забыл, что в багажнике у меня лежало в целости и сохранности запасное колесо. Но стоило ли отправляться в дальний путь, не имея запасного колеса? Исключено!

Я взял диск, натянул на него с одного боку покрышку, вложил вовнутрь камеру. Впереди было самое трудное. С помощью двух монтажных надо было надеть на диск другую половину покрышки. Раза два мне уже казалось, вот-вот, и всё в порядке, но что-то соскакивало, и приходилось начинать сначала. Наконец, не помню уже с какой попытки, всё-таки удалось! Покрышка села на место.

Жена тем временем приготовила завтрак, что очень меня взбодрило, хотя, разумеется, никаких лакомств там не было.

Подкрепившись, я вновь принялся за колёса. Каждое последующее требовало больше сил и нервов, чем предыдущее. Я терял терпение. Когда выяснилось, что с колёсами всё в порядке, я был такой усталый и мокрый, что с наслаждением начал бы отпуск снова.

Но не воображайте, что настал конец моим мучениям. Теперь, когда колёса были смонтированы, предстояло их ещё накачать. Ненакаченное автомобильное колесо ни на что не годится, разве что повесить на стену вместо украшения, если кому-то это, конечно, нравится.

Я извлёк из багажника свой старый верный ручной насос и с неопишуемым страданием на лице принялся накачивать камеры тем воздухом, без которого колёса не колёса.

Видя мои нечеловеческие страдания, жена сжалилась и, отыскав поблизости приличных размеров лопух, стала обмахивать меня, словно невольница-нубийка своего любимого фараона. Учтите, однако, что фараон, пока его обмахивали, сидел на троне из чистого золота и, как пра-

вило, ничего не делал, а я меж тем качал да качал до потери сознания.

Даже вылезший из палатки Тютюра, которого разбудило шипение насоса, присел поблизости и следил сочувственно за моей деятельностью. Он попытался даже мне помочь. Несколько раз пробовал сунуть свою мордочку в ниппель, чтобы дыхнуть вместе с насосом.

Около восьми всё было уже готово. Камилл стоял вновь на своих четырёх колёсах, зато я свалился под сосну, чтоб прийти в себя.

Две или три минуты мне суждено было лежать в покое, как вдруг прилетела большая пёстрая птица и, точно прилепившись к сосне, принялась стучать по стволу. Удары были то реже, то чаще, совсем как у радиотелеграфиста.

Моя жена, в прошлом харцерка¹, разбирается в азбуке Морзе, владеет как звуковой, так и световой сигнализацией. Услыхав этот стук, она тут же закричала:

— Слушай, он что-то сообщает.

— Кто?

— Ну дятел, который сидит у тебя над головой.

— Что именно?

— Минуточку, надо послушать внимательней.

— Ну так послушай и переведи мне, если что-то ещё помнишь.

— Конечно, помню,— ответила жена и обратилась вся в слух.

Ещё несколько ударов эхо разнесло по полю.

— Ну что он там говорит?— спросил я, заинтригованный.

— Он говорит: «Доброе утро, вот и я».

---

¹ Харцеры — скауты в современной Польше.

— Пока ничего особенного. Продолжай приём.

Дятел вновь долбанул несколько раз по стволу, а жена перевела:

— Говорит, что уже восемь.

Я взглянул на часы. В самом деле, восемь.

— Это и без него известно,— буркнул я, нимало этим не взволнованный.

Теперь постукивание шло без пауз.

— Он сообщает, что договаривался с нами на восемь и что явился без опоздания.

— Я с ним не договаривался,— бросил я угрюмо.

— И я тоже. Может, Тютюра?

— Сомневаюсь.

— Но он настаивает,— продолжала жена,— уверяет, что договорился.

— Это выше всякого понимания!— воскликнул я.— Я не только ни с каким дятлом не договаривался, больше того, у меня в жизни ни одного знакомого дятла не было. Не помню даже, чтоб у кого-то из родственников был знакомый дятел... Может, в твоей семье?

— Откуда!— запротестовала жена.— Я и слыхом не слыхала. А он всё долбит да долбит, что договаривался...

— Требуй разъяснений.

— Каким образом?

— Постучи так же, как он. Умеешь или не умеешь?

— Конечно, умею. Но ведь клюва у меня нету.

— Что правда, то правда,— согласился я.— Знаешь что, возьми из багажника молоток или клещи и постучи о ствол. Я думаю, этого будет достаточно.

Жена вынула из багажника молоток, и минуту спустя поляна огласилась двойным перестуком. Теперь это был уже разговор. Сперва слышался

молоток, стучавший внизу по стволу, затем сверху ему отвечал клюв.

Продолжалось так минут десять. Наконец моя жена, изрядно настучавшись, сказала:

— Ну, кажется, я всё выяснила. Ты знаешь, кто это?

— Понятия не имею,— ответил я, поскольку и в самом деле не имел ни малейшего понятия.

— Это наш вчерашний знакомец.

— Какой?— переспросил я, по-прежнему недоумевая.— Мы вчера перезнакомились с такой уймой всякого зверья... Но дятла я что-то не припомню.

— Это тот, самый последний, который достал нам четвёртую камеру... которого мы обещали взять автостопом. Ну, вспомнил или нет?

— Ещё бы!— воскликнул я,— но тот был совсем другой.

— Совершенно верно. Однако, прощаясь, он сказал, что переоденется.

— Переоденется?.. Но ведь это уже называется преобразиться, а не переодеться. Переодеться — это, скажем, надеть другой костюм, ну, приклеить бороду... Вот что значит переодеться. Женщина может переодеться мужчиной, ребёнок — стариком, волк — бабушкой, мельник — трубочистом. Всё это известно. Но здесь...

— Кто знает, может, это и есть высшее искусство переодевания, а? Впрочем, тебе-то что? Пусть с нами едет, раз так напрашивается. В виде птицы его и брать удобнее: займёт меньше места.

— Ладно,— ответил я, махнув рукой,— Мне всё равно. Постучи ему, что мы его забираем. Только пусть подождёт и посидит на сосне, пока я завожу машину.

Жена стукнула раз пятнадцать по дереву, сообщив дятлу моё решение. Это, по-видимому,

его удовлетворило. Он закивал мне в знак согласия своей маленькой головкой.

Время меж тем шло своим чередом. Вылезшее из дальних зарослей солнце стало взбираться по веткам сосен всё выше в прозрачно-голубое, очищенное от облаков утренним ветром небо.

— Пакуй вещи, — сказал я жене. — Пора.

— А как, интересно, ты сдвинешься с места, раз аккумулятор сел? — засомневалась не без причин жена.

— Попытаемся завести на ходу.

— Кто же, скажи, пожалуйста, нас будет толкать? Тютюра?

— Придётся сходить и поискать кого-нибудь, кто нам поможет. Лучше всего сходить тебе.

— Кто ж будет без меня паковаться?

— Не беспокойся. Я сделаю это в два счета, — заверил я.

Несколько привычных движений, и палатка лежала на земле. Я сложил её как полагается и затолкал в чехол. Потом выпустил воздух из матрасов, собрал всякую мелочь и впихнул в багажник баллончик с газом и переносную плитку.

Дятел беспрерывно что-то выстукивал, но, поскольку жена ушла, а сам я азбукой Морзе не владею, я до сих пор так и не выяснил, чего он мне там втолковывал. Во всяком случае, через каждые две-три минуты он спускался всё ниже, словно желая тем самым напомнить о моём обещании. В конце концов не постеснялся сесть на Камилла и принялся долбить клювом кузов.

Это было уж слишком. Терпеть не могу, когда ковыряют лак. Я отворил заднюю дверцу и пригласил его жестом в салон.

Там сидел уже Тютюра, готовый к дороге. Они только мельком взглянули друг на друга и молча

замерли каждый в своём углу. Именно так ведут себя путешественники в самом начале. Потом, по прошествии какого-то времени, атмосфера меняется, становится дружеской. Я знал об этом по опыту и был уверен: отчуждение исчезнет.

Жена не подкачала. Она явилась во главе огромной толпы отдыхающих. Все готовы были толкать наш автомобиль даже несколько километров подряд, пока двигатель не заведётся. Это представлялось им упоительным развлечением.

Кого только в этой толпе не было! Друзья по пляжу, приятели по ресторану, были те, кто знал нас просто в лицо, и те, кто был знаком с нами понаслышке. Явился даже кабан, с которым я не встречался со вчерашнего утра.

— С дорогой всё в порядке,— шепнул он мне, потёршись о меня боком.— Утрамбована. Можете быть спокойны.

Только сейчас мне пришло в голову, что, по его словам, вскоре после нашего приезда дорога на поляну была перекопана, чтобы не выпустить нас отсюда. Но времени на размышления у меня не оставалось, потому что жена кричала:

— Ты только посмотри, какая любезность! Все пришли нам помочь! Сумеешь ли ты хоть как-то отблагодарить их за это?

— В самом деле,— заметил я со смущением,— какие у нас для этого возможности?.. Что бы такое придумать...

— А я знаю! Возьми фотоаппарат и сделай общий снимок. Всем на память!

— А что? Прекрасная мысль!— поддержала жирафа.

— Да, да, да, сфотографируйте нас, пожалуйста!— пробасил лев.

— Восхитительно!— принялась твердить зебра,— восхитительно!

— Фо-то-гра-фия!— стали скандировать все.— Да здравствует фо-то-гра-фия!

Я достал из рюкзака аппарат. К счастью, я недавно вставил в него новую плёнку. На ней было не более двух снимков.

— Прошу сгруппироваться,— сказал я.— Может быть, лучше всего вокруг машины.

Все с готовностью заняли места, а я отошёл немного назад, так, чтобы вместить всех желающих в кадр. Глянул в видоискатель, навёл на резкость, проверил, всё ли в порядке.

Композиция была отличная. В центре находился Камилл, вокруг Камилла наши гости, среди них моя жена, и всё в обрамлении высоких сосен. Освещение прекрасное. Не оставалось ни малейшего сомнения, что и снимок получится великолепный.

— Внимание!— сказал я.— Не шевелиться! И щёлкнул.

— Спасибо,— сказал я зверям.— Надеюсь, фотография будет удачной.

По толпе, как это всегда бывает в таких случаях, пронёсся вздох удовлетворения, а моя жена, взглянув на часы, заметила:

— Было очень приятно, но пора. Можно уже садиться?

— Разумеется!!!— гаркнула толпа, напирая со всех сторон на машину.— Уж мы толканём!

Я отвесил прощальный поклон и сел за баранку. Рядом устроилась жена. Хлопнули дверцы. Я выжал сцепление и включил первую скорость.

— Начинайте, прошу!— крикнул я, высунувшись в окно.

Толпа поднажала. Камилл покатился по полю, сперва медленно, потом всё быстрее и быстрее. Я включил зажигание и, когда те, кто толкал, разогнались почти до бега, рывком отпустил

сцепление. В двигателе у Камилла что-то забулькала, и он отозвался ровным, привычным стуком.

Мы были спасены.

На прощание мы не менее трёх раз объехали поляну и без четверти одиннадцать очутились на той самой просеке, по которой прибыли в этот лес. Звери дружески нам махали.

— Счастливого пути! Счастливого пути! Счастливого пути!

В конце концов всё стихло, слышался лишь шум двигателя да скрип амортизаторов на ухабах.

Прежде чем свернуть на автостраду, я остановился.

— Где у тебя эта карта?— спросил я у жены.

Та протянула руку назад и без слова подала мне карту.

— Надо выяснить, правильно ли мы едем,— заметил я.— Сейчас, сейчас, дай-ка посмотрю... Ага, вот автострада... Вот боковая дорога... А вот пятно... Представь себе, из пятна мы уже выехали.

— Выехали из пятна?

— Да. Только что. Сию минуту.

— Всё это так похоже на сон. Хорошо, что ты сделал перед отъездом снимок. По крайней мере останется что-то на память от приключения.

Я сидел, запершись в своей тёмной фотографической камере, и всматривался в только что проявленную фотографию. Там была поляна, высокие деревья, был наш Камилл, и... всё. Ни намёка на яркую, я бы даже сказал, многоцветную толпу зверей. Не было даже моей жены, которая там среди них стояла. Просто поляна, деревья и машина. Самая что ни на есть заурядная фо-

тография, какие делают сотнями тысяч каждое лето в отпуске досужие туристы.

Может, я плохо проявил? Недодержал снимок в проявителе? Может, ещё какая ошибка?

И я решил попробовать ещё раз. «Подержу подольше в проявителе,— подумал я,— вот тогда всё и увижу».

Увы! Я пробовал несколько раз подряд. Но чем дольше держал снимок в проявителе, тем больше он чернел, и в конце концов изображение исчезало. Ни поляны, ни деревьев, ни Камилла.

«Такое впечатление,— пробурчал я,— будто этого приключения в пятне так и не было. Но ведь это же невозможно! Я всё отлично помню, всякую подробность... А на фотографии — ничего. Ну совсем ничего. Удивительная история. Может, не изобрели пока проявителя на волшебство? Впрочем, было ли волшебство?»

Жена, отдавая в стирку мой летний костюм, обнаружила в кармане брюк пятнадцать странных, не наших монеток.

— Это что ещё за деньги?— спросила она.

Я глянул на пятнадцать маленьких металлических кружочков, и мне сразу вспомнились оладьи в ресторане около мола.

— Это за твои оладьи,— пояснил я.— Те самые 4 у, 2 с и 9 ч.

— Глупости какие!— оторопела жена.— Это старинные монеты, оставшиеся от дедушки.

«Монеты от дедушки... А стук в соседней комнате? Тоже от дедушки? Ничего подобного. Так стучать может только дятел. Этот дятел приехал с нами оттуда, из Пятна. Хоть, может, это и в самом деле долбит не дятел, а стучит на пишущей машинке моя жена, которая перепечатывает эту книжку? Нет, правда, я и сам не знаю, как разобраться во всей этой истории...»

СОДЕРЖАНИЕ

3

Фердинанд Великолепный

133

Проснись, Фердинанд!

259

Послушай-ка, слон...

407

Звери в отпуске

Для младшего школьного возраста

КЕРН Людвик Ежи

ФЕРДИНАНД ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Повести-сказки

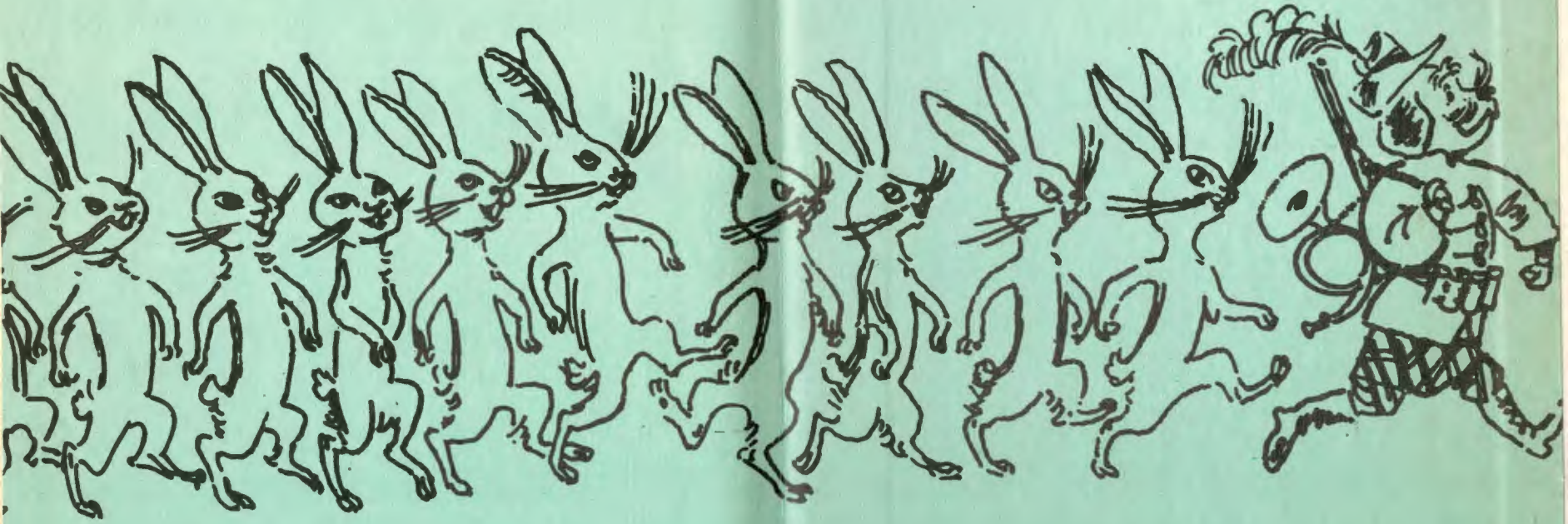
Заведующий редакцией *А. И. Белинский*. Художественный редактор *А. К. Тимошевский*. Технический редактор *И. В. Бuzдалева*. Корректор *М. В. Иванова*.

ИБ № 5138

Сдано в набор 24.05.90. Подписано к печати 21.11.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарн. тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт. 27,72. Уч.-изд. л. 21,02. Тираж 100 000 экз. Заказ № 479. Цена 1 р. 60 к. Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата. 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

10

1 р. 60 к.

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Приобретая эту книгу, ты становишься участником доброго дела — помогаешь детям, оставшимся без родителей, детям, которые нуждаются в особой помощи общества, то есть помощи каждого из нас.

Цена этой книги складывается из двух частей: основного номинала (1 р. 10 коп.) и дополнительной цены (50 к.). Дополнительная цена будет переведена в качестве взноса в Советский детский фонд имени В. И. Ленина. О расходовании этих средств Детский фонд будет регулярно оповещать читателей в периодической печати.

Дети — самое большое богатство страны.

Забота о счастье детей — наша общая забота!

*Ленинградское отделение
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина*

Людвик Ежи Керн

